SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто — ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью. Еще и в школу надо идти.

- Angel Delacruz
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Послесловие

Angel Delacruz
Варлорд. Драго

Глава 1

Рука выглядела совершенно обычной. И, разглядывая новую бионическую деталь собственного организма, я даже поднял вторую руку, сравнивая оригинал с копией.

Если бы самолично не присутствовал вчера на ритуале, когда Саманта (спасибо ей за помощь) нанесла завершающий удар, я бы не сказал уверенно, какая именно из рук здесь настоящая, а какая бионическая. Даже едва заметные светлые волоски на коже идентично выглядят — присмотрелся я.

Меня — в разрезе всего происшедшего, как в прошлой жизни обитателя иного мира, удивлял кроме прочего и уровень местных технологий. Ведь при всей внешней неотличимости в пользовании у меня сейчас оказался далеко не самый технологичный девайс из представленных на рынке аугментаций. Скорее, это был протез (если не знать о том, что над ним поколдовал Накамура) из серии третий сорт не брак.

Но даже этот недорогой (относительно более качественных) бионический протез, на мой взгляд, являлся самым настоящим чудом техники. Мало того, что искусственная рука неотличима от настоящей, так еще и возможностями превышает верхние значения усредненной оригинальной человеческой конечности. Подковы, по дефолтным настройкам, безостановочно гнуть не смогу, но даже с базовым программным обеспечением легко могу ломать что-нибудь. Палки там деревянные, кости… человеческие.

Весьма важное и нелишнее усиление организма.

Конечно, со своими средствами я мог себе позволить не просто аугментированный протез, а вырастить новую руку, но… новая маска, новые правила. Накладывающие определенные ограничения, не выходящие за рамки личности моей новой легенды ничем не примечательного политического беженца из Галицко-Волынского княжества.

Вздохнув, я посмотрел в иллюминатор, на поблескивающую далеко внизу водную гладь океана. И еще раз вздохнул. Вообще, когда тебе отрубают руку, ощущения… не очень приятные, так скажем. Особенно неприятно, когда это делает твоя невеста.

Не сказать, что я при этом получил непоправимую психологическую травму, но… Во время всего, уже семь часов продолжающегося, полета мысли постоянно соскакивали на совершенный нами с Самантой ритуал перемещения моего дара и части души в клинок кукри. Мои ментальные способности, позволяющие направлять мысли в любую сторону или даже вовсе включать состояние холодного разума, а также эмпатия ушли

вместе с даром, и выключить навязчивые мысли я не мог. При этом с тоской и содроганием вспоминал отнюдь не испытанную боль и чувство физической потери.

Самое страшное к восприятию было то, что я стал обычным человеком. Как по ментальным, так и по физическим возможностям. И это, по-настоящему опустошенное, состояние было гораздо, даже многажды хуже, чем ощущение от потери руки. И от потери вместе с ней подаренного богиней ножа кукри — который я, после Инициации, уже воспринимал неотъемлемой частью своего собственного тела. Правда, понял это только сейчас — когда лишился возможности в любой момент заставить смертоносный клинок послушно материализоваться в руке.

Осознание потери своих невероятных возможностей жалило даже сильнее, чем память боли, а невозможность выключить докучающие навязчивые мысли приятности моменту не добавляла. Плюс к тому, кроме раздрая в душе, опустошенное от стихийной энергии тело тянуло мерзкой слабостью, словно от накопленной после многочасового труда усталости.

Именно поэтому во время перелета я выбрал меньшее зло — сосредоточился на факте потери руки. А не на потере, добровольно-принудительной, дара владения стихией Огня, Демонического пламени, способностей к темным искусствам, а также усиленного восприятия эмпата.

Тем более пытался акцентировать внимание на потере руки, потому что прежнюю деталь организма заменил девайс, не то что не уступающий оригиналу, а значительно его превосходящий. И — в очередной раз не сдержал я невольного удивления, совершенно неотличимый. Потому что, отвлекаясь от мыслей об утере дара владения, я сейчас сосредоточился на сравнении ногтей. Заметив, что на ногтях пальцев протеза даже едва заметные заусенцы видны. Точь-в-точь как на моей второй, настоящей руке.

Пока изучающе смотрел на ногти, даже пробуя откусить один из заусенцев, двигатели самолета загудели иначе, и в пологом развороте снижения он лег на крыло. И в иллюминаторе все обозримое пространство полностью заняла изумрудная лазурь спокойной воды южного океана, а буквально через минуту показался пункт назначения.

Остров Занзибар, часть архипелага Занзибар у юго-восточного побережья Африки. Это если о географии.

Если о политике, то сейчас я видел отдельный город-остров, автономный дистрикт Занзибар — часть территории Танганьика, находящейся вне юрисдикции ООН. Огромного, самого большого в мире протектората, управляемого совместной администрацией

Британской и Германской Империй. Де-юре. Де-факто — находящейся под контролем транснациональных корпораций, часть которых действовала в интересах Британии, часть — в интересах Германской Империи, одного из локомотивов местного Европейского союза.

Самолет в пологом развороте со снижением выходил на взлетно-посадочную полосу. И под крылом уже довольно подробно можно было разглядеть немалых размеров остров. Шириной порядка двадцати километров, в длину — восьмидесяти. Воспринимать его масштабно, реально представляя расстояния, мне помогло сравнение с Санкт-Петербургом. Площадь у родного города — считая «пригородные» курортные и дворцовые районы, практически совпадает с островом.

Только Петербург границами согнулся дугой районов вокруг побережья Финского залива, а Занзибар — примерно равный по площади, более прямой, вытянутой формы. И, в отличие от зеленого пригородами и парками Петербурга, тропический остров в этом мире практически полностью застроен.

Занзибар в этом мире — это остров-мегаполис, превращенный в самый настоящий гигантский человейник. Лишь в нескольких местах на его побережье, где земля не накрыта асфальтом и постройками из бетона, стекла и железа, виднелась по-южному яркая зелень, а песчаные пляжи омывала бирюзовая вода, на которой в маринах покачивались многочисленные яхты.

Красивое — если смотреть издалека, и пропащее место.

В центре и на западном берегу острова, поднимаясь к южной его оконечности, полностью ее занимая, возвышаются кварталы небоскребов. Многочисленные здания, перевитые линиями монорельсов, забирающихся даже к последним этажам многочисленных башен. В северной и северо-восточной части острова — однотипные районы бетонных высоток, разделенные многоуровневыми магистралями, а ближе к берегу расположены «сточные районы» — трущобы, промышленные полигоны и мусорный город.

После Великой войны на карте мира, несмотря на мирные договоры стран-участниц, остались множественные спорные точки. Впоследствии практически все превращенные в протектораты стран и корпораций, будучи выведены из-под юрисдикции ООН. И протекторат Танганьика — одна из них.

«Пирог компромиссов», как его называли в дипломатических кругах Большой Четверки. Потому что во время сложных переговоров именно зоны влияния в Танганьике, огромной по территории части Африки, вот уже много лет были тем самым пирогом, от которого или британцы, или немцы могли себе

позволить отрезать часть, отдавая соперникам на съедение в виде компромисса.

В Египте, где я вместе с Валерой и прочей титулованной компанией фестивалил в Хургаде, тоже присутствовала совместная администрация — британо-французская. Но Египет был не территорией, а государством и имел свое правительство. А также Суэц, Некромикон и выращиваемую им морковку — что гарантировало стране относительно безбедное и цивилизованное существование.

Танганьике подобное не грозило. Дело в том, что почти по всей Африке территории, кроме протекторатов, в основном были поделены на колонии — по большей части французами, и британцами.

Немцы на континенте присутствовали лишь в Танганьике и, будучи ограничены мирными договорами Великой войны, стремились здесь закрепиться, превратив свои подконтрольные дистрикты протектората в образцовые территории. При этом ни британцам, ни французам продвижение немцев в Африке, мягко говоря, никакой выгоды не несло. Поэтому в Танганьике в других местах соперничающим британцам и французам африканскую экспансию немцев выгодно было совместно остановить и погасить на взлете.

Чем британцы, при поддержке французов, успешно и занимались. И весь огромный — вместе с материковыми территориями, протекторат Танганьика их усилиями стал за долгие годы соперничества колониальных держав настоящим воплощением Хаоса.

Глядя на увеличивающийся по мере снижения остров, я подумал о том, что нужно отличать архипелаг Занзибар и остров Занзибар. Архипелаг Занзибар — это география: семьдесят пять островов вдоль побережья Африки, в том числе три острова крупных — Занзибар, Пемба и Мафия.

Административное деление с географией не сходилось. Шестьдесят пять островов — дистрикт Архипелаг, туристическая зона в основном. Пемба и Мафия — также два одноименных дистрикта протектората Танганьика, каждому из которых принадлежали близлежащие острова. Все это — Архипелаг, Пемба и Мафия, были три дистрикта под совместным управлением британо-германской администрации.

Сам остров Занзибар, с несколькими небольшими островами-спутниками рядом, являлся «отдельным автономным дистриктом». Отдельным автономным он был потому, что управлялся только чиновниками британской администрации. Вернее, нет, не так. Чиновниками британской администрации

протектората отдельный автономный дистрикт практически не управлялся.

Если весь протекторат Танганьика был воплощением Хаоса в Африке, то остров Занзибар за последний десяток лет стал его квинтэссенцией. Британцы просто сделали из него сточную канаву, место ссылки неблагополучных элементов, кроме прочего разгружая пенитенциарную систему в своих благополучных колониях. Опыт у них был — по примеру действий с каторжными колониями в Австралии.

На Занзибар, после того как он в результате соглашения перешел полностью под контроль британцев, в последние годы отправлялись не только сидящие и уже отсидевшие уголовники. По соглашению, часто вместо наказания, сюда ехали проворовавшиеся чиновники, военные преступники, даже обычные бандиты — в том числе те, кто заслуживал смертной казни. Но вместо плахи они летели на человейник тропического острова потому, что, кроме преступлений, имели заслуги перед короной или вовсе свои преступления совершали в ее очевидных, пусть и не озвученных интересах.

Подобным образом по большей части возведенный в середине двадцатого века немцами город-остров, жемчужина восточного побережья Африки и когда-то самый крупный финансовый деловой центр, сейчас превратился в настоящую клоаку. Причем клоаку, ярко блестящую остатками былого благополучия. В момент моего прибытия являющуюся самым настоящим воплощением концепции «High Tech, Low Life».

Высокие технологии при низком уровне жизни. При низком уровне, если, конечно, брать среднее по палате, — подумал я, глядя на вознесенные на километр вверх над землей обширные площадки многоуровневых висячих садов в одном из комплексов небоскребов. Зеленые этажи, закрытые куполами, с благожелательным микроклиматом внутри и воссозданной природой почти полностью накрытого асфальтом и бетоном города-острова.

Наш приземляющийся самолет пролетел довольно близко от комплекса небоскребов, так что под одним из куполов я увидел огромный бассейн с искусственными волнами, которые покорял одинокий серфер. А на белом песке пляжа перед бассейном я заметил несколько загорающих в шезлонгах девушек.

Картинка комплекса небоскребов мелькнула и исчезла, а самолет, уже выходя на взлетно-посадочную полосу, прошел над береговыми районами трущоб Джанктауна — мусорного города, или просто Свалки.

Когда колеса коснулись бетона посадочной полосы и

загудели на реверсе двигатели, я выдохнул, как перед прыжком с высоты.

Еще немного, и начнем.

В первый раз я приходил в этот мир через парадный вход, попав сразу в высшее общество. Обладая огромным, просто невероятным потенциалом силы. Но при этом появился я словно в зоне тумана войны — совершенно не понимая, кто друг, кто враг и, собственно, что вообще вокруг меня происходит.

Но я справился. Поднялся до самой что ни на есть вершины Олимпа. Став элитой среди одаренных, самым настоящим homo deus, человеком божественным. Недостаток знаний при этом компенсировал огромной силой, которой я владел и повелевал.

Сейчас я, исчезнув как Артур Волков из прежней жизни на полгода, захожу в этот мир через черный ход. Не обладая ни прежней силой, ни даже тенью возможностей дара владения. Зато теперь со мной знания о природе происходящих вокруг вещей.

А еще, возможно, — думал я, сжимая и разжимая кулак своей новой, неотличимой от обычной бионической руки, для того чтобы стать элитой среди корпоратов, мне придется сделать шаг к тому, чтобы стать homo bionicus, человеком бионическим.

Этого, впрочем, мне совсем не хотелось — в прошлой жизни для меня зубной имплант-то был настоящим стрессом, а делать апгрейд всему телу… Нет, это определенно не тот путь самурая, который мне нужен.

Прокатившись по взлетно-посадочный полосе, самолет между тем сбросил скорость и довольно быстро подкатил к рукаву телескопического трапа. На выходе, уже в проходе рукава потоки пассажиров разделились. Настоящие люди, граждане, двигались вверх, на верхние этажи терминала аэропорта. Их в самолете летело не больше десяти человек, и располагались они в огороженной передней части салона. Остальным путь предстоял вниз. В буквальном смысле — телескопический трап был двойным, и сразу после выхода из самолета красная дорожка повела нас под уклон, в проход для таких, как я.

Такие, как я, — это про неграждан, если что. Которых в салоне самолета находилась большая часть. Впрочем, и во время полета, и во время выхода из салона все вели себя донельзя прилично. Аэропорт — зона повышенного контроля, нарваться на неприятности в связи с «несовместимым с нормами общественного порядка поведением» и потерять пункты социального рейтинга здесь очень и очень легко. А пункты социального рейтинга — это не просто так. Для человека нижнего сословия — это не просто комфорт существования, это вопрос выживания.

Через красный коридор проходов нижнего уровня идут неграждане. Унтерменши. Да-да, местами именно так здесь это и называется — протекторат Танганьика под совместным британо-германским управлением, и язык и местные термины здесь отличаются широким разнообразием. Слово «зимбабун», кстати, довольно широко известное в узких кругах в моем мире, тут тоже в ходу.

Двигаясь на выход одним из последних, не желая толкаться в узких проходах рамок, я по-прежнему думал о том, что сейчас захожу в этот мир с черного хода, но цель — озвученная Астеротом в его предложении, от которого нельзя отказаться, осталась прежней — взойти на самый Олимп. Только в этот раз взойти на самый Олимп, став элитой корпоратов. Получив право на…

— Give me your ID, — отвлекая от мыслей о глобальном, произнес сотрудник визового контроля, к будке которого меня вдруг довольно случайно вытолкнула смешавшаяся суетливая очередь.

Слово «пожалуйста», обязательное в обращении к гражданам, что характерно, он сейчас не произнес. Я же сразу протянул офицеру айди — белый пластиковый треугольник с цветной фотографией и черным выпуклым шрифтом на двух языках.

— What is the purpose of your visit to the Protectorate Tanganyika? — откинувшись в кресле, прокручивая между пальцами мой айди и даже не посмотрев на него, с ленцой поинтересовался визовый офицер.

Второй раз я самостоятельно и легально прибыл в протекторат, и второй раз я услышал дежурный вопрос — зачем я сюда приехал. И второй раз с трудом удержался от того, чтобы не ответить: «Конференция по новым компьютерным технологиям и защите компьютерных программ».

— Ай кайм ту Танганьика эс а политикал рефьюдж, — тщательно выговаривая слова, произнес я, глядя в маслянистые, чуть навыкате глаза визового офицера. Говорил сознательно медленно, с умело воссозданным акцентом румынского наркоторговца. Сообщив, что прибыл в протекторат Танганьика как политический беженец.

Постучав моим айди по столу, офицер на него наконец мельком глянул и глубоко задумался. Причины к задумчивости у него определенно были. Потому что я сейчас никто и звать меня никак — у меня даже панафриканского или евразийского гражданства нет, не говоря уже о чем-то большем.

А политическими беженцами такие молодые парни, как я, просто так не становятся. Тем более политическими беженцами

из Галицко-Волынского княжества в составе Российской Конфедерации, которое буквально два месяца назад еще было Галицко-Волынским княжеством в составе Речи Посполитой, а до этого долгое время являлось выведенной из-под юрисдикции ООН территорией протектората Волынь.

В этом мире цифрового рабства — присущего второму и третьему миру, такая смена власти просто подарок. Подарок для всех тех, кому нужна легенда для легализации, помогающая скрыться от своих прошлых прегрешений. Получив новую маску или даже новую, чистую личность.

И после чехарды двух ушедших администраций в страны, колонии и протектораты транзитом через Волынь и Галицию, покупая новые документы и личности, по всему миру сейчас хлынули те, кто когда-то где-то занимался не совсем легальной деятельностью. И хотел начать все сначала, с новыми чистыми документами.

Но ехали и бежали из Галицко-Волынского княжества не только транзитом. И из Высокого Града, и из Лемберга уезжали в том числе те, кто либо уже заимел проблем, либо вполне представлял такую перспективу в случае грядущего прихода русских к управлению. И, пока конфедераты полностью не взяли власть на местах, у осколков уходящей польской республиканской администрации можно было приобрести документы и легенды на любой вкус. Чем и воспользовался Моисей Яковлевич, подготавливая мое исчезновение как Артура Волкова.

Как правило, легенды таких «политических беженцев» были шиты белыми нитками и легко вскрывались даже поверхностной проверкой. Потому что куплены были мало того, что впопыхах, но и в том числе на «грязные» деньги. Что несло серьезный риск, ведь к качеству легенды продавшему ее чиновнику отсюда, с острова, претензий не предъявишь. Но, не прилетев на чужую территорию, не узнаешь — качественная легенда новой покупной личности или нет.

Так что искушение офицера под угрозой инициации проверки срубить по-легкому на мне немного дани, лично себе на бедность, было по-настоящему велико. Я это видел, и даже ощущал, несмотря на потерю абсолютно всех ментальных способностей. Но для того, чтобы увидеть нюх и жажду наживы в маслянистых глазах визового офицера, не нужно было быть одаренным.

— Драго, — глянув на имя, еще раз постучал моим айди по полированной столешнице визовый офицер. Он сейчас напряженно думал, не обращая внимания на многочисленную очередь позади меня. Но очередь не роптала, и даже не думала

этого делать.

— Драго Младикс, — еще раз задумчиво произнес офицер, после чего достал из кармана носовой платок, обтирая выступившие на лбу капельки пота.

Вспотел даже от напряженного раздумья, надо же. Наверняка он подозревал, что я бегу из Восточной Европы в Африку совсем не оттого, что компрометирующие политиков сведения на стенах писал.

«Политический беженец», politicalrefugee— это очень хороший способ для того, чтобы скрыться от карающей длани правосудия. Хороший, но дорогой. И визовый офицер наверняка сейчас думал, стоит ли овчинка выделки.

Способ дорогой, а это значит, для того чтобы купить себе билет «политического беженца», у меня должны были быть деньги. И я сейчас могу как везти с собой кубышку с нетрудовыми сэкономленными, и самое главное — нелегальными и даже грязными деньгами, так и ехать полностью голым, без копейки. И вот это офицер и пытался понять, слушая собственную чуйку.

— What? — отвлекся вдруг пограничник, когда я его поправил.

— Драго Младич, сэр, — вновь повторил я, правильно произнося фамилию своей новой маски личности. — Не Младикс. Младич.

Визовый офицер посмотрел на меня, откровенно поражаясь неслыханной наглости. Да, для только что прибывшего на благословенную землю протектората Танганьика унтерменша я вел себя крайне нагло. Особенно перед визовым офицером, ведь он здесь и сейчас — на воротах рая, царь и бог. Может ворота открыть, а может ворота и закрыть перед самым носом.

Я же наглел сознательно. Мне бояться нечего — в отличие от всей остальной, замершей в ожидании очереди. Легенда у меня, усилиями Моисея Яковлевича (я в нем уверен), чиста, как слезы ребенка, а личный счет пока пуст, как холодильник бедного студента. С собой даже «коллекционных» монет из драгметаллов нет, которые выполняют функцию нелегальной налички.

И мне сейчас, если честно, даже выгодно, если офицер попробует меня остановить и стрясти лишнюю пачку кредитов. Потому что попытка выманить взятку визовым офицером может помочь в будущем. Ведь в нашем деле, как известно, мелочей не бывает, а лишний крючок никогда не помешает. Остров маленький, все друг друга внутри полоски берега знают.

Мой айди еще раз крутанулся в пальцах визового офицера, а после он прокатал карточку через терминал. Взяв из ящика небольшой футляр, привратник обетованной земли со щелчком

положил его передо мной, так что я сразу заметил эмблему RODZ — Register Office for District Zanzibar, службы регистрации дистрикта Занзибар. Которая здесь занималась всем тем, чем занималась Служба социальной адаптации в Высоком Граде, — следила за гражданами и негражданами, контролируя их социальный рейтинг.

Внутри футляра были очки с дополненной реальностью, которые помогут мне ориентироваться в этом загруженном информацией мире. Очки, которые только что визовый офицер настроил на меня через айди.

— Welcome to the Protectorate Tanganyika, Драго Младикс, — возвращая мне айди, с заметным зеленым квадратом в нижнем углу — активированным запросом на временную визу, произнес привратник земли обетованной. Его маслянистые, чуть навыкате глаза глянули на меня неприязненно — он чувствовал, что упускает, возможно, хорошие деньги. Но и рисковать не желал — чуйка на неприятности, видимо, сработала.

— Сэнк ю вери мач, — широко улыбнулся я.

«Арчибальд Крауч мл.» — мельком бросил я взгляд на его бейджик, запомнил, а после потерял всякий интерес. Забрав футляр с очками и свою карту айди, одновременно работающую как паспорт, виза и кошелек, двинулся к выходу из зоны осмотра и визового контроля.

Когда вышел в холл терминала, даже остановился, обозревая обстановку. Несмотря на наличие немалого числа роботов-уборщиков, «нижние» помещения терминала воздушной гавани выглядели… не то что грязными, скорее неопрятными. При общем чистом и относительно ухоженном виде нижнего уровня я невольно обращал внимание на многочисленные детали того, что нахожусь в зоне для неграждан. Которые здесь были унтерменшами вне зависимости от цвета кожи. Единственное отличие, что черных неграждан здесь больше называли не унтерменшами, а зимбабунами, но делали это в целом без расовой сегрегации — и белых, и черных, и всех других цветов неграждан высокие сословия презирали одинаково небрежно.

В общем, без гражданства ты букашка, а с бумажкой человек. Все по заветам.

Вот только сейчас на этот остров стерильного киберфашизма, в самую главную клоаку среди территорий протекторатов этого мира, пришел я. И, если у меня все получится, шаблоны будут порваны так, что не собрать, а тексты старых заветов придется переписывать.

«Неужели ты думал, что, попав в прицел высших сил, ты будешь решать лишь местечковые проблемы?» — спросил меня

Астерот во время нашей последней беседы.

Нет, я уже давно так не думал. И сейчас, ступая на землю победившего киберфеодализма, настроился на то, что мне придется рвать устоявшиеся шаблоны и писать новые заветы.

А еще, как и обещал мне архидемон, я вскоре должен буду сделать самый главный выбор своей жизни — выбор между добром и злом.

«Если, конечно, доживу до этого момента», — подсказал внутренний голос.

С таким настроением я и направился в сторону выхода в подземный туннель на парковку, где меня должны были встретить. Но, не доходя, свернул на полпути: мое внимание привлек широкий зал с фонтанчиком, который по периметру был окружен панорамной прозрачной стеной. Через которую было видно летное поле, а за ним — возвышающиеся многочисленные небоскребы.

Присмотревшись, на вершине ближайшего комплекса из пяти башен я заметил те самые висячие сады, где у искусственного бассейна на пляже из настоящего песка сейчас загорали девушки в шезлонгах, а одинокий серфер покорял искусственно созданные волны из настоящей и чистой морской воды.

Осматривая сверкающий под солнцем высокий район острова-мегаполиса, я стоял довольно долго. Просто наслаждаясь последними минутами спокойствия. И от раздумий меня весьма небрежно отвлекли — схватив и бесцеремонно дернув за плечо.

— Хей, Др… — успел услышать я приветственный возглас до того, как пытавшийся столь невежливо меня развернуть человек неожиданно потерял сознание и начал оседать, падая. Но не упав — я вовремя успел шагнуть вперед и подхватить так неаккуратно ударившегося подбородком о мой кулак Василия Ндабанингу.

«Вася, ну зачем же ты так необдуманно себя ведешь!» — примерно так воскликнул я, уложившись, правда, всего в два слова, одно из которых было «Вася».

И с раздражением на глупость момента еще раз повторил второе слово, когда увидел появившихся как чертики из табакерки двух патрульных, быстрым шагом направляющихся к нам.

Один из полицейских держал в руке дубинку, второй достал из кобуры электрошоковый пистолет нелетального действия. Хотя это у него в паспорте так значилось, что нелетального. На самом деле в протекторатах — в Высоком Граде точно, патрульные ломали прошивку своим тайзером, увеличивая мощность разряда так, что подобным шокером вполне можно было убить. Здесь, думаю, местные патрульные нравами от патрульных Градской

стражи не отличались.

— Что здесь происходит? — поинтересовался полицейский с дубинкой, глядя на меня через непрозрачное тонированное забрало, за которым светилось два красных огонька активных полицейских имплантов.

— Сэр, это мой друг, сэр, — чуть приподнял я Васю, висящего у меня мешком на руках. — Мы давно не виделись, и я хотел его обнять, но, видите ли, получилось немного неудачно…

В этот раз я говорил на английском бегло и без акцента румынского наркоторговца, который исполнял для визового офицера. Потому что с патрульными ссориться в мои планы сейчас не входило.

Полицейский с дубинкой, похлопывая ей себя по бедренному щитку, внимательно осмотрел Василия. Который был в характерном для бандита из сточных районов наряде — высокие шнурованные армейские ботинки, штаны с боковыми карманами и потертая куртка городского охотника.

Я, кстати, Василия тоже внимательно осматривал. Потому что на спине у него была изображена белая маска японского рогатого демона, скалящаяся хищной улыбкой. На спине обычно отображаются знаки принадлежности к бандам, и, видимо, кто-то из моей команды, подготавливающей мою новую легенду, придумал сделать нашим символом именно этого демона.

Интересно, кому же такая удивительная мысль в голову пришла.

Василий, кстати, уже — не без моей помощи, очнулся. Потому что, перехватывая его, устанавливая на ногах ровно, я нажал на одну из интересных точек на руке, после чего он моментально распахнул глаза.

— Вася-Вася-Вася! — резко произнес я, предостерегая Василия от необдуманных слов и действий. — Вася, скажи господам полицейским, мы с тобой друзья?

Обернувшись и окинув патрульных мутным взглядом, Вася понемногу начал всекать ситуацию и кивнул.

— Да, сэр, мы с камерадом Драго друзья, сэр, — не очень связно произнес он, обращаясь к ближайшему патрульному. — Я пришел встречать своего друга Драго, сэр. Произошло недоразумение, сэр, я, видимо, поскользнулся и… — говорил Василий медленно, как пьяный.

— И упал на его кулак, — голос полицейского из-под опущенного забрала звучал глухо.

— Сэр, я просто слишком по нему соскучился и слишком крепко обнял, сэр, — произнес я, опережая ответ Василия.

Патрульные переглянулись. Оба были из охраны аэропорта, а

наряд Василия — знаковая для стоков куртка городского охотника, определенно симпатии им не внушал. Но разбираться с нами они не стали — один из них показал мне неопределенный жест, что-то типа «я слежу за тобой», после чего оба развернулись и отошли.

Повезло. Пронесло.

— Oh, whaaat the fuck is go… o… o-o… o-o-o! — начал было повышать голос Вася, но я вновь сжал его руку, заставив пару раз вскрикнуть от боли.

— Василий, — оборвал я его стоны, отпуская руку.

— …? — вопросительно посмотрел он на меня.

— Возьми себя в руки, подбери слюни и посиди, пожалуйста, тихонько пару минут, — убедительно сказал я ему и отпустил. Он вновь ойкнул, но даже сильно испугаться не успел, падая, — так как приземлился задом на рядом стоящую скамейку.

Пока Вася, все еще находясь немного в прострации после нокаута, приходил в себя, пытаясь постфактум собрать в ушибленной голове мысли в кучу и понять, что вообще произошло, я вновь обернулся к притягивающей взгляд панораме высотного квартала острова-мегаполиса. Еще раз внимательно осмотрев башни небоскребов, перевитые пружинами и лианами монорельсов, тяжко вздохнул. Понимая, что работу надо работать, а дела делать. Так что обзорную экскурсию пора прекращать и уходить.

Посмотрел и хватит.

Обернувшись и шагнув к Васе, я, каюсь, не удержался. Похлопав его по щеке, заставляя вернуться в чувство, поймал его руку. И, хищно улыбнувшись, посмотрел в глаза своему оруженосцу.

— Wake the fuck up, Samurai! Wehave a city to burn! — рывком поднимая Васю на ноги, произнес я.

Когда-то, среди другого времени и пространства, эту фразу голосом Киану Ривза произнес Джонни Сильверхед, поднимая Ви на ноги на свалке. Сказал он это в трейлере игры Киберпанк 2077, которую в той, в прошлой, жизни я ждал с самого анонса — с 30 мая 2012 года. Не дождался буквально несколько недель — игра, по обещанию поляков, которым я верил, после апрельского переноса железно должна была выйти в сентябре 2020 года. Я же, волею Астерота, прямо перед самым релизом, в августе, был перемещен в другой мир.

И тогда, почти полгода назад, я никоим образом не мог даже предположить, что через каких-то несколько месяцев сам окажусь перед огромным городом, мегаполисом, который мне будет необходимо в самое ближайшее время «поджечь».

Подняв на ноги Васю, я еще раз похлопал его по щеке, оборвав на полуслове, и бросил последний взгляд через панорамное обзорное стекло, обозревая футуристический пейзаж башен мегаполиса. Башен города-острова и отдельного автономного дистрикта самого большого в мире протектората, в котором я по воле и заданию Князя Тьмы Астерота за каких-то полгода должен стать если не главным, то одним из элиты местных корпоратов. Причем поднявшись не просто на самый верх, а забраться за самый край неба, уйдя ввысь над облаками — стать одним из управленческого звена корпорации Некромикон. Причем сделать мне это нужно было, по условиям архидемона, поднявшись с самого социального дна общества.

Задача, очень мягко сказать, не из легких. Но когда меня это останавливало.

— Одежда моя где?

— В камере хранения, — Вася все еще не мог полностью прийти в себя, и, чтобы поймать меня взглядом, ему приходилось тщательно фокусироваться.

А я только сейчас понял причину — вырубил-то я его ударом бионической руки. Что, даже не в полную силу, привело к довольно серьезному эффекту.

— Машина?

— Ждет на стоянке.

— Василий.

— Драго?..

— Кто придумал вот это вот недоразумение на спине? — пальцем показал я чуть в сторону и вниз, будто ему за спину.

— Эм… маску демона?

— Да.

— Маску демона как эмблему банды?

— Да!

— Босс.

— Что? — не понял я.

— Что «что»? — уже не понял Вася.

— Вася… не тупи. Что «босс»?

— Это сам босс придумал. Наш босс, если ты понимаешь, о ком я, — заговорщицки посмотрел на меня Василий и показал пальцем вверх.

Ну да, по инструкциям от Моисея Яковлевича всем тем, кто ждет меня здесь, категорически запрещено произносить вслух «Артур Волков».

— Ах, босс придумал… — задумчиво протянул я, удивленно глянув на Василия.

О том, что я не Драго, а сам Артур, в принципе, никому из

моей новой-старой команды, завезенной некоторое время назад на Занзибар, прямо не говорилось. Но для меня стало сюрпризом, что Василий об этом сам не догадался.

Ладно, не самый важный момент, пока проехали.

— Ясно… босс, так босс, — оставил я на потом вопрос авторства столь кричащей и кичливой эмблемы. — Ладно, Василий, пошли, — развернулся я.

— Что? — не услышал Вася моих последних слов.

— Let’s go, Samurai! — повысил я голос и двинулся к расположенной неподалеку камере хранения.

Глава 2

— Код?

— Девять-девять-девять-девять.

Когда я посмотрел на Василия тяжелым взглядом, он немного смутился, потупив взгляд.

— Сам придумал?

Отвечать Вася не стал, а я набрал простой запоминающийся код. Открыл ячейку и вытащил объемную, но довольно легкую спортивную сумку, в которой находились предназначенные мне вещи.

— Так, Василий, — веско произнес я, осматриваясь в поисках значков навигации. — Жди здесь, — чуть погодя скомандовал я все еще находящемуся в полупростратии Василию, найдя искомое «WC» со стрелочкой направления на информационном щите.

И, подхватив сумку, целенаправленно двинулся в сторону ватерклозета. Не потому, что природа звала его посетить, и не потому, что мне очень нужно было переодеться — я мог это сделать и по прибытии в конечный на сегодня пункт назначения.

Больше всего сейчас мне нужно было увидеть свое новое лицо. Иррациональное желание, но именно так — представляя как внешне выгляжу, хотел выйти в свою новую жизнь в новый мир.

Вчера ночью, вернее, уже сегодня ранним утром времени взглянуть на результат работы хирурга (помогали ему неразумные неасапианты) у меня не было. Да и особой нужды не видел: мои антропометрические данные остались почти прежними, ощущения тела не изменялись. В отличие от того времени, когда я оказался в новом для себя теле Олега после переселения душ.

На самого себя нового в зеркале я успел посмотреть лишь мельком, после того как выбрался из восстановительной регенерационной капсулы. Но после того как приземлились, что-то вдруг накатило.

Именно поэтому, следуя стрелкам навигации, сейчас я оставил Василия на скамейке и направился в сторону ватерклозета. Который, несмотря на внешнюю чистоту, оказался переполнен, неопрятен и вонюч. Мне, впрочем, сильного неудобства это не доставляло — я в конце девяностых посещал общественные туалеты железнодорожных вокзалов по всей России, меня удивить сложно. Но вот новый «Артур Волков», принадлежащий уже высшему сословию этого мира и привыкший к стерильной чистоте императорских учебных заведений, нос

внутри меня, конечно, брезгливо морщил.

В просторном помещении туалета толпилось довольно много людей (неграждан), сформировавшись в очереди к умывальникам. Для большинства из присутствующих это была одна из немногочисленных возможностей относительно по-человечески умыться. Даже помыться, не обтираясь при этом влажными салфетками из стандартного гигиенического пакета. И пока не закончилось разрешенное время на нахождение на территории терминала после прибытия, аэропорт покидать большинство не торопилось — пользуясь возможностью прикоснуться к недоступным негражданам благам цивилизации. К которым горячая вода, которая течет без лимита ограничения, относилась определенно.

Отойдя в угол помещения, я осмотрелся. Сумку поставил на пол — повесить оказалось некуда. И, резким жестом дернув молнию, осмотрел содержимое. Ботинки, штаны, ремень, смарт-браслет, толстовка, шейный платок и куртка.

Ни одного человека в шортах, кстати, здесь я не видел. Из прилетевших неграждан понятно — мы все летели из февраля Восточной Европы. Но местных тоже в шортах нет — тут так ходить просто не принято, особенности культуры.

В здании терминала жара незаметна — здесь прохладно, но за окном определенно пекло. На мне, к счастью, терморегулируемое белье, в котором даже с курткой жарко не будет. До белья я и разделся, сбросив свой цивильный костюм. И когда остался в одном тонком облегающем терморегулируемом белье, убрал прежнюю одежду в сумку. Оттуда уже извлек плотные штаны с боковыми карманами и книзу зауженные. После того как надел штаны, переобулся в высокие шнурованные ботинки, стараясь при этом не вставать на пол. Проявляя для этого чудеса эквилибристики.

И штаны, и ботинки были из комплектов (разных) экипировки городских охотников. Только уже исчерпавших свой ресурс и являющихся просто потрепанной одеждой из секонд-хенда. На ботинках даже автоматическая настройка не работала, пришлось вручную затягивать шнурки кустарно, но при этом умело — как будто изначально тут жил.

Шейный платок и браслет пока не трогал. Браслет нужно настраивать, интегрируя с базовыми очками от RODZ, которые я еще даже не надел, а за шейный платок — как за часть гардероба, которой можно закрыть лицо, препятствуя работе системы распознавания лиц, можно схватить серьезный денежный штраф с понижением рейтинга.

Так что последней из сумки достал куртку.

В прошлый раз, когда я прибыл по делам в протекторат, посещая Высокий Град, легенду прибытия мне создавали фээсбэтмены. Помню, как я тогда удивился их некомпетентности, увидев подготовленный мне для улиц наряд. Типичная экипировка городского охотника, но выглядящая новой с иголочки — наряд, в котором на свободных от законов улицах Нижнего города я выглядел как новогодняя елка.

Сейчас ответственным за мою легенду новой маски личности был Моисей Яковлевич. И сделал все как надо — вся вышедшая в тираж экипировка была поношенной и достаточно потертой для того, чтобы, оказавшись в сточных районах города, из толпы я не выделялся, сверкая как наряженная елка.

Хотя с елкой именно сейчас сравнение не очень корректное: в отличие от Высокого Града, здесь — на Занзибаре, в бандах бытует обычай подсвечивать экипировку неоном. И по краям воротника-стойки и рукавам тянулись полоски светодиодов. Придется светиться — расстроенно подумал я, представляя, как будет выглядеть вся эта иллюминация в темноте, будучи активной. Не сверкать не выйдет — если буду не как все, буду выделяться как человек в спортивном костюме на нудистском пляже.

В тот момент, кстати, когда я достал из сумки куртку и расправил ее, осматривая эмблему на спине, гулкий гомон в помещении стих. Мгновенно, как отрезало.

Лилась вода, фыркали умывающиеся люди, продолжилось несколько разговоров из-за закрытых дверей кабинок, но большая часть присутствующих замолчала.

С членами банд, будучи в своем уме, старались не связываться. Так что практически вся собравшаяся в ватерклозете толпа сейчас делала вид, что совсем мной не интересуется. Куртку, кстати, надевать не стал — померив ее, убедившись, что в размер, просто бросил ее обратно в сумку. Потянулся было к футляру с очками дополненной реальности — надо все же показаться в системе слежения и учета, но надеть их не успел: как раз в этот момент одно из мест освободилось.

Собрав с края раковины одежду, от зеркала отошел в сторону полностью голый и сутулый рыжий… я бы назвал его «мужичком лет тридцати пяти». Своим видом рыжий напомнил мне ощипанного цыпленка на витрине магазина. Причем не массивную и упитанную тушку мутантов с птицефабрик, а деревенского цыпленка — худого, выросшего на натуральном подножном корме.

Шагнув ему навстречу, я заметил, что рыжий держит одежду собранным кулем довольно небрежно. Рубашка у него из захвата

рук почти вывалилась, один из рукавов волочился по мокрому полу. Но рыжий внимания на это не обращал. Он был пьян или даже тяжело обгашен — понял я, глянув в его стеклянные, красные от полопавшихся капилляров глаза. Или одновременно и пьян, и нагружен разными расширяющими… нет, в этом случае определенно сужающими границы сознания веществами.

А еще рыжий, похоже, был ирландцем — довольно характерные черты лица.

Освободившееся место между тем никто не занимал, давая мне возможность пройти. И, игнорируя очередь, я встал к свободной раковине. Не потому, что плохо воспитан, и не потому, что сильно тороплюсь. Без очереди я прошел потому, что мне по статусу не полагалось стоять в очередях.

Не полагалось с того самого момента, как я достал и примерил принесенную Василием куртку городского охотника — символизирующую мою принадлежность к вольным людям города. К бандам нижних сточных районов, если быть точным.

Жизнь в протекторате стоит недорого, и я — выбрав, пусть и не по своей воле, предложенный Астеротом путь самурая, свою на кон уже поставил. Никто в очереди принимать мою ставку не хотел. Впрочем, если бы были здесь те, кто, как и я, принадлежал к бандам сточных районов, в очереди бы они и не стояли.

Как только я подошел к зеркалу и едва успел глянуть в свое новое, такое незнакомое лицо, за спиной послышался шум. Обернувшись, увидел, как голый рыжеволосый ирландец упал, споткнувшись о робота-уборщика.

Запутавшись в одежде, отталкиваясь ногой от щеток остановившейся машины, рыжий ерзал по полу и громко матерился. Не очень связно и не понятно для меня — гордый воин Изумрудного острова или на гэльском разговаривает, или просто накидался до такой степени, что лыка не вяжет.

Я снова обернулся к зеркалу. И, не обращая внимания на фыркающего справа чернокожего, который намыливал курчавую голову, и азиата слева, который мыл в раковине ноги, теперь уже предметно и внимательно осмотрел нового себя.

Еще вчера я был худощавым светловолосым юношей, а сегодня превратился в темноволосого молодого человека. Мне немного добавили годов ко внешности, и выглядел я сейчас лет на восемнадцать-двадцать. Что вполне естественно — сейчас у меня нет дара владения, и без него меня даже в таком возрасте мало кто будет воспринимать серьезно. До определенного момента, конечно же.

Разглядывая свое новое лицо, я с удивлением заметил, что хирург сделал так, что определенно виделись знакомые черты

прежнего Артура. При этом на себя старого я был неуловимо похож, и в то же время абсолютно не похож. Внешность моя теперь не была типично европейской — я походил на хафу, полукровку, которые рождаются от европейца и японки.

Довольно широкие скулы, миндалевидный разрез не по-азиатски крупных и серых глаз — даже потрогал и пощупал я лицо. А после вздохнул и провел рукам по прическе, чуть поправляя челку.

В ближайшее время с новым видом нужно будет что-то делать — дресс-код улиц, не терпящий «обычности», подразумевает. Так что мне нужно будет или фигурно выбривать виски и затылок, или делать пирсинг, или бить татуировки — в сточных районах вообще не возбраняется «украшать» себя всеми возможными способами. Даже более того — чем ты выше в иерархии, тем больше ты расписной.

В Высоком Граде такого не было — мелькнула мысль. Дистрикт Занзибар в этом плане вообще ярче, крикливее и кичливее, что ли. В Волыни всегда на первом месте стояла идеология прямого действия, здесь же, как понимаю, важны прежде всего распушенные перья — вспомнил я неоновую подсветку куртки.

Подобного счастья мне, если честно, совершенно не хотелось. Так что придется думать, как выйти из ситуации с меньшим уроном для собственного восприятия. В то же время соблюдая принятые нормы в обществе, куда мне вскоре предстоит опуститься.

Хотя… — задумчиво посмотрел я сам себе в глаза. Может, это и будет одним из тех шаблонов, что предстоит сломать для начала? Для разминки, так скажем.

От разглядывания своего нового лица меня отвлекли громкие возгласы и звук ударов. И когда обернулся, беззвучно выругался.

«Ну что за олень?» — расстроенно подумал я, увидев, что наконец-таки поднявшийся на ноги ирландец избивает робота-уборщика.

Гордый житель Изумрудного острова был в нули пьян, но, несмотря на близкое к земле состояние, весьма умело наносил босыми ногами хлесткие удары покатившемуся бочонку робота-уборщика. Здесь, на территории аэропорта, подобное не относится к категории хороших затей, определенно. Но, судя по всему, секрет прост: жизнь ирландцу определенно не мила — вспомнил я его остановившийся остекленевший взгляд. Да и пинал робота он сейчас, ругаясь с визгливыми интонациями и брызгая слюной, а его стеклянные глаза вдруг разродились дорожками пьяных истеричных слез.

Катающийся вокруг робот-уборщик просто послужил триггером его нервного срыва. Таким и я ведь мог послужить, задень его случайно плечом. Впрочем, со мной ирландцу было бы не так просто, как с бедным беззащитным роботом.

В ватерклозете стало еще громче — несколько человек пытались увещевать слетевшего с катушек ирландца. Близко к нему, впрочем, никто не подходил. Рыжий же, ни на кого не обращая внимания, все громче повторял однообразный речитатив «факин-факин-факин», продолжая пинать попискивающий аварийной сигнализацией бочонок робота-уборщика.

Который, кстати, после очередного удара отлетел ближе ко мне. Ирландец бросился к нему, но поскользнулся на мокром кафельном полу. И, едва не упав, пытаясь сохранить равновесие, побежал, начал шаг за шагом ловить ногами землю. Так часто пьяные делают — сил и координации хватает, чтобы не упасть, но не хватает на то, чтобы вернуть равновесие и остановиться.

Бежал ирландец, кстати, прямо на меня.

Чем просто мое новое положение в обществе, так это тем, что для общения часто лишние слова не нужны. Поймав рыжего — руководствуясь только утилитарными соображениями, чтобы он в мою раковину не ударился и кровью ее не залил, я вырубил его коротким хуком.

Бил на всякий случай левой рукой, а не усиленной аугментацией правой.

Но еще в момент удара уже более пристально посмотрел на рыжего. И увидел на плечах, груди и бедрах тонкие и свежие шрамы — весьма характерные, от удаленных имплантов. Так что, нанося удар, уже был готов добавить и правой — простые люди так организм не нагружают. Но ирландцу одного тычка вполне хватило — глаза его закатились, и он обмяк. Я же подхватил его, как и Васю недавно, опуская на кафельный пол. Вдруг еще ушибется. И, по закону подлости, как раз в этот момент дверь распахнулась, и в ватерклозете появилась двойка патрульных.

«Какая неприятная неожиданность!» — только и сказал я про себя, уложившись в гораздо меньшее количество букв.

Ну как невовремя-то, а?

Хорошо хоть, это были не те патрульные, что удивились нашей с Васей встрече. Это я понял по номерам жетонов — так-то они в своей массивной экипировке все на одно лицо.

— Что здесь происходит? — поинтересовался полицейский, глядя на меня через непрозрачное забрало, за которым светилось два красных огонька активных имплантов.

— Мой новый друг Райан поскользнулся, сэр, и упал на робота-уборщика, сэр, — ответил вежливо, чуть приподняв худого

и нетяжелого ирландца, демонстрируя его патрульным словно мешок с картошкой.

Еще один неприятный момент. Был бы я обычным, нормальным человеком, я мог бы сейчас рассказать патрульным все как было. Но я, надев куртку-униформу банд сточных районов, многие присущие нормальным людям возможности для себя вычеркнул из списка доступных. Так что по этике улиц рассказывать о поведении ирландца мне не полагалось.

Пришлось импровизировать.

Мой новый друг Райан, кстати, в тот самый момент, как я закончил говорить, неожиданно очнулся. Какой крепкий, пусть и выглядит как бледная веревка — удивился я.

«Надо было бить правой», — подсказал между тем внутренний голос расстроенно.

Ирландец же, прорычав что-то слюняво-нечленораздельное, осознал, что я его держу, и захотел вырваться и меня ударить. При полицейских бить я его не стал, просто отпустил и даже подтолкнул как надо. Так что, когда «мой новый друг Райан» ударился лбом о край раковины, получив для этого необходимый импульс, а после неудачно попытался пробить головой пол, он снова затих.

— Не Райан, а Брайан, — не очень внятно из-за глухого забрала проговорил вдруг полицейский. Ну да, ему ведь в интерфейсе дополненной реальности по желанию доступна вся идентификационная информация и о рыжем берсерке, и вообще о каждом из нас — из системы определения лиц.

— Что? — между тем переспросил я машинально.

И только потом понял, что я слишком уж нагло себя веду. Патрульный, впрочем, тоже, видимо, оторопел от моей наглости.

— Простите, сэр, — тут же исправился я, — эти рыжие все на одно лицо, сэр. И имена у них почти одинаковые… Мой новый друг Райан, вернее, Брайан не очень крепко стоит на ногах. А здесь так скользко, сэр. Прошу его понять и простить.

— Его зовут Патрик. Патрик О'Брайан, — глядя на меня красными огоньками имплантов все так же глухо, но чуть более четко произнес патрульный, повысив для этого голос.

Похоже, я все-таки перегнул палку с наглостью и сейчас мне придется пройти вместе с патрульными. Страшного, конечно, ничего нет, легенда у меня железная, но… неприятно. Это не визовый офицер, который будет тянуть взятку, на чем его потом можно самого посадить на крючок. Эти патрульные подчиняются муниципалитету, и они просто закроют меня на пару часов. А если буду дальше дерзить, могут и на гораздо более долгий срок упаковать. Просто потому, что могут.

Плюс здесь и сейчас только один: мне случившееся послужит хорошим уроком. А то привык бродить по миру в роли homodeus, пора спускаться и на грешную землю, со своей жалкой сотней социального рейтинга в активе.

В этот самый момент, когда я — подозревая настрой полицейских, немного приуныл, дверь распахнулась и в ватерклозет ввалился Вася.

— Хей, Драго! — прямо от двери крикнул он.

Видимо, Василий все же пришел в себя. Определенно он наконец собрал в голове мысли в кучу и пришел сказать мне, что ждет слишком долго. Зашел в сортир он, кстати, быстро, резко и дерзко — как полагается вести себя вольным свободным людям из сточных районов. И, распахнув дверь, Вася проскочил мимо патрульных, не сразу их заметив.

Оба полицейских же, едва Василий появился в ватерклозете, одновременно посмотрели ему на спину — на того самого рогатого белого демона. А после, к моему крайнему недоумению, неуверенно переглянулись.

— Кто-нибудь видел, что здесь произошло? — поинтересовался патрульный у собравшихся, показывая на робота-уборщика. Который уже поднялся и вновь катался по полу как ни в чем не бывало.

Ответа, кстати, патрульный, предполагаемо, не дождался — его взгляда старательно избегали. Он и не расстроился — коротко кивнул напарнику, и оба развернулись к выходу.

Оч-чень неожиданно. Ведь все те, кто должен был прибыть сюда до меня, по идее, должны были вести себя тихо. Где эта эмблема уже успела засветиться, притом настолько, что ее уже полицейские избегают? Васю об этом спрашивать лучше не стоит, правды точно не расскажет, но поинтересоваться обязательно нужно — сделал я себе в памяти очередную зарубку.

Впрочем, идеально ситуация все равно не разрешилась. Потому что у самой двери патрульный обернулся.

— Драго Младис. Проследи, чтобы твой новый друг… — сделал ударение на последних словах патрульный, — Патрик О'Брайан покинул терминал в отведенное ему время. И еще для тебя, как для его друга, важная информация: если Патрик О'Брайан совершит в округе Аэропорт правонарушение в ближайшие три дня, то мы привлечем и тебя, в солидарной ответственности.

«Отлично!» — возмутился внутренний голос. Потому что округ Аэропорт — это немалого размера район вокруг воздушной гавани, практически весь север острова.

— Конечно, сэр. Позвольте вопрос, сэр.

— Конечно, Младис. Задавайте.

— Почему три дня?

— Потому что мой тактический анализатор говорит о том, что, судя по внешнему виду, концентрация психоактивных веществ в организме твоего нового друга настолько велика, что только через три дня последние следы могут исчезнуть из его крови. Еще вопросы?

— Нет, сэр. Спасибо за ответ, сэр.

— Пожалуйста, Младис. Добро пожаловать в Занзибар.

Когда полицейские вышли, я коротко и с невысказанным вопросом глянул на Василия. А он также посмотрел на меня недоуменно, не понимая, что я от него хочу.

— Что произошло? — поинтересовался Вася после короткой паузы.

— Так, Василий, — проигнорировал я вопрос, показав на лежащего ирландца. — Вот это тело нужно одеть и вынести отсюда, оно едет с нами. Займись, а я наконец умоюсь с дороги.

Вася надулся, но — памятуя о случайном наскоке на мой кулак, спорить не стал. И быстро организовал группу китайцев из очереди. Они, как муравьи, оттащили в сторону, а после обступили бесчувственного рыжего и принялись споро его одевать и обувать, собрав с пола раскиданную одежду.

Напоследок облокотившись на раковину, я снова всмотрелся в зеркало, запоминая нового себя. Забавно — лицо, изначально принадлежащее Олегу, а ныне князю Артуру Волкову, я воспринимаю уже как свое собственное. Хотя полгода не прошло, как сменил прежние тело и жизнь на новые. Задумавшись об этом, некоторое время простоял у зеркала, продолжая рассматривать себя и привыкая пусть к знакомой, но все же изменившейся внешности. Смотрел бы и изучал себя нового еще долго, но сжалился над истерзанным ожиданием Василием.

Дара у меня больше не было, эмоциональный фон других я больше не считывал. Но Василий за спиной сопел так демонстративно громко, что эмпатом быть не нужно, чтобы понять все его чувства. Поэтому, прежде чем Вася начал пытаться выяснять отношения здесь, я отвернулся от зеркала и двинулся в сторону выхода. На ходу только показал Васе на «нового друга», которого нужно взять с собой.

Василий, кстати, мое указание проигнорировал. Догнал он меня уже в коридоре и, останавливая, попытался схватить за плечо. Но, молодец какой — не схватил. Я даже увидел мелькнувшее смазанное движение и уловил колебания воздуха, но касания не последовало: Вася явно вспомнил, как закончилась предыдущая попытка.

— Хей, Драго, давай проясним один момент, — обогнал он меня и встал на дороге, преграждая путь. — Босс сказал тебя встретить, а не исполнять обязанности сиделки и носильщика. Только из уважения к нему…

Палец Василия, для пущей убедительности его слов, ткнулся мне прямо в грудь.

— …у-у-уиии… — негромко заскулил Василий, когда, перехватив за палец, я отвел его к стене. Здесь несильно, но хлестко ударил ему по печени, воспользовавшись распахнувшейся курткой. А после перехватил Василия за шею и поднял, прислонив к стене так, что мыски его ботинок чуть-чуть не доставали до пола.

— Василий. Я прекрасно знаю, что именно сказал тебе босс…

Говорил я негромко, но четко и убедительно.

— …поэтому ты сейчас быстренько метнешься в туалет, заберешь того рыжего педика, причем сам, а не подряжая для этого остальных из случайной толпы, и догонишь меня. А если ты еще раз чуть-чуть забудешь, что именно… и какими именно словами сказал тебе босс по поводу меня, то я для освежения памяти сломаю тебе руку. Какую, можешь выбрать заранее. Потому что, когда я спрошу, левую или правую, если не ответишь сразу, я сломаю тебе обе. Это понятно?

«Понятно», — прохрипел Василий.

— Отлично, Уася, отлично. Ты просто большой молодец, я в тебе не сомневался, — разжал я руку, так что Вася приземлился, хлопнув ступнями по полу.

— Василий, — продолжил я говорить все так же негромко и убедительно. — А теперь повтори мне, что именно сказал тебе босс. Стой-стой-стой, Василий. Прямым текстом скажи, вот слово в слово.

— Босс сказал, что я должен слушать тебя как себя, и даже чуть-чуть больше.

— И… — ожидающе протянул я.

— А… — недоуменно промычал Василий.

— Василий. Если его благородие сказал слушаться меня как себя, и даже чуть-чуть больше, то это что значит?

— Это что значит? — недоуменно повторил Василий.

— Это значит… как ты должен меня называть?

— Простите, босс. Все понял, босс. Я должен слушать вас, как его, босс, — накатило на Василия внезапное озарение.

— Не прокатило, да? — с сочувствием спросил я.

— Э… босс?

— В ресторане, в чеке среди прочего было написано «прокатило» и напротив сумма — сто кредитов. Когда я спросил у

официанта, что это, он со словами «не прокатило» вычеркнул из чека левую позицию.

— Э… ясно, босс, — кивнул Василий, явно совершенно не поняв, в чем дело.

— Василий, — максимально усталым тоном произнес я.

— Да, босс?

— В следующий раз, когда что-то не поймешь, не стесняйся об этом сразу сказать. А сейчас быстренько метнись кабанчиком за ирландским телом и догоняй.

Посмотрев вслед Василию, я перехватил сумку, закинув ее на плечо. И подождал, пока Вася заскочит в ватерклозет и вывалится оттуда с рыжим, по-прежнему бесчувственным ирландцем. Которого он, кстати, перехватил за специальную переноску на спине куртки.

А этот Патрик О'Брайан далеко не прост — подумал я. Мало того, что у него все тело в тонких шрамах удаленных боевых имплантов, кроме этого, он — одевшись, пусть и не самостоятельно, сейчас оказался в выцветшем тактическом костюме ЧВК, стандартном для стран песочницы. Только без знаков различий. Причем шевроны на его форме определенно присутствовали совсем недавно — на рукавах и на груди хорошо заметны пятна более темной ткани, которой не касалось солнце.

Мда, интересную личность подобрал — подумал я. После развернулся и двинулся в сторону выхода: неграждане выходили на улицу из здания терминала на дальней стоянке, к которой под землей вел длинный освещенный туннель.

Этот туннель являлся уже собственностью муниципалитета округа Аэропорт, а не дирекции аэровокзала, так что разительно отличался от светлых залов воздушной гавани. И здесь, едва я оставил позади порог коридора туннеля, уже начиналось социальное дно, нижний город.

Траволатор, который в теории должен был помогать преодолеть немалое расстояние до стоянки, не работал. И, наверное, из-за экономии электроэнергии он не работал с момента открытия воздушной гавани.

Свет в тоннеле подземного перехода горел приглушенный, через одну лампу, а стены и потолок повсеместно расписаны корявыми граффити. Под ногами шелестел мусор, собранный частыми кучами возле стен, на некоторых из них валялись внешне похожие на человеческие тела.

Несколько раз я проходил мимо небольших стаек по три-четыре человека, явно караулящих возможность поднять полегкому немного кредитов. Ирландец, кстати, мимо них самостоятельно в своем состоянии точно без потерь бы не

прошел.

Но сейчас ни на него — в руках Васи, ни на меня никто из подземных крыс не посмел и глянуть. Это были даже не шестерки банд, а местная минусовая (из-за социального рейтинга) шушера, а мою куртку они прекрасно видели и рисковать явно не желали.

Василий, который тащил ирландца как тюк, догнал меня лишь на самом выходе. И то потому, что я остановился на пороге тоннеля, вдыхая принесенный ветром настоящий воздух протектората — влажный и жаркий, пахнущий горелой резиной, с примесью вони застарелого мусора.

В тоннеле система кондиционирования, в отличие от траволатора, работала, а здесь, на улице, в лицо мне дохнуло самой настоящей парилкой. Конечно, терморегулируемое белье у меня новое и рабочее, так что особого дискомфорта я не ощущал. Если бы не оно, думаю, моментально начал истекать потом под курткой и штанами.

Притащивший Патрика Василий тяжело дышал — запыхался серьезно. Что неудивительно: рыжий пусть и худой как веревка, но килограмм шестьдесят в нем есть. Все семьдесят, если приплюсовать одежду и явно непустой армейский вещмешок. В котором, кстати, гремело стекло бутылок. Это я услышал потому, что запыхавшийся Василий на выходе из тоннеля споткнулся и едва не упал. На ногах он удержался, ругаясь на смеси русского, английского и африкаанс, но и Патрика, и его загремевшую бутылками сумку он уронил. И после и сам все же упал, не заметив изменение уровня земли из-за коварного поребрика.

Обернувшись, наблюдая, как смешались в кучу люди (2 шт., Василий и Патрик) и армейский вещмешок, я хотел было помочь Васе подняться. Но не успел — отвлекся, потому что услышал неподалеку знакомый голос.

— Таки зачем ты здесь, поц, зачем? Вали обратно на материк, там у тебя будет пальма, и там тебе не надо будет работать!

Глянув на знакомый голос, увидел примечательную картину. Дядюшка Абрам, он же Абрам Сергеевич Либерман, стоял у…

«Мать моя женщина», — удивленно воскликнул внутренний голос.

Потому что дядюшка Абрам, тот самый таксист из Полесья, который вывез нас с Анастасий из леса в окрестностях Слонима, когда мы бежали после покушения из Петербурга, стоял на асфальте стоянки у самой настоящей Волги 2410.

А нет, ошибся. Не Волга это — на шильдике эмблема, ну никак не напоминающая газель нижегородского автозавода. Чтобы понять, что именно за железного зверя перед собой вижу, я наконец достал из сумки очки регистрационной службы и надел.

Мелькнуло подтверждение идентификации радужки, медленно поползла полоска настройки; мда, программное обеспечение, установленное на девайсах по дефолту, быстродействием не радует. Хотя чего еще ждать от бесплатного обеспечения социальной службы — как-то я об этом не подумал даже. Вот уже действительно, привык там, на небесах в окружении царевен, княжон и принцесс, к хорошему, пора и отвыкать.

«Не жили богато, нечего и начинать», — ехидно подсказал внутренний голос.

Пока интерфейс дополненной реальности грузился, я слушал бенефис дядюшки Абрама, который отчитывал одного из таксистов. Молодой чернокожий парень высунулся из открытого окна пошарпанного минивэна, остановившегося в проезде.

Активно жестикулируя, он явно пытался рассказать дядюшке Абраму о том, что тот неправ. Видимо, дядюшка Абрам, подъехав прямо к выходу, занял «его» место, а таксисту это не понравилось. Тем более ему это не нравилось, что сейчас молодой таксист слышал в свою сторону довольно много нелестного.

— Здесь тебе таки нужно работать, крутить баранку, платить налоги, открывать двери важным пассажирам и даже говорить им «пожалуйста» и «спасибо», а дома? Пальмы, бананы — рот откроешь, сами падают! Таки зачем ты сюда приехал, поц, скажи мне, наконец? Вали уже отсюда, зимбабун, давай, давай! — раздраженно махнул рукой дядюшка Абрам. — Будет он еще мне здесь указывать, где я могу ставить свою ласточку, а где не могу. Щ-щегол какой, а?!

Таксист, чтобы перебить оппонента, повысил голос, пытаясь вклиниться в монолог, но его попытка прошла даже незамеченной.

— В Африку, на пальму, блеать! — повысил голос дядюшка Абрам, показывая таксисту, в какой именно стороне находится Африка и пальма.

«Я сейчас выйду из машины и врежу тебе пару раз», — судя по мимике и жестикуляции, сообщил рассерженный таксист дядюшке Абраму.

— Пару раз! Врежет он мне, да вы посмотрите на этого поца! Пару раз ты можешь у меня отсосать! — доверительно сообщил таксисту дядюшка Абрам. Показав тем, что в интуитивном переводе фразы таксиста я не ошибся.

«Ну все, конец тебе», — сообщил между тем таксист, повышая голос, начиная при этом жестикулировать активнее, но из машины выходить все же не собираясь.

— Найдет он меня! — в голос засмеялся дядюшка Абрам. —

Напугал ежа голой жопой! Ты в следующий раз, прежде чем угрожать старому еврею, найди у себя хлебушек в голове, папуас, блеать, тупой! Смотри, как бы тебя раньше не нашли мои племянники! — произнес дядюшка Абрам, показывая на нас.

Мы с поднявшимся на ноги Василием и все еще повергнутым ниц Патриком стояли на открытом месте — выходящий из тоннеля тонкий ручеек прибывших в дистрикт нас обтекал по максимально широкой дуге. Так что не заметить нас было сложно.

Машущий руками таксист посмотрел по направлению взгляда дядюшки Абрама. И моментально замолчал. Закрыл рот он даже с хлопком, после чего моментально обратил все внимание на панель управления машины. Резким движением, стукнув по приборной панели, таксист переключился на ручной режим и с коротким взвизгом резины покинул площадку перед выходом из тоннеля. И вообще уехав со стоянки у терминала.

Остальные таксисты, собравшиеся посмотреть представление вокруг машины дядюшки Абрама, тоже вдруг вспомнили, что у них есть много неотложных дел, и разошлись по сторонам. На нас никто из них прямо не смотрел, оглядывая только мельком, краем глаза. Один пожилой седовласый и будто высушенный солнцем таксист, как я заметил, вообще смотрел на нас через отражение в стекле, чтобы не привлекать внимание.

Интерфейс очков у меня между тем подгрузился, и я наконец увидел марку так похожей на Волгу машины. Это был Holden Premier, австралийский автомобиль. Неожиданно.

— Босс, что делать с телом? — отвлек меня от информации в дополненной реальности Вася.

— Кидай на заднее сиденье, — произнес я. — Здравствуйте, дядюшка Абрам, — поздоровался я с таксистом, который сферу деятельности после переезда менять и не думал.

— Это кто? — подозрительно поинтересовался тот, прищуренным взглядом глядя на Патрика. Поздороваться со мной он при этом даже не счел нужным.

— Я не знаю даже, — не стал я лукавить. — Поднял не глядя по дороге, так получилось.

— Так выброси!

— Не могу, местная полиция убедительно попросила меня за ним присмотреть, обещая в ином случае минус социальному рейтингу.

Ирландец между тем очнулся. Открыв глаза и обведя нас мутным взглядом, Патрик произнес что-то явно ругательное на гэльском. И, почувствовав возвращающуюся силу, он, как перевернутый на спину жук, начал размахивать руками и ногами,

пытаясь подняться.

Василий, кстати, даже захотел было ему помочь. Но рыжий плюнул в него, невежливо попытался схватить, но Вася в ответ быстрым и резким ударом в челюсть заставил Патрика снова успокоиться. И, вновь перехватив за стропу переноски на спине, потащил к заднему сиденью.

— Вася, стой! — остановил Василия дядюшка Абрам. И деловым тоном скомандовал, садясь на водительское место: — В багажник его кидай, а то еще сиденья обоссыт!

— А если багажник обоссыт, не страшно? — поинтересовался я.

— Нет, — односложно ответил дядюшка Абрам, захлопывая дверь.

Действительно, в просторном багажнике, под потрепанным покрывалом, был расстелен толстый полиэтилен. Тщательно при этом укрепленный по стенкам. Боюсь даже представить, для чего он тут нужен.

Положив ирландца в багажник — пришлось его для этого немного сложить, я задумался. И, как результат, похлопал по нагретому на солнце металлу заднего крыла, привлекая внимание водителя.

— Таки что еще?! — раздраженно высунулся из открытого настежь окна дядюшка Абрам.

— А он не задохнется?

Идиша я не знал, импланта-переводчика у меня пока не было (и я не уверен, что туда можно загрузить идиш), но, судя по мимике и интонации, дядюшка Абрам после моего вопроса разразился ругательствами в адрес не очень умной молодежи.

Выйдя из машины, всем своим видом демонстрируя раздражение, он подошел ближе. Взял ирландца за подбородок, потрепал, оценивая степень беспамятства. И, видимо, сочтя ее достаточной (какой Василий хороший нокаутер), положил вещмешок Патрика рядом с ирландцем. Притом частично так, чтобы тот не давал закрываться крышке багажника, а потом намотал на нее изнутри бечевку и притянул, закрепляя. Теперь из-за мешающейся крышке сумки в частично закрытом багажнике оставалась довольно крупная щель.

— Поехали, — махнул рукой дядюшка Абрам, вновь занимая водительское место.

Гулко и раскатисто зарокотав мотором, похожая на баржу машина вывезла нас со стоянки, и мы сразу нырнули в очередной тоннель. Асфальт здесь также был усыпан мусором, а стены размалеваны самого разного качества граффити — от кривой мазни до настоящих шедевров живописи.

Словно крысы, в основном под землей перемещаемся — подумал я невольно. И как оказалось, не ошибся: в дальнейшем узнал, что местные граждане, в основном благополучные обитатели верхних районов, именно так — rats, крысы, называли обитателей стоков.

Миновав туннель, Волга поднялась на идущий вдоль берега широкий виадук, такой же захламленный и неубранный. Здесь, под сенью пальм в кадках на широкой пешеходной зоне, слонялась куча самого разного ярко разодетого и разноцветного народа, продавая наркотики, удовольствия, себя, оружие, «грязные» деньги и поддельные документы — все что угодно.

Проехав буквально пару километров, мы по крутому повороту спустились вниз — и теперь ехали по дороге уже на уровне моря. Проезжая в обратную сторону под береговой магистралью виадука, по которому только что ехали.

Нещадно палящее солнце многочисленными зайчиками отражалось от невероятно яркой лазури воды, но это было единственным светлым пятном в мире сточных, нижних районов города. Даже граффити здесь все были какие-то серо-мутные.

И, миновав полкилометра под сводами магистрали, проехавшись вдоль заборов заброшенных промзон, мы приехали. На Полигон (как неофициально назывался этот район стоков), в район Солнечный. Который начал строиться еще до того, как Занзибар полностью перешел под контроль британцев, став отдельным автономным дистриктом.

Пока Волга дядюшки Абрама, глухо порыкивая грязным бензиновым мотором, катила по району, я оглядывал разрисованные, местами разрушенные коробки щерящихся оконными проемами домов. И невесело улыбался. В протекторате Высокий Град я свой путь начал, в нижнем его городе, и в нижний же город другого протектората по итогу и приехал.

Причем приехал в весьма примечательное место: Солнечный строили немцы, и он должен был стать элитным малоэтажным районом, положив начало превращению промышленного района (здесь в девяностых из-за убыточности был закрыт полимерный завод) в райское место для граждан.

Но сразу после начала стройки Занзибар стал отдельным автономным дистриктом. И сначала новая администрация приняла решение построить на намывных территориях новую взлетно-посадочную полосу, так что самолеты, заходя на посадку, теперь проходили прямо над Солнечным. Спрос на дома, естественно, сразу резко упал. А уже после, добивая перспективы района, на месте корпусов закрытого завода решили создать рекультивационный мусорный полигон. Пусть полигон и

предполагался «чистым», по последним технологиям, но элитное жилье рядом с помойкой никто в здравом уме покупать не собирался.

Естественно, район достроен не был, а немцы из администрации с острова и вовсе вскоре ушли. Европейский инвестор, зафиксировав издержки, вместе с ними остров покинул. А практически законченные дома высокого класса так и остались стоять коробками без коммуникаций в разной степени готовности. К одной из таких и привез нас дядюшка Абрам.

«Дом свободный, живите кто хотите», — вспомнилось мне классическое, когда я увидел «наш» новый дом.

Машина, въехав в автоматически открывшиеся ворота, остановилась, и я вышел на улицу. Не дожидаясь, пока Василий достанет из багажника Патрика, по выжженной сухой и утоптанной земле — в которую без полива превратилась лужайка с газоном, двинулся к крыльцу явно обжитого дома. На парапете крыши которого демонстративно располагались два закрытых купола турельных установок охранной системы, по периметру забора тянулась колючая проволока, а на скатах крыши блестели солнечные батареи.

В доме, который на ближайшее время станет моим, сейчас собралась вся моя команда. Которая должна помочь мне стать элитой корпоратов, забравшись на самый Олимп власти всего контролируемого гидрой корпораций африканского мира.

Первым в моей команде был Войцех Ковальский. Отставной вахмистр Гвардейского Жандармского эскадрона, бывший сержант патрульной полиции Высокого Града и бывший опекун Олега. Он со мной сейчас потому, что его когда-то давно Елизавета попросила всегда быть рядом и помогать. Принцесса Елизавета, за которую, как я знаю, Войцех готов умереть. И он здесь и сейчас вместо Мустафы — который уже умер за меня в другом мире, во время вторжения демонов.

Войцех, когда я зашел, сидел на подоконнике и задумчиво курил, глядя на живописную помойку за окном. Обернувшись на открывшуюся дверь, отставной вахмистр усмехнулся и приветствовал меня жестом руки с дымящейся сигаретой.

Вторым членом команды был Гекдениз Немец, он же датчанин. Моего прихода Гек не заметил, будучи через полушлем виртуальной реальности погруженным в мир Арены, судя по горящей на шлеме иконке.

Но сейчас Гек точно не в матче — на его уровне рейтинга матчи возможны лишь в капсуле полного погружения. Сейчас Гек, скорее всего, в оружейной разбирается с экипировкой или графиком ивентов или на форуме тиммейтов ищет.

Третьим в комнате, и в моей команде, был Чумба. Присягнувший мне на верность кровавый бурбон из Инферно. Кровавый бурбон, выведенный путем мутации костяного демона и человека. Мутант, в чьем теле на некоторое время нашел пристанище тысячелетний демон Мархосиас. И в момент своей смерти от руки Баала Мархосиас сумел оставить свою частичку души в разуме бурбона.

Чумба в тот момент, когда я зашел в комнату, завтракал — что характерно, сырым мясом. В принципе, почему нет — едят же люди тартар и суши. Жестом, зеркальным с жестом Войцеха, он тоже меня приветствовал. Только Войцех приподнял сигарету, а Чумба надкусанный шмат мяса, забыв о том, что тот у него в руках. Кроме этого, Чумба еще и встал на одно колено, потому что я для него был повелителем и он давал мне клятву верности на крови.

Как и Василий, кстати, — клятву верности на крови он мне тоже приносил. Как я ему и обещал еще в Архангельске.

— Ты чего по полу ползаешь, зверь? — раздался его звонкий голос.

Вспомни, как говорится, Василия, тот сразу и появится: сейчас он затащил в прихожую Патрика и мельком увидел, как Чумба поднимается с колен. Но не сильно обратил на это внимание — сдержанно ругаясь на африкаанс, Вася уже поволок рыжего ирландца по полу, устав таскать на весу.

И это — Василий, в смысле, четвертый мой спутник и компаньон. Который, в отличие от остальных, так и не догадался, что я — это я, а принимает меня за доверенного человека Артура Волкова.

Дядюшка Абрам Либерман, кстати сказать, в нашей команде присутствует опосредственно. Он зарегистрирован в верхнем городе как таксист и ответственен за официальную часть нашей деятельности, являясь — в будущем, по плану, для нас связным и координатором действий в верхних районах.

Это нужно потому, что специфика жизни в сточных районах такова, что, прежде чем мы все получим право на гражданство и билет наверх, причем именно таким образом, как этого хочет от меня Астерот, социальный рейтинг мы опустим далеко в минус. А в этом случае даже в некоторые районы и учреждения города нам будет не зайти.

Ну и, собственно, у собравшейся здесь команды был капитан — он же я. Многоликий Артур Волков (Артур Волков сразу дважды, потому что в разных мирах), он же Олег Ковальский, он же Олег Романов, он же Алексей Юсупов-Штейнберг, и он же, теперь в новой своей временно-постоянной маске — Драго

Младич. И сейчас рядом со мной волею судьбы и Астерота оказались все те, на кого я мог безоглядно положиться.

Других таких людей (и бурбона), которым я могу доверять, у меня больше нет. Конечно, в Архангельске остались Зоряна и Барбара, но тащить девушек вновь в протекторат, тем более на самое его дно, я не готов.

Так что придется обходиться помощью Войцеха, Гека, Чумбы, Василия и дядюшки Абрама.

«Команда мечты в синем углу ринга!» — ернически подсказал внутренний голос.

В красном же углу ринга нас ожидал Баал, архидемон и повелитель тысяч миров. Которого, по замыслу Астерота, своими действиями мы и должны были убрать из-за стола игры высших сил в этом мире.

Вася, который как раз проходил мимо меня, в очередной раз споткнулся и, отпустив Патрика, разродился длинной тирадой, вновь виртуозно мешая английский, русский и африкаанс.

Я же в этот момент подумал о том, что Баал, который наверняка уже в курсе, что мы пришли на его территорию влияния по его душу, сейчас определенно напрягся.

Напрягся он, правда, скорее всего, сдерживая смех, но не суть.

Пока Василий оттаскивал ирландца в угол, сидящий на подоконнике Войцех кинул зажигалкой в Гека, четко попав тому по шлему. Вздрогнув, датчанин вышел из виртуальной реальности, явно собираясь возмутиться, но тут увидел меня.

— Господа, всем здравствуйте. Меня зовут Драго Младич… в этот раз меня зовут Драго Младич, и я собрал всех вас здесь для того, чтобы поджечь этот город.

— В смысле поджечь? — воспользовавшись паузой, поинтересовался Василий. — Весь?

«Молодец, Василий», — примерно так сказал я ему, только другими словами.

Не лукавил, кстати. Потому что Василий на самом деле молодец. И сейчас четко выполнил мое предыдущее указание — если что не понятно, не кивать, а спрашивать.

— Да, Василий. Весь.

— Прямо чтобы сжечь? Так у нас же не получится, город вон какой большой… или нам нужно будет парализовать работу пожарной службы? — Василий догадывался, что в моих словах что-то не так, но что именно, понять не мог.

— Парализовать работу пожарной службы нам, кроме всего, возможно, тоже будет нужно. И, если все же придется это сделать, проблем я не вижу — мы молодые, нас много, и мы к этому

готовы. А сейчас, господа, давайте предметно обсудим положение дел и наши начальные позиции в этом прекрасном городе.

Глава 3

Перед тем, как начать общее собрание, необходимо было подготовиться. Поэтому я прошел к дивану и достал из кармана футляр с очками RODZ.

Гек, выполняющий обязанности главного по электронике, уже был рядом. Датчанин раскрыл матовый кейс с новым полушлемом виртуальной реальности, аккуратно его доставая. Отложив подготовленный и настроенный заранее шлем, Гек поставил на колени угловатый, противоударный лэптоп. Вытянув из корпуса провода переходников, один за другим он начал присоединять их к шлему.

Когда последний штекер со щелчком зашел в разъем, зашелестели стуком клавиши, поползли по экрану полосы загрузки софта. Гек в это время, даже наверное не замечая этого, закусил губу так, что она побелела.

Волнуется.

— Готово, — кивнул он, не отрывая взгляд от экрана.

После его слов я отвернулся — так чтобы в поле зрения не попадали Гек с лэптопом и шлемом, и надел очки регистрационной службы. Замерев в ожидании, несколько секунд ждал, пока заполнится полоса загрузки, потом откинулся на спинку дивана.

Когда я закрыл глаза и показал поднятым большим пальцем что готов, Гек зашел сзади и надел полушлем на меня, прямо поверх очков. Несколько минут колдовства и легкого шелеста клавиш клавиатуры, после чего датчанин успешно законнектил очки со шлемом через блок обманки — у меня только мелькая рябь перед глазами мелькнула. И почти сразу стало темно — Гек наконец опустил забрало.

Пока он окончательно настраивал девайсы, проверяя работу активной обманки, неподалеку послышалось пьяное бормотание — видимо, очнулся Патрик. Протяжно-визгливые возгласы наливались силой, по мере того как ирландец приходил в себя, но оборвались довольно резко, как выключили. Что характерно, звука удара в этот раз я не слышал.

Наконец Гек настроил все так, чтобы работало, и темнота перед взором зажглась яркими красками. Вокруг, в дополненной реальности, загорелись объемные надписи, приветствующие меня на вирт-Арене и предлагающие создать профиль.

На это ушло буквально несколько секунд — подтверждение создания аватара с соответствием моим антропометрическим данным и внешностью, подтверждения пользовательского

соглашения сразу с тремя отдельными дополнениями. Перед тем как перейти в ознакомительный режим тренировки я жестом привлек внимание Гека, и нажал на интерактивную кнопку «Обучение».

— Готов? — спросил Гек, я в ответ только рукой махнул, побуждая его действовать быстрее. Потому что успеть выйти нужно было в процессе загрузки, и еще до того, как в вирте я окажусь на тренировочной площадке.

— Снимаю, — предупредил Гек, и резко потянул с меня полушлем.

Подобный аварийный выход из виртуальной реальности — без прерывания, довольно болезненнен и неприятен. Как будто по ушам ладонью хлопнули. Но у меня получилось не вскрикнуть и сохранить неподвижность, ожидая вердикта Гека. Тот внимательно смотрел на экран лэптопа, и после примерно минуты ожидания показал, что все в норме и работает: я теперь для мониторинга RODZ нахожусь на вирт-Арене, обучаясь азам.

Все, восемь часов у меня есть — больше в вирте, при условии положительного рейтинга, проводить нельзя. После этого нужно будет «вернуться» под контроль слежения регистрационной службы.

А еще, пусть не за эти восемь часов, но в самое ближайшее время хорошо бы найти грамотного специалиста-электронщика. Понятно, что такие кадры как Элимелех или Накамура на дороге не валяются; но заведующий электронными девайсами Гек — тоже не дело. Он хорош на арене как участник, а то, что он делал сейчас даже более-менее подкованный эникей сделает в три раза быстрее и качественнее. Вот только лояльных специалистов на горизонте пока нет — они тут косяками не ходят в сточных районах города, так что придется терпеть работу Гека.

Приходя в себя после жесткого «выноса тела» из виртуальности, я немного посидел, поморгал — фокусируя взгляд. Когда реальность перед глазами полностью обрела четкие очертания, глянул на Гека. И обратил я внимание на внешний вид датчанина: узкое лицо бледное, на губе заметны следы от прикусивших зубов, на висках выступили капельки пота. Ну, пусть он и не первый специалист в этом деле, но хотя бы относится ко всему ответственно — подумал я.

— Молодец, спасибо, — подбодрил я датчанина, хлопнув по плечу.

Все, пора переходить к делу. Теперь, когда глаз Большого брата за мной смотреть перестал, настало время поговорить предметно. Но первым делом я огляделся по сторонам и нигде не обнаружил Патрика.

— Ввел ему успокоительное и снотворное, — пояснил Войцех, который сразу понял, что меня интересует. — Сейчас проспится, после его прокапаем и к завтрашнему дню будет похож на человека.

— Отлично, спасибо, — только и кивнул я.

Вот нравится мне такой подход.

Поднявшись с дивана, я оценил состояние. Даже головокружения уже почти не ощущается, что хорошо. Сделав несколько осторожных шагов, уверился что тело работает как надо и прошел в центр комнаты, где сел во главе стола. Чумба подошел ближе, но садится не стал — мутант встал позади меня, прислонившись к стене — как будто телохранитель. Все остальные быстро подтянулись, занимая места за столом быстро и без лишних вопросов. Василий и Гек сели слева, Войцех справа, а дядюшка Абрам напротив меня.

— Сколько у нас денег? — на него я и посмотрел в первую очередь.

— Мало. Если чистых, то семь тысяч кредитов. Грязной криптой чуть меньше пяти, железа и монет нет вообще никаких, — ответил за него Войцех.

— Сколько у нас активных обманок? — поинтересовался я, глянув на Гека.

— Четыре.

Четыре — споткнулся на этих словах я. Чумба на Занзибаре находился нелегально, это понятно; а остальные — Абрам, Войцех, Вася, Гек… и я, — быстро осмотрел я присутствующих.

Пять человек. А обманок четыре.

— Меня здесь нет, — пояснил Войцех, — я пока за призрака.

Теперь ясно. Бывший опекун находится здесь и сейчас вообще без имени и без личности. Что-то, надо сказать, в этом есть. Некая определенная свобода — подумал я.

— Сколько у нас мушкетов? — не удержался я от своеобразной формы выражения следующего вопроса.

— Что? — переспросил быстро Войцех, на которого я по-прежнему смотрел.

— В смысле сколько у нас рабочих единиц огнестрельного оружия.

После этого моего пояснения заметил, как Гек, дядюшка Абрам и Василий одновременно покосились на Войцеха.

— Три пистолета, один пистолет-пулемет, четыре вспышки, две осколочные гранаты и три полицейских парализатора, — произнес мой бывший опекун.

— Откуда дровишки? — не смог удержаться я от удивления.

Сразу Войцех отвечать не стал. Он прямо посмотрел мне в

глаза, и я чуть погодя кивнул — не требуя пока ответа. Расскажет чуть позже, наедине.

Но имеемый арсенал внушает: здесь, на острове, политика по отношению к оружию у населения очень строга. Заключается она в том — как и в других протекторатах, что оружия у нижних и средних слоев населения быть не должно. Вообще.

В Высоком Граде действовали такие же правила, но там такая строгость законов не замечалась: нелегального оружия на руках у населения было в разы больше, чем здесь. Сказывалось, что близко вольный город Кобрин, пристанище наемных рот, где разжиться левыми стволами не составляло никакого труда. Здесь же город, во-первых, расположился на острове, во-вторых полиция гораздо активнее борется с нелегальным оружием на руках у населения.

Естественно, на нижних уровнях мегаполиса оружие на руках у населения было — у крупных и авторитетных банд в основном. Мелкие банды, а также неавторитетная шушера в сточных районах перебивались холодняком и ручным творчеством по типу дубин и кастетов. Настоящее огнестрельное оружие здесь было редкостью.

Исключение на Занзибаре в строгости ограничения владения оружием делалось лишь для защитных систем — подобных той, что стояла на крыше занятого моей новой командой дома.

Так что Войцех, который за короткий срок сумел достать сразу целый арсенал, в том числе охранную систему, сделал большое дело. И неудивительно, что он не хочет об этом говорить при всех — может обязательство какое на себя взял, или заплатил весьма немало.

— Очень хорошо и главное защищенно устроились. Мое почтение, — только и прокомментировал я услышанное и увиденное.

— Если ты таки о турелях на крыше, то это муляжи, — вдруг фыркнул дядюшка Абрам. — Они выглядят и даже двигаются как настоящие, но стрелять не стреляют.

— Движение рисуют?

— Да.

— Уже очень и очень неплохо, — прокомментировал я. — Ладно, давайте дальше: что у нас с надзирающим глазом по району?

Снова все посмотрели на Войцеха. А тот уже со щелчком положил на стол таблетку проектора и активировал ее нажатием пальца. Над столешницей моментально появилось объемное изображение острова. Но большая часть районов — особенно на западе и юге, было закрашена белым цветом. Остальные, в

большинстве имея детальные очертания, оказались подернуты серой пеленой. Яркие краски и детализация присутствовали в полном объеме лишь на нескольких северных районах карты.

Увеличивая понемногу масштаб, Войцех начал приближать изображение. Так, что в конце концов в видимости осталась только часть округа Аэропорт — по большей части мусорный город, Джанктаун, «в подвале» которого и находился Полигон. «В подвале» — потому что на уровне моря, и практически без солнечного света — сверху над нами сейчас возвышались перекрытия развязок островных магистралей.

Еще несколько движений, и Войцех просто смахнул, как стер, верхние уровни района, состоящие здесь больше из развязок транспортных магистралей. После этого мы наконец увидели Полигон — место, где находились сейчас.

Сразу после этого у меня вдруг пробежала ледяная волна мурашек по спине. Потому что жесты Войцеха точь-в-точь повторили действия Астерота, который недавно в своем замке показывал мне карту Занзибара. И, озвучивая мне предложение, от которого нельзя отказаться, архидемон точно также, с абсолютной точностью движений увеличивал масштаб, выводя в центр изображение мусороперерабатывающего завода.

Не в первый раз уже сталкиваюсь, но все никак не могу привыкнуть к этим дьявольским шуткам со временем.

Между тем Войцех, снимая наваждение, прекратил действовать, зеркально повторяя недавние движения Астерота. Он сейчас развернул и отцентрировал карту так, что наш дом оказался в середине изображения, а завод оказался в стороне. После этого Войцех сделал еще несколько скупых движений, активируя кнопки в виртуальном интерактивном экране. Полигон сразу окрасился в два основных цвета — серый, и алый, ярко-красный. Но, кроме этого, по серым зонам во многих местах были расчерчены бордовые полосы.

При взгляде на карту даже без пояснений все было предельно ясно: серым обозначены территории, которые — в том числе наш дом, в радиус обзора объективов камер не попадали. Поле зрения систем слежения обозначено алым цветом; бордовые полосы же — маршруты облета полицейских дронов слежения. И по ним как раз сейчас двигалось несколько алых пятен — надо же, у Войцеха даже в реальном времени движение дронов слежения отображается.

— Это мониторинг дронов в реальном времени, — словно услышав мои мысли, коротко пояснил Войцех. — Это просто расчетное время их движения, рассчитывать на эту информацию как на стопроцентную не стоит.

— Jesus Christ! — в этот момент выдохнул Василий, откровенно пораженный подобной демонстрацией. Да и остальные не скрывали удивления — все же не каждый день видишь полную информацию по полицейским системам слежения в районе. Тем более, систем слежения вокруг стратегического объекта — которым являлся мусороперерабатывающий завод. Полностью красный по периметру, окруженный полосой безопасности метров в триста от забора.

Мусороперерабатывающий завод. Тот самый объект, который мне и нужен в первую очередь: настоящее сердце северной части города-острова. Место, где сходятся трубы артерий…

«Ха. Ха. Ха» — с истеричным спокойствием произнес внутренний голос.

Хорошо — мысленно согласился я. Пусть будет не сердце. Пусть не сердце, но это именно тот самый черный ход, ради которого мы здесь собрались. И тот самый черный ход, через который нам предстоит подняться на самый верх этого города.

Именно мусороперерабатывающий завод превратил район Полигона в то, чем он являлся сейчас. Развитие района происходило довольно быстро, уместившись в десятилетие. И пройдя путь от несостоявшегося райского уголка до самого настоящего сточного дна: сначала были претензии на элитный жилой комплекс, потом постройка дополнительной взлетно-посадочной полосы, последовавший далее уход немцев с острова, наложившийся на быстрый рост и стремительное расширение города. По мере которого район превратился в свалку.

Британцы всегда, на любом уровне, отличаются своеобразным юмором. Ну и предусмотрительностью конечно — права на землю у потерявших деньги на строительстве «Солнечного» инвесторов никто не отбирал. Поэтому сюда просто начали свозить мусор, не возводя никаких капитальных объектов. И сразу после перехода острова полностью под британский контроль район превратился в тот самый Джанктаун — мусорный город. И изначально мусор свозился сюда и перерабатывался с помощью ручного труда.

Но город-остров рос просто гигантскими темпами, и довольно быстро север острова стал задыхаться в мусоре. Дошло даже до того, что один из взлетающих самолетов поймал двигателем пару пасшихся на мусорных курганах чаек и едва не потерпел крушение. Проблема мусора серьезно назрела, ее необходимо было срочно решить, и в кратчайшие сроки на границе Солнечного поселка и аэропорта был возведен современный мусороперерабатывающий завод.

До момента его введения в эксплуатацию только в Солнечном на сортировке мусора было задействовано больше трех тысяч

человек, которые здесь и жили. Но после того, как завод заработал, они все остались без работы. А контролирующие мусор банды — без дохода. Потеряв серьезные деньги — при должном подходе мусор может приносить очень много золота. И этот доход после постройки завода только увеличился, но оказался сконцентрирован в одних руках. В руках корпорации «Некромикон», которой все мусороперерабатывающие заводы на острове и принадлежали.

Естественно, факт того, что большое количество человек мгновенно осталось без работы и средств к существованию, для острова не прошел бесследно. Кое-кто даже решил немного набрать вистов в политической гонке, использовав ситуацию: спешно, за несколько дней созданный картонный профсоюз вывел людей на демонстрацию, проплаченные мусорными деньгами и заинтересованные в рейтингах политики выступили с громкими заявлениями. Но возмущение купировалось очень быстро и без лишних сантиментов: красный рассвет — так назвали день, когда на второе утро протестов в Солнечном появились несколько упакованных отрядов наемников.

Сначала бойцы без опознавательных знаков жестко разогнали протесты, а после прошлись кровавой косой по району, полностью выбив всех членов верхней и средней иерархии местных банд. Системы наблюдения, кстати, на всем Севере острова в тот день не работали — произошел централизованный сбой, ждали окончания ремонтных работ. Из-за этого практически незаметным прошел тот факт, что трое политиков, поддерживающих протесты, неожиданно умерли — все трое случайно вышли из окон своих пентхаусов в небоскребах.

После устроенной корпоратами кровавой бани протестовать против работы завода больше никто не пробовал. Окрестности его опустели, оставив лишь застарелые горы мусора, в самое ближайшее время закрытые сверху широкими полосами магистралей. Еще одна, пусть и невольная шутка: теперь район Солнечный практически полностью находился под крышей транспортных развязок города и аэропорта, солнца будучи лишен.

Полигон же после всего этого стал ничьей землей. Здесь не имела влияния ни одна из банд. Просто потому, что Полигон никому из серьезных банд не был нужен — с земли нечего было брать. Если же претендовать на что-то серьезное, то последствия корпораты показали акция красного рассвета. А серьезное здесь присутствовало: в районе сконцентрировался просто нереально огромный доход.

Весь Занзибар, весь город-остров, в последние годы оказался опутан системой труб — пневматического раздельного сбора

мусора. Трубы со всего севера и части центральных районов вели сюда, на этот завод — один из трех на остров. Во всем городе больше не было привычных урн, а во всех квартирах, офисах и домохозяйствах находились специальные раздельные преемники для сбора мусора. Причем налог на мусор был весьма высок, особенно при перевыполнении отдельно дневной или месячной нормы. Возможность выкинуть мусор в приемник на улице также стоила каждому жителю довольно ощутимую сумму.

Получалось, что в городе-острове производить бытовые отходы жизнедеятельности — весьма дорогое удовольствие. Которое, без оглядки, могли позволить себе очень и очень немногие. И из этого факта выходила одно из непривлекательных особенностей Полигона: за небольшое вознаграждение специальными людьми предоставлялась услуга нелегального вывоза мусора — его привозили сюда и сбрасывали сверху, с магистралей. И этот, летящий с неба мусор, сейчас остался единственным естественным источником дохода для местных обитателей.

Так что вместо зеленых изгородей и изумрудных лужаек в Солнечном повсеместно высились горы мусора, а сверху то и дело летели черные плотные мешки. На которые, как рыба на корм, тут же налетали бригады местных мусорщиков. Потроша найденное и забирая все, имеющее мало-мальски ценность, оставляя на месте сброса груды невостребованного мусора.

В общем, это была самая настоящая клоака.

Но клоака золотая; не зря ассенизаторов в моем мире называли, а здесь продолжают называть золотарями. И на новом заводе, кроме переработки мусора, находились мощности по производству биогаза. Который создавался из органического мусора, и в основном — из отходов канализации.

Высокие зеленые цилиндры «гнилых камер» возвышались стройными ровными рядами, занимая немалую часть завода. На них, кстати, как и на всем заводе, не было ни следа эмблемы Некромикона — зеленого трилистника, так похожего на привычный мне знак радиоактивной опасности.

На гнилых камерах, в виде схематичной эмблемы, была изображена фиалка: формально здесь, на Занзибаре, в части системы управления отходами работала дочка Некромикона — компания Viola. Фиалка, в переводе с латинского — что добавляло названию определенный флер, учитывая, что именно перерабатывалось на заводе.

В этом я, кстати, с менеджерами Некромикона был абсолютно согласен — не дело рисовать свою знаменитую на весь мир эмблему на канализационном хабе. Который, кстати, и дал

название сточным районам.

Но по атмосфере на заводе Фиалок, если не быть в курсе, о роде его деятельности догадаться было невозможно — на производстве стояли современные системы фильтров. На улицах Солнечного воняло гораздо сильнее, чем у забора завода, куда стекалось все дерьмо и мусор с доброй трети острова. Просто потому, что канализация у большинства местных жителей отсутствовала.

Кроме того, именно окружающий район напоминал свалку, а сам завод являл собой чистые серые комплексы, с идеальной чистотой вокруг и на территории. И даже с зелеными газонами у административного блока.

Здесь, на территории завода, кроме всего прочего находилась стоянка городских автобусов. На бензине на Занзибаре не ездила практически ни одна машина — лишь считанные единицы могли позволить себе столь дорогое удовольствие. Все машины коммунальных и муниципальных служб, частный, городской транспорт — все здесь ездили на биогазе.

«И каждый раз заходя в туалет, каждый житель острова каждый раз делает, так скажем, определенный вклад в обеспечение деятельности муниципальных служб» — совершенно не в тему подсказал внутренний голос. Причем подсказал с гнусавыми интонациями — словно нос зажимая.

Внимания я на это не обратил. Я сейчас смотрел на детально отображенный на карте Войцеха ряд расположенных внутри территории завода транспортных ангаров с эмблемами города-острова на крышах. Именно возможность получить доступ к маршрутным автобусам и заправочной станции, куда заезжали на заправку машины северных и центральных муниципалитетов, а также наливники из аэропорта, меня в первую очередь и интересовала в этом заводе.

Для всего остального города, для всех его и благополучных граждан, и вольных обитателей дна общества и нижних уровней, свободная земля Полигона являлась клоакой — здесь было темно и грязно. Ни одной серьезной банды здесь не было, лишь имелась в наличии разрозненная уличная шушера. Зато для меня это сейчас вполне подходящее место, для того чтобы набраться силы и влияния, не ввязываясь сразу по прибытию в серьезные конфликты.

Естественно, этот план придумал я не самостоятельно — у меня просто не было достаточно времени на изучение Занзибара. Не было времени, и некому было даже такую задачу поручить. Но именно отсюда, рассказав предысторию района, дал мне указание начинать свой путь наверх Астерот.

Вот этим и необходимо заняться. Среди прочего поговорив с Войцехом наедине: его появление здесь для меня оказалось весьма неожиданным сюрпризом. Наверняка от Астерота, но нужно понять, как именно Войцех здесь оказался и чем занимался те полгода, которые мы с ним не виделись. Но прежде нужно разобрать все остальные дела, а после уже пообщаться с глазу на глаз с бывшим опекуном.

— Абрам Сергеевич, — повернулся я к старому еврею.

— Таки я.

— Сейчас вместе с Геком, вдвоем, едете в службу регистрации. Там подаете заявку на регистрацию некоммерческого благотворительного фонда «Рука помощи»…

При этих словах я невольно бросил короткий взгляд на свою правую руку.

— …заявку составите сами, думаю труда не составит набросать пару листов канцелярщины. Единственное что попрошу, укажите как миссию компании — нести разумное, доброе вечное в массы. Мы пришли в этот город, чтобы забрать зло с улиц, перенеся его в виртуальные миры, дав дорогу к нормальной жизни тем, кто в плохих районах города сделать этого не может. Что-то типа этого, желательно побольше сострадания, надежды и пафоса. Выполнимо?

В ответ на вопрос дядюшка Абрам только пренебрежительно фыркнул.

— Отлично. После этого получите уведомление о принятии на рассмотрения заявления о регистрации фонда, посетите филиал «World of Wizzards». Там, предъявив уведомление о приеме заявление на регистрацию фонда, составите заявку на пятнадцать капсул полного погружения. Лизинг нам не дадут, покупать будем деньгами. Под заявку на заказ оставите залог. Не думаю, что он окажется больше двух-трех тысяч кредитов.

— А деньги на то, чтобы капсулы купить в деньги у нас будут? — тут же задал вопрос старый еврей.

Правильно задал — стоимость даже одной стандартной капсулы превышает сумму в десять тысяч кредитов. Вопрос был задан справедливый, но я его пока проигнорировал. Не люблю, когда меня перебивают во время постановки задачи.

— Из этих пятнадцати капсул, — интонацией я показал недовольство, — нужны десять стандартных и пять самых современных, подходящих для участия в киберспортивных соревнованиях самого высокого уровня.

— На острове нет филиала Виззардов, — покачал головой дядюшка Абрам.

— Есть официальные дистрибьютеры, не суть. Мне нужны

капсулы именно от них, третий сорт не подойдет.

— Здесь высокая наценка, мы за капсулы Виззарда переплатим по двойному, если не больше, тарифу.

— Неважно, у нас в планах хороший спонсор, — отмахнулся я. — Не на свои берем. Итак, после того как вы составите заявку на заказ капсул… прошу сделать это по всей форме, чтобы не было повода ее завернуть из-за ошибок, вы направитесь в… какой здесь есть хороший магазин стройматериалов?

— На острове только «BQ».

— Отправитесь в «BQ». Там, как обоснование, предъявите свидетельство о регистрации заявки на создание некоммерческого фонда, и заявку на рассмотрение покупки капсул полного погружения, и приобретете самый разный шанцевый инструмент и стройматериалы. Для того, чтобы сделать необходимый ремонт в этом здании. Тех денег что есть, должно на это хватить. Выполнимо?

— Конечно, — кивнул дядюшка Абрам.

Заявка на регистрацию некоммерческого фонда и уведомление о залоге под заявку на покупку капсул для строительного магазина «BQ» нужны были не просто так. Здесь, в протекторате, да и не только здесь в этом мире, ремонт и любые строительные работы без предварительного согласования не проведешь. В хороших районах, конечно — настолько в этой сфере все зарегулировано.

В плохих районах никто тебя ограничивать не будет, все равно территория «нижнего города» повсеместно является выведенной с городского баланса, но даже на покупку смесей, краски или на аренду электроинструмента необходимо разрешение или обоснования.

— При покупке стройматериалов и инструмента ориентируйтесь на то, что первоочередная цель не ремонт этого дома под помещения некоммерческого фонда. Наша цель состоит в том, чтобы прорыть тоннель отсюда, — показал я на дом, в котором мы сейчас находились, — вот сюда.

Палец мой скользнул по объемной карте проекции и показал на утопленные в землю ангары автобусного депо.

Вопросов никто не задал — зачем копать тоннель к мусорному заводу, и так ясно.

— Гек.

— Босс.

— Я еще не уверен, нужно ли тебе принимать участие в возможной нашей противоправной деятельности. Поэтому перед тем, как с Абрамом Сергеевичем поедете по заявочному маршруту, напечатай себе приличную и цивильную одежду.

Может быть, тебе придется остаться наверху, пока мы вниз будем решать возникающие проблемы и отвечать на поставленные ситуацией вопросы.

— Понял, — только коротко кивнул Гек.

— Василий, — обернулся я к оруженосцу.

— Босс, — мгновенно вскинулся Вася.

— Твоя задача. Пройди по району, собери местных подростков от двенадцати до шестнадцати с околонулевым рейтингом и, объяви набор в новую команду… ну, пусть будет «Полигон», — сходу придумал я название. — Скажи приходить завтра в обед, в пятнадцать ноль-ноль, на первое собеседование сюда. Собеседование будем проводить мы втроем. Я, ты, и Гек. Ты, — повернулся я к датчанину, — будешь тренером команды. Как только мы тоннель прорoем, лавочку именно здесь можно будет закрывать, и после может быть получится тебя отсюда вывезти. Посмотрим по ситуации. А благотворительный фонд с командой из бедной молодежи никогда лишним не будет.

— Понял, — вновь коротко кивнул Гек.

— Это все. Василий, ты можешь идти. Вы, Абрам Сергеевич, также можете отправляться по делам, — повернулся я к старому еврею. — И отвечая на ваш предыдущий вопрос: да, деньги у нас будут. И как именно их заработать, мы сейчас подумаем вместе с Войцехом.

Дядюшка Абрам и Гек поднялись, но задержались. И сделали это, глядя на Василия, который остался сидеть.

— Босс… — не очень уверенно протянул он.

— В чем проблема, Василий?

— Можно мне… пистолет?

— Зачем?

— Ну… босс, я же по району иду… гулять.

— С пистолетом по району гулять каждый дурак сможет, — машинально фыркнул я, думая о другом.

— Босс, я должен ходить по району один?

— Да.

— Босс, простите меня пожалуйста.

— За что?

— Я не знаю за что, босс.

— Василий… — не очень понял я появившиеся нотки в Васином голосе.

— …за дерзость, за излишнюю наглость…

— Вася! — хлопнул я ладонью по столу.

— Я обещаю, я больше не буду, босс, — шепотом договорил Василий.

— Что не будешь?

— Что скажете, то и не буду, босс!

— Я не понимаю причину твоего…

— Он боится идти в одиночку в серый район, — соединяя наши разные уровни беседы, вдруг пояснил Войцех, усмехаясь.

— А-а-а… — начал я понимать. — Вася!

— Да, босс…

— Научись смотреть на проблему с разных углов. Куда ты сейчас идешь?

— На улицу, босс.

— Отлично, Василий, это просто прекрасный ответ. Зачем ты туда идешь?

— Пройти по району, собрать местных подростков от двенадцати до шестнадцати с околонулевым рейтингом и, объявить набор в новую команду «Полигон». Сказать приходить всем сюда завтра в пятнадцать ноль-ноль, на первое собеседование.

— Красавец, Вася, все четко запомнил. Четко-чётенько даже, как говорил один мой коллега. И…

— И… — не понял к чему я веду Василий.

— Ты идешь делать гоп-стоп, толкать дурь, или убивать конкурентов? — попробовал я стимулировать его мыслительный процесс.

— Эм… нет.

— Ты идешь на противоправную деятельность?

— Эм… нет.

— Так кто мешает тебе снять с головы обманку и надеть очки от RODZ?

Судя по расширившимся глазам Василия, о таком варианте действий он даже не подумал. Действительно, в самом нижнем районе не найдется ни одного идиота, который решится на противоправные действия в адрес человека с активной системой слежения от социальных адаптантов. Или регистраторов, как называли таких работников здесь.

— Работай, Василий, — напутствовал я его на прощание. — С пистолетом ты, пока не видишь такие очевидные пути решение проблем, непредсказуемо опасен. Давай немного погодим.

Больше никто не сказал ни слова. Вася, дядюшка Абрам и Гек вместе поднялись, и вышли из дома.

Мы с Войцехом некоторое время сидели и молча смотрели друг на друга. После этого я глянул на Чумбу. Мутант понял сразу — кивнул, и вышел из комнаты.

— Ну, здравствуй, — повернулся я к Войцеху.

— Здравствуй, — кивнул он, внимательно на меня глядя.

В этот момент я даже порадовался, что у меня закончились

способности эмпата.

Последняя наша с Войцехом встреча, когда он стрелял в меня, а я в него, состоялась в Высоком Граде, у кровати Шиманской. Но вспоминать об этом мне сейчас не хотелось. Тогда каждый делал то, что должен был делать. Наверное, не очень удобно будет вспоминать об этом и Войцеху.

Глубоко вздохнув, я начал говорить.

— Я был очень сильно расстроен фактом твоей смерти, — тщательно подбирая слова, произнес я. — Все же не каждый день теряешь отца.

Войцех ничего не сказал. Молчал и смотрел сквозь меня. А я в этот момент огорчился, что у меня закончились способности эмпата.

— Я очень благодарен тебе за то, что ты вложил в меня четырнадцать, почти пятнадцать лет своей жизни, научив… многому. Но. Чтобы не было недосказанности — я сейчас, нынешний я, это уже совершенно другой человек. О поступках моих и деятельности ты наверняка достаточно наслышан. Но отличный от того, которого помнишь ты, я еще и по специфике осваиваемых мною последние полгода искусств… самых разных. Если ты конечно понимаешь о чем я.

В иные времена, а если конкретнее — еще позавчера, я бы добавил Тьмы во взгляд, заставив глаза стать непроглядно черными. Сейчас же дара больше у меня не было, поэтому ограничился лишь интонацией.

Войцех, судя по ответному кивку, понимал. Но определенно понимал мои слова он не до конца, не зная всей подноготной и истории вопроса.

— Я знаю, почему именно все эти годы ты был рядом со мной. Я имею ввиду знаю настоящую причину, — решил я его просветить.

В ответ Войцех лишь скривил уголок губ в легкой усмешке. Не принял всерьез. Зря — потому что мои последующие слова заставили его лицо вытянуться.

— Я общался с матерью, и… мы стали довольно близки, так что я могу говорить за нее. Обещаю, что она освободит тебя от данного тобой ей обязательства присматривать за мной, если ты будешь рядом в ближайшие полгода.

Глаза Войцеха расширились, а сам он мгновенно побледнел. Разумом он пока не верил в услышанное, но понимал, что сказанное мною — правда. Я же продолжил его удивлять:

— Видимо, ты не совсем полностью осознал сказанное, когда я упомянул что стал другим человеком. Надеюсь, теперь отнесешься серьезнее. Чтобы ты знал: те, кто пытался убить мою

мать, а после меня, определенно ее, да и меня тоже, недооценили. Она жива. Я… ну, сам видишь, тоже. Более того, мы с ней разговаривали в последний раз несколько дней назад.

Войцех в этот момент побледнел еще больше, а я вдруг понял причину его волнений. Понял, несмотря на отсутствие способностей эмпата, и поспешил его успокоить:

— Насчет тебя, и причины по которой ты находился со мной рядом, она рассказала лишь то, что просила за мной присмотреть. Почему ты выполнил эту просьбу после ее якобы смерти, она раскрывать не стала. Сказав, что это тайна лишь твоя и ее. И ты сам, если будет на то желание, мне об этом расскажешь.

Поиграв желваками, Войцех молча кивнул.

— А сейчас расскажи, пожалуйста, каким образом ты сюда попал, и как смог получить в короткие сроки сразу столько оружия и информации.

Мне действительно это было весьма интересно. Потому что я никак не предполагал здесь увидеть Войцеха. Астерот, конечно, предупреждал, что кроме самолично отправленных мной Василия, Чумбы, Гека и дядюшки Абрама здесь окажутся еще помощники, но вот то что это будет Войцех — определенно приятный сюрприз. И да. Астерот ведь говорил о случайных помощниках. Во множественно числе. Войцех — первый. Интересно, относится ли к группе волонтеров от демона подобранный мною в аэропорту Патрик?

— Два месяца назад, во время проведения рядовой операции во Флоренции, возникла нештатная ситуация. В результате я, так скажем, решил «погибнуть»…

Флоренция, два месяца назад — и я даже знаю, что там была за нештатная ситуация, вдруг догадался я.

— …за тобой присматривать больше не было нужды, долг царю и отечеству я уже давно отдал сполна, так что решил оставить службу, отдохнуть и немного пожить для себя.

До этого, как ты знаешь, мы много лет работали в паре с Мустафой. И он, также как и я, решил отойти от дел. И мы уже давно приняли решение когда раскидаем все обязательства, перебраться сюда, на Занзибар. По нашей договоренности я прибыл сюда, но Мустафы здесь не оказалось.

— Он умер, — коротко ответил я после вопросительного взгляда Войцеха.

Глаза бывшего опекуна расширились, а лицо окаменело. Повисло тяжелое молчание, и я счел нужным пояснить:

— Слышал жн о… вторжении демонов?

— Да. Даже видел, — добавил Войцех, а я понял, что моя догадка о возникшей «нештатной ситуации» оказалась верна.

— Вторжение происходило одномоментно по всему миру, сразу в нескольких точках. Женева, Фамагуста, Лима, Флоренция, Джакарта, Салем, Прага, Елисаветград, еще пара городов. Везде, кроме Салема и Елисаветграда, удары были отвлекающими. Да, несмотря на внешний результат, — кивнул я в ответ на недоуменный взгляд Войцеха.

Его удивление понятно — все остальные города, в отличие от Салема и Елисаветграда, демонов на улицах увидели. Разрушения же в Салем принесли произошедшие на фоне вторжения столкновения ведьм и инквизиторов, а в Елисаветграде — сепаратистов и конфедератов. И ни одного демона в этом не участвовало, все полегли на входе, в Инферно.

— Да, именно в Салеме и Елисаветграде пытались прорваться основные силы орды, и именно в этих городах они были остановлены перед самым входом. Очень большой ценой — в Елисаветграде рядом со мной был Мустафа, и он спас мне жизнь. Мне, и очень и очень многим в этом мире.

— Вот только об этом никто не узнает.

— Ваша служба и опасна и трудна, вы сами на это подписались. Но… почему бы и не да? Если мы захотим, об этом узнают многие и многие.

— Семья Мустафы, уверен, хотела бы чтобы люди знали, как и за что он умер.

— Все в наших руках. Рассказывай дальше.

— Вместе с Мустафой именно этот район мы рассматривали для того, чтобы первично здесь, на острове, осмотреться. Рассматривали именно этот район и именно этот дом, как наиболее выгодно расположенный, — невесело усмехнулся Войцех.

Я тоже хмыкнул, не удержался — оттого что хорошо видна дьявольская рука планирования. Астерот направлял меня на Занзибар, но направлял он словно в сторону буйков, которые занимали свое место сами.

— … и когда я сошел на берег, здесь, в этом самом доме, обнаружил твоих датчанина, мутанта и мужина.

Не сразу я понял, что мужином, murzyn — чернокожим по-польски, Войцех назвал Василия. Помогла память Олега, оперативно подкинувшая воспоминание.

— Нам потребовалось совсем немного времени, чтобы найти общий язык. Тем более что датчанин меня узнал и подумал, что я здесь нахожусь по твоей воле. Он рассказал, что они все вместе прибыли сюда для того, чтобы первично осмотреться и найти пути для того, чтобы иметь возможность подняться в иерархии нижнего города. Причем сказал он это слово в слово с тем, как

озвучивал эту задачу Мустафа. Я же… с некоторых пор не очень верю в совпадения, а верю в предназначение. Так что, услышав от датчанина их цель появления здесь, понял — моя служба панне еще не кончилась.

Я только покивал, прекрасно понимая, что-то самое предназначение, в которое верит Войцех, имеет конкретное имя. И звучит оно так: Астерот, Князь Тьмы.

— Насчет оружия, — продолжил между тем Войцех. — Гек сказал, что получил от тебя задание осмотреться, не упуская возможностей. Ну… я и осмотрелся. Немного помог с деликатным вопросом начальнику тринадцатого полицейского участка, эта земля в зоне его ответственности, после этого он стал мне доверять.

— Патрульный с номером тридцать один семнадцать, — вдруг догадался я.

— Что патрульный с номером тридцать один семнадцать?

— В аэропорту у меня возникло небольшое недопонимание, и я уже смирился с перспективой отъехать в кутузку. Но появился Василий, и тридцать один семнадцать, когда увидел эмблему на спине его куртки, развивать тему недоразумения не стал, и они с напарником просто ушли. Он, получается, в курсе твоей деликатной помощи?

— Нет, — улыбнулся Войцех. — Это Януш Новицкий, мы с ним в Легионе Колониальной лиги в Бенгази пересекались, он просто меня знает.

— С начальником тринадцатого участка тоже до этого пересекался?

— О да, — снова усмехнулся Войцех. — Его зовут Вальдуш Дрозд, мы в одной школе учились.

— Дружили?

— Нет, наоборот. Я ему однажды нос из-за одноклассницы сломал. Поэтому он меня и вспомнил сразу, когда я к нему в гости пришел, — усмехнулся Войцех.

«Мафия. Польская мафия», — подсказал мне внутренний голос.

— Ясно. Так что с оружием, откуда дровишки?

— Оружие — это в некотором роде аванс. Изначально Вальдуш попросил меня решить вопрос с его любовницей. Девочка до некоторого времени работала в городской администрации, но немного переоценила собственную значимость. Выехала в большой город и под камерами попалась за рулем в состоянии наркотического опьянения. После сразу потеряла должность и решила немного Вальдуша пошантажировать, чтобы он помог ей восстановиться. Вопрос я

решил, легко и быстро, и тут же от Вальдуша… как бы тебе сказать… — вздохнул Войцех, не найдя сразу нужных слов. — Скажем так, он меня ни о чем не просил. Даже не думал. Просто рассказал грустную историю, и мне, вернее уже нам, сейчас нужно решить, проникнемся ли мы, и будем ли пытаться хоть как-то помочь мирозданию восстановить справедливость.

— Что за история?

Войцех повернулся к проекции с картой района, и быстро уменьшил масштаб, так что перед глазами вновь появился весь остров. После следующего его жеста часть видимых районов окрасилась в синий цвет. Еще одно движение рукой, и на карте появилось несколько красных пятен — в основном на побережье. Также в красный окрасились некоторые башни на благополучном юге острова.

— Зоны ответственности, — пояснил Войцех. — На всем острове охрану правопорядка осуществляет Полиция Занзибара. К ней относится и муниципальная гвардия, ты с ними получается уже виделся в аэропорту.

— Да, — кивнул я, осматривая синие участки, на которые показал Войцех.

— Но. Зазу — отдельный автономный дистрикт, при этом находящийся в составе протектората. И после того, как дистрикт стал автономным, Федеральная Полиция Танганьики, которая по полномочиям выше местной Полиции Занзибара, здесь больше не работает. И теперь на федеральном уровне здесь действует частная полиция корпоратов, которую наделили многими функциями, — показал Войцех на красные участки зоны ответственности. — Эти районы теперь контролируют Томми, или парни из Тип-Топ, как их называют.

— Эм… — вообще не понял я неожиданного захода с названиями.

— Тип-Топ, — посмотрел на меня Войцех. — Транспортная полиция протектората Танганьика. ТРТР.

— Тип-Топ, понятно. А почему Томми?

— Томми-Ган, — пояснил Войцех. — Корпораты уже давно создали свою транспортную полицию в Танганьике, и контролируют все грузопассажирские перевозки в регионе, да и на всем Юге и Востоке Африки. Но из-за того, что федералы — после того как Занзибар стал отдельным протекторатом, отсюда ушли, Томми заполучили здесь, на острове, часть их функций и привилегий. В том числе — право на ношение тяжелого оружия. Томми здесь, пока, гораздо меньше, но вооружены, а также экипированы они намного лучше Полиции Занзибара, не говоря уже о муниципалах из городской стражи, которым ничего кроме

двадцать вторых Глоков не положено. Кроме того, уже почти все высшее руководство муниципалов на серой зарплате у корпоратов. Так что местная стража у ребят из Томми теперь, можно сказать, начала смачно отсасывать с заглотом, причем по всем параметрам.

— Грубовато.

— Зато полностью отражает картину, — усмехнулся Войцех. — Так вот, с чего все началось. Томми в последнее время очень активно теснят муниципалов и погребают под себя многие прибыльные сферы деятельности на острове. В том числе охрану частных кварталов.

Частные кварталы. Приватные зоны. Элитные районы, где отсутствуют системы слежения и видеонаблюдения, гарантируя обитателям конфиденциальность частной жизни. Действительно, охрана подобных районов — весомая статья доходов любого полицейского департамента в любом городе любого протектората.

Забрать охрану частных кварталов — это не просто серьезный, это сокрушительный удар по самом главному, что есть у любой полиции. По бюджету. Это на самом деле реально больно, так что с грубоватым эпитетом Войцеха я теперь был полностью согласен.

Мой бывший опекун между тем вновь изменил масштаб карты, и сейчас я видел западное, благополучное побережье. На котором, рядом с маринами, расположились районы особняков. Окрашенные сейчас синим цветом, но в красной рамке. И это несоответствие Войцех быстро пояснил:

— Округ и яхт-клуб «Янтарь» в ближайшее время по договору города и протектората должны перейти в ведении Томми. Но пока еще безопасность в районе обеспечивают муниципалы. Вот этот дом, — увеличил Войцех масштаб так, что на экране остался лишь один богатый особняк, — через подставных лиц принадлежит Ричарду Уильямсу, главе филиала «Занзибар» в корпорации Некромикон. Он здесь, так скажем, развлекался в обход жены.

Ричард Уильямс, глава филиала Занзибар — сразу понял и вспомнил я о ком идет речь. Он, во время нашего «совещания» в башне Некромикона в Хургаде, умер одним из последних — после того, как мы с Рыбкой достигли джентльменского соглашения, и она пробила Уильямсу голову молотком.

— Не знаю, кому в голову из Томми пришла замечательная идея, но перед передачей территории они решили пошакалить в особняке Уильямса, — выражением и интонацией выразил все, что думает о подобной затее Войцех.

— Пошакалить?

— Трое корпоратов пытались несанкционированно проникнуть внутрь.

— Да нормальная идея, — покачал я головой. — Учитывая то, что Уильямс уже два месяца как мертв. Если бы у них получилось не спалиться, все было бы замечательно.

— Уильямс мертв?

— Да, я лично присутствовал в момент, когда он откланялся. И то, что территория под контролем муниципальной гвардии, тоже укладывается в картину отличного плана — корпораты вскоре примут функции охраны, начнут проверки охранных систем, и засвидетельствуют проникновение в особняк. Обнесут все желтой лентой и вынесут под это дело оттуда все, что нужно, перебрав дом уже по дощечке. Обнесли бы и вынесли бы, вернее.

— Тогда да, действительно этот перфоманс с их стороны имел смысл, — кивнул Войцех. — Вот только дятлы из Томми вошли в особняк грязно, и сработала одна из систем защиты. Вся современная сигнализация была ими дистанционно отключена, но в доме сработал первый пояс защиты, установленный сразу при постройке. Старая обычная сигналка, рассчитанная против собак и шушеры всякой, чтобы стройматериалы не уперли.

— И…

— И через одну минуту и сорок секунд приехал патруль муниципалов. Три человека, — вывел ненадолго на экран Войцех три фотографии полицейских.

Двое белых мужчин, одна черная женщина — машинально отметил я.

— …при проверке здания, — продолжал Войцех рассказывать, — муниципалы наткнулись на корпоратов, в результате произошел огневой контакт. Все трое муниципалов погибли. Потери были и у корпоратов, сколько — неизвестно, тела они увезли. А теперь, самое главное: официальная версия произошедшего говорит нам о том, что Дерек, Гжегож и Эллен, — показал на портреты полицейских Войцех, — сами решили обчистить особняк. Мимо же якобы в это время случайно проезжал экипаж корпоратов, которые проводят тестирующие патрулирование нового района. По итогу, по решению суда полицейские были признаны виновными, а их семьи оказались лишены всех гражданских прав.

— И нам, предполагаю, нужно проникнуться столь вопиющей несправедливостью и исполнить божий гнев?

— Именно так.

— Так кого нужно наказать? — с некоторым скепсисом поинтересовался я. Но, как оказалось, скепсис был лишним,

потому что конкретно в этом случае божий гнев было на ком демонстрировать: поверху проекции с изображением коттеджа появилось еще одно фото, с белым седым мужчиной.

— Глава муниципальной гвардии округа «Вилладж» Джордж Линден, — представил того Войцех. — Томми купили его с потрохами. Вопрос возмущения муниципалов в том, что если бы Линден сделал стражников крайними, его бы не поняли… но приняли. Это жизнь, так иногда бывает. Но Линден даже не стал бороться за семьи своих людей, хотя легко мог удержать их на краю. Семнадцать человек оказались на самом нижнем уровне без привилегий, пособий и спущенным до нуля социальным рейтингом. Он их просто утопил.

— Ему это зачем?

— Томми наверняка решили устроить показательную порку. На материке они последние годы ведут себя под девизом: «Да, мы обнаглели, и что?». Здесь, видимо, решили не отступать от принятой парадигмы и сразу показать местным, кто теперь на острове хозяин. Все предельно просто — лишь посмотришь косо в сторону корпоратов, и не только сам зубами подавишься, но и всю свою семью под монастырь подведешь. Также понятны и мотивы Линдена — ему здесь больше не жить…

— Почему?

— Не в том смысле: у него через три месяца заканчивается контракт, и он уходит со службы. Видимо, решил обеспечить себе безбедную старость, переехав куда-нибудь в Канаду или на Фольклендыы. Так вот, после того как я помог другу Вальдушу решить проблемы с шантажом от юной, но деятельной леди, он и рассказал мне эту вопиющую историю.

«Мафия. Польская мафия, она везде» — еще раз подсказал мне внутренний голос. Войцех между тем продолжал.

— …если муниципалы накажут Линдена сами, и не дай бог это всплывет, полетят головы. Много голов, и корпораты их вообще с землей смешают. Поэтому Вальдуш очень надеется, что Бог на небесах заметит несправедливость, и накажет скурвившегося Линдена. Притом Вальдуш очень просит в молитвах Бога, чтобы тот наказал грешника так, чтобы это не выглядело насильственным убийством. Во избежание шумихи и долгих разбирательств.

— Просить Бога о помощи нам нужно с помощью трех пистолетов, одного пистолет-пулемета, гранат и парализаторов? — усмехнулся я.

— Нет. Это все для того, чтобы нас не сожрали в ближайшее время. Для Вальдуша это ничего не стоит, просто небольшое пожертвование на бедность.

— Конфискат?

— Левый притом, неучтенный.

— Ясно. Вилладж — элитный район. И убить Линдена — опасная авантюра.

— Вальдуш намекнул, что вскоре вакантным может стать контроль над Кигунгули, — показал на небольшой район на севере острова. Там сейчас сидят каннибалы, их как раз хотят подвинуть. Насовсем и навсегда.

— Каннибалы?

— Да, из французской колонии племя прибилось, долгая история.

— Попробуй кратко. Никогда в жизни с каннибалами не сталкивался.

— Ну… жило где-то во Французской Африке племя, о корнях не забывающее. Французы, как выяснилось, что они по заветам отцов и дедов продолжают каннибализмом баловаться, половину там перевешали, но по ходу дела вмешались британцы, раздули в ООН скандал с геноцидом. Французы тут же подсуетились и отправили все недобитое племя сюда, опять же через комиссию ООН. В общем, теперь на острове есть племя потомственных каннибалов. После их переселения уже больше года прошло, видимо решили закрыть вопрос, а то эти купленные британцами каннибалы вечный повод для шуток теперь среди политиков, как понимаю. Они сейчас всей свой шоблой-моблой в Кигунгули сидят, а это район промзон рядом с портом, там можно найти много возможностей. Особенно если полиция нас туда пустит и поможет укрепиться, закрывая иногда глаза. В общем, решай с Линденом, впрягаемся мы или нет — времени у нас пара недель на рекогносцировку точно есть.

— Хорошо. Решим. А сейчас давай подумаем, где нам взять денег.

— С тобой ты не привез?

— Лишний хвост, не хотел рисковать. Я здесь как в свадебном кортеже.

— В смысле?

— Ну на свадебной машине обычно два кольца вешают на крыше, в том смысле что начальный семейный счет — ноль-ноль.

Войцех внимательно на меня посмотрел, но спрашивать о причинах такого моего прибытия сюда все же не стал. Хотя мог бы — еще вчера средств у меня было столько, что не было необходимости их даже считать. Я ж прибыл сюда без копейки.

— Понял. Принял, — лишь коротко произнес Войцех.

— По поводу монеток. Нам для начала нужно не так сильно много, но на круг, особенно учитывая покупку капсул в деньгах,

сумма выходит довольно ощутимая. Так что давай посмотрим, кого мы можем безболезненно выставить.

— Выставить?

— Да. Британские ученые недавно доказали, что Робин Гуд грабил богатых, а не бедных оттого, что у бедных просто нечего было грабить. Поэтому наша с тобой задача сейчас определить, исходя из того, что нам предлагают район Кигунгули, кого мы можем выставить на хорошие бабки. Так, чтобы не зацепить потенциально возможных союзников и соседей. И желательно выставить кого-либо так, чтобы выставить это экспроприацией экспроприаторов.

— Что-что?

— Грабь награбленное. Мы должны кого-нибудь выставить, но так, чтобы пассионарная часть общества вздохнула с удовлетворением: «Ах какие молодцы, забрали у кровопийц наворованное!»

— А, теперь понял.

— Второе — нам необходимо с тобой решить, как именно мы заработаем сразу и много денег, но сделаем это так, чтобы за это нам ничего не было. То есть, нам нужен хороший план.

— Третье?

— Чумба.

— Что Чумба?

— Ты его вообще видел?

— Да.

— Нужна информация о нелегальных подпольных боях. Как только появятся средства на то, чтобы навести нашей команде внешний лоск, мы можем поставить Чумбу на ринг против химер.

— Эм… я не очень понимаю, о чем ты сейчас, — Войцех после этих слов удивленно на меня посмотрел.

— Я сейчас о том, что в этом славном городе, кроме стандартных боев без правил на аренах, проводятся так называемые бои организмов, с участием химер и мутантов. Это мероприятия для очень узкого круга, и соответственно с ну очень большими ставками. Там играют хорошие деньги. Очень хорошие деньги, — после некоторой паузы добавил я. — И наш Чумба — идеальный кандидат для того, чтобы в таких боях участвовать. Теперь нужно только узнать, где они проходят, и получить на них приглашение.

— Если там крутятся большие деньги, то мы, вполне возможно, как туда зайдем, так там и останемся.

— Вот поэтому нам нужна крыша. И, соответственно, возвращаясь к первым двум пунктам: когда мы сейчас будем смотреть, кого мы можем выставить, давай думать, в чьих

интересах мы можем это сделать так, чтобы сделать кому-либо хороший подарок.

— Ты хорошо подготовился.

— О да, — только и кивнул я.

«Отлично подготовился» — ехидно подсказал внутренний голос.

Ехидно он сказал это потому, что я даже карту Занзибара видел лишь у Астерота в замке междумирья. В остальное время как-то не до этого было, дел много навалилось. И сейчас все мои знания первых шагов заключались лишь в тех наставлениях, что дал мне архидемон. А именно: отправить Василия, Гека и дядюшку Абрама сюда с целью осмотреться в поисках возможностей, после чего прибыть самому, подняться с самого низа, путем экспроприации у одних получив в союзники других. Ну и для достижения целей на первом этапе использовать Чумбу для проведения нелегальных боев. Все.

— Так, ладно, — смел с проекции портреты погибших патрульных и Линдена мой бывший опекун. — Давай для начала рассмотрим Серебряную Аллею…

— Войцех.

— Да.

— Давай рассмотрим. Только ты, предлагая, сразу делай ремарки с рассказом о городе и его обитателях. Начни с того, что за Серебряная аллея и почему она так называется — я немного не местный…

Над картой Занзибара просидели до самого вечера. И в результате ограничили выбор точек ограбления до нескольких мест. Когда уже финальной стадией обсуждали достоинства и недостатки каждого, вернулся Василий.

— Босс, у нас проблемы, — заявил он сразу с порога. Выглядел при этом Вася слегка взволнованным.

— Что случилось?

— Я выполнял твое поручение, но ко мне подошли местные вольные люди и сказали, что местная молодежь — это достояние района. И для того, чтобы привлекать ее в разные блудняки, необходимо получить разрешение у уважаемых людей. Вы, босс, это разрешение не получили, и сейчас нас ждут на встречу уважаемые люди района.

— Уважаемые люди? — переспросил я.

Войцех же в этот момент громко рассмеялся. Причина его веселья ясна: «уважаемые люди» применительно к местной мусорной шушере звучало слишком уж уважительно, вплоть до карикатурных образов.

— Уважаемые люди, — между тем недоуменно повторил

Василий.

Для него, пусть он и был долгое время частью отряда Артура Волкова, и даже носил в себе душу тысячелетнего демона, ничего смешного в сказанном не было. Вася сейчас просто оказался в привычных реалиях привычного мира. Мира трущоб протектората, в котором он и начал свой осознанный путь, после того как его лодка с беженцами утонула, а сам он попал в роли скаута в слабую банду, промышляющей максимум наркоторговлей на районе. И люди, уважаемые в этом районе, в системе координат Василий для него действительно были уважаемыми.

— Где они нас ждут?

— В закусочной «Четыре угла».

Я вопросительно посмотрел на Войцеха, и он на карте показал забегаловку под одной из развязок. Путь туда, если немного попетлять, шел по серой, свободной от камер наблюдения зоне, лишь два раза пересекая пути следования полицейских патрульных дронов.

— Ну, раз уважаемые люди ждут, то пойдем пообщаемся, — кивнул я Войцеху.

Он поднялся и взглядом попросив меня отодвинуться, перетащил стол в сторону. Откатив в сторону пыльный ковер, он поднял люк, под которым находился тайник с оружием.

Здесь были два пистолета незнакомой мне конструкции и Глок-22, размером чуть больше, чем привычный семнадцатый. На его ствольной коробке и рукояти были заметны следы краски — видимо, оружие было весьма аляповато разрисовано до того момента, как попало в руки Войцеху.

Несмотря на внешний вид, Глок был хорошо вычищен и смазан. К нему был даже дополнительный магазин, который я себе и забрал. Компактный пистолет-пулемет взял себе Войцех, оружие — к своей радости, получил и Василий.

Свой пистолет я убрал в — на удивление, функционирующую скрытую кобуру в куртке сзади, на пояснице. Выхватил пару раз, и довольно кивнул, удовлетворенный результатом — все работало отлично. А с искусственной рукой вообще все получалось быстро, на грани скольжения.

Сразу выходить не стали — дождались, пока дядюшка Абрам привезет Гека. И оставив датчанина и Чумбу в доме караулить, мы втроем двинулись на встречу.

Уважаемые люди, ожидающие нас в закусочной «Четыре угла», выглядели как сборище громко верещащих человекообразных павлинов. Чуть больше десяти персонажей, все в вырвиглазного-ярких и блестящих «сутенерских» пиджаках.

Причем практически все щеголяли в солнцезащитных очках — это в сумерках-то. И определенно это не были очки дополненной реальности — уважаемые люди в стоках средства объективного контроля личной деятельности не носят.

Несколько из «уважаемых людей» были в облегающих лосинах — причем не только две массивные дородные юные дамы, но и парочка мужчин; большинство присутствующих козыряло фальшивыми золотыми цепями в палец толщиной, а также светящимися татуировками.

В общем, красота невиданная — особенно на фоне мусорной серости темного и мрачного района.

— Всем здравствуйте, — поздоровался я вежливо первым делом, когда мы зашли.

В ответ мне раздался громкий гомон. И сразу из-за стола, роняя стул, вперед вышел худой черный парень в подсвеченном белым неоном ядовито-зеленом пиджаке. Был он одного роста со мной, но его на голову выше делала прическа из собранных в толстую копну покрашенных в ядовито-зеленый же цвет дредов. Волосы, кстати, у переговорщика от «уважаемых людей» росли только на кругло выбритой, словно тонзура монаха, макушке, вся остальная голова была блестяще-лысой. Сбритыми были даже ресницы и брови.

И павлинистый зеленый незнакомец, не размениваясь на приветствия, сразу начал брать бык за рога, обещая меня изнасиловать самыми разными методами, объединяло которые лишь одно — все они были противоестественны человеческой природе.

Я полминуты его внимательно слушал, и даже не обращал внимания на то, что этот зеленый павлин то и дело тыкает пальцем мне в грудь, а также периодически брызгает слюной.

За эти полминуты все ряженые «уважаемые люди» поднялись, обступая нас троих полукругом. В руках большинства были подручные средства — в основном бейсбольные биты и водопроводные трубы.

— Извини, бро… — попытался я вклиниться в речь зеленого павлина, поймав паузу в его монологе. Но это было единственным что успел сказать — собеседник снова набрал в грудь воздуха и снова завел речетатив о том, как он из меня, моих друзей и наших домашних животных будет делать послушных девочек. Я же начал про себя неторопливо цитировать, из любимого:

Имел он сча́стливый талант
Без принужденья в разговоре

Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре.

В момент, когда закончил проговаривать частичную характеристику Онегина, павлин напротив вновь сделал паузу набрать воздуха.

— Прошу прощения… — все же пришлось мне повысить голос. И опять не подействовало.

«Ублюдок, мать твою, а ну иди сюда говно собачье, ты на кого лапу поднял» — продолжал между тем набравший воздуха зеленый павлин. Я его уже давно не слушал, да и на английском говорил он очень невнятно.

Каюсь, терпение после второй попытки вставить слово я потерял. Поэтому, когда мне в грудь в очередной раз уперся палец, я его сломал. С умыслом — когда переговорщик ожидаемо взвыл от боли, я вбил ему в открытый рот быстро выхваченный Глок, задрал ствол вверх нажал и на спуск.

Высокий сноп собранных в прическу дредов перекосило, вместе с частью расколовшейся крышки черепа, зеленые волосы окрасились брызнувшей кровью и мозгами. Эхом памяти я при этом воспринимал шум движения позади — Войцех и Вася также, как и я, достали оружие.

Брезгливо оттолкнув от себя падающий труп, я придирчиво, даже не обращая внимания на попятившихся уважаемых людей, осмотрел мокрый от крови и слюны ствол пистолета. После присел, неторопливо вытер оружие о шейный платок павлина. И все также неторопливо поднявшись, убрал пистолет обратно в кобуру на спине.

— Всем добрый вечер, — начал я, осматривая собравшихся. — Для начала хотел бы сказать вот о чем: вежливость — это основа дипломатии и здоровых отношение между людьми. Нет вежливости, — показал я на труп под ногами, — нет здоровых отношений. Надеюсь, вам всем это в силу имеющегося в наличии интеллекта доступно.

Сделав паузу, а глубоко и картинно вздохнул.

— Вы все, как настоящая дипломатическая делегация, подготовились ко встрече. Мо-лод-цы! Вижу, принесли с собой биты, трубы, и вон даже одну цепь…

По мере того как я говорил, руки уважаемых людей разжимались и подручные средства падали на пол. В лицо мне никто не смотрел, и думаю — обладая прежними способностями, я наверняка бы почувствовал животный страх и благоговение. Что неудивительно — трое вооруженных людей для местной

мусорной шушеры — это кто-то из пантеона богов. И местным действительно было сложно представить, что в этой клоаке на их территории окажется кто-то настолько высокого уровня.

— Вы молодцы, все сделали правильно: как известно, первая обезьяна, что взяла в руки палку, стала феодалом. Но в силу своей ограниченной образованности…

Говорил я сейчас медленно и обстоятельно. Павлин, который на меня орал, брызгая слюной, довольно сильно испортил мне настроение. Давно на меня так не кричали, и сейчас я, устроив долгую и нужную отповедь, просто приводил в норму расстроенные чувства.

У меня, вполне может быть, и ментальные способности при обладании даром были столь сильны из-за того, что правило «сделал гадость весь день на сердце радость» применительно ко мне всегда работало. Ведь поджигать чужие задницы я любил и умел еще до того, как волей Астерота покинул прежний мир, отправившись в новый. И давно понял, что свои недостатки и слабости иногда лучше признать, жить легче становится. Так что сейчас я продолжал для всех собравшихся пытку нудной и поучительной речи:

— …в силу своей ограниченной образованности вы просто не подумали о том, что в вашей клоаке может быть кто-то, у кого есть не просто палка, а самый настоящий пистолет. Итак, меня зовут А… а-а-а как меня зовут? — вовремя исправился я, едва не представившись Артуром Волковым. — А зовут меня Драго Младич, и пистолет у меня есть. Более того, у меня к нему есть даже патроны, представляете? Показать? — потянулся я вновь к кобуре сзади.

Собравшиеся идиотами не были, и дружно загомонили, мотая головами с посылом что нет, показывать не нужно, а такому хорошему и вежливому человеку как я всегда можно верить на слово.

— Отлично. В вашей шайке вот этот был главный? — ткнул носком ботинка я в ногу лежащего тела.

Повисло молчание, но я сразу же выцепил взглядом одного из группы. Это был ближе всех стоящий ко мне толстый черный парень в сине-белых обтягивающих штанах, и черной майке, открывающей полностью забитый фосфоресцирующими светящимися татуировками торс.

«Лампа» — быстро мысленно окрестил я его за свечение и за своеобразную фигуру в форме груши.

— Ты, отвечай.

— Нет, бвана Драго. Главный у нас бвана Ибове, — моментально ответил Лампа.

Бвана. Уважаемый — вспомнил я. Даже песня такая давным-давно была популярна, «Джамбо Бвана». Здравствуй, уважаемый! — если в переводе.

— Это человек бвана Ибове? — обращаясь к Лампочке, вновь легонько пнул я в подошву трупа.

— Да, бвана Драго.

— Ясно. Сейчас ты один выйдешь отсюда, а после пойдешь и скажешь господину Ибове, что я очень зол и расстроен проявленной его человеком невежливостью. И если господин Ибове в течение часа не прибудет сюда, и не попытается вежливо извиниться, то все уважаемые люди, — показал я на остальных ряженых вокруг, — пух-пух, и умрут. У меня много денег и много патронов. Настолько много, что я даже могу позволить себе никого не убивать руками. Это к сведению. Итак, если господин Ибове здесь не появится, все уважаемые люди здесь умрут, а после я сам приду к господину Ибове. Еще более злым. Это ясно?

— Да, бвана Драго.

— Отлично. Так ему и передай. Бегом, — помахал я рукой, после чего Лампа — молодец какой сообразительный, мгновенно сорвался с места и выбежал из закусочной.

Ожидая, мы с Войцехом взяли в автомате кофе. Вася, кстати, остался у дверей, наблюдать за происходящим. Причем подозреваю, что остался он в дверном проходе лишь для того, чтобы покрасоваться перед одной из компании уважаемых людей. Я, посматривая за ним, то и дело видел, как он стреляет глазами в сторону дородной леди в золотых лосинах — чьи бедра шириной были таковы, что не факт что прошли бы через турникеты питерского метро. Но Василия я ничуть не осуждал — о вкусах не спорят.

Бвана Ибове заявился через двадцать семь минут, когда мы с Войцехом допили по второй кружке синтетического кофе. От этого напитка я испытывал чувства, какие, наверное, испытывает человек впервые вынужденно занявшийся любовью с резиновой женщиной. Сам не пробовал, но думаю не сильно ошибусь в таком предположении.

Но кофе пил — я здесь не на пару дней, надо привыкать не кривить нос по пустякам. Но все равно появление господина Ибове пришлось как нельзя кстати. Сам он, кстати, оказался тучным господином, явно любящим золото — одна из трех цепей на его шее, самая тонкая, похоже была даже настоящей.

Господин Ибове пришел в сопровождении двух телохранителей — с хвостами из дредов точь-в-точь такими же, как и у убитого мной зеленого. За их спинами маячил откровенно испуганный Лампа.

— Джамбо бвана! — приветствовал я господина Ибове, едва тот зашел в помещение.

— Здравствуйте, бвана Драго, — хрипло произнес Ибове в ответ. Даже отсюда я видел, что все его лицо покрыто крупными каплями пота.

— Бвана Ибове, вы главный человек в этом районе? — обвел рукой я вокруг себя.

— Да, — кивнул тучный господин Ибове, и уж через секунду упал с простреленной головой.

— Это был неправильный ответ, — доверительно сообщил я уважаемым людям и спутникам господина Ибове. — Главный в этом районе теперь — я. Всем понятно?

Судя по установившемуся молчанию, всем было все понятно.

— Все, мальчики и девочки, закончилась акуна матата. Завтра всех жду у себя дома с одиннадцати утра. Будем решать, как будем дальше жить, и кто здесь будет дальше жить. Всем до свидания, — натянул я на лицо вызывающе-искусственную улыбку.

Оставив оторопевших от моей манеры ведения переговоров уважаемых людей отходить от шока, я вышел на улицу. Спутники господина Ибове и Лампа покинули траекторию моего пути так быстро, что быстрее, наверное, было бы только телепортаций.

На самом деле, я бы и сейчас с собравшимися все решил. Но уже пора было деактивировать обманку полушлема, в котором сейчас находился мой девайс от RODZ, и на ночь вернуться в реальность. Верне, в поле зрения системы средств объективного контроля личной деятельности просителя политического убежища, как сейчас официально назывался мой статус.

— Такой дипломатии я точно тебя не учил, — только и прокомментировал состоявшиеся переговоры с уважаемыми людьми Войцех, когда мы вышли из забегаловки и направились в сторону нашего нового дома.

Глава 4

— Пусть не решить нам всех проблем, не решить всех проблем… — негромко себе под нос напевал я, прогуливаясь туда-сюда вдоль строя собравшихся во дворе уважаемых людей Полигона.

— Но станет радостнее всем, веселей станет всем, — подытожил я собственные мысли и чувства такой подходящей ситуации строчкой гимна Клуба веселых и находчивых.

И осмотрелся по сторонам, глубоко вздохнув. И еще раз. И еще — не в силах надышаться. Воздух влажный и густой, хоть руками собирай; в нем ни грамма свежести, лишь застарелая мусорная гнилая вонь, пропитавшая на Полигоне абсолютно все.

Жарко мне сейчас так, что даже несмотря на самое современное терморегулирующее белье я чувствовал, как по затылку и вискам то и дело стекают капли пота. С океана то и дело поддувал ветерок. Но и он не нес ни грамма свежести, только новый смрад береговых помоек, где на когда-то прекрасном белом пляже гнили горы мусора. Самого разного рода: я, так получилось, знаю как пахнут давно лежалые трупы. Лучше бы не знал, конечно — то, что во многих знаниях много печали, все же неглупый человек придумал.

Капелька пота пробралась через брови и попала в глаз, заставив сморгнуть соленое жжение. Я бы с удовольствием сейчас вытер от пота лицо, и даже надел маску, защищаясь от вони. Но пока такой возможности нет: здесь это не принято, и местные уважаемые люди просто не поймут подобного захода.

Пока не принято — сморгнул я еще одну капельку пота.

Здесь, на Полигоне, очень много чего пока не принято, и это я хочу изменить. Плохо только, что устоявшиеся традиции поведения не выключишь по щелчку пальца, над этим всегда приходится долго и упорно работать.

К счастью, кроме анонсированной вчера вежливости, или мягкой дипломатии, у меня был еще действенный инструмент. Что, надо сказать, задачу серьезно упрощало — с такими мыслями я невольно завел руку за спину, едва касаясь скрытой кобуры.

«Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы…» — внимательно осмотрел я почти три десятка человек уважаемых людей со всего Полигона. И, оглядывая пестрый строй, который сделал бы честь любому бразильскому карнавалу, я сейчас даже начал находить в нарядах собравшихся определенную прелесть.

Я здесь уже второй день, но уже в какой-то мере начал

понимать местных, которые жили в границе гетто недостроенного Солнечного района. Не видя ни солнца, ни чистых ярких красок. И своими нарядами они хоть как-то добавляли цвета в вечный смрад окружающей серости.

Как говорится, если хочешь изменить мир — начни с себя. И местные меняли его с доступного, начиная с себя: ни одного грязного и серого человека передо мной не стоит. Все чистые, в смысле вымытые — здесь это особый шик; одежда яркая и блестящая, как будто разгоняющая вечный полумрак подвальной городской помойки.

Внутри собравшейся толпы понемногу начал зарождаться негромкий гомон — кто-то не смог устоять молча. Но едва я чуть дернул подбородком в сторону шевеления, выискивая взглядом наглеца, снова стало тихо.

Постоял еще немного, осматривая настороженных присутствующих и думая включать режим сержанта Хартмана или нет. Не стал. Даже убрал руку с кобуры, и завел за спину вторую, сцепив сзади ладони в замок и принявшись туда-сюда покачиваться с носка на пятку.

Отсутствие оружия в руках не беспокоило. Рядом, по сторонам, стояли Войцех и Василий, держа стволы на виду, а за правым плечом возвышался Чумба. Мутант был в плотном длинном балахоне, напоминающем грубую монашескую рясу. Где откопал только? Капюшон у него был низко опущен, но даже несмотря на полумрак несложно было понять, что лицо у Чумбы не слишком человеческое.

Впрочем, сильно к Чумбе не присматривались и серьезного удивления не показывали. Среди собравшихся было достаточно тех, у кого лица были покрыты татуировками, шрамированием и пирсингом вплоть до полной потери узнаваемости и идентификации с представителем рода человеческого.

Один персонаж и вовсе по видоизменению своего лица мог бы напоминать каноничного орка — очень уж характерно клыки удлинены. Мог бы быть похож на орка, если бы клыки не были в позолоте, а на самом персонаже не сверкал блестками красный пиджак, надетый на белоснежную майку.

Столкнувшись взглядом с «орком», я вдруг неожиданно для себя поджал губы и продемонстрировал большой палец. Орк, опять совершенно неожиданно для меня, вдруг широко и радостно улыбнулся. Совершенно открытой улыбкой — так чисто только дети и счастливые люди улыбаются; было видно, что похвала орку оказалась весьма приятна. На счастливого человека, впрочем, он похож не был, на ребенка тоже…

«Да они и есть как дети!» — подсказал внутренний голос.

Да — вдруг понял я. Они ведь здесь многие действительно как дети. Большие, злые… даже не злые, а просто отмороженные в край дети. Которые, не моргнув глазом, могут на полоски кого-нибудь нарезать, а после искренне радоваться невиданному ранее яркому мультику. И эмоции у многих из них до сих пор открытые и искренние — подумал я, почувствовав себя приехавшим в Африку доктором Айболитом. Только у меня, в отличие от доктора, пистолет был, и если на пути попадется злой Бармалей, то… Так, ладно, это все лирика.

— Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Есть у кого-либо возражения? — поинтересовался я, внимательно осматривая строй уважаемых людей.

Повисла довольно долгая пауза.

— Если возражений нет, тогда давайте я расскажу вам о том…

Возражения, как оказалось, были. И преподнесены оказались вполне весомым образом. Вот только я осознал это постфактум — а сейчас успел лишь почувствовать, как на меня дохнуло воздухом, словно машина рядом на большой скорости промчалась. Впрочем, почти так и было — только это была своеобразная машина, машина для убийств. В толпе уважаемых людей закрутился самый настоящий вихрь, одновременно с которым загремели выстрелы.

Закончилось все даже не успев начаться, буквально за несколько мгновений — когда я достал пистолет и был готов стрелять, целей уже не было.

— Freeze! — эхом слышался громкий крик Войцеха, который призывал всех замереть и не двигаться.

Коротко глянув в сторону поляка, первым делом я обратил внимание как с дульного среза его оружия сорвался дымок. А потом посмотрел на лицо: невероятно бледное, глаза с расширившимися, на всю радужку, зрачками, по вискам и шее протянулась паутина темных вен.

«Военные импланты и разгонные стимуляторы» — догадался я о природе изменения его внешности.

Но на Войцеха посмотрел лишь мельком — много иных вещей требовало моего внимания. В этот самый момент, последним, упало обезглавленного тело с отрубленной рукой, в которой был массивный пистолет. Еще несколько человек уже лежало на земле. Один из них скреб в конвульсиях землю каблуками. Каблуками белых кроссовок на невероятно высокой подошве — даже обратил я внимание на показавшуюся мне такой несуразной обувь.

— Никому не двигаться, замерли все! — дублируя окрик

Войцеха громко скомандовал я, настороженно осматривая собравшихся. Двигаться правда никто и не собирался — после того как захлопали выстрелы и полетела вокруг веером кровь от клинков Чумбы, вся толпа рухнула на землю и так и осталась лежать. Даже не дыша, наверное.

Чумба в момент моего возгласа как раз втянул в предплечья костяные клинки и мягко вышел, даже выпрыгнул, из лежащей толпы. Вернувшись на место, мутант поднял свой похожий на монашескую рясу балахон, вновь его накидывая — пряча лицо и традиционно для бурбонов оголенный торс с костяными гребнями.

Только к этому моменту я, в осколках памяти произошедшего, восстановил картину: по началу действий одного из присутствующих еще несколько достали оружие. Вернее, начали это делать: тот, который схватился за оружие первым, и умер самым первым — он даже не успел толком ствол на меня направить.

Вообще, надо сказать, даже несмотря на громкую неудачу, покушение было неплохо организовано. Уважаемых людей вокруг много, и, если бы не Чумба, убийцы могли получить хороший шанс на реализацию — четыре минимум… ну да, четыре ствола, с короткой дистанции. Расчет был на то, что мои телохранители не успеют всех отщелкать, начнется суматоха, и я гарантированно получу очередь в упор — все четверо вооруженных как раз на максимальном удалении друг от друга встали, грамотно.

Если бы не Чумба… И если бы не Войцех.

Я еще раз глянул на поляка. Молочная бледность кожу его уже покинула, глаза вернулись в обычное состояние. Видимо, следом за разгоняющими возможности организма веществами были впрыснуты стимуляторы, прекращая действие разгона организма. Или просто доза малая автоматически в кровь поступает, не знаю в этом плане как у него. Да и вообще не совсем пока, как эта система работает. Но вот то, что Войцех определенно упакован имплантами, определенно. У него еще и глазные импланты ведь наверняка стоят, замаскированные под обычные глаза.

И он, наверное, даже в одиночку мог отщелкать всех несостоявшихся убийц, даже без вмешательства Чумбы. Который теперь постоянно следовал за мной на месте телохранителя, ранее привычно занимаемым Адой.

Чумба был единственным выжившим воином элитной гвардии вождя племени мутантов, которого я убил на арене Базаара в Инферно. И Чумба, который был не просто костяным мутантом, а попробовавшим силы Крови костяным мутантом,

умел входить в скольжение. И в момент начала моего общения с народом он, выполняя обязанности моего телохранителя, следил за толпой в ускоренном для себя времени — так что даже без вмешательства Войцеха, он также в одиночку мог разобраться со всеми убийцами.

— Всем на колени, руки за голову, глаза вниз, — скомандовал я между тем, обращаясь к замершим на земле уважаемым людям.

Указание было довольно быстро выполнено, и чуть больше двух десятков человек замерли в одинаковых позах. Остались лежать на земле в лужах крови только четыре трупа.

— Никого не хочу обижать и убивать. Но сейчас мы будем проверять, у кого из вас есть и работают системы видеофиксации происходящего. Тем, у кого они есть, прошу признаться сразу и быть готовым объяснить причину. Если у кого-то они есть, тот не признается, а мы найдем, это сразу будет купленным на тот свет билетом.

Никто из собравшихся не признался в том, что писал видео. Полная и тщательная проверка каждого на предмет устройств записи заняла около пятнадцати минут, но ничего обнаружено не было.

И это хорошо.

Хорошо, потому что все не так уже и плохо.

Меня пока просто хотели убить. Всего лишь. Просто и банально выключить из событий, а не пощекотать проверкой на предмет определения уровня моих способностей.

Как-то после осознания этого сразу проще жить стало — с пониманием того, что меня еще считают за обычного выскочку. А не серьезного — я имею ввиду мой недавний уровень, противника.

Удивление, которое я испытал, когда в буквальном смысле уничтожая небоскреб Некромикона, по мне из всех стволов начали работать сразу четыре штурмовых конвертоплана, я хорошо помню. И то удивление мне совсем не понравилось.

Как центр Хургады исчезал во вспышке ядерного взрыва, тоже помню — и повторять подобное не хочется. Теперь хочется заранее и более полно знать, чего именно от меня ждет вероятный противник, и чего от этого самого противника ожидать.

Конечно, после сегодняшнего статус моей оценки как угрозы повысится: о Чумбе, о его способностях, узнают. Но одно дело, когда все это будет на словах — которые по привычке умные люди будут делить даже не на два, а на десять и двадцать; и совсем другое — если произошедшее было бы записано на видео.

Тогда о нечеловеческих способностях мутанта точно стало бы известно достоверно.

Пока же козырная информации о возможностях бурбона останется только у нас. Ну а уходящие на сторону сведения о том, что у меня есть боевая химера, наоборот в плюс. Как раз еще один шаг к грядущей возможности участия в нелегальных боях.

Пока Войцех, которого контролировал Чумба, одного за другим осматривал собравшихся уважаемых людей, Василий оттащил подальше трупы и разложил оружие несостоявшихся убийц на куске грязного полиэтилена.

Одним из стволов оказался пистолет-пулемет Ингрэм — компактный, чуть больше обычного пистолета размером. И выглядящий как грубый металлический прямоугольник, в который снизу воткнули рукоять с магазином; спереди торчит короткий огрызок дула, сзади кривая рамка выдвижного приклада.

Очень своеобразное оружие: без банки глушителя сильно несбалансированное, а режим стрельбы только автоматический, так что ствол задирает немилосердно. Да и разброс невероятный — с двадцати метров уже просто в мишень попасть проблематично более чем парой пуль. Еще и стрельба с открытого затвора, что чревато. Зато Ингрэм отлично подходит для скрытого ношения, а еще для того, чтобы разово в упор засадить в кого-то длинную очередь. Ну и выглядит он круто — для тех, кто часто оружие как аргумент вынимает.

Три пистолета привлекли внимания больше. Это были даже не пистолеты, а… наверное, эту конструкцию можно было обозвать тактический автоматический пистолет. Размером со Стечкина, у каждого из рукоятки выдается удлиненный магазин на тридцать патронов, а спереди под углом дополнительная «тактическая» рукоять. Это уже больше похоже на что-то дельное.

Взяв один из пистолетов-переростков, я примерился. Лег он в руки удобно, как и жил тут. Весьма, весьма, оценил я: если на коротких дистанциях, тем более в тесных коридорах или проулках, самое то для гангстерских или противогангстерских войн. Да и тридцать девятимиллиметровых пуль в упор, очередью, даже полицейскую среднюю броню если и не пробьют, то носителя удивят и возможно даже ошеломят. Как я смог когда-то ошеломить корпората во время смертельного матча в Высоком Граде, который вела незабываемая старушка Клаудия.

Все собранное оружие было ярко, также как и одежда убийц, раскрашено. Причем краска — попробовал я сковырнуть намалеванный хвост дракона (а может и ящерицы) со ствольной коробки, выглядит на удивление свежей. Ну да, красили совсем

недавно, придавая оружию «уличный», дерзкий и резкий вид.

Положив пистолет обратно на кусок полиэтилена, я поднялся. Поле чего разрешил и уважаемым людям встать для продолжения разговора. Когда все вновь выстроились в шеренгу, пошел на второй заход беседы.

— Некоторые из вас были вчера в кафе «Четыре угла» и слышали мои слова о том, что вежливость — основа дипломатии и здоровых отношений между людьми. И по мере возможности я стараюсь быть с вами предельно вежливым. Но в то же время, я прекрасно знаю о том, что насилие разрешило самое большое количество конфликтов между людьми. Поэтому, чтобы вы понимали, как в дальнейшем будут складываться наши с вами отношения — я всегда буду просить вас вежливо что-то делать, либо же что-то не делать. Один раз. Не два, не три. Один. Если же моя просьба не будет выполняться, в ход пойдет насилие. Это ясно?

По рядам прошел нестройный гомон — показывая, что слова мои усвоены.

— Итак, возвращаясь к тому, с чего мы начали нашу беседу, которой помешали вот эти вот откланявшиеся организмы, — кивнул я в сторону груды тел. — Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Со следующей недели здесь постепенно начнут вводиться новые порядки и правила, соблюдения которых я намерен требовать неукоснительно. Вскоре наш район начнет жить по законам божьи и человеческим, и мы, без преувеличения, начнем путь к тому, чтобы стать нормальными людьми.

Сделав паузу, я немного подождал, давая возможность собравшимся осознать услышанное.

— Так получилось, что в этот район пришел я. Так получилось, что это мой новый дом. Но, — оглянулся я вокруг, сделав широкий жест, — я пришел и увидел, что за моим новым окном насрано. Мне это не нравится, а значит, что нам предстоит здесь хорошо убраться. Я, сам лично, буду здесь убираться. С вами или без вас.

Сегодня среда, а с понедельника у нас начнется новая жизнь. К завтрашнему вечеру мне от вас нужно описание того, что работает у нас в районе. Какие точки сбора мусора кто из вас контролирует, где продают вещества, где нанонаркотики и нейрохимию, где торгуют телами для секса, и все такое прочее. Абсолютно все, кто чем занимается на Полигоне из того, что приносит и что не приносит доход.

Сделав паузу, я выдохнул. На этом месте я должен был озвучить пару своих идей, который должны были вызвать… так скажем, провокационные бурления. Но вчерашний мой

перфоманс с бвана Ибову эти бурления уже вызвал, приведя сюда четырех убийц. Так что я отложил анонсы нововведений новой жизни на потом. Успеется еще, сразу все козыри выкладывать не буду.

Но речь закончить надо.

— Допускаю, что вы все сейчас немного напуганы или озадачены только что произошедшим. Я, если честно, сам в шоке, могу честно признаться. И я сейчас очень сильно расстроен тем, что меня кто-то пытался убить, причем сделав это даже не представившись. Поэтому я очень хочу знать, какой именно трусливый земляной червяк посмел задрать в мою сторону лапу. Сейчас, сразу после завершения собрания, каждый из вас подойдет ко мне, и — если будет на то желание, скажет мне лично о том, кого именно он в случившемся подозревает.

Даже не обладая ментальными навыками я почувствовал, как мгновенно напряглась толпа передо мной.

— Не волнуйтесь. Чтобы вы сильно переживали: «не знаю» — это тоже ответ, который я вполне приму. Конечно, если в будущем узнаю, что кто-то из вас мне солгал… ну, это уже другая, грустная история. Пугать не буду, вы все здесь и так пуганые. Итак, давайте повторим пройденный материал: со следующего понедельника у нас начинается новая жизнь. И все, что работает на Полигоне, будет работать только с моего разрешения. Если разрешения нет, то я буду прибегать к насилию. На сегодня это все, что я хотел вам сказать, сейчас прошу вас подходить по одному ко мне по одному, а после к Василию, — быстро свернул я беседу.

Перед тем как ко мне начали подходить, я уже в принципе предполагал, как решать заданный ребус наемными убийцами. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что показательное убийство должен был совершить тот, кто должен был после показательной казни занять место бвана Ибове. И сохранить старый порядок, который позволяет получать доход с… да с веществ, наверняка.

Самые весомые статьи преступного дохода на криминальном дне Занзибара — это расширяющие или сужающие сознание вещества, ускорители, а также торговля сексом. Оружие отпадает: из-за строгости с распространением на Занзибаре его на каждом углу купить нельзя, как в Высоком Граде. Зато здесь цветет торговля фармой — усиливающими на кратковременный срок возможности организма стимуляторами.

Помимо обычных наркотиков на острове распространены нано- и цифровые наркотики. Но они, как и разгонные вещества здесь, на Полигоне явно не востребованы — у местных просто нет

столько денег. Кроме того, ни одной проститутки вокруг я до сих пор не видел — мусорщики в массе слишком бедны для них. Те, у кого есть деньги, за этим удовольствием направляются в соседний Джанктаун.

А значит, остается только доход с наркодилеров — потому что на вещества, пусть самые дешевые, на любом уровне жизни деньги находятся. И тот, кто с этого доход, пусть и небольшой, имел, вчера определенно неприятно удивился, когда я контролирующего все это дело бвана Ибове пристрелил.

Значит что? Правильно — Cui prodest, ищи кому выгодно. Все предельно просто. Остается лишь одно — узнать, кто бенефициар наркоторговли на Полигоне.

Все двадцать с лишним человек между тем довольно быстро прошли через меня. Кто-то прятал глаза, кто-то смотрел прямо, кто-то мялся, кто-то держался бесстрастно. Предположения высказали почти все, причем мнения разделились — примерно половина считала, что заказали меня каннибалы Кигунгули, вторая половина — что итальянцы из группировки «Санта-Кроче».

Это стало для меня некоторым сюрпризом. Не думал, что профит с наркотиков здесь, на таком маленьком Полигоне, сразу две банды получают.

Каждого из высказывающих мнение уважаемых людей я благодарил кивком, а после отправлял к Василию, назначать встречу. Тот уже отправился в дом, где в одной из спален, переоборудованный в кабинет… правда, переоборудование заключалось в том, что с пола убрали спальники, и поставили притащенный с помойки пластиковый стол. В общем, в своем кабинете Василий принимал людей, готовясь составлять для меня карту активности района. Конечно, карта им составленная будет с ошибками, но мне нужно чтобы Василий сам совершал эти ошибки, а после сам же их и исправлял. Именно так закаляется сталь, а если всем заниматься самому — меня самого на все не хватит.

Войцех между тем уже сфоткал все оружие и даже закончил отправлять фотографии. Сейчас поляк стоял и курил, выдыхая дым вверх, глядя на бетонный потолок виадука магистрали над нами.

Ответа от Вальдуша — начальника тринадцатого участка пока не приходило. И за время ожидания мы собрали оружие и перенесли в наскоро оборудованный в соседнем доме тайник, поставив пару сигналок. Может на этих стволах висит куча всего разного, лишний раз лучше не рисковать. Это оружие точно должно отлежаться, себе его забирать преждевременно.

— Думаешь наркос? — поинтересовался Войцех после того,

как мы вышли из дома где прятали оружие, закрыв вход грязным пластиковым рекламным баннером массажного салона «Красотка».

— А кто еще? — пожал я плечами.

— Поэтому и объявлять не стал? — снова поинтересовался Войцех.

Вслух отвечать я не стал, просто кивнув.

Вернувшись «домой», устроились на открытой террасе, ожидая ответа Вальдуша.

— Согласен, — с о-очень долгим опозданием произнес Войцех, забирая у подбежавшего мальчишки свой синтетический кофе. Кофе в одноразовом бумажном стакане, каждый из которых — найденных в мусоре, на Полигоне превращался в многоразовый.

Мои идею о том, чтобы завершить в районе практику продажу наркотиков, Войцех сначала не понял. Но после того, как я тезисно разъяснил ему замысел, проникся. И поляку, я это прекрасно видел, даже было интересно чем все это закончится. Причем ему действительно настолько стала интересна эта задумка, что он определенно сейчас даже расстроился, что ее выполнение откладывается.

— Как ты думаешь, — обернулся я к Войцеху, — в RODZ мне сегодня съездить, или подождать?

— Сегодня опасно, — покачал головой поляк, — Чумбу с собой в цивильные районы не возьмешь, мне там пока светиться совершенно нежелательно. Давай по стволам конкретики дождемся, у тебя ведь еще два дня, так что давай лучше подождем, — добавил он.

Почему там светиться Войцеху нежелательно, я уже понял — у него стоят военные, и наверняка незарегистрированные импланты. Видимо именно так, превратив себя в отлаженный боевой механизм, он — вместе с Мустафой, и собирался здесь укрепиться, создав небольшой уютный мирок. И в их планах Войцех наверняка отвечал за силовой аспект, а Мустафа — за легальный организационный. Используя мои, обещанные ему миллионы кредитов.

Вот Мустафа до этого момента, к сожалению, не дожил.

— Хорошо, давай подождем, — согласился я после некоторого раздумья.

Сегодня и так дел много, а еще с этим покушением поездка в службу регистрации в планы, наверное, все же не вместиться. Явится в RODZ мне необходимо в течении девяноста шести часов с момента прибытия, так что время действительно еще есть. А сейчас, судя по всему, нужно настроиться на долгое ожидание.

Когда еще «друг» Войцеха Вальдуш ответит…

Как только я об этом подумал, негромко тренькнул оповещением ассистант Войцеха. Быстро достав из кармана на рукаве планшет, он лишь глянул на сообщение и моментально и безвозвратно, с помощью нелегального приложения, быстро его удалил.

— Марко Барбоса. Еще вчера эти стволы были у него, — произнес Войцех, убирая ассистант.

— Кто такой Марко Барбоса?

— Местный, можно даже сказать почти легальный перекуп здесь рядом, в Джанктауне. Владелец ломбарда при ювелирном магазине.

— Ломбард, говоришь? — улыбнулся я. — Как насчет вечного металла?

Войцех отвечать не стал, только кивнул. Через несколько минут он уже ушел в одну из закрытых комнат дома планировать наш сегодняшний вечер. А я же вернулся в реальность — сняв обманку, торопливо пообедал брикетом сублиматов и принял участие в собеседованиях, проводимых Геком для отбора в команду «Полигон».

Это оказалось довольно непростым мероприятием — беседовать с подростками дна городских стоков, составляя заметки в личных делах каждого. Причем непросто сразу по нескольким причинам.

Во-первых, в таком возрасте еще нет тормозов. И подростковая жестокость в массе своей превосходит жестокость взрослую — когда уже почти у всех, за исключением самых конченых, есть в наличии определенные стопора. И наша сейчас с Геком задача была даже не выбрать кандидатов в команду по способностям и умению, а просто обнаружить всех тех, кому уже нравятся вид чужой крови и страданий. Но к моему удивлению, таких на собеседование почти не было.

Все же я переоценил Полигон как район — жестокости здесь было много меньше, чем на дне Высокого Града. Наверное, потому что здесь, на острове, гарантированный базовый доход в целом выше. А кроме того, даже люди с отрицательным рейтингом могут рассчитывать на брикет гарантированного пайка. Пусть и состоит он из «белка животного происхождения» из муравьев и тараканов, а вода предлагается из канализационного фильтрат. Но, если о таком не задумываться, не умереть с голоду вполне можно.

В Высоком Граде же, где с понижением социального рейтинга становился вопрос не просто выживания, а тяжелой борьбы за саму возможность выживания, по памяти Олега было все много

жестче.

Ну а вторым сложным моментом в собеседовании с местной молодежью оказалось то, что здравоохранение на Полигоне отсутствовало, совсем. И многие из подростков были со следами давних увечий, язвами и следами плохо заживающих ран. Люди здесь, в подвале мусорного города, просто гнили, вместе со скидываемым на них мусором. И увидев возможность, к нам сюда сегодня пришли (или их принесли), даже те, кто в обычные дни самостоятельно ходить просто не мог.

Я, верный принятой стратегии делегирования полномочий, на собеседовании просто присутствовал — общался по максимуму Гек. И когда он закончил с последним подростком, опрашивая по заранее составленному списку, я собрал всех пришедших и попросил ждать нашего решения до момента прибытия капсул. И неожиданно для себя добавил, что шанс выбраться в нормальный мир через виртуальную реальность получат все.

Расчувствовался что-то, в чем себя даже укорил — когда ведешь кого-то к счастью, места для эмоций и сострадания быть не должно. В принципе. Как у военного хирурга в полевом госпитале — который, если включит эмпатию, и боль от каждой ампутированной конечности будет пропускать через себя, быстро внутренний ресурс исчерпает.

Когда закончили с собеседованиями — а это было уже далеко к вечеру, Войцех меня уже ждал. Причем ждал вместе с тщательно проработанным планом действий. Углубившись в схематичную инфографику проекции тактического анализатора, я за четверть часа просмотрел этапы предполагаемой операции, и только поднял сжатый кулак в знак согласия.

По плану участвовать должны были втроем — Войцех, Василий и я. Чумба и Гек оставались здесь, охранять наш пункт постоянной дислокации от возможных поползновений. Ну а Чумба нас еще и подстраховать в процессе должен, встретив на границе района.

Несмотря на то, что выходить нам предстояло в Джанктаун, условно «благополучный» и даже частично патрулируемой экипажами полиции район, сильно надолго сборы и подготовка не растянулись. Тем более что масок, подобных той в которой я был в Кобрине, при знакомстве с Моисеем Яковлевичем, у нас не было. Подобная маскировка — для нас сейчас, стоит не просто дорого, а очень дорого. И, кроме того, требует не только денег, но и связей. Ведь для того, чтобы не привлекать внимания систем слежения и контроля нужна коррекционная маска и легенда личности по типу той, что сейчас у меня в роли Драго Младича.

Есть еще один тип изменения внешности для того, чтобы не привлекать внимания камер. Более дешевый, и требующий наличие коррекционной маски на лице. Это маскировка без проработки легенды — как например, маска «Василия Спиридонова», в облике которого я спасал Анжелу Шиманскую в Высоком Граде. Спасал Анжелу, пока сам Василия Спиридонов, личность которого я временно на себя надел, сладко спал в своей кровати. Спал до того момента, пока меня не засекли, а самого Василия не разбудили вломившиеся в его квартиру силовики.

«Прости, Василий» — вспомнив об этом, ощутил я укол совести.

Подобная маскировка делается довольно просто — в 3D принтере печатается коррекционная маска чужого лица, а очкам или личному терминалу прошивается код чипа АйДи владельца. Но в таком случае присутствует серьезная опасность: если владелец настоящей личности в момент нахождения носителя его маски в поле зрения камер совершит, допустим, покупку в Сети или просто выйдет на улицу на другом конце города, система в автоматическом режиме засечет «двойной присутствие». И это станет поводом для мгновенной отправки нарядов к обоим.

Несмотря на подобную опасность, подобный вариант являлся, для сокрытия собственного лиц, самым для нас сейчас подходящим. Но печальным было то, что в моей команде сейчас отсутствовал человек, который умел бы в условии ограниченного ресурса заменять коды считывания чипа так, чтобы не оставить следов. Да и аппаратуры у нас не было подходящей — даже коррекционную маску не напечатать.

Так что выходить нам предстояло грубо и по старинке — крадучись и избегая ока камер. Но ото всех камер не убежишь, поэтому Войцех раздал нам с Васей тонкие прямоугольники, похожие на аккумуляторы кнопочных сотовых телефонов. Это были батареи глушилок — и мы сразу вставили их в предназначенные для них карманы курток. Теперь только активировать, и для взгляда камеры фигура становится размытым силуэтом.

Наши лица от взора камер должны были размыть создающие помехами дуги стандартных визоров — носимых большинством населения Занзибара. На линзы, а тем более на глазные импланты у основной массы населения здесь денег просто не было, так что визоры, проецирующие перед взором интегрированную с личным терминалом дополненную реальность, можно было увидеть повсеместно в любой районе Занзибара. У нас же визоры были кроме всего прочего были генераторами помех размытия лица.

Понятно, что появление подобных кадров в поле зрения системы наблюдений — это уже засвет и отправка патруля. Но личности наши такая маскировка скроет, так что нужно будет лишь патрульным не попасться.

Кроме этого, все три пары очков Войцех соединил простенькой, максимально урезанной функционалом тактической сетью, загрузив в нее план операции. Что характерно, когда мы с Василием активировали едва видные, прозрачные голубоватые полоски визоров, получая перед взором пространство тактической сети дополненной реальности, Войцех этого делать не стал. И я окончательно убедился в правильности своих недавних предположений о наличии у него глазных имплантов, замаскированных под человеческие глаза.

Закончив сборы, проверив работу систем размытия лиц и силуэтов, мы перевели маскировку в режим ожидания и — выключив белые эмблемы демонов на куртках, выдвинулись.

Идти пришлось долго, петляя между многочисленными помойками. Несколько раз неподалеку падали грудами мусорные мешки, приземляющиеся на землю с гулким стуком. Будь мы местными охотниками за мусором, выход можно было бы считать удачным — усмехнулся я. Прямо приманиваем удачу. Но охотиться нам сегодня предстояло отнюдь не за мусором. И я очень надеюсь, что Фортуна будет к нам благосклонна, подкинув не только пару мешков с мусором.

Выйдя за пределы Полигона, формально заканчивающегося за забором недостроенного Солнечного, мы теперь двигались по Джанктауну. Это был тесный район блочных одинаковых высоток, стандартный для протекторатов. Идеальное место для того, чтобы заселять нижний срез среднего класса граждан — на первых этажах соты капсул, выше квартиры студии, а с двадцатого по двадцать пятый этаж уже привычные в моем понимании квартиры. На последнем этаже в таких высотках иногда даже пентхаусы присутствуют. Именно в подобной, построенному по такому же проекту высотке до нашего знакомства жила в Высоком Граде Барбара Завадская — к которой я, было дело, заходил в гости собирая «материал для школьной газеты».

В Джанктауне обитал самый нижний средний класс. И этот район был «желтым», считаясь условно благополучным — социальный рейтинг здесь сохранялся в общем плюсе, если брать среднее по району. Но происходило это больше оттого, что полиция и око регистраторов здесь просто не представлена по максимуму.

В рейтинге благополучных районов Джанктаун держала банальная экономия. Вопрос бюджета — есть бюджеты, работает

система слежения, работает полиция, и подобный район высоток может быть вполне благополучным де-факто. Как относительно благополучные Восточные, в которых обитал Олег в Высоком Граде. Меньше бюджеты полицейского департамента — район сразу маргинализируется, и ночью на улицу уже выходить опасно. Но Джанктаун не превращался в гетто, балансируя на грани. В том числе в немалой степени из-за того, что большинство событий просто в поле зрения полиции не попадали.

Полигон, из которого мы только что пришли, был клоакой, которая просто никому не интересна. А вот Джанктаун пульсировал жизнью. Сюда, как и в Южные районы Высокого Града, тянулись туристы — приезжие и внутренние, — за развлечениями, которые не могут повредить социальному рейтингу.

В Джанктауне, также как и в Южных, для пришлых работал закон фонаря — пока ты стоишь в круге света, ты в безопасности. По крайней мере первым тебя никто не попытается раздеть или убить. А вот в темных трущобах Джанктауна обитали наркоторговцы, перекупщики и банды; кроме того, тут была максимальная на Занзибаре концентрация борделей. Борделей для среднего уровня, конечно же — элитные заведения сконцентрировались в Центре и на Юге острова.

Нам сегодня, естественно, свет нужен не был. Передвигались мы, активировав системы скрадывания силуэтов и размытия лиц. И двигаясь в тени серых блоков высоток, я понял, что со мной осталось интуитивное чутье Олега — я видел и уверенно предполагал, какие места свободны от надзора объективов камер. Но говорить об этом на стал — Войцех сам ведет, периодически сканируя подозрительны участки.

Двигались мы по краю разделения освященных, благополучных улиц Джанктауна и трущоб. Поэтому почти не встречались ни с праздношатающимися развлекающимися, и практически не натыкались на шайки местной шпаны. Всего пару раз на нас нацелились группы, выходя из темных переулков. Но оба раза легко расходились краями — хватило показать, даже не направляя, имеющееся у нас оружие.

Через полчаса подобного перемещения по Джанктауну мы вышли к борделю «Белая роза». Для этого района заведение было очень высокого класса. Находилось оно неподалеку от выезда в более благополучные, «зеленые» от значений социального рейтинга центральные районам. Оттуда сюда было удобно добираться, причем инкогнито. Ну и по названию, как можно догадаться, становилось понятно, что работают здесь белые женщины. «Условно» белые — за таких тут и латиноамериканки,

и азиатки числились.

«Белая роза» была довольно респектабельным заведением, и пользовалась сдержанной, так скажем, популярностью. Но популярность эта, пусть и сдержанная, была у платежеспособного населения — так что бордель отнюдь не бедствовал. Стоянка перед зданием сегодня не пустовала, и дополненная реальность, в которую Войцех как оказалось подгрузил часть полицейской базы, подсказала мне принадлежность сразу нескольких машин.

— Бинго, — только и произнес негромко Войцех.

Я с ним был полностью согласен — потому что белый БМВ на невероятно больших и золоченых (не удивлюсь если реальная позолота) литых дисках идентифицировался как машина некоего Кенни Дамба. Проходящего в картотеке полиции как человека из банды каннибалов, обитающих Кигунгули. Приехал, значит, развлекаться с белыми цыпочками. Причем очень вовремя для нас приехал. Лучше и быть не может.

Причем судя по данным сканера Войцеха, именно этот БМВ подходил для взлома имеющейся у нас системой — все остальные карточки машин были на красном фоне.

— Как тебе? — поинтересовался Войцех.

— Экселлент! — негромко произнес я.

Оставалось только дождаться, или найти вторую машину. Дилемма — или идти искать на подземную стоянку неподалеку, или уводить БМВ и искать в режиме дефицита времени уже катаясь на нем, или подождать может быть кто…

Как раз в этот момент, когда я задумался над вопросом, из выезда подземного гаража рядом стоящей высотки блеснули фары. Гулко тарахтя дизельным двигателем — настоящая редкость для острова, на стоянку заехал пикап Лэнд Ровер Дефендер.

Через подземную стоянку пикап подъехал сюда, потому что через нее существовал путь без попадания в объективы слежения камер. Причем подземная стоянка этой высотки была связана со стоянками пяти соседних других. Так что, въехав на стоянку одного здания, можно было выехать из другого. И без чужого пригляда «телепортироваться» к Белой Розе, а после таким же образом «телепортироваться» обратно.

Да и стоянка борделя камерами никакими не просматривалась — по уговору с местными правоохранителями, конечно. Система контроля по ночам, да и днем почти всегда, здесь была на вечной профилактике и ремонте. Именно поэтому мы за нужными нам для операции машинами сегодня сюда и пришли.

Когда пикап заехал на стоянку, я только головой покачал.

Боже, не надо так много удачи сразу — даже попросил я. Просто потому, что когда слишком много удачи, обычно потом настает время неудачи. А я могу и без подарков, просто много работать, я это умею…

Но просить мироздание остановится с приятными сюрпризами было поздно: пикап, идентифицированный как машина Лесной охраны, к борделю уже подъехал, прокатившись через открытые охранниками ворота. Заранее накинув на голову капюшон толстовки, из машины выбрался мужчина и быстрым, даже торопливым шагом поднялся на крыльцо борделя.

Судя по обвесу машины, в свое время она была — до отправки сюда, на остров, армейской. Присмотревшись, я даже рассмотрел на борту незакрашенную эмблему в виде фигурки прыгающего кенгуру — один из символов австралийской армии.

Забавно — сначала британцы ссылали отбросы общества в Австралию, а сейчас именно австралийцы в немалой степени обеспечивают снабжение дистрикта Занзибара, куда теперь текут эти самые отбросы общества. Ведь тот же так похожий на двадцать четвертую Волгу Holden Premier, на котором ездит дядюшка Абрам — бывшая патрульная машина австралийской полиции, судя по некоторым замеченным мною во время поездки мелочам.

Да, насчет Лесной охраны — лесов на Занзибаре уже давно не было, зато ведомство каким-то чудом осталось. Вернее чудо, оставившее ведомство на острове, называется чиновничья воля. Лесов не было, зато остались бюджеты Лесной охраны, немалый офис в одном из центральных небоскребов администрации, а также вполне серьезный парк машин. Причем старых дизельных машин, и — что самое важное, без интегрированных систем слежения. Даже без автопилота — так что история поездок просто не сохранялась.

Чиновники тоже люди, и им также требуются возможности приватно провести время без лишнего пригляда. И машины Лесной службы для этого подходили как нельзя лучше — на них можно было выкатить в нужный район без идентификации.

Так что, едва подойдя к стоянке борделя, нужные нам две машины мы нашли ну очень быстро.

— Прелестно, — только и произнес я негромко.

— Не подходит, — осадил меня Войцех.

— Это еще почему?

— Это старая машина, там нет автопилота и коробка передач механическая, — покачал головой поляк. — Ты с ней не справишься, а пересаживаться…

— Я знаю в этом толк.

— Механическая коробка — это значит, что там есть третья педаль, и нужно переключать…

— Я представляю, что такое механическая коробка, не волнуйся. Говорю же, знаю в этом толк.

Войцех продолжать спор не стал, но и не соглашаясь, внимательно смотрел на меня.

Не поверил.

— Сцепление выжать, кх-кх первая, сцепление отпустить газ нажать рынь-рынь-рынь поехали, сцепление выжать, кх-кх вторая, сцепление отпустить, рынь-рынь-рынь поехали еще быстрее, — даже жестами показал я ему. — Да все будет окей, не переживай.

Только теперь, как кажется, поверил.

Выждав десять минут — вдруг неизвестный гость борделя что-то в машине забыл, я показал Войцеху, что пора.

Поляк кивнул. Выйдя из тени, он вразвалочку двинулся к стоянке машин. Едва он прошел через приоткрытые ворота, навстречу из будки выдвинулись два охранника, задавая естественные в таких случаях вопросы. После которых практически одновременно и неожиданно для себя потеряли сознание. Я в этот момент уже покинул укрытие в тени и также подходил к воротам стоянки.

Войцех подхватил первого охранника и оттащил обратно в будку, а после без лишней суеты двинулся к БМВ. Я в это время уже оттаскивал в будку второго охранника. Когда опустил на пол тело и вышел из будки, увидел, как Войцех прислонил руку к двери БМВ, словно для идентификации. Только вот в его ладони был сжат блок взлома.

БМВ почти сразу приветливо мигнул сигнализацией. Войцех неуловимым жестом кинул мне блок взлома, а сам как ни в чем не бывало уселся за руль.

Подойдя к дефендеру, я не удержался от негромкого восклицания. Машина праворульная — когда из нее посетитель борделя выходил, я ведь даже внимания не обратил. Обойдя пикап, подходя к правой двери, я прислонил блок взлома, глядя на выведенную в дополненной реальности карточку систем защиты.

Мимо меня, мягко урча двигателем, медленно прокатился БМВ, выезжая со стоянки. Я в этот момент снова не удержался от комментария — на дефендере был закрыт только центральный замок. Даже обычная сигнализация не активна, не говоря уже об идентификации личности водителя. Так что я просто дождался щелчка замка, открыл дверь и уселся в пикап.

Простая, без изысков, приборная панель черного пластика, потертый кожаный салон. Пол из рифленой нержавейки — мыть

из шланга можно. Машина немолодая, лет двадцать ей как минимум есть.

В отличие от большинства людей в этом мире механическая коробка передач меня в ступор не ввела. Но схема расположения скоростей на рычаге не было, да он еще и непривычно слева. Так что пришлось на незаведенном двигателе подергать рычаг туда-сюда, пытаясь понять куда тут втыкать для езды передом, а куда задом. При этом почувствовал, как от волнения спина даже вспотела — как будто в первый раз на экзамене в автошколе. Если сейчас заглохну, будет неприятно. Но справился — с легким скрежетом воткнул первую передачу и вполне плавно выехал со стоянки.

Когда выкатился из открытых ворот стоянки, Войцех уже подобрал Василия. И я активировал, коротким движением глаз, навигатор под план операции. Так что перед взором у меня появилась прозрачная стрелка, указывающая направление движения.

Поворот, еще один, небольшой проулок и мы, пропетляв по улочкам, двигаясь почти бампер в бампер, выехали на ярко освещенную четырехполосную улицу — проспект Ричарда Бертона. По нему, почти по прямой, можно было проехать практически через весь остров.

Мы сейчас находились уже почти на границе Джанктауна, и дальше проспект Бертона шел по Кигунгули — промышленному район, все больше со складами и промзонами. Над которыми проспект Бертона, расширяясь до восьми полос, проходил все больше по виадукам, а после вел в самый Центр острова, теряясь среди небоскребов. Я сейчас прекрасно видел возвышающиеся впереди яркие массивы башен, с эмблемами корпораций на большинстве из них.

Мы сейчас в ту сторону и ехали — в сторону разделяющего районы КПП. Еще пара километров и упремся в пропускной пункт. Который нужен нам не был, район покидать мы не собирались.

БМВ с Войцехом и Васей ускорился, обгоняя меня, так что красные габаритные огни стали быстро уменьшаться. В проекции дополненной реальности загорелись убегающие секунды тайминга — и мне теперь нужно выдерживать определенную скорость, чтобы оказаться на нужном месте одновременно с Войцехом.

Все, начали. Сердце гулко застучало, а руки даже начали немного подрагивать. Да, без дара владения, прямо скажем, непривычно и некомфортно. Как-то вот даже боязно.

Скорость я уменьшил, и теперь по сторонам мягко, в

дежурном свете, проплывали огни витрин — ночью людей здесь, на проспекте, немного. Это днем тут столпотворение, когда «мафия» засыпает. И заведения здесь все больше серьезные — офисы банков, магазины брендовой одежды, хороших часов и даже натуральных продуктов, кафе и рестораны. Ну, и здесь же находился ломбард Марко Барбосы, витрина которого уже показался слева.

Я, с непривычки, не рассчитал и раньше положенного, не до конца снизив скорость, включил пониженную, вторую передачу. Машина будто кашлянула, дернувшись и притормаживая. Но, к счастью, двигатель не заглох. Бросив сцепление, я почувствовал как спинка кресла упруго толкнула меня в спину, отзываясь на движение взбрыкнувшей машины. А секундой позже двигатель утробно зарокотал — вывернув руль, я нажал на педаль газа.

Перескочив через широкую разделительную полосу, в которой вместо клумб и цветов была желтая сухая трава, я выскочил на встречную — успев заметить мелькание галогеновых фар приближающегося БМВ. Это Войцех, уже успевший развернуться не так, как я, а вполне по правилам. Но БМВ мелькнул в поле зрения на краткие мгновения — разгоняя машину, вместе с брызгами стекла я въехал в широкую витрину ломбарда Марко Барбосы, снося решетки.

Завыла сигнализация, мигая красным аварийным освещением, загремело осыпающееся стекло. Но сквозь мешанину звуков я прекрасно услышал, как за спиной взвизгнули тормоза. Это, расчертив резиной, прямо у входа в ломбард остановился БМВ. Василий, опережая Войцеха на доли секунды, выскочил из машины на ходу и уже заскочил в пробитую мною витрину. Захрустело стекло у него под ногами, мелькнул черный росчерк — Вася кинул мне спортивную сумку.

Поймав ее левой рукой, правой я резким жестом раскрыл телескопическую дубинку. Размахнувшись, быстрыми ударами разбил четыре ближайшие витрины и начал сгребать оттуда украшения, закидывая их в сумку. Рядом тем же самым занимались Войцех и Василий. У нас оставалось всего двадцать секунд, отсчет которых вели красные цифры в проекции дополненной реальности на периферии зрения. За это время мы выложились полностью — сумка в моих руках ощутимо потяжелела.

Выбежав из ломбарда, мы закинули сумки на заднее сиденье БМВ, куда следом нырнул Василий, причем рыбкой. Войцех машину оббегать не стал — он через нее просто перескочил, перекатившись через крышу, и как-то вдруг оказался внутри. Его ноги, по-моему, даже асфальта не коснулись. Сам я в это время

уже приземлился на пассажирское сиденье, в которое меня тут же вдавило ускорением. Дверь за мной кстати закрылась сама, я даже руку не успел протянуть.

Войцех, для того чтобы подъехать к ломбарду, развернулся — именно для этого он, обгоняя меня, уходил вперед. Так что мы сейчас мчались обратно в сторону северного побережья, злачных мест Джанктауна, ну и собственно Полигона.

Буквально через триста метров от ломбарда, едва разогнав машину, Войцех дернул руль и топнул по педали тормоз. БМВ повело юзом, но вильнув задом, автомобиль вновь цепко поймал колесами дорогу. И, перескочив через невысокий поребрик тротуара, свернул на узкую улочку, заставленную лотками торговцев — выкатываемыми на главную улицу днем.

Войцех свернул вовремя — по расчетному времени прибытия полиции оставалось всего четыре секунды, и мы ушли с главной дороги как раз перед самым появлением на ней патрульных машин. Очередной визг тормозов, очередной поворот — обернувшись, я даже успел увидеть синие отблески проблесковых маячков полиции на проспекте Бертона.

— Вася! — крикнул Войцех.

— Сделяль! — с акцентом, от волнения наверное, крикнул Василий. Причем голос его даже петуха дал.

Вася молодец — ему сейчас, на ходу, нужно было упаковать все сумки в одну, для удобства переноски. Все же украшений за двадцать секунд с витрин сильно много не наберешь, а сразу с пучком из трех сумок ему не очень удобно будет по району передвигаться.

Белой стрелой пронесшись по району, выходя на границу самых злачных мест, распугивая вылезающих на шум обитателей, БМВ выскочил к одной из приподнятых над землей транспортных развязок. Снова визг тормозов, и пространство вокруг закрутилось — машина выполнила полицейский разворот. Во время которого, словно камень из пращи, с заднего сиденья на дорогу выкатился Василий.

— Все отлично! — крикнул я, увидев как помогая Васе подняться, из тени бетонной опоры выскочила узнаваемая фигура Чумбы. Все, теперь за Васю, и за золото, можно не беспокоиться. Донесут куда надо и спрячут пока.

Увидел Чумбу я на считанные мгновения — после моего выкрика хлопнула задняя дверь, самостоятельно закрывшаяся от ускорения, снова замелькали грязные тесные стены проулков. Заехав в очередной из которых, БМВ сбавил скорость. Мы оказались в тупике, причем обжитом: при нашем появлении по сторонам брызнула местная шушера, собравшаяся под

перекошенной и сломано моргающей неоновой вывеской.

Оставив двери БМВ распахнутыми, мы с Войцехом отбежали от машины и синхронно перепрыгнули через забор. Оказавшись на территории домоуправления одной из высоток. Избегая глаз камер миновали двор, и уже перебравшись в следующий, ненадолго остановились.

Где-то позади громко выли сирены, но хвоста за нами не было. Почувствовать его здесь весьма просто — был бы, над нам бы уже дроны повисли. А по нашему следу сейчас вряд ли пойдут — все же полицейские в Джанктауне не из тех, кто будут грызть зубам землю, углубляясь в трущобы на своих двоих, причем в поисках преступников без визуального с ними контакта.

Еще полчаса у нас с Войцехом ушло на то, чтобы добраться до дома, где обитал Марко Барбоса, владелец только что выставленного нами ломбарда. Марко, надо сказать, весьма хорошо устроился — жил он в одной из более-менее благополучных высоток, находившихся неподалеку от центральной улицы. И неподалеку от ломбарда: высадив Василия у границы Полигона, мы пешком с Войцехом сделали неплохой крюк по району. Так что сейчас оказались совсем неподалеку от места нашего недавнего преступления границ законов.

Расчет плана Войцеха был на то, что Марко сейчас должен находиться в своем ломбарде, разговаривая с полицией. Мы же за это время собирались спокойно вскрыть системы защиты — не привлекая внимания хозяина, а после подождать его в квартире. Получив возможность для спокойного и обстоятельного разговора. В ходе которого он нам скажет — не может не сказать, кому именно конкретно вчера продал, или передал, оружие для утреннего покушения на меня.

В высотку, после того как Войцех срисовал зоны слежения камер, мы забрались по стене на общий балкон второго этажа, через который зашли на грязную и разрисованную черную лестницу. Когда двигались к стене здания, кстати, я снова отметил, что оставшееся от Олега чутье меня провело бы и без сканирования пространства на предмет наблюдения. Я как-то интуитивно продолжал видеть свободные зоны. Впрочем, как Войцех обмолвился тут всего три работающих камеры на весь двор, так что не показатель — может это и не чутье совсем, а просто глаз наметанный.

После того как оказались в здании, долго и осторожно поднимались на двадцать третий этаж — туда, где располагалась квартира Барбосы. Не пентхаус, конечно, но весьма и весьма серьезное жилище. Серьезное для Джанктауна, конечно же.

Через выбитое окно черной лестницы был виден пустой и

длинный коридор. Чистый, но довольно пошарпанный, он вел в общий холл в самом центре этажа. Там находилась и лифтовая шахта. В коридоре было… ну, бедненько, но аккуратно. Даже почтовый ящик одной из квартир, сбитый со стены, стоял на полу прислоненный к стене рядышком с дверью.

Подождали полминуты. На всем этаже было пусто и тихо. Неудивительно — время позднее, а в доме обитает действительный средний класс, с положительным социальным рейтингом. И после двадцати двух ноль-ноль из своих квартир никто здесь старается не выходить без ну очень крайней нужды. Не говоря уже о том, чтобы появиться на улице. Да и лифты после двадцати двух ноль-ноль в этих домах отключаются, так что чтобы из собственного дома-крепости выйти, нужна действительно веская причина.

«Стой!» — жестом остановил я Войцеха, который уже достал сканер и начал заранее присоединять к нему длинную и гибкую трубку объектива.

«Что?» — взглядом спросил он.

«Подожди» — прошептал я, сжав его руку.

И прислушался к ощущениям. Потому что грудь у меня стянуло очень и очень знакомое чувство. Предчувствие даже.

«Предчувствие у меня плохое» — одними губами произнес я, глядя поляку в глаза.

«Уходим?» — также беззвучно произнес он, показывая вниз, в сторону спуска с лестницы.

Спрашивал Войцех абсолютно серьезно — в этом мире намного более серьезное отношение к такому понятию, как шестое чувство. И предчувствие здесь дело такое, что пренебрегать им не принято.

Я задумался, анализируя ощущение опасности.

«Да ты просто боишься» — подсказал внутренний голос.

Может быть, — легко согласился я. Пфф — как будто бояться это что-то плохое.

Может быть это действительно страх? — спросил сам себя, как на духу. Нет, не это именно предчувствие, а не страх — абсолютно честно дал сам себе ответ.

Страх есть, да. Но я на него уже не обращаю внимания, давно привык. Да и это вполне естественное чувство, я ощущаю его чуть по-иному. Сейчас же меня гложет чувство… грядущей не беды, нет. И не столько опасности, сколько… как будто…

«Как будто это блудняк какой-то» — вовремя подсказал внутренний голос.

Именно. И похоже, что запас «удачных парковок» на сегодня мы исчерпали.

То, как мы только что вынесли ломбард — это плановая, даже дежурная операция. Пусть рискованная, даже немного опасная, но все же плановая рутина. А вот то, что ждет нас впереди… За рамки планирования это точно выходит. Превращаясь уже в импровизацию.

По крайней мере, я примерно так оценивал свои ощущения предчувствия.

«Пошли», — показал взглядом в сторону коридора, и добавил также беззвучно, шевеля одними губами: «Внимательнее»

Кивнув, Войцех перехватил пистолет. Ясно, что слова о моем плохом предчувствии он воспринял более чем серьезно. Кожа его побледнела, скулы заострились — явно снова активировал разгон организма и боевые импланты.

Глядя на поляка, я вдруг подумал, что если удлинить его тронутые сединой волосы, он станет удивительно похож на каноничного Геральта, когда тот зельями токсично обгашен. Усиливая впечатления, у Войцеха на ставшей молочно-белой коже еще ярче, чем во время утреннего покушения проступила сетка темных вен. Все, к бою на предельных скоростях Войцех точно теперь подготовлен.

«Готов?» — беззвучно, одними губами, произнес он.

«Готов» — кивнул я, окончательно принимая решение.

Войцех просунул гибкую трубку объектива в выбитое окно входа с черной лестницы, сканируя коридор. В доме такого уровня централизованное видеонаблюдение отсутствует, но может быть у кого в квартирах здесь есть.

Но здесь, в этой части коридора, видеонаблюдения ни у кого не оказалось.

Проскользнув в приоткрытую дверь, мы вышли в общий холл и двинулись к лифту. Здесь никого не было, у стен стояло несколько продавленных диванов, валялась парочка укатанных детских велосипедов.

У поворота, ведущему к квартире Барбосы, мы остановились. Видеонаблюдение у него наверняка имеется. Так, что он узнает обо всех появившихся в его луче коридора гостях. А если сам не дома, то любое фото движения в коридоре наверняка приходит ему на почту, или даже оповещением в дополненной реальности.

Судя по закушенной губе Войцеха, который изучал показания сканера, так оно и было. Но смутило поляка несколько иное.

«Полицейская глушилка стоит» — одними губами произнес он.

Полицейская глушилка — это девайс, который локально вырубает всю электронику на выборочно ограниченном и настраиваемом пространстве. Такие используют полицейские

штурмовые группы, что довольно актуально в условиях плотно заселенных человейников.

Только присутствия штурмовых групп здесь на этаже незаметно, как и самой даже вполне обычной полиции, а вот глушилка есть. А это значит, что перед нашим здесь появлением какие-то люди уже пришли в гости к Барбосе. Причем люди серьезные, с немалыми ресурсами.

«Олег?» — внимательно посмотрел на меня Войцех.

«А что сразу Олег?» — едва не огрызнулся я, находясь в полном в расстройстве.

Прекрасно понимая, что в любом другом месте, в любое другое время было бы благоразумным сейчас развернуться и уйти. Но в моих ушах, словно вживую, зазвучали слова Астерота:

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевал против дракона. Дракон и ангелы его воевали, но не устояли, и не нашлось им места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, а с ним и ангелы его были сброшены».

Это были слова Астерота, который таким образом рассказал эпилог истории борьбы за власть в моем прошлом мире.

Война за судьбу этого мира только началась.

Интересно, насколько удивились бы те, кто узнал, что судьба планеты сейчас в руках Артура Волкова, который выходит на свое очередное поле битвы — в серой бетонной коробке человейника, разрисованной небрежными граффити?

А еще интересно, когда Моисей Яковлевич придумывал имя моей новой личности, кто ему нашептывал, и в какое интересно ухо, побуждая дать моей новой маске имя Драго Младич?

Потому что, если интерпретировать на русский, мое новое имя вполне может звучать как «Молодой Дракон».

Да, в любом другом месте, в любое другое время было бы благоразумней развернуться и уйти. Но не здесь и не сейчас; не для меня. Потому что мне сейчас нужно буквально грудью, как пули, ловить любые пролетающие мимо возможности. И, похоже, на том кресте, который предстоит нести мне в этой командировке, места для разумия и благоразумия просто не предусмотрено.

«Олег?» — еще раз переспросил бледный как сама смерть Войцех.

Я несколько раз глубоко, до гипервентиляции легких, вздохнул. После, машинально, несколько раз коснулся индикатора наличия патрона в патроннике.

«Работаем», — произнес я, глядя в глаза Войцеху, и вышел из-

за угла.

Держа наготове оружие, быстро миновали весь коридор и подошли к торцевой последней двери — квартире Барбосы. Я закрыл рукой обычный — вполне стандартный глазок, Войцех в этот момент присел рядом с замком. Вставив универсальный ключ, он с усилием, но медленно — чтобы без шума, вставил его в замочную скважину. И полностью загнав, с усилием попытался повернуть.

Неудачно — от напряжения у него даже вены на висках вздулись, но болванка ключа даже не думала проворачиваться в личинке замка. Я хотел было предложить свою помощь — все же у меня рука отличается от обычной человеческой. Но Войцех и сам под стимуляторами. Он сейчас даже прекратил нажим, потому что само тело замка начало с мягким хрустом двигаться вместе с болванкой отмычки, сминаясь и сминая тонкий металл железной двери.

«И здесь Китай!» — удивился внутренний голос.

Коротко глянув на меня, Войцех вдруг потянул ручку, которая легко опустилась вниз, и дверь чуть приоткрылась.

«Было открыто» — сказал мне его быстрый и немного недоуменный от простоты решения взгляд.

Войцех приоткрыл массивную дверь еще немного, просовывая туда гибкую трубку объектива. В дополненной реальности у меня отдельной картинкой отобразилась просторная, но пустая сейчас прихожая. И почти сразу мы услышали приглушенный прикрытыми межкомнатными дверьми и расстоянием большой квартиры крик человека — громкий, истошный. Так кричат, захлебываясь от отчаяния и боли, которую невозможно терпеть.

Войцех, отсекая звуки крика, прикрыл дверь и снова вопросительно посмотрел на меня.

«Погнали», — посмотрел я на Войцеха.

«Триста… тридцать… три!» — прошептал он, на счете «три» открывая дверь и бесшумно скользнув внутрь.

Глава 5

Я еще только мягко прикрыл за собой дверь, а Войцех уже стоял возле арки прохода, заглядывая в широкий холл. Держа оружие наготове, в несколько быстрых шагов я оказался рядом.

Безумный крик в это время прекратился, сменившись долгим, полным отчаяния стоном. Который определенно доносился из открытой двери кабинета. Что в нем происходит, видно не было — отсюда заметна лишь часть стеллажа с книгами.

Войцех жестом показал мне подождать. Его зрачки снова полностью закрыли радужку и выглядели почти полностью черными; поляк замер в полной неподвижности, задействовав системы сканирования собственных имплантов.

Я, также как и Войцех, замер и даже не дышал. Только глазами шевелил, осматривая просторный холл, где никого не было. Вернее, живых людей не было — так-то в центре помещения лицом лежала мертвая девушка. Обитательница улиц, причем довольно высокой иерархи — ее спину покрывала синяя вязь живой татуировки, переходящая на бедра. Девушка определенно мертва — под ее головой и грудью расплылась темная лужа густой крови, а вот спрятанный в татуировке свет еще жил, хотя его сияние понемногу угасало.

Притащили ее сюда, скорее всего, еще живую. По позе видно — тянули за ногу, оставляя на мраморном полу кровавый след. И тащили из спальни — в дальнем проеме двери видна смятая постель. На белом белье которой видны капли крови.

Подружка Барбосы? Наверняка. Долговременная, или случайная… хотя нет, судя по ранам и следам, убита она показательно демонстративно. Так, чтобы зритель мог смерть ее прочувствовать. Простую одноразовую подругу так вряд ли будут убивать, тем более для простой подруги положение в криминальном мире у нее, судя по татуировке, отнюдь не низкое.

От осмотра мертвой девушки меня отвлекло легкое касание Войцеха. Он повернулся ко мне и сделал несколько быстрых жестов, разъясняя обстановку.

Я кивнул, подтверждая, что понял жестикуляцию Войцеха. Которой он же меня (Олега) и учил давным-давно. И сейчас поляк показал, что в кабинете один пленный и два противника, первый неподалеку двери, второй в глубине комнаты. Оба предположительно упакованные аугментациями усилений, так что валим сразу и наглухо, мне работать вторым номером по ближнему на добивании.

«Наглухо» — еще раз, словно удостоверяясь что я понял,

сделал жест Войцех.

«Окей, окей» — только отмахнулся я.

Достав банку флэшки — свето-шумовую гранату, Войцех не глядя передвинул метку времени срабатывания, так что на небольшом дисплее появилось «0.07» и втопил кнопку активации запала, удерживая. Гранату он забросил в кабинет, уже выходя из-за укрытия. Выскочил следом и я — заранее крепко зажмурившись. Затормозил, врезавшись плечом в стену рядом с дверью в кабинет одновременно со сверкнувшей там вспышкой.

Мгновеньем позже хлопнули, практически слившись в один звук, два выстрела — это Войцех уже был в кабинете. Практически сразу после его второго выстрела я сам уже был внутри и раз за разом нажимал на спуск. Пуля за пулей я всаживал в ближайшее тело в темной одежде — стрелял в основании шеи. Потом — когда человек в темной, стандартной для ЧВК форме, только без знаков различий, упал на одно колено, я начал спускаться выстрелами ниже, по позвоночнику. Войцех тоже стрелял не переставая, держа на прицеле второго противника.

Для человека, организм которого усилен аугментациями и имплантами, пуля в голову не причина умирать сразу. Системы могут поддерживать жизнедеятельность уже мертвого тела еще некоторое время, хотя бы в части выполнения задачи тактической сети, или с целью ответного удара «мертвой руки» — чтобы забрать с собой убийцу, если тот идентифицирован.

Кратковременное ослепление от вспышки гранаты уже прошло, и тот живой труп, в которого стрелял я, уже пытался направить в мою сторону оружие. Это он воспользовался паузой, во время которой я заменил магазин. Двигался дергано, ломаными конвульсивными движениями — но пытался. Недолго — тело его снова задергалось от попаданий тупоносых пуль. Я продолжал стрелять не переставая — раздробив ему еще и локтевые суставы, на всякий случай.

И только когда выпустил два магазина, стрельбу прекратил.

Помещение наполняли пороховые газы, даже в глазах чуть защипало; в ушах, словно набитых ватой звенело. А, нет, это гильзы по полу раскатываются.

«Мой» клиент все еще шевелился, но это были уже конвульсии сломанного механизма — я превратил в месиво и его голову, и спинной мозг, а также раздробил основные суставы, лишая подвижности. Да, колени на всякий случай тоже прострелил. Чтобы не прыгнул — и это не шутка. Я в свою бионическую руку, допустим, могу клинок вставить, и буду как Чумба со своими костяными мечами. А если еще и колени с

позвоночником аугментациями и имплантами усилить, могу удивительные вещи выдавать.

Другое дело, что такими удивительными вещами я в первую очередь себя смогу изувечить — с подобными усилениями нужно уметь обращаться, контролируя движения тела. Это как мощный спортивный мотоцикл — который для неопытного пользователя может быть опасен.

Кроме того, появление подобных усилений нужно будет суметь объяснить полиции, а потом судье (причем без иллюзорных шансов на удачу, но зато с реальными шансами не просто на понижение гражданских прав, а на реальный срок).

Но если так, теоретически, могу усилить свой организм я, почему этого не может сделать кто-то другой? Добавив подобную возможность как одну из опций своего упакованного имплантами и аугментациями организма.

Впрочем, даже если у тела передо мной была подобная или иная возможность, окно использования уже давно закрылось, забитое тридцатью моими пулями, и одной самой первой — в затылок от Войцеха.

Впервые после начала стрельбы отпустив взглядом «своего» клиента, я осмотрелся в кабинете. Если бы не знание о том, что за закрытым окном грязный и спальный «желтый» район протектората, можно было бы подумать, что находимся мы особняке викторианского стиля. Все вокруг тяжелое, массивное, монументальное даже.

Кабинет, как и вся квартира, площади немаленькой — для стандартной высотки, конечно. Стеллажи с рядами книг, у зашторенного окна широкий рабочий стол — массивный, как и вся мебель в кабинете. Над столом приметная пейзажная картина. И я даже знаю ее название — «Вид Флоренции с Сан-Миниато» руки Томаса Коула. Мы по его серии картин «Путь Империи» с Валерой презентацию делали, а с остальными произведениями знакомились в обязательном порядке. Надо же, пусть лекции естественных искусств мне пока на практике не пригодились, но зато в живописи начал разбираться.

Отчаянные стоны, кстати, не прекращались — Барбоса перемену обстановки не воспринял и даже о ней пока не узнал. Он сейчас сидел за собственным столом; из одежды на нем только легкие светлые штаны — грязные, запятнанные кровью и мокрые между ног. Серьезных ран, за исключением нескольких кровоподтеков и ссадин, не заметно.

Барбоса был грубо, армированным скотчем прикручен к массивному, как и вся местная мебель, креслу — руки примотаны к изогнутым резным подлокотникам, ноги к выгнутым ножкам-

лапам, а шея и подбородок притянута к широкому подголовнику высокой спинки. По скотчу на подбородке тянулась тягучая ниточка слюны, из носа пузырились сопли, а из-под широкого обруча, закрывающего и глаза, по щекам бежали дорожки слез.

Причина ясна сразу: на голове у Барбосы тонкий обруч — торч на местном жаргоне, от английского «torture», пытка. Запрещенный, кстати, Женевскими конвенциями девайс. Причем вещь, как и полицейская глушилка, широким кругам населения недоступная.

В два скользящих шага Войцех оказался рядом с Барбосой и сорвал с него обруч. Управление уровнем пытки наверняка завязано на тактическую сеть кого-то из убитых, но разбираться сложно, да и некогда — поэтому вот так, жесткая посадка. От последствий которой я даже поморщился — погружение в виртуальную реальность пытки у Барбосы было настолько глубоким, что как только Войцех сорвал обруч с головы, как того моментально вырвало.

Голова Барбосы, притянутая к спинке кресла была отклонена назад, и чтобы тот не захлебнулся собственной рвотой, Войцех ножом срезал с него скотч с шеи, освобождая голову.

После того, как Барбоса окончательно испачкал свои штаны, Войцех грубо взял его за волосы, оттянул веки, разглядывая красные, налитые кровью глаза, глядящие пустым взглядом; после пощупал пульс.

«Пять минут» — показал мне раскрытую пятерню Войцех, после чего вколол Барбосе какой-то стимулятор. Причем только наполовину — у него ведь сейчас не с телом, больше с головой проблемы.

Я в это время поднял отброшенный поляком обруч, рассматривая. Есть нанонаркотики, которые могут даже без виртуальной капсулы дарить удовольствие — к примеру, количество минут, по заказу, непрерывного оргазма. Или — гораздо более популярное среди среднего класса, так называемое фудпорно — восприятие вкуса самых разных натуральных продуктов. Более дешево и доступно — закрыл глаза, надел обруч, и вот ты уже не брикет сублимата жуешь, а кушаешь свежий манго, ощущая легкий бриз на лице, а вместо канализационного фильтрата пьешь ром из кокосового ореха. Цена вопроса — десять кредитов за минуту «поездки на пляж».

Нейрохимией можно настроить удовольствие, но можно подарить и боль — что сейчас и случилось с Барбосой. Причем нейрохимией боль можно регулировать, без возможности потери сознания — так, что легко можно свести человека с ума за самый короткий срок. Что, судя по происходящему, и собирались

сделать с Барбосой — мне кажется, что это был совсем не допрос, это была казнь. На его глазах убили его девушку, а самого привязали к креслу, надели обруч на голову и начали постепенно увеличивать болевое воздействие.

Ужасная участь.

Я даже плечами передернул, вздрогнув и глядя на обруч. Не только от разыгравшегося воображения: сам по себе такой девайс очень опасная штука. Подобные редкая вещь в частных руках — даже в протекторатах. Потому что государства, как и корпорации, охраняют свое монополию не только на насилие, но и на гарантированное получение информации. А с помощью обруча-торча человека можно заставить рассказать все что угодно. Так что подобные девайсы — это, в миниатюре, как маги-ментаты, которые всегда под контролем или государства, или национальных кланов. И если даже получилось такой обруч случайно обрести, с ним полиции лучше не попадаться. Вообще не попадаться.

За подобный обруч можно на пожизненное в трудовой лагерь уехать. А эти лагеря, по гуманитарным соображениям заменяющие в странах третьего мира смертную казнь, не то место, где можно прожить долгую жизнь. Заключенные, отправленные туда на пожизненное, исчезают из общий базы данных. Вследствие чего очень часто быстро и неожиданно умирают от «несчастных случаев», исчезая из базы данных лагеря и становясь материалом исследований. Да, наука в этом мире двигается семимильными шагами в том числе и из-за подобной практики. А если даже «несчастный случай» пожизненного попаданца в такую зону заключения минует, то все равно больше десяти лет на стандартных питательных смесях ограниченного рациона там никто протянуть не сможет.

И все это значит, что казнить Барбосу — причем показательно казнить, заявился кто-то из высшей лиги. Вернее нет, не так. Казнить его пришли по указке кого-то из высшей лиги. Потому что исполнители — при всех их технической оснащенности, прямо скажем из серии «третий сорт не брак». Даже охранение не выставили, мы в квартиру легко и без проблем зашли, как нож в масло.

Да и убили обоих также легко — они, пусть и усиленные аугментациями, просто не сталкивались с серьезными противниками. Одно дело банды по трущобам гонять, чувствуя свое полное превосходство, а другое столкнуться с таким хищником, как Войцех.

Одноразовые. Вот эти двое — в отличие от убитой подруги Барбосы, точно одноразовые исполнители. И исчезнуть они

наверняка должны навсегда, после того как придут доложить о выполнении задания.

Это для обычной банды подобные усиления организма и девайсы — это самый высший уровень, золотая лига. Для любой корпорации, с ее ресурсами — это всего лишь заменяемые расходники. Легко выкидываемые, как одноразовые перчатки, используемые для грязных дел.

С такими мыслями я осматривал расстрелянных нами гостей Барбосы. Самоуверенность сгубила много людей, города и страны — так что двое лежащих статистику глупых смертей не сильно портили. Да, наверняка действовали они в ощущении безопасности, и отсутствия в перспективе адекватного противника.

Профессионалы так не работают. А если работают, значит это не профессионалы.

Именно поэтому, осознавая всю важность происходящего, ожидая пока Барбоса хоть немного придет в себя, я был уже в холле, контролируя происходящее — вдруг кто еще в гости придет? И я сейчас откровенно не знал, что делать — нужно выяснить кто пришел к Барбосе, нужно выяснить кому он продал оружие, но вот смерть незнакомцев — не подняла ли она тревогу, и не пора ли нам вообще делать отсюда ноги?

Хорошо, что рядом был Войцех — и он, в отличие от меня, в подобных акциях участвовал намного чаще. И опыта у его было больше — пока Барбоса понемногу продолжал исторгать из себя остатки обеда и ужина, Войцех уже подключился к одному из дергающихся убитых. Подсоединив его личный терминал через блок анонимуса, он отключил полицейскую глушилку. После, активировав управленческое меню на столешнице стола, включил системы безопасности квартиры, и перевел их в режим повышенной готовности.

Пока Войцех проводил все эти манипуляции, восстанавливая охранный контур квартиры, Барбоса понемногу пришел в себя. И по жесту Войцеха я зашел в кабинет.

— На его вид внимания не обращай, он уже притворяется, — произнес поляк. — Можно начинать.

Барбоса после слов поляка продолжать дальше играть в человека-растение не стал, а вполне осмысленным посмотрел сначала на Войцеха, а после уже на меня.

— Привет. Мы немного невовремя, как я смотрю, — показал я свободной от пистолета рукой на трупы, у одного из которых еще подрагивала нога, словно существуя отдельно от остального тела. — Мы невовремя, но по делу, много времени не займет. У меня к тебе деловое предложение — ты говоришь, кому вчера

продал оружие, один Ингрэм и три ТМГ Штейр, а я не надеваю тебе на голову обратно вот этот девайс, — показал я на обруч. — Более того, если сможешь меня приятно удивить, то я могу подарить тебе легкую смерть. Как тебе предложение, согласен?

Войцех за то время, пока я говорил, надел на запястье Барбосы широкий фитнесс-браслет. Кустарная переделка, каждый второй школьник справится — браслет со встроенным датчиком, работающим как детектор лжи. Точность, правда, почти как у прогноза погоды — примерно пятьдесят на пятьдесят. Но все же что-то.

Барбоса, не обращая внимания на Войцеха, смотрел на меня вполне разумным, но при этом немного плавающим взглядом. Явно пытался осознать новую для себя реальность — без боли, с неожиданными вопросами и даже с детектором лжи.

После моего вопроса молчал Барбоса долго, целых три секунды, и мне пришлось громко щелкнуть пальцами — подушечки безымянного и среднего звучно ударили в ладонь.

— Ты согласен на сотрудничество, или мы отправляем тебя немного подумать? — показал я на лежащий на столешнице торч-обруч.

— Ты Драго? — вопросом на вопрос ответил Барбоса.

Я быстро глянул на Войцеха. Но поляк даже без моего взгляда отреагировал. Он моментально подхватил статуэтку со стола — кажется, это был египетский бог. Анубис, или Сет, кто-то из них — потому что с длинными ушами. Но в дело пошли не острые уши, а подставка статуэтки. Массивное мраморное основание ударило в коленную чашечку Барбосы, так что он дернулся, захлебнувшись воплем.

Да, это оч-чень больно — я даже сам почувствовав себя неуютно от глухого звука удара. Едва поставив статуэтку на стол, Войцех, уже приводя Барбосу в чувство, моментально прописал ему чапалах. Пощечина, выполняемая жестко сложенной ладонью-лодочкой. Кто-то с такой подачи вполне реально мог и отъехать в глубокий нокаут, но Войцех в делах экспресс-допросов определенно знает толк — Барбоса в ясный разум с такой комбинации вернулся.

Еще раз я щелкнул пальцами, привлекая внимание. Когда мутные глаза Барбосы сфокусировались на мне, я укоризненно покачал пальцем.

— Неправильный ответ.

— Оружие я продал Лучано Стабене, — хрипло произнес Барбоса.

— Мне нужны пруфы, Билли.

Даже если значения слов фразы Барбоса не понял, смысл

прекрасно уловил.

— Можешь посмотреть мои записи, вчера утром в ноль-пятьсот три часов, он приходил за оружием сам.

— Зулу? — неожиданно переспросил вдруг Войцех.

— Чарли, — хрипло ответил Барбоса, неуклюже сплевывая.

Шифром для меня сказанное не выглядело. Ноль-пятьсот три, военный стандарт произношения времени. Зулу — время по Гринвичу, Чарли — часовой пояс «+3», он же ВТ: Багдад, и он же «Московское время», по которому живет и Занзибар, находящейся на этой же долготе.

Сказанное означало, что в пять часов три минуты по местному занзибарскому времени Лучано «В-порядке» пришел за оружием. «В-порядке» — так можно Стабене перевести, кстати, причем это слово может оказаться как фамилией, так и его прозвищем.

Неожиданностью услышанное не было, неожиданностью был сам факт вопроса Войцеха. Потому что он без комментариев и сразу принял новое положение вещей в наших новых отношениях, и всегда просто молча действовал, не перехватывая инициативу. А вот сейчас это сделал.

«Зачем он спросил?» — голосом Семена Семеновича Горбункова поинтересовался внутренний голос.

Но обдумать я это факт не успел. Некогда — Барбоса продолжил говорить.

— Лучано — это человек из Санта-Кроче, который давно делает с наркоты левый доход на Полигоне в обход семьи Романо. Ибове был его человеком и заносил ему, а тебя Лучано решил убрать для того, чтобы Доминика не узнала о его левых доходах. Доминика — глава семьи Романо, которая сейчас управляет всеми делами Санта-Кроче…

Барбоса, получив от Войцеха животворящий чапалах, говорил все более четко и раздельно. Более того — реагируя на непонимание в моих глазах, пояснял и даже начал выдавать дополнительную информацию.

— …и со смертью мужа два месяца дела у Доминики начали сыпаться. Она утратила хватку и часто промахивается, серьезно ослабила контроль. Многие этим пользуются, в том числе Лучано, который уже делает левые деньги не только на Полигоне, но на всем Джанктауне. Стабене хочет взять всю власть, потеснив Романо, это видно даже незрячему, к тебе у него ничего личного. Дай пожалуйста помыться. Не хочу умирать обоссанным, — неожиданно закончил Барбоса.

— Кто это такие? — проигнорировав его слова, показал я расстрелянные нами тела.

— Я не знаю, — произнес Барбоса, но предваряя движение Войцеха, заговорил торопливо: — Я действительно не знаю. Они просто зашли, убили Франческу, вытащили меня из постели и начали пытать. Ни одного вопроса даже не задали.

— Она умерла небыстро, — снова негромко произнес вдруг Войцех.

— Да, — коротко подтвердил Барбоса.

— Corte de corbata? — быстро спросил Войцех.

— Corte de collare, — без запинки ответил Барбоса. — Меня привязали к стулу, я смотрел, — лицо его после этих слов перекосило гримасой обреченной ярости.

Вновь я не понял инициативы Войцеха. Но в этот раз я не понял и самих смыслов вопросов — сказано было или на испанском, или итальянском. Причем определенная причина, почему Войцех вмешивается, есть. Причина определенно серьезная, когда будет нужно сам скажет — подумал я.

— У нас мало времени, — это уже сказал вслух. — Вариант первый — мы сейчас надеваем на тебя обруч, включаем постепенное погружение до максимума и уходим. Вариант второй — ты откровенен, а мы отводим тебя в ванную, и ты там умираешь быстро, легко и чистым. Выбирай, не тяни.

— Я действительно не знаю, кто это, — зачастил Барбоса. — После того как в Хургаде горела башня Некромикона, в городе все…

Тут Барбоса снова употребил итальянское выражение, которое я не расслышал, но смысл интонации я прекрасно понял: Все пошло по бороде.

— …а после того, как башня некросов сгорела полностью, они похоже вообще попрощались с Занзибаром, потеряв тут влияние. Сейчас здесь масштабные чистки, везде — на улицах, в полиции, среди уважаемых людей, везде, абсолютно везде метла метет, убирая их людей. Думаю, кто-то слил про меня информацию, и меня пришли просто показательно убить.

— Ты из некросов?

— Нет. Через меня часть корпоратов с верхних этажей местной башни мыли деньги. Слева за картиной, в левой ножке стола. Два тайника, в стене металл и бумага, в столе крипта, на два миллиона и на триста тысяч. Этим я могу тебя удивить? Дай помыться, прошу.

— Сколько у тебя взрывчатки в стене? — поинтересовался Войцех. — Только на комнату, или сразу на весь этаж?

Поляк, кстати, дело говорит. Два миллиона и триста тысяч денег — приятно звучит, но у такого человека как Барбоса наверняка может стоять в тайниках что-то типа защиты

последнего шанса. Полезем мы — нас со стен соскребать придется. Дать задание ему достать деньги — так он сам может активировать, все равно уже не жилец. Конечно, подобное не гарантированно, но… риск есть, определенно.

Барбоса молчал на полсекунды дольше, чем нужно. И по моему взгляду все понял — на его лице появилось обреченность. Так выглядят люди уже смирившиеся, умершие еще до того, как расстрельная команда начала работать.

— Видео со Стабене я вытащил, — вернувшись вниманием к ассистанту произнес Войцех, отсоединяя блок анонимуса от столешницы, и завершая на экране ассистанта работу приложений.

Барбоса сидел рядом, и экран ассистанта Войцеха увидел. Глаза его расширились, когда он увидел на экране у Войцеха несколько приложений.

— Ты Бобби? — неожиданно поинтересовался Барбоса у Войцеха.

Бобби — здесь, на Занзибаре, одно из ходовых прозвищ полицейских. И Барбоса, видимо заметив на экране ассистанта Войцеха что-то, определенно пошел ва-банк.

Теперь я понял смысл наводящих вопросов Войцеха — и когда он переспросил уточнением про военный стандарт времени, и быстрый обмен непонятными мне вопросами на итальянском или испанском. Да и сейчас Войцех ведь специально отключал блок анонимуса так, чтобы Барбоса увидел экран планшета. На котором наверняка что-то было, узнаваемое для своих.

— Инспектор Марио Ферро, работаю в глубоком внедрении с пятнадцатого года, прибыл сюда из Флоренции вместе с Святыми, отмывал их деньги. Убитая… первый агент Франческа Молинаре, — произнести вслух, что девушка мертва, инспектору видимо было непросто. — Нас просто пришли убить, я не знаю кто. Вот хотя бы это может тебя удивить?

Я молчал, и посмотрел на Войцеха. Барбоса, он же Ферро, продолжал говорить:

— И у Франчи и у меня стоят датчики боли, если ты работаешь под прикрытием ты должен знать, что это, посмотри — у нее датчик в левом лучевом суставе. Ее убивали, меня пытали, но здесь еще никого нет — хотя кавалерия должна была прискакать давным-давно. Нас просто сдали, свои же. Вся сеть, все агенты, выбили всех, нас просто продали…

Железный Марио сломался. Не видя по глазам Войцеха ответа, он не знал, угадал намеки или нет — и сейчас определенно ждал, что обруч вновь займет место на его голове.

Войцех коротко глянул на меня, показав оставаться

внимательным, и вышел в холл. Вернулся меньше через минуту.

— Датчик есть, — коротко произнес он.

— И что будем делать? — спросил я Войцеха, но сразу после глянул на Барбосу.

— На тайнике стоит закладка, здесь должно разнести всю квартиру. Остальные не пострадают, взрыв направленный, вынесет все туда, на улицу, — дернул подбородком Барбоса в сторону окна. — Возьмите деньги, это часть личной черной кассы Альфредо Романо, я не успел их вымыть, он мне передал их за день до смерти. Доминика о них не знает.

— Ты сам? — коротко спросил Войцех.

— Оставьте мне мои триста. Вернусь во Флоренцию, и попробую узнать — на каком уровне меня слили, только ли здесь, или дома тоже. Как только я это узнаю, я найду способ вам сообщить. И буду искать способ найти убийц Франчи.

— Принято, — озвучил я свое решение.

В несколько быстрых движений Войцех разрезал скотч сначала на ногах, потом на руках Железного Барбосы. Я в это время ненавязчиво держал того на прицеле, но инспектор внимания на направленный на него ствол даже не обращал. Он перебросился парой быстрых фраз с Войцехом, и подошел к стене, срывая картину с видом Флоренции.

Флоренция. Резиденция герцогов Медичи.

Я вновь ощутил, как двигаюсь вдоль флажков, расставленных архидемоном. Который, ведя свою игру, просто подвел ситуацию к тому, что отправил меня в самый центр идеального шторма.

Который, кстати, я создал своими же руками — все же в деле уничтожения башни Некромикона в Хургаде и смерти высшего управленческого звена я приложил руку больше всех в этом мире. Что повлекло тектонические изменения и передел сфер влияния уже здесь, на Занзибаре — те же Томми, которые сейчас агрессивно теснят местных, наверняка на остров не вошли бы так громко, будь Некромикон, контролирующий местную полицию, по-прежнему силен.

Войцех между тем, очень медленно двигаясь и не совершая резких движений, с комментариями Барбосы открыл тайник. И значительно ускорив движения, начал перекидывать в сумку тугие пачки денег, а также тяжелые, даже по виду, коллекционные альбом с монетами. Барбоса в это время уже принимал душ — я слышал, как шумит вода.

— Спасибо, — только и сказал он, когда вышел из ванной и взял у меня три флешки с криптой, которые я вытащил из отбитой ножки стола. — Вы можете уходить, я хочу попрощаться с Франчи.

Вопросов о том, как инспектор планируется выбираться из дома и с острова, задавать я не стал. Человек взрослый, разберется. А нужна была бы помощь, попросил бы сам. На нас он, кстати, внимания больше не обращал — мы еще были рядом, но пути наши уже разошлись.

— Сколько тебе нужно? — спросил Войцех.

— Не больше четверти часа, — ответил Барбоса.

Когда мы с Войцехом выходили из квартиры, я обернулся. Марио Ферро, он же Марко Барбоса, сидел на коленях рядом с телом девушки. Я видел, как он гладит ее по волосам и даже заметил дорожки слез, бегущие по щекам.

Покинув дом, мы с Войцехом постояли немного в тени. Ждать долго не пришлось — на двадцать третьем этаже часть стены вдруг вздрогнула и улетела прочь, вынесенная взрывом. Досматривать не стали — едва на высоте вспух яркий шар, мы уже двигались прочь, в тени стены соседней высотки и в мертвой зоне видеокамер.

Добравшись до Полигона, прошлись по узкому и темному, заваленному мусору переулку. А когда оказались в прямой видимости от нашего дома, присели посовещаться.

Вернее, мне нужен был совет. А если еще точнее, мне нужна была реакция Войцеха на идею, которая у меня уже сформировалась, пока мы добирались из Джанктауна на Полигон.

— Давай я сейчас буду говорить, а ты указывай узкие места.

— Давай, — кивнул поляк, осматриваясь по сторонам. Он уже вышел из боевого режима и стал похож на человека, на которого можно без страха глянуть.

— Я хочу отправить Доминике Романо сообщение с рассказом о Лучано Стабене, сообщив что он делает за ее спиной левые деньги. И написать, что для того, чтобы она об этом не узнала, Лучано решил меня кончить.

— Дальше, — кивнул Войцех.

— Мне, в идеале, нужно с ней встретиться и поговорить.

— Зачем?

— Если мы найдем общий язык, я могу отдать ей черную кассу… ну, может часть черной кассы, себе на бедность немного оставить. Если общий язык не найдем, то деньги оставим себе.

— Большие деньги всегда оставляют большой след. И даже твой дядюшка Абрам если привлечет всех цыган этого мира, так просто их не спрячет.

— Спрячет. Это он левый металл из ломбарда через цыган собрался обналичивать, а если крупные деньги, то и к людям уже другим обратится.

— Ну, может быть. Только я тебе советую как можно быстрее

поставить личный терминал, и усилиться аугментациями и имплантами, возраст уже позволяет. Зайдя в квартиру, мы въехали в полосу серьезной турбулентности. А в следующий раз, когда рядом с тобой будут аугментированные организмы, меня может рядом не оказаться.

Смысл в словах Войцеха, конечно, был. Но… Поставить личный терминал можно, но вот усилиться имплантами — проблема. Для этого нужен или очень высокий, или очень низкий статус. Высокий сложно получить — многим людям целой жизни на это не хватает. Низкий же закроет мне легальный путь на большую часть острова.

Так что я сейчас почти как та самая обезьяна, которая не может решить, к умным ей идти, или к красивым.

Но была и еще одна проблема. У меня словно внутренний стопор стоял, который говорил мне, что «не нужна мне такая машина».

— Надо, конечно, кто ж спорит, — между тем только усмехнулся я себе под нос.

— Что? — не расслышал Войцех.

— Да это я уже понял, говорю, — повернулся я к нему. — Принципиальные возражения есть, дичи в моем плане не видишь?

— Принципиально нет.

— А если не принципиально?

— А если не принципиально… то вокруг сплошная, как ты говоришь, дичь. Мы, не побоюсь этого слово, влезли в некоторое дерьмо.

— Бывает.

— И вопрос, нужно ли было это делать.

— Нужно, Войцех. Нужно. Поверь мне на слово.

— Да я уже, не волнуйся.

— Ты же вместе с видео вытащил список контактов?

— Да.

— Адрес Романо там есть?

— Сразу пять, и официальные, и прямые, с динамическим шифром.

— Шифр?

— Тоже есть.

— Хорошо. Давай тогда отправим сообщение ей прямо сейчас.

— Что написать?

— Мм…

— Напиши… черт, не знаю как здесь общаться принято. Ну давай по классике — сеньора Романо, приветствую вас со всем уважением. Меня зовут Драго Младич, и я…

Новый хозяин Полигона — писать точно не следует. Так. Что я знаю об итальянцах?

— Пиши: и я избранный капитан от народа в районе Полигона, пытаюсь выдавить отсюда грязь. Так, стой, не-не-не…

Не в ту сторону намек. Капитан от народа — должностное лицо в Италии, возглавляющее малую коммуну, представляющее интересы простого народа и командующей городской милицией. Из таких капитанов, часть из которых, до перехода на работу в городскую администрацию была кондотьерами, вышло немало титулованных влиятельных семей — этот намек на мои амбиции будет весьма и весьма прозрачен. Но вот «выдавить» писать точно не нужно. Потому что давить на итальянском — Sforza. Слишком уж неудачно может получиться. Тем более, как сказал Барбоса-Ферро, Доминика Романо из Флоренции, где сейчас правят Медичи. Так что таким вот «выдавить грязь» можно испортить вообще все.

— Пиши, что я волею Господа оказался здесь, и намерен убраться в районе, сделав его чище, но так вышло, что порядок на улицах многим не нравятся. К примеру, вашему человеку Лучано Стабене, который решил меня убить, потому что я случайно помешал ему делать деньги на уличных дилерах. Надеюсь, это сделано не по вашему приказу, и очень надеюсь, что вы найдете время для беседы со мной, так как хочу выразить вам свое почтение и уважение.

— Готово, — закончил набивать на виртуальной клавиатуре текст Войцех. После этого дал мне планшет ассистанта, я бегло прочитал письмо и одобрив, отдал обратно Войцеху.

Легкое нажатие по клавише виртуальной клавиатуры, и письмо ушло.

Все, теперь только ждать.

Причем ждать не только ответа Доминики Романо. Мы, как правильно сказал Войцех, моими дипломатическими методами влезли в некоторое дерьмо. Так что сейчас можно ждать возможных действий каннибалов, полиции — официальной и купленной, тех неизвестных, кто пытался даже без допроса казнить Барбосу, да и остальных деятелей, пытающихся разделить сферы влияния, оголенные слабостью Некромикона. Который если еще не трещал по швам, то серьезно качался. По крайней мере здесь, в Африке.

А еще ждать придется наличку от дядюшки Абрама, потому что без денег действовать как-то не получится. Или не придется ждать? — подумал я, увидев, что во дворе дома уже стоит так похожий на двадцать четвертую Волгу автомобиль.

Дядюшка Абрам, когда зашли, встретил нас хмурым взглядом

из-под кустистых бровей. Он сидел за столом, пил синтетический кофе и бубнил себе под нос всякие разности насчет дрянного пойла.

— Золото уже летит в Румынию, — отвлекаясь от кофе, без предисловий произнес старый еврей. — Деньги тебе нужны чистые или грязные?

— Деньги мне нужны кристально чистые, — без раздумий ответил я.

Вместе с заначкой Альфредо Романо, если деньги, конечно, останутся у нас, вопрос с грязными деньгами решался. Если же два миллиона у меня не останется — если я их отдам Доминике, это будет значить, что у меня получилось пристроится под крышу Санта-Кроче. В этом случае уже решается вопрос связей и влияния, деньги в этом случае вторичны. Так что вопрос возможностей нижнего, нелегального уровня — вовсе не вопрос, эта проблема будет решена в самое ближайшее время. Другое дело, что в процессе есть неиллюзорная опасность для жизни, но тут уж я знаю, на что иду.

А вот для того, чтобы продолжать легальное начинание, мне очень нужны чистые деньги, за репутацию которых не хочется опасаться.

— И лучше всего будет… — я задумался. — Лучше будет, если эти чистые деньги будут пожертвованием от какого-нибудь мецената.

— Это будет дорого стоить, мы и так теряем на скупке…

— Пренебречь, вальсируем. Кроме того, мне нужно… Гек! — обратился я к датчанину, который сидел рядом с дядюшкой Абрамом. Причем сидел в приличном, как у законопослушного гражданина, костюме.

— Гек, параллельно нужно купить в прессе пару статей про Полигон, про то, как мы собираем команду…

Голова после событий сегодняшней ночи немного пухла, так что я плюнул на объяснения.

— Короче, Гек, посыл ты понял. Пару статей, о том как я хорош, и вообще какие мы все здесь потрясающие. Занимайся, дядюшка Абрам советом поможет. Соответственно, когда первая статья в прессе появится, пусть какой-нибудь фонд помощи детям Либерии возжелает нам помочь на безвозмездной основе.

— Понял, — только и кивнул Гек.

Никаких больше вопросов не последовало, и Гек с дядюшкой Абрамом уехали. Я же «вернулся» в виртуальную реальность арены, погонял немного на тренировочной арене, вспоминая навыки Олега.

И когда вышел из виртуальной реальности по-настоящему,

случилось неприятное. Потому что стоило только надеть официальный девайс средства объективного контроля личной деятельности, как перед взором упала красная пелена — словно в розовых очках оказался. И, закрывая немалое поле зрения, активно моргало оповещение о необходимости в самое ближайшее время прибыть к контролирующему сотруднику в офис RODZ. От меня требовалось только подтверждение вызова такси — подтверждение, на которое оставалось три минуты. В противном случае в офис регистраторов доставить меня обещали с полицией.

— Какой… чудесный день. Какой… чудесный пень, — произнес с недвусмысленной интонацией я вместо того, чтобы не ругаться грязно.

Двинув рукой, плашку оповещение я убрал в сторону, пусть и неполностью — дальше интерфейс дополненной реальности не давал. Да и красная рамка на периферии зрения моргать осталась.

Черт. Черт-черт-черт. Это может быть опасно, но… когда регистраторы зовут в таком тоне, тут либо выбрасывать девайс и уходить в подполье, как Войцех, либо ехать. После недолго раздумья я решил ехать, и подтвердил согласие на отправку за мной машины такси.

Глава 6

Такси муниципальной службы прибыло очень быстро — в желтой раскраске, характерной для благополучных районов. Собрав лишь одним фактом своего прибытия кучу зрителей вдоль мусорной дороги.

Машина была на автопилоте, так что, сев в нее, я несколько нервничал — если к Барбосе пришли с полицейской глушилкой накаченные имплантами парни, то, если мы с Войцехом оставили следы… Могут ведь ко мне и такси вполне официальное отправить, и поедет оно сейчас куда-нибудь не в центр, к небоскребам, а под эстакаду в Кигунгули.

Но нет, обошлось — желтая машина, внутри которой было приятно прохладно, двигаясь по проспекту Бертона миновала промышленные и портовые районы мегаполиса, привезя меня в центр. К комплексу небоскребов, прозванному в народе Destiny Town — город судьбы. Неслучайно — именно здесь располагались все административные учреждения острова.

RODZ — Register Office for District Zanzibar, Служба регистрации дистрикта Занзибар, занимала целый небоскреб. Неудивительно — в протекторате, где качество жизни зависит от социального рейтинга, социальная служба повелевает судьбами большинства населения. За исключением тех, кто за замки законов вышел, находясь над ними благодаря большим деньгам или по праву рождение.

Четверть часа у меня ушло на то, чтобы оформить пропуск и пройти все проверки и сканирования системами безопасности. Только после этого мне было дозволено пройти на третий этаж, где происходили собеседования, и регистрация таких «политических беженцев» как я. Ни провожатых, ни указателей навигации не требовалось — маршрут, после подтверждения допуска, отображался в дополненной реальности очков.

Кабинет, предназначенный для собеседования, был пуст.

Светлые стены, серый пол, белоснежный стол с двумя пластиковыми стульями. Мягкий свет с потолка, окон в помещении нет. И никого, кроме меня — как дверь захлопнулась со щелчком, так и наступила полная тишина. Да, помещение еще и звукоизолированное.

Красная рамка в очках дополненной реальности погасла, в углу зрения появилась ненавязчивая и размытая надпись. Зацепив ее взглядом, заставив обрести четкость, прочитал оповещение о том, что мне нужно подождать.

Ну, ждать так ждать, — уселся я поудобнее.

Подождал десять минут.

Пятнадцать.

На двадцать пятой минуте уже начал понемногу думать о том, что про меня забыли. На тридцать пятой решил, что еще двадцать пять минут — ровно час, и попробую напомнить о себе.

Гости появились на сорок седьмой минуте. Именно гости — стенная панель напротив мягко отъехала в сторону, и в помещение в сопровождении телохранителя и секретаря зашла статная женщина в деловом костюме.

Да, это точно не работник службы регистрации — мысленно усмехнулся я, рассматривая неожиданную посетительницу. Высокая, в деловом костюме, длинные иссиня-черные волосы стянуты в тугой хвост. Несколько неброских, но дорогих украшений, на лице большие темные очки, которые посетительница почти сразу сняла и сложила дужки, деактивируя девайс.

Огромные карие, почти черные глаза внимательно, сверху вниз, посмотрели на меня.

Надо же — внутренне хмыкнул я: Магомед только-только собрался в путь, а гора уже тут как тут. Фотографию Доминики Романо я, конечно, посмотреть не удосужился, но в том, что это она — сомнений никаких. Слишком уж явно ощущалась от незнакомки аура силы и опасности — первым впечатлением затмевая даже ее красоту. Да и на итальянку похожа, а кто еще может меня на беседу вызвать, используя для конспирации офис службы регистрации?

Присев напротив, неожиданная гостья положила очки на стол с легким стуком и внимательно принялась меня разглядывать. Я же, в свою очередь, прямым взглядом ей не отвечал. Поменял позу на менее небрежную — положил локти на стол, сцепив пальцы, и ненавязчиво осматривал спутников сеньоры Романо.

За ее правым плечом стоял седой широкоплечий крепыш лет… пятидесяти. Был он как будто слегка обрюзгшим — набрякшие щеки, мешки под глазами, выпирающий из-под пиджака живот. Но подобный вид мог ввести в заблуждение — явно, что это телохранитель высокого класса, цепкий как бульдог. Даже лицом эту породу напоминал. Ну а если организм усилен имплантами, то строением Аполлона обладать не нужно — лишний вес убивать людей не мешает. Наоборот, чем больше масса тела, тем больше времени жизни в случае поражения организма, а еще тем эффективнее телохранитель в роли живого щита.

За левым плечом сеньоры Романо расположилась молодая светловолосая девушка, вероятно личный помощник или

секретарь. Также, как и сеньора Романо, в деловом костюме, также стянуты волосы в тугой хвост — только светлые, и украшений практически нет. Лишь небольшой кулон виден в вороте белоснежной рубашки, расстегнутой на одну пуговку. В руках заметно нервничающая девочка-ассистент крепко сжимала толстую папку с бумагами. Это не было чем-то старомодным, наоборот — для защиты информации бумага как хранилище информации в последнее время использовалась все чаще и чаще.

— Сеньора Романо, — посмотрел я на неожиданную гостью, когда пауза затянулась. — Мое почтение.

— Драго Младич, — глубоким, с хрипотцой голосом произнесла Доминика.

Такой голос еще называют чувственным, а хрипотцу — сексуальной. И несмотря на опасность сидящей напротив женщины, на нее сейчас невольно посмотрел именно с этого угла зрения. Все же от повадок, присущих Артуру Волкову, я не избавился. И не избавлюсь — потому что я и есть Артур Волков.

Доминика мой оценивающий взгляд заметила. И улыбнулась, демонстрируя — как мне показалось, приятное удивление. Наверное, так смотрели на Икара, когда он собирался прыгать со скалы.

Взглядом показав, что уважает безумство храбрых, сеньора Романо изящно, даже не оглядываясь, приподняла левую руку. В которую девушка-ассистент сразу же вложила лист из своей папки.

Один тонкий белый лист, практически чистый — на нем всего несколько строк. Доминика лист положила на стол, разворачивая, и двумя пальцами подвинула ко мне.

По бумаге я, по первым строчкам, только взглядом скользнул:

First Name: Drago
Last Name: Mladić
Date of birth: 18.03.2003
Place of birth: Vysokiy Grad
Height: 5 ft 7 in (1.71 m)
Weight: 129 lb (58 kg)
SR: negative
Status: asocial element

Это была выжимка из официального досье службы социальной адаптации недавно упраздненного протектората Волынь. Характеристику я читать не стал — и так наизусть помню, что там написано.

— Дата рождения предположительная, на учет не

ставился, — произнесла ровным голосом сеньора Романо. — Из информации досье следует, что ты сын уличной проститутки и проходившей мимо молодежной банды. Впервые получил следящий чип социальной службы, когда был задержан во время совершения правонарушения в девять лет. Восемь лет провел в центре реабилитации сирот, находясь в виртуальной капсуле по двенадцать часов в день. Примерным поведением сумел накопить положительный социальный рейтинг, и в семнадцать лет, после совершеннолетия, тюрьму адаптантов покинул. Через два месяца был заочно арестован, потому что пытался выложить в Сеть доказательства коррупции и использовании сотрудниками центра реабилитации детского рабского труда для фарма валют в виртуальных проектах. Скрывшись от полиции, с помощью британской дипломатической миссии сумел получить статус политического беженца.

Как-то комментировать услышанное я не стал, просто едва кивнул, прикрыв глаза. Показывая, что да, все так.

— Какая душещипательная история, — поджала губы сеньора Романо. — Вот всем хороша твоя легенда, кроме одного — никак не объясняет подготовку организма на уровне как минимум курсанта военного училища специальных сил.

Легенда, на самом деле, все это объясняла — но да, довольно поверхностно. Якобы я много и упорно тренировался — но это, что называется, объяснение «на дурака», для галочки. На урезанном питательном пайке сиротского дома выжить то непросто, не говоря уже о том, чтобы жить полной жизнью.

Вновь Доминика подняла руку, и снова девочка-ассистент подала ей лист бумаги. Только вот это была рентгенография — узнаваемый силуэт моего тела на темном фоне, словно на негативе. И прочерченный красными нитями — отсутствующими только в правой, бионической руке.

— Также твоя, прямо скажем немного картонная легенда, не объясняет строение твоего тела отличное от стандартного для вида homo sapiens, человека разумного, — двумя пальцами пододвинула ко мне по столешнице лист Доминика. — Ты не одаренный, но твой организм отличается от обычного человеческого наличием пусть крайне слабого, но энергетического каркаса.

Я только плечами пожал, делая вид, что бывает всякое в этой жизни.

— Не удивляйся нашей столь быстро организованной встрече. Дело в том, что с моим человеком Лучано дела не в порядке мне было понятно уже давно.

Часть фразы Доминика произнесла на итальянском, играя

словами стабене — нон бене, так что о смысле я интуитивно догадался.

— И когда ты удивительно дипломатично поговорил с бвана Ибову, когда Лучано только собрался тебя убить, я дала задание узнать, что это за неожиданный человек появился в самой вонючей городской клоаке.

Вновь поднятая рука, и вновь девушка-ассистент, довольно неуклюже от волнения, подала своей сеньоре лист бумаги. Доминика снова скупым, но при этом удивительно грациозным жестом положила его на столешницу, разворачивая, и пододвинула ко мне.

Пробежав сухую выжимку, черным по белому собранную на бумаге, я немного напрягся. Потому что это был второй уровень моей легенды. И, по идее, по словам Моисея Яковлевича — а словам Моисея Яковлевича я безмерно доверял, если кто-либо попытается копнуть до этого уровня, я об этом сразу же узнаю.

Вот только получается, что узнавала обо всем этом сеньора Романо еще вчера, но оповещения я как-то не получил. Свой вступительный монолог она, кстати, между тем продолжила.

— Максим Аверьянов, член национального клана Власовых. По слухам — незаконнорожденный сын главы клана. Жил и родился в Елисаветграде, после того как ни после инициации, ни после второго совершеннолетия не смог показать уровень владения стихией выше второго бронзового ранга, Источник был элиминирован. Максим Аверьянов оказался пустышкой… какая печаль. После Максим получил выходное пособие и был отправлен с глаз долой. Клан ведь не резиновый, так? — со странным выражением лица улыбнулась Доминика.

Снова я только плечами пожал. Вновь делая вид, что да, действительно, в этой жизни бывает всякое. Не всегда светлое, доброе и радостное.

Ладно, у легенды есть еще третий уровень, и со слов Моисея Яковлевича…

«…!» — чувствуя неладное, мысленно не удержался я от того, чтобы не произнести одно слово, которое вполне передает смысл фразы: «Да что же это происходит?!».

Едва не произнес это потому, что Доминика вновь подняла руку.

Ясноглазая девочка-ассистент, щеки которой были тронуты ярким румянцем, между вложила в руки сеньоры Романо очередной лист бумаги.

Мда. Это… Происходит нечто, от чего меня просто переполняют эмоции — только и покачал я головой. Потому что никакого аларма, тревоги и сирен не случилось ни вчера, ни

сегодня.

Факт.

В то же время передо мной сейчас лежала текстовая выжимка по Максиму Аверьянову, который после гибели своего единокровного брата, Антона Аверьянова, требовал наказать убийцу — некого Артура Волкова. Не получив согласия главы клана, который заключил с Волковым союз, в юношеском западе Максим Аверьянов неосторожным словом вызвал на дуэль уже главу клана. А когда получил отказ, попытался главу убить. Причем убить пытался еще до того, как Михаил Власов снял с себя полномочия главы клана, отказался от титула и приняв постриг, элиминировал свой Источник.

Именно эта история и была третьим, самым глубоким уровнем моей легенды. И, по идее, она не должна была стать настолько легкодоступной какой-то… какой-то… — посмотрел я на сеньору Романо, пытаясь понять, кто она вообще такая.

— Ты можешь не волноваться, — сдержанно улыбнулась собеседница, впервые продемонстрировав открытые эмоции. — Дело в том, что я из Флоренции. Я родилась там и выросла, здесь же оказалась лишь девять лет назад. И, как и у тебя у меня есть свои скелеты в шкафу. Более того, у меня их думаю даже побольше. Так что для того, чтобы узнать всю твою подноготную, мне было достаточно задать пару вопросов своим старым… знакомым.

Ну, допустим, на всю мою подноготную ее знакомых не хватило, но… Как говорит дядюшка Абрам, таки да, утро определенно перестает быть томным.

— …задать вопросы знакомым, которым я могу доверять. И, по информации которых, покушение на главу клана Михаила Власова оказалось не то, чтобы близким к успеху, но… по крайней мере ты выжил. А возможность выжить, попытавшись убить одаренного шестого золотого ранга, дана в нашем мире лишь очень узкому кругу людей. Одаренных людей, конечно же.

Повисло молчание. Я от комментариев воздержался, вновь неопределенно пожав плечами и ожидая прямых вопросов.

Доминика все это время внимательно на меня смотрела. Просто изучала, не выказывая ни недовольства моим молчанием, ни нетерпения. Ее телохранитель-бульдог на меня не смотрел вовсе — он воспринимал пространство буквально кожей, глядя в никуда. А вот девочка-ассистент, единственная из всех присутствующих, волновалась все сильнее, теребя веревочки на папке с документами.

— Оставшись в живых, попытавшись убить одаренного шестого злотого ранга, при этом обладая рангом третьим

серебряным. Официально, конечно. По факту ранг у тебя был повыше, так? — словно не было долгой паузы, продолжила Доминика.

— Так, — не стал я отрицать, и даже не соврал.

— Какой, если не секрет?

— Не знаю, — вновь не соврал я. — Может быть, на уровне четвертого золотого, а может быть и пятого серебряного.

Девочка-ассистент во время этих моих слов смотрела на меня расширившимися глазами. Я ее понимаю — не каждый день увидишь живого одаренного. Пусть и с элиминированным Источником.

— И ты, выжив при покушении на главу клана, чудом избежал казни — после того, как в русской Вольнице началась смута. Не без помощи матери украв часть клановой казны, ты сумел сбежать в Высокий Град, где элиминировал Источник. И для конспирации — чтобы тебя никто не ассоциировал с одаренным, заменил руку на бионическую, после чего сбежал на Занзибар.

И снова я плечами неопределенно пожал. В этот раз, правда, еще и кивнув — признавая возможности собеседницы.

— Итак, Максим… или Драго, как тебе будет угодно, скажи мне пожалуйста одну очень важную вещь. Зачем ты здесь?

Я не сразу даже нашелся, что ответить.

— Почему бы и нет? — снова неопределенно пожал я плечами.

Доминика легко улыбнулась. Вновь она не показывала ни недовольства, ни нетерпения. Просто смотрела на меня, ожидая дальнейших комментариев. И заставлять ее дальше ждать было бы неправильно, а первый ответ все же недостаточно широк.

— В Европе мне было душно от мира. Мир ко мне тоже никаких симпатий не испытывал. Почему бы и не Занзибар? Тем более мне пришлось бежать… А если куда-нибудь бежать, то обязательно куда-нибудь прибежишь. Почему бы и не сюда?

Доминика едва заметно улыбнулась, показывая, что поняла намек на цитату Кэрролла.

— Интересный ответ. Интересный взгляд на мир. Хорошо, давай немного по-другому. Ты в первый же день пребывания в протекторате убил главаря самой крупной шайки в клоаке, объявил себя хозяином Полигона, после чего развернул бурную деятельность по созданию благотворительного фонда и открытию центра реабилитации. И, помимо всего прочего, ты наведался в гости к Марко Барбосе, от которого узнал, что оружие для покушения на тебя он продал Лучано Стабене. А между делом унес часть черной кассы моего мужа, о которой я якобы не знала.

Унес ведь?

— Впечатляет, — поджав губы, утвердительно кивнул я.

— Меня тоже. У тебя тоже весьма впечатляющая программа, согласись. Это я еще не намекаю на ломбард Барбосы, там все сделано чисто, а обвинять голословно я сейчас ничего не буду. Кстати, Барбоса жив? — неожиданно спросила Доминика.

— Когда расставались, был жив.

— Даже так?

— Да.

— О том, что это спящий агент итальянской полиции ты знаешь?

— Да.

— Неожиданно, — вздернула идеальные дуги черных бровей сеньора Романо. — Как узнал, если не секрет?

— Он сам сказал, добровольно, — даже поднял я открытые ладони, словно отвергая обвинения в неконвенционных методах переговоров.

— Сколько, кстати, ты говоришь у него денег было?

— Два триста, — не счел я нужным лукавить. — Триста оставил ему, два забрал себе.

— Возвращаясь к моему вопросу. Ты не похож на человека, который бежал-бежал, и прибежал, — покачала головой Доминика. — Так вот скажи мне — что именно ты собираешься дальше делать? Безотносительно явно видного намерения занять высокое положение в иерархии дистрикта. Скажи открыто и начистоту, я тебя прошу. А Доминика Романо очень редко кого-то о чем-то просит, можешь спросить у людей, если сомневаешься.

— Если безотносительно намерения занять высокое положение в протекторате, то я хочу… это сложно сформулировать кратко. Я оказался здесь, как будто в новой жизни. И сейчас я просто хочу сделать этот город немного чище.

— То есть весь этот благотворительный фонд… это не ширма?

— Это не только ширма, так скажем. Делая одно дело, я всегда стараюсь решать сразу несколько задач. Сделать клоаку престижным для жизни районом — чем не цель, если уж я на Занзибаре и мне пока больше нечего делать?

Доминика подалась назад, и через левое плечо посмотрела на девочку-ассистентку. Та, уже с ярким румянцем разлившимся по всему лицу, кусала губы.

— Я очень плохо его чувствую, — медленно произнесла девочка ассистент. — Гораздо хуже чем обычных людей.

После этих слов она, под тяжелым взглядом Доминики запнулась, как будто у нее даже дыхание перехватило, но чуть

погодя продолжила:

— Очень тяжело почувствовать, но я почти уверена, что в данном случае он не врет.

«Какое удивительно дело!» — вновь воскликнул внутренний голос, уложившись в меньшее количество букв.

И я сейчас едва удержался оттого, чтобы не открыть от удивления рот — девочка-секретарь оказалась эмпатом.

— В чем же он, так скажем, лукавил? — мгновенно выхватила главное в словах ассистентки Доминика.

— Про свой ранг он точно сказал неправду.

— Вот как? Ниже? — усмехнулась Доминика, но улыбка с ее лица постепенно сошла. — Выше, — полуутвердительно произнесла она, а кусающая губы девочка-секретарь кивнула.

— Итак, Максим… или Драго, как все-таки лучше? — повернулась ко мне Доминика.

Лучше было бы, наверное, Артуром называть, конечно. Но вслух я этого естественного говорить не стал.

— Драго.

— Итак, дорогой Драго. Знакомься, это моя дочь, Николетта. Если ты знаешь, что такое митохондриальная заместительная терапия… а ты наверняка это знаешь. И наверняка представляешь, как именно Ника появилась на свет. Вот только в национальных кланах заместительная терапия проводится в случаях, когда все три родителя одаренные, просто один — который не участвует в природном, так скажем процессе, более одарен чем другие двое. В нашем случае… видишь ли, я родилась с даром. Вот только потенциал моего развития был весьма низок, и уже в пятнадцать лет я, несамостоятельно, покинула клан. Перед этим мне, естественно, элиминировали Источник. Но я очень хотела обладать даром — и будучи лишена такой возможности, решила попробовать подарить дар владения своей дочери. Донором гена владения в моем случае выступал один одаренный. Он помог мне не очень самостоятельно, — отреагировала Доминика на мой внимательный взгляд. — Не скрою, я тогда была более молода, но менее влиятельна, и мне было достаточно трудно получить в пользование. Но я справилась.

«Достаточно трудно», но вполне возможно — подумал я, вспомнив аукционы, устраиваемые Скрипачом по продаже право на убийства одаренных.

— Но, к сожалению, мои планы не реализовались. Николетта, кроме того, что является невероятно сильным эмпатом, ни после первого, ни после второго совершеннолетия стихиями повелевать не могла, показывая абсолютно нулевую способность к дару

владения. Все изменилось восемь недель назад. Как ты слышал, именно тогда мой муж был убит.

«Слышал» — показал я взглядом.

— Но ты не слышал о другом. Первую тайну — что Николетта моя дочь, ты уже узнал. Девочка росла… не в той среде, в которой обитала я. После того, как у нас не получилось раскрыть ее дар, Николетта училась и жила в Риме, я видела ее очень редко. О том, что она моя дочь, знали считанные единицы. И кто-то из этих людей меня продал — потому что одновременно с убийством Альфредо Николетта была похищена. Она была похищена без цели получения выкупа, ее хотели просто убить и отправить мне поучительное видео. Но когда Николетту пытались изнасиловать, у нее проснулся спящий до этого момента дар. Огонь, если ты понимаешь, о чем я.

Еще бы я не понимал про Огонь. Так что и про самостоятельно инициировавшийся Огонь, и про то, что произошло с неудавшимися насильниками и похитителями, я все прекрасно представлял.

— Случайные жертвы, разрушения?

— Повезло, если можно применять это слово к данной ситуации, что Николетту вывезли на пригородную виллу. Несколько гектаров выжженной земли, ни одной случайно жертвы.

— Повезло, — не мог я не согласиться с Доминикой.

— Николетте уже девятнадцать. Ты, думаю, представляешь последствия пробуждения дара в этом возрасте…

Я представлял. Если ей сейчас не научиться им даже не владеть, а контролировать, проснувшийся дар — который не развивался с малых лет, ее просто убьет в самое ближайшее время.

— Сейчас дар глушится?

— Пока да, — кивнула Доминика.

Выглядела она бесстрастно, но теперь мне было очевидно, что дела у сеньоры Романо… даже без смерти мужа, полный швах. Потому что одаренные право владения защищают очень серьезно. И Николетта, если о ее способностях узнают — вернее, узнают об утаивание ее потенциальных способностей, станет для Доминики приговором.

Понятно теперь, почему Барбоса говорил, что она потеряла хватку и отошла от дел — как на пороховой бочке себя почувствовала, пытаясь решить более важную проблему, чем левые доходы своих людей.

— Я предлагаю тебе сделку, — произнесла Доминика. — Официально я забираю Полигон под свое крыло, договариваюсь с

Томми…

Увидев вопрос в моих глазах, Доминика прервалась и пояснила:

— Это Томми пошли по адресам всех полицейских осведомителей, вычищая поляну от людей Некромикона.

— Не скажу, что в квартире у Барбосы были профессионалы. Скорее одноразовые исполнители.

— Одноразовые исполнители… — протянула Доминика. У тебя есть чувство слова, тебе об этом говорили?

— Неоднократно.

— На Барбосу этих одноразовых исполнителей вполне хватило. Так?

— Да.

— Томми этих исполнителей зарядили средствами, сами руки не пачкали, — пояснила Доминика, полностью подтверждая мои недавние, еще в квартире Барбосы, догадки.

— Итак. Официально я забираю Полигон в свою зону влияния, и под моим крылом ты делаешь там все что хочешь, спасая заблудшие души, делая город чище и далее по списку, хоть кошачий приют открывай. Кроме того, я организую тебе поддержку из Некромикона. Корпорация войдет в твой проект благотворителем, у них точно есть на это нераспределенные бюджеты. И я сделаю так, что куратором благотворительного проекта от корпорации к тебе на Полигон приедет Николетта. Там и начнешь ее учить контролировать и пользоваться даром. Два миллиона можешь забрать себе, как небольшой аванс личного гонорара. Доход с выставленного ломбарда пусти пожалуйста на дело, тебе как можно скорее нужно оборудовать на своей помойке защищенные помещения, чтобы Николетта могла туда заехать.

— Я никого и никогда не учил контролировать владение даром.

— Николетта — эмпат. С ней тебе не нужны будут слова. Не в первую очередь, по крайней мере. Так что, ты согласен?

Хм. Спрашивает так, как будто от такого предложения я могу отказаться. А ведь еще наличие эмпата за ее спиной добавляет ситуации перчинки.

Теперь понятно волнение Николетты: это домашняя девочка, выросшая в частном пансионате для благородных девиц. Но она определенно неглупая, и прекрасно понимает, что если я или откажусь, или совру — я умру. И вопрос моей жизни и смерти будет решать сейчас именно она — со своим даром эмпата. Просто слушая мой ответ.

— Сеньора Романо… — глядя собеседнице прямо в глаза,

сделал я многозначительную паузу. — Вы красивая, умная и сильная женщина. Мне будет приятно с вами работать.

Доминика, надо отдать ей должное, на дочь даже не посмотрела. Она поднялась, вышла из-за стола и обойдя его, подошла ко мне. Когда я встал навстречу, Доминика протянула мне руку. Тыльной стороной ладони вверх — точно не для рукопожатия.

Когда я поцеловал тонкую ладонь и выпрямился, мельком заметил, что густой румянец с лица Николетты так и не сходит.

— У тебя уже есть деньги, но совсем нет времени. Постарайся делать все как можно быстрее, люди от меня прибудут сегодня же. Я дам им задание слушаться тебя также, как меня. И да, поставь себе уже личный терминал, — произнесла на прощание Доминика, уже выходя из кабинета. За ней двинулись и ее спутники.

Телохранитель двигался и смотрелся как ходячая скала, а вот Николетта была определенно смущена. Гораздо сильнее, чем во время попыток меня почувствовать эмпатией. Выходя из комнаты, девушка сбивалась на мелкий шаг, щеки горели в несходящем ярком румянце, а взгляд направлен глубоко в пол.

Когда стенная панель мягко закрылась, оставив меня ожидать для собеседования настоящего сотрудника службы регистрации, я глубоко вздохнул.

Идеальный шторм. Вокруг бушует идеальный шторм, и Астерот закинул меня в самый его центр.

Ну, что я могу на это сказать. Только лишь: «Па-ашла вода горячая», — как говорил один сериальный персонаж моего старого мира.

Глава 7

Без экипировки городских охотников ощущал себя некомфортно. Некоторое время было настолько неуютно, что сам себе казался голым — так непривычен стал повседневный деловой костюм, под которым даже оружие не спрятать.

Без привычной одежды было неуютно, но там, куда я ехал, стандартный для криминальных районов наряд просто не приемлем: везущее меня такси уже въехало (благодаря пропуску даже без визуальной проверки на КПП) на светлые улицы Делового центра Западного побережья.

Несколько минут езды, два выезда на изгибающиеся развязки магистралей, и вскоре машина спустилась на землю. Теперь такси катилось между двумя небоскребами — расположившихся напротив друг друга башнями корпораций СМТ и Некромикон. Который в общем-то и не Некромикон официально, а «Nkr.Com» — как гласила надпись над широким крыльцом парадного входа, который был мне уже виден.

Местный небоскреб Некромикона была полным близнецом резиденции корпорации в Хургаде. Три белоснежные башни, который стоят так близко к друг другу, что кажутся единой конструкцией, огромным цилиндром. Три башни, соединяющиеся кверху и накрытые широкой общей круглой крышей — что сама по себе является городом в городе, с садами и парками.

Наклонившись к лобовому стеклу, я задрал взгляд, оглядывая здание из окна машины. И впервые отметил, что небоскреб Некромикона — корпорации, специализирующейся на продуктах питания, построен и спроектирован так, что напоминает огромное дерево. Раньше как-то не обращал внимания на такую явную аналогию. Прямо Белое древо Гондора — хмыкнул я.

Башня по замыслу должна безотчетно ассоциироваться с живым деревом, и наверняка так оно и было — но для жителей этого мира. Но не для меня: ведь эмблема Некромикона — белый трилистник на зеленом фоне, точь-в-точь повторяет знак биологической опасности из моего старого мира. Да и само произношение слова нативно подводит к тому, что природа и жизнь — последнее, с чем у меня ассоциируется корпорация.

Пока я новым взглядом осматривал небоскреб, такси между тем — все также благодаря корпоративному пропуск-приглашению, привезло меня на элитную гостевую парковку. Прямо под выдающийся вперед опоясывающий здание футуристический козырек.

Я был уже однажды точь-в-точь таком же месте, в небоскребе-

двойнике — в Хургаде. Мы тогда приехали к зданию вместе с Валерой, и покинув раздолбанный кабриолет, шли на первую партию «дикого покера». Я тогда, после информации о причастности Некромикона к охоте на меня, собрался разнести что-нибудь просто для того, чтобы враги боялись. Не меня боялись, а моей непредсказуемости — поэтому и операция наша с Валерой называлась «дикий покер», по примеру бесшабашной игры в покер без денежных ставок.

Сейчас подобной цели — что-либо разносить, не было. Громких разборок не намечалось, и пусть с некоторым беспокойством, но осматривался я вокруг без сильного напряжения. С интересом подмечал некоторые мелкие, почти неуловимые детали: в Хургаде небоскреб стоял на земле суверенного государства — Египта, и территория корпорации начиналась только на крыше. Здесь же, на Занзибаре, другие законы и другие правила — и территория корпорации, неподвластная местным правоохранителям, начиналась уже на парковке.

По проекту небоскребы в Хургаде и на Занзибаре были идентичны, а вот внешне, обликом, все же неуловимо отличались. В мелочах — другие флаги у входа, зеленая раскраска на стенах в отличающемся этническом орнаменте (там дань египетское иероглифическому письму, здесь растительный орнамент), форма у персонала и охраны иная, поребрики не черно-белые, а простые, без раскраски, и темно-красного цвета в пешеходных зонах…

Такси между тем, подъехав к самому входу, остановилось. Покидая машину, я ожидал сразу попасть в духовку — самое время, полдень. Но ошибся — элитная гостевая парковка удивила системой поддержки микроклимата. И температура воздуха на улице ничем не отличалась от температуры воздуха в холле небоскреба, куда я зашел через бесшумно разошедшиеся двери белого матового стекла.

Фух. Поехали.

Третий раз в жизни оказался в башне Некромикона, и надеюсь, что сегодня все будет культурно. А не так как в прошлые два раза, когда в первый раз башня в Хургаде просто горела, а во второй раз тоже горела, но уже совсем сгорела.

Едва я пересек линию входа, как в дополненной реальности очков отобразилась ненавязчивая навигация, указывающая мне путь к лифтовым шахтам. Которые, будучи полупрозрачными, были похожи на огромные сказочные деревья, вплетенные в архитектуру из стекла и бетона. Но не обращая внимания на указания к направлению движения, я приостановился, осматриваясь в огромном, практически пустом холле.

Только сегодня заметил, что лифтовые шахты, поднимаясь ввысь, изгибаются. Расходясь от центра по сторонам и освобождая пространство внутреннего колодца примерно до пятидесятого этажа. Причем внутренний колодец был сужающемся — чем выше, тем ближе друг к другу находились внутренние стены панорамных окон, сходясь к самому верху в общие, управленческие этажи для элиты корпорации.

Я задержался, запрокинув голову и с интересом разглядывая архитектурное решение, как вдруг перед взором появилась красная пелена, а сразу следом выскочило оповещение об отклонении с маршрута.

Мда, без высокого сословного статуса жить все же посложнее. Когда мы пришли сюда с Валерой — как одаренные аристократы, нам вежливо улыбались и о задержке никто не подумал бы заикнуться.

Ребята нам улыбались… А мы им огонь Прометея принесли — хмыкнул я, вдруг вспомнив безумную гонку на комбайне по крыше, и по зеленому коридору для важных гостей (отображаемому в дополненной реальности) прошел к лифтам. Двери кабины открылись прямо передо мной — автоматические системы регистрации отслеживали каждого посетителя согласно статусу, и меня вел маршрут уже не из программного обеспечения моего девайса от RODZ, а непосредственно перехватившие контроль системы небоскреба.

Едва зашел, двери лифта бесшумно закрылись и пол мягко толкнул в ступни. В животе на пару мгновений ухнуло невесомостью, практически сразу же исчезнувшей. Звякнул переливчатый треньк, и двери раскрылись. Открывая мне путь в пустой лифтовый холл с мягкой мебелью, зоной отдыха и цифрой «35» на стене.

Здесь, на тридцать пятом этаже, меня ждала Николетта. Ждала как назначенный от корпорации куратор благотворительного фонда «Рука помощи». Должность она получила вчера, сразу после нашего разговора с Доминикой Романо, а уже сегодня я прибыл к ней для консультаций. Так это называлось — на самом деле, у нас с ней сегодня должен был состояться первый урок введения в магию. Доминика решила не ждать и не терять лишний день — который нужен был мне на то, чтобы оборудовать в моей «мусорной резиденции», безопасное место для встреч.

Двигаясь по навигации, я прошел по пустынным коридорам — встретил всего несколько человек, и оказался у нужной двери. «Николетта Агилар. Консультант-аналитик» — гласила старомодная табличка.

Я даже споткнулся взглядом на имени дочери Доменики. Но лишь на мгновение — как-то раньше даже не подумал о том, что если существование Николетты семья Романо держала в тайне, то и фамилия у девушки была иная.

Стрелки навигации мягко мигнули, акцентировавшись в последний раз на ручке двери, и исчезли. Стучаться не требовалось: Николетте оповещение о моем появлении пришло, разрешение на доступ уже получено. Поэтому я просто взялся за ручку и зашел.

Просторный кабинет был оборудовал в интересном стиле. Я в дизайнерских решениях не силен, но на мой взгляд это было нечто среднее между хай-теком и лофтом. Панорамное окно во всю стену, выходящее как раз в общий внутренний колодец — так, что довольно близко видны другие кабинеты. На всем панорамном окне горели мягким сиянием проекции рабочих экранов, где перемигивалась телеметрия неведомых мне процессов корпорации.

Стены кабинета — простой бетон, как и потолок, белоснежная мебель с неяркой зеленой подсветкой у пола, фигурная гребенка деревянных ламелей в зоне отдыха, среди которых виднелась уже натуральная зелень вьющихся растений. Почти сразу как вошел, услышал успокаивающее журчание воды — и присмотревшись, увидел за деревянной решеткой ламелей настенный водопад.

Кабинет был единым просторным помещением, но даже без перегородок чувствовалось разделение — если у рабочего стола ощущалась холодная зона, не позволяющая отвлекаться от работы, то в мягкой и светлой зеленой зоне отдыха можно расслабиться.

Николетта ждала меня, сидя во главе длинного совещательного стола. Практически пустого — лишь на краю, ближе ко мне, лежал массивный блокирующий чехол для моих очков. Коротко глянув на Николетту, я подошел ближе и сняв очки, убрал их в чехол. И подождал, пока на дисплее появится сообщение, что девайс временно и легально заблокирован.

Сама Николетта в это время обратилась к рабочей области на столешнице — несколько движений, и панорамное стекло кабинета стало непрозрачно-матовым. После этого Николетта активировала глушилку — мягкое зеленое сияние подсветки мебели перемигнулось, и исчезло, сменившись красным отсветом закрытого аварийного режима.

Отложив в сторону чехол с очками, я наконец посмотрел прямо на хозяйку кабинета. Девушка была в темно-сером деловом костюме. Светлые волосы, как и вчера, туго стянуты сзади в хвост,

в ушах поблескивают серьги — в цвет синего камня кулона. Который, как и вчера, был виден благодаря расстегнутой верхней пуговичке белоснежной блузки.

«Вот щас не понял» — споткнулся внутренний голос, чувствуя, что дело пахнет керосином.

Черт, да как еще вчера внимание не обратил — подумал я, все пристальнее присматриваясь к кулону.

Да нет — подумал я, вспоминая лекцию по блокировки магии еще в гимназии Витгефта. Лекцию, на которой я спал с закрытыми глазами после одной из тренировок.

Ну как так, да не может быть. Ну нет же…

Да не нет, а да, — резюмировал я, отсекая внутреннее смятение.

В общем-то, я в себе и не сомневался — пришло холодное понимание о том, что вчера я упустил настолько простую, но чрезвычайно важную вещь. Подумал об этом расстроенно, но уже смирившись с выводами.

Как я вчера об этом вообще не догадался и не заметил очевидного?

«Идиот» — сообщил ответ внутренний голос, вложивший в ответ интонации Папанова из Бриллиантовой руки.

Причем сказочный идиот — в кои-то веки я оказался с внутренним голосом согласен.

— Разреши посмотреть? — вместо приветствия поинтересовался я, взглядом показав на камень.

— Пожалуйста, — коротко ответила Николетта.

Моим поведением она было немного удивлена, но виду постаралась не показать. Но только старалась — ее, как и вчера, предательски выдал мгновенно заливший щеки румянец.

Подойдя ближе, не глядя в глаза пытающейся скрыть волнение девушке, я присел на край стола прямо перед ней. И наклонился, рассматривая кулон — для чего даже взял его в руки, приближая к глазам. Это был «синий яхонт» — ограненный голубой сапфир. Сам по себе довольно редкий камень, но кроме всего прочего этот сапфир был инклюзом — с каплей воды внутри. Не думаю, что камень естественного происхождения — в естественной среде такие крайне редкие, и этот скорее всего дело рук одаренного ювелира.

И от камня, даже без ушедших способностей, я чувствовал покалывание силы.

Плохо. Очень плохо.

Но понятно, почему я не догадался. И понятно, почему Доминика не догадалась о том, что я не догадался. Сыграло то, что в мире одаренных я был своим меньше полугода — и

некоторые очевидные, простые и абсолютно элементарные вещи для меня — темный лес. Если бы я рос среди одаренных, вся прелесть простоты и опасности ситуации с обучением Николетты стала бы понятна для меня еще вчера. Но я (Олег) рос в протекторате, не касаясь магии даже краем. И понял происходящее только сейчас.

«Мы так и томились бы в плену, если бы на третий день индеец Зоркий Глаз не заметил, что в тюремном сарае нет одной стены».

Ощутив на лице дыхание девушки, я поднял глаза и встретился с ясным взглядом Николетты. Которая снова заливалась румянцем до самых кончиков ушей — на ее светлом, незагорелом лице это было прекрасно видно.

Сейчас то она с чего смущается? — подумал было я, и сразу после этой мысли понял всю пикантность ситуации. Мы ведь сейчас… Не мы, а я, вернее, от расстройства наплевав на все нормы пионерского расстояния мало того, что сел к ней практически вплотную, так еще наклонился и держу в руке ее кулон таким образом, что ворот блузки открывает мне довольно интересное зрелище.

Хм, максимально сконцентрировавшись на деле я даже и не обратил сразу внимание, что в именно из такой позиции прекрасно видна небольшая девичья грудь, уютно устроившаяся в чашечках бюстгальтера.

Николетта, кстати, эмпат, и наверняка прекрасно уловила изменения моего восприятия ситуации — от полной сосредоточенности, до… полной сосредоточенности чуть на другом. Почти полной — потому что мой прокол с амулетом, который так явно демонстрировался мне во время первой встречи в декольте девушки, это… это полное фиаско, если говорить мягко.

— Кхм, — кашлянул я, отводя взгляд от выреза блузки и отстраняясь. Причем без особого смущения — оставив это Николетте.

Соскочив с края стола, я сел в ближайшее гостевое кресло напротив девушки.

— Привет.

— Добрый день, — сдержанно поздоровалась Николетта.

— Этот амулет… он у тебя откуда?

— Мне его дала сеньора Романо.

«Сеньора Романо?» Ну, в принципе, почему бы и нет — мы же не в семейном кругу, сугубо деловое общение. Даже несмотря на то, что в помещении активны блокираторы, отсекающие возможность чужого внимания.

— Сразу после твоей инициации?

— Вероятно. Я плохо помню, что было в последующие три дня после… инцидента.

— Ты знаешь, что это за камень?

— Я догадываюсь.

— Догадываешься? — фирменным жестом, которому научился у семейства Юсуповых-Штейнберг, вздернул я бровь.

— Только в общих чертах — о том, что он блокирует стихийную силу от проникновения в мой Источник.

— Временно, — добавил я.

— Временно блокирует мою силу, — добавила Николетта.

— Твоя… сеньора Романо, конечно, знает толк в… — с долей сарказма произнес было я, но одернул сам себя.

Умник блин выискался. Доминика Романо — не будучи, на минутку, одаренной, смогла приглушить не просто стихийную силу, а заглушить Огонь в инициированном Источнике.

Другое дело, что…

Так.

Другое дело, что…

Тут я крепко задумался. Потому что вне плоскости моих новых серьезных проблем, причину которых создал мне механизм блокировки кулоном-инклюзом, была еще одна. Не проблема, вернее, скорее дилемма — этическая.

Дело было в том, что у Николетты Источник инициировался. Уже инициировался, все сделано и все произошло — уже все закончилось, без вариантов. Назад не отмотаешь.

Когда я проходил инициацию, я делал это в стихийном круге Места Силы, и сам вступил в аватар стихии. Который, с горем пополам, сумели создать братья Дорошкевичи, Борис и Бо́рис.

Я сделал это в полагающееся время, в полагающемся месте. Николетта же… она, оказавшись на грани, потеряла контроль над телом и разумом и стала аватаром сама. Именно поэтому, превратившись в аватар стихии, она выжила во время инициации. И ее самые неприятные воспоминания от произошедшего — это страх перед несостоявшимися насильниками и убийцами, неудобства осознания себя на выжженной земле после того как все сгорело, и частичная потеря памяти.

Николетта, в возрасте девятнадцати лет, самостоятельно прошла стихийную инициацию. Это крайне редкая ситуация. Невероятно редкая, я бы даже сказал — о подобном практически не слышно с начала двадцатого века, когда одаренные только-только брали власть на планете.

Но редкая, очень редкая, или крайне редкая ситуация — это уже неважно. Передо мной сейчас девушка, стихийная инициация

которой уже состоялась. Но сейчас в Николетте нет ни капли стихийной энергии — она ее просто не собрала. А ее энергетический каркас сейчас… его, для простоты, можно представить не как сетку энергетических каналов, а как большой резервуар. Допустим, бочка. В которую воткнули затычку — и роль этой затычки как раз выполняет синий яхонт. Он преграждает путь энергии. Причем энергии давящей — было бы Николетте меньше лет, у нее было бы время. Сейчас у нее меньше недели — и, если Источник не заполнить, он просто начнет необратимо изменять девушку изнутри.

Синий яхонт же пока преграждает путь давлению. Только… пример с бочкой не очень удачный, потому что он останавливает давление не изнутри, а снаружи. Как батискаф охраняет подводников на глубине Марианской впадины. Энергетические каналы девушки сейчас завязаны на этот сапфир, в котором — я теперь уверен, капля не обычной воды, а настоящей стихийной энергии Воды.

И когда этот блок, сдерживающий нарастающее давление на Николетту стихийной силы, которой стремится заполнится ее Источник, убрать… сила под накопившемся давлением хлынет по ее энергетическим каналам очень быстро, неудержимым бурным потоком. И тогда останется два варианта.

Первый — Николетта справляется с контролем стихии, все хорошо, все счастливы.

Второй — Николетта не справляется с контролем стихии. И эффект «выбитой пробки», вернее разрушенного батискафа, будет таков, что если Николетта не справится, то… как там Доменика вчера по-итальянски сказала, что все «пойдет по бороде»?

Всплеск возмущенной энергии будет может быть даже похлеще того, что произошел во время стихийной инициации Николетты. А самый главный нюанс всей ситуации в том, что на этих выжженных гектарах земли окажется не только пепел от сгоревшей Николетты, но и мои бренные останки. Просто потому, что как учитель я в момент касания стихии должен быть рядом с ней. Более того, касаться стихии, одновременно убирая блок, мы с Николеттой должны вместе, связанные ментальной связью.

Но. Это все серьезная, но техническая проблема — справимся, не справимся.

«Да справимся, я тебе гарантирую»

«И с чего такая уверенность?» — даже споткнулся я на середине мысли.

«Потому что если не справимся, нам амбец», — доверительно сообщил внутренний голос, причем сделал это с интонациями Валеры. По наглому, эгоистичному и высокомерному принцу я

совсем не скучал, но надо признать, что его общества мне определенно не хватало.

Так, ладно, это все лирика.

В первую очередь меня сейчас, по мере того как я обдумывал ситуацию, беспокоил вопрос совершенно иной плоскости: заблокировать Источник Николетты можно было гораздо проще и дешевле. Ее блокировка — измененный инклюз, тем более редкий синий яхонт, стоит просто нереальных денег. А ведь его еще кто-то настраивал на ее энергетический каркас, это тоже не за спасибо делают…

Вместо такого вполне можно было прибить на время Николетту седативными веществами, можно было найти внешние блокираторы магии, не встраиваемые в энергетический каркас, можно было, уж на самый крайний случай, ее в искусственную кому ввести. Но вот ставить затычку синего яхонта, еще и с противоположной Огню стихией Воды… Это значит, ограничить варианты всего двумя — хорошим, и плохим.

Нет человека, нет проблемы. Все просто.

Именно это было сейчас причиной моей задумчивости.

Если Доменика сознательно выбрала для дочери подобный вариант? Или Николетта справится с контролем стихии, или нет — моментально превратившись в горстку раскаленного праха. Два варианта, которые устраивают Доминику Романо. Остальные, которые ведут к серьезным проблемам для нее — она просто исключила. Причем исключила ценой жизни своей дочери.

Все больше раздумывая об этом, я все больше склонялся к тому, что именно такой вариант преследовала замыслом Доминика. Потому что, если блокировать притяжение силы веществами, Николетта могла постепенно осваиваться со стихией — на что я в общем-то и рассчитывал, получив предложение об обучении. Но, в этом случае, Николетта своими действиями создавала бы так называемое эхо следа стихии, которое рано или поздно уловили бы или одаренные, или приборы контроля за применением силы дара.

Теперь вопрос — стоит ли мне говорить об этом девушке?

Ответ очевиден — нет. Пока нет. Николетта и так постоянно взволнованна, для нее — для обычной примерной девочки из частного пансиона для благородных девиц, происходящее уже стресс. Если еще подобным озадачу…

— Ты седативы еще принимаешь? — дежурно, думая совсем о другом, поинтересовался я у Николетты.

— Нет.

— Когда закончила?

— Я не принимала.

— Почему?

— Я не хотела бы отвечать на этот вопрос, — поджала губы девушка.

— Воу, — удивился я, глядя в ясные голубые глаза.

Вот это подача…

Я, придя сюда, ожидал, что Доминика — как бывшая одаренная, хотя бы объяснит дочери историю вопроса и заложит базовое уважение ко мне, как к учителю.

Ведь в любом учебном заведении, где учат владеющих даром, на любой лекции и уроке, связанными с освоением стихийной силы, учащиеся напрямую работают со смертью. С чужой или со своей. Даже на факультете природной магии, где обучаются целители, убить себя и окружающих — дело секундное. И вот это понимание тонкой грани, отделяющей жизнь от смерти, одной ошибкой превращающее миг существования в вечность забвения, закладывается в обучающихся азами с малых лет, и постоянно культивируется.

Учитель, а тем более мастер-наставник или навигатор, во время обучения — не просто друг, товарищ и брат или сестра, а нечто большее. Кто бы этот человек ни был, и какое бы к нему не было отношение за пределами аудитории. В которой, во время практических занятий, либо учитель держит в своих руках жизнь и свою и ученика, либо ученик держит в своих руках жизнь свою и учителя.

Но Николетта, судя по всему, от мира магии была далека также, как я, когда очнулся в посольстве Российской Конфедерации в Высоком Граде. Но это ее незнание норм поведения нужно было купировать как можно скорее.

Не зная, как бы выразиться повежливее, я осмотрелся. Внимание привлек водопад у дальней стены, к которому я и направился. И подойдя, в два быстрых и резких удара выломал одну из деревянных ламелей. Подхватив тонкую деревянную доску — метра два в длину и в ширину чуть больше ступни, вернулся к рабочему столу. На него и бросил, так что она приземлилась с громким деревянным стуком.

Девушка сидела с широко раскрытыми глазами — явно пораженная происходящим, но на мои действия никак не реагировала. Аккуратно поправив доску так, что она легла идеально на край длинного стола, я молча, жестом, попросил девушку уделить мне максимум внимания.

— Мне нужно тебя учить. Так?

— Так.

— Давай расскажу тебе всю идею того, что нам с тобой предстоит сделать. По аналогии. Владение стихией — это сродни

быстрой езде на мощном спортивном байке. Для взрослого научиться азам управления таким мотоциклом несложно. Но вот десятилетний ребенок, сняв его с подножки, моментально окажется придавлен тяжелой тушей байка. Юный подросток, который оседлает тяжелый байк, не рассчитав скорость просто не удержит его на дороге. Управлять байком — я говорю управлять байком, а подразумеваю управлять стихийной силой, одаренные по рождению учатся с самых малых лет. Начиная с самый маленьких. Даже не с мини-байков, а с трехколесных детских велосипедов…

Я сейчас говорил, только более кратко, все то же самое, что когда-то долго (гораздо более нужно и гораздо более долго) в течении часа объяснял мне фон Колер, раз за разом повторяя все ранее сказанное.

— …Любой одаренный, который садится на байк — вернее, пробует управлять стихийной силой, готовится к этому годами. О воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, и ото сна устав, читай настойчиво Устав — даже процитировал я. — Ты знаешь, что такое сила стихийного одаренного?

— Нет, — качнула головой Николетта.

— Сила одаренного — это размер энергии, который он способен сохранить и усвоить для использования. Размер байка, если грубо. У кого-то большой, у кого-то… очень большой. Но. Такая градация подходит для стихий элементарной магии — Воды, Воздуха и Земли. Но не для Огня — и это важно. Важно потому, что именно в Огне ты уже инициирована. А применительно к инициированному в Огне одаренному, определение силы звучит так: Сила одаренного — это сила мысли, умение контроля и концентрации. Это уровень его умения в обуздании потока энергии при создании конструктов, а также способность повелевать ими.

Подождав немного, ища понимание во взгляде голубых глаз девушки, я продолжил.

— Простыми словами — когда одаренный научился ездить на байке, это я последний раз сказал, дальше буду говорить «управлять стихийной силой», у адептов элементарных стихий есть всего две кнопки, по которым нужно небрежно хлопать. Неважно как хлопать — для того, чтобы все вокруг взрывалось, а враги бежали в панике. У адептов Огня — пианино, и для достижения схожего результата им на пианино нужно уметь безукоризненно чисто играть разные мелодии. Это разделение умений понятно?

— Да.

— Не только неопытные дети и подростки, но и даже умелые

стихийные одаренные могут убить себя чрезмерно зачерпнутой силой. Даже элементарные маги, которым управлять стихией — как два пальца об дрова, то и дело умудряются выпилиться…

— Что сделать? — не поняла Николетта.

— Самоубиться.

— Все, поняла.

— Это при том, что все нормальные стихийные одаренные учатся контролю и концентрации, тренируясь с самых малых лет…

При этих словах я вспомнил Войцеха, который в Высоком Граде долгие годы делал из меня (Олега) самую настоящую машину для убийств, подготовив к Инициации даже без доступа к магии. И сделал ведь, красавчик. Не без проблем, но я достиг просто невероятного уровня, благодаря именно его подготовительным тренировкам. Его, и Мустафы — светлая ему память, и чернооких гурий побольше там, где он сейчас.

— …Стихийные одаренные тренируются с самых малых лет, с момента осознания себя разумным существом. Ты же, волею провидения, сейчас оказалась на, продолжая предыдущую аналогию, на мощном спортивном байке посреди спортивной трассы. И ты уже едешь со скоростью далеко за сто миль в час. Затормозить ты не можешь, даже сбавить скорость не получится — тебя метеорит догоняет. А вот это — коснулся я пальцем кулона на шее Николетты, — просто поставило тебя, твою стремительную езду, да и вообще всю ситуацию, на паузу. Просто представь, что на мототреке время замерло. И когда мы твой кулон снимем, тебя мгновенно увлечет вперед. Я же здесь для того, чтобы когда это случится, ты не убилась. Причем я должен научить тебя езде на байке без демонстрации, без предварительной практики, только рассказывая и ментально показывая тебе что и как нужно делать. Теперь ты примерно понимаешь сложившуюся ситуацию?

— Да.

— И самая, для меня, мякотка. Ты знаешь, почему моя жизнь висела на волоске в момент переговоров с сеньорой Романо?

— Потому что ты мог отказаться, а информация о моей… об инциденте…

Николетта замялась, а после вовсе прервалась, потому что я с кислым видом поднял руку, отрицательно махнув.

— Не знаешь, — констатировал я. — Желаешь услышать анекдот?

— Нет.

— Я все равно расскажу. Старого еврея ведут на расстрел, он вдруг резко останавливается и спрашивает: «А какой сегодня

день? — Понедельник. — Вот это ничего себе неделька начинается».

Николетта над анекдотом ожидаемо смеяться не стала. А я вот смеялся, когда дядюшка Абрам мне его вчера рассказал.

— Сейчас поймешь, — хмыкнул я. — Скажи, ты сама решила вчера расстегнуть пуговицы блузки так, чтобы амулет был виден?

— Нет.

— Тебе сказала сделать это сеньора Романо.

— Да.

— Знаешь, почему?

— Мм…

— Не знаешь. Инклюз, которым тебе заблокировали Источник, держит поток стихийной силы, как плотина. И когда мы этот инклюз уберем, поток стихийной силы будет такой, что хлынет… хлынет, как разрушенная плотина. Вжух! — даже показал я, как хлынет поток силы. — И ты, в случае неудачи, умрешь.

— Я это знаю.

Я помолчал немного, ожидая вопроса. Уже было начал разочаровываться в неожиданной ученице, как она вдруг заговорила.

— Но это не отвечает на вопрос, почему твоя жизнь… висела…

— На волоске, — закончил я за понявшую наконец, в чем дело, Николетту. — Выброс энергии будет такой, что если ты не справишься, то мы поедем по радуге вместе — ты, и я. Ты эмпат, и контроль энергии мы будем осваивать с тобой в ментальной связке. Я просто вчера, во время нашего разговора, был немного отвлечен, — я демонстративно осмотрел Николетту с каблуков до выреза декольте, задерживая взгляд на изгибах фигуры, отличающих мужчин от женщин. И мысленно накатил сразу несколько возможных сцен продолжения нашего близкого общения, в которых участвовали мы, совещательный стол, диван в зоне отдыха, и совсем не участвовала одежда.

Девушка снова густо покраснела, а губа ее начала подрагивать. Подобная демонстрация мне самому не очень понравилась, но она была нужна для достижения эффекта. Демонстрация мне не нравилась, но в силу биологического возраста тела не нужно было стараться, чтобы дать почувствовать Николетте силу своего сексуального желания и дать волю буйному полету фантазии.

Николетта даже приоткрыла рот, чтобы что-то сказать резкое и отрезвляющее мою наглость, но снова была остановлена моим жестом. Взглядом я показал ей подождать, и выполнил несколько

дыхательных упражнений для концентрации. А после сделал легкий жест, словно боец на ринге, который подманивает к себе противника.

Лицо Николетты изменилось. Я понимаю ее удивление — она только что слушала, и хорошо слышала мои эмоции. Но сейчас для нее словно звук если и не отключили, то на самый минимум убавили.

Я же просто сделал несколько упражнений из ментальных практик защиты, которые показывал мне еще фон Колер в самом начале обучения. И проведенной демонстрацией в связке легко выкрутил собственные эмоции так, что Николетта почувствовала отклик восприятия сначала на громком максимуме — с картинкой на диване, а потом на минимуме. У нее сейчас, почти уверен даже в ушах звенит — как бывает, когда выключается давно и громко звучащая в помещении музыка.

— Удивительно, правда? — подмигнул я Николетте, и разъяснил уже полностью: — Прости за некоторую грубость в мыслях. Ты девушка умная, наверняка поняла причину зачем мне, и даже больше тебе, это нужно было.

— Да, — кивнула все еще крайне удивленная Николетта.

— Во время нашего разговора с сеньорой Романо я просто не врубился, что согласие тебя обучать, учитывая способ блокировки твоего Источника — это значит для меня поставить свою жизнь на кон. Я не обратил внимание на блок кулона. Мне стыдно, но… как-то так. Считай, я сейчас чувствую себя как опозорившийся футболист, который при полном стадионе не попал с метра в ворота в отсутствии рядом игроков противника, — не скрывая смущения, я развел руками.

Николетта смотрела на меня расширенными глазами, понемногу понимая всю абсурдность ситуации.

— Когда ты считывала мои эмоции, это было сделано в первую очередь для того, чтобы сеньора Романо могла понять, планирую ли я выполнить наш с ней контракт, или в приоритете у меня желание согласится, а после сделать ноги с Занзибара, уходя от такой приятной задачи, которая сулит мне смертельную опасность. Я же, не заметив кулон, думал что ты просто сидишь на психолептиках, которые тормозят твой инициированный Источник. И о смертельной опасности для себя я даже не подозревал.

Дав время Николетте обдумать услышанное, я продолжил.

— Потеряв дар владения, я не потерял знаний. И не потерял связанных с даром некоторых умений. К примеру, я по-прежнему могу обмануть практически любой полиграф, управляя эмоциями. Тебя могу обмануть и подавно — сокрытие эмоций, выполненное

легко и без подготовки, ты только что видела. Но я специально не стал пытаться блокировать и ставить обманку преград для твоей эмпатии, хотя мог. Даже немного переборщил, еще раз прошу прощения…

Николетта опустила взгляд, который невольно скользнул в сторону дивана, на котором я совсем недавно представил довольно пикантный способ близкого общения.

— …Я легко мог бы протянуть обучение на несколько дней, за которые вывести по максимуму в чистые аванс полученного гонорара и отправиться отсюда… да хоть куда, сменив маску личности.

Снова пауза для того, чтобы собеседница обдумала сказанное.

— Но я не стал, и не собираюсь этого делать. Потому что мое слово стоит дорого, а я уже согласился тебя учить. И единственное что мне от тебя нужно во время занятий, кроме самоотдачи — это полное доверие. Потому что я жизненно заинтересован в том, чтобы ты выжила, и обуздала стихию.

Николетта что-то спросила — я увидел движение губ, но не расслышал.

— Почему?

— Почему я намерен это сделать, рискнув жизнью?

— Да.

— Хм, — даже задумался я. — Не знаю. Потому что я на Занзибаре и мне нечего делать. Поэтому почему бы и нет?

Николетта медленно кивнула, но из ее взгляда вопрос не ушел.

— Более подробно не могу сказать, извини. Пока не могу, — покачал я головой. — Просто заинтересован — я профессионально подхожу к любому делу. И мне важно, чтобы ты выжила и обрела контроль над источником. Такое объяснение пока подойдет?

— Да.

На самом деле, не будь я сюда отправлен Астеротом, то на вопрос обучения Николетты я бы смотрел под другим углом. Сейчас же я в той ситуации, когда грудью ловлю каждый подходящий для возвышения случай, так что это не та задача, от которой можно отказываться в моем положении.

— Давай пройдемся еще раз по вступительной части, на другом примере… — наконец уделил я внимание лежащей на столе выломанной доске.

Говоря это, я вдруг вспомнил педантичность фон Колера. Но именно повторное обсуждение мне сейчас было нужно. Начинать выяснять степени доверия надо ведь с малого. Слова — это одно,

а проверка действие — уже иной коленкор.

— Твоя задача: идти вперед по доске от начала до конца, держа центр тяжести своего тела в вертикальной плоскости, проходящей через центр доски. Доступно?

— Да, — ровным голосом произнесла Николетта.

— Если да, пройдись по доске, прямо сейчас.

Николетта внимательно посмотрела на меня, но спорить не стала — скинув туфли, она встала сначала на стул, перешла на стол, и встала на доску, лежащую на самом краю.

На самом деле, я уже видел, что она — а Николетта девушка определенно неглупая, основной мой смысловой посыл, в части отношения ученицы и учителя, поняла. Как поняла и приняла информацию о том, что не только ее, но и моя жизнь зависит от нашего общего успеха.

Но я решил завершить дело внушения.

Николетта между тем уже прошла по доске — ни разу не оступившись и даже не покачнувшись в преддверии потери равновесия.

— Перфекто, — кивнул я без тени насмешки. — Немного усложним задачу. Сейчас поднимемся на крышу, и положим эту доску на край парапета. Сможешь повторить?

Николетта моргнула, задержав глаза закрытыми на пару секунд, так что ее ресницы подрагивали.

— Думаю, смогу, — произнесла она, открывая глаза.

Я при этом заметил, как от волнения у нее перехватило дыхание.

— Похвальная готовность, я рад. Может быть и пройдешь, но не сегодня, — кивнул я. — Ты умеешь играть в шашки?

— Да.

— Можешь выиграть партию в шашки, тратя времени на раздумья над следующим ходом не более секунды?

— Думаю да.

— Попробуй.

Николетта активировала рабочую поверхность стола, нашла в списке программ стандартные игры, выбрала шашки, поставила легкий уровень сложности и быстро провела партию, тратя на ход не более двух секунд.

— Как ты относишься к боли? — без всякой связи с предыдущими вопросами поинтересовался я.

— Эм… в смысле?

Достав из кармана заготовленную пачку сигарет (заранее предполагал, что может случится непонимание), я достал одну и прикурил. Сделал пару сильных затяжек, при этом не вдыхая дым в легкие. После этого демонстративно медленно потушил

сигарету о тыльную сторону ладони левой руки.

— Можешь повторить?

Николетта снова прикрыла глаза, а веки ее задрожали — что, как я уже понял, у нее было признаком сильного волнения. Но когда девушка открыла глаза и посмотрела на меня, взгляд ее был довольно спокоен. Я подтолкнул по гладкой столешнице к ней пачку и зажигалку. Поймав и то и другое, она встала и уселась ближе ко мне, на край стола. Без задержек прикурила, неумело затянулась и тут же закашлялась. Справившись с дыханием, Николетта без лишней суеты затушила сигарету о свою руку, поморщившись лишь чуть-чуть.

Молодец, надо же. Я, если честно, думал, что будет сложнее.

— Биогель есть?

Биогель нашелся, и после того, как оба ожога от сигарет под его действием исчезли, я снова заговорил.

— К чему была вся эта близкая к практической демонстрация. Тебе, для того чтобы взять под контроль свой Источник, нужно выполнить довольно простой алгоритм действий, которому я должен тебя научить.

Все по отдельности — пойти по доске, сохраняя равновесие на любой высоте, выиграть партию в шашки, терпеть боль — не выглядит слишком сложным. Но в комплексе — это задача, которая без предварительной подготовки для тебя просто невыполнима. Просто потому, что стихия твой инициации — Огонь, а с Огнем шутки плохи. Самое неприятное, попытка у тебя будет всего одна. И цена любой ошибки — моментальная смерть. Это понятно?

— Да.

— Отлично. Еще раз, закрывая первую часть сегодняшнего урока: если я спрашиваю тебя о чем-то, либо прошу что-либо сделать, то это значит, что мой вопрос и просьба важны и обязательны к исполнению. Это ясно?

— Да.

— От нашего взаимного доверия зависит твоя жизнь, от нашего взаимного доверия зависит моя жизнь. Вот это — краеугольный камень нашего с тобой сотрудничества. Ты доверяешь мне свою жизнь, я тебе свою. Ты готова к этому?

— Да.

— Отлично, — кивнул я. — Теперь перейдем к делу… — я задумался над первым вопросом.

«Раздевайся» — между тем подсказал внутренний голос, заполняя возникшую паузу. Взгляд при этом вновь невольно скользнул по тугому бедру девушки, которая все еще сидела рядом на краю стола.

Прикрыв глаза, я вздохнул — понимая, что Николетта, которая сейчас стала совсем пунцовой от смущения, мои эмоции прекрасно считывает. Я открыл было рот, чтобы напомнить ей о том, что мог бы озаботиться блокировкой лишних эмоций, но не стал этого делать. Но не успел.

— Доктор, а вы точно семейный психолог? — поинтересовалась вдруг Николетта.

— Итак, — после короткой расслабленной паузы согнал с лица я непрошенную улыбку. — У нас с тобой мало времени, поэтому терять его не будет. Седативы ты принимаешь?

— Нет.

— Принимала?

— Нет.

— Почему?

— Сеньора Романо запретила.

— Каким спортом занимаешься?

— Парусный спорт, фехтование, теннис.

— Расставь по симпатии.

— Парусный спорт, фехтование, теннис.

— Расставь по умению.

— Фехтование, теннис, парусный спорт.

— Распиши мне свой режим дня.

— Подъем в шесть пятьдесят пять. Первый завтрак по программе идеальный день «1500», в шесть тридцать первая тренировка…

Следующие четверть часа я скрупулезно опрашивал Николетту, вспоминая свои собственные опросники в программе введения в элементарную магии. Некоторые вопросы, особенно из разряда интимных, сильно девушку смущали, но отвечала она, надо отдать должное, без запинки.

Когда примерная картина у меня была готова, я задумался над завтрашним уроком. Потому что предварительный план обучения, над которым я думал вечером, совершенно не подходил.

Эта песня хороша, начинай сначала, как говорится.

Зачем в армии плац подметают ломами, а не метлами? Не для того, чтобы было чисто, а для того, чтобы бойцы сильно-сильно утомились. Вот и мне сейчас — не сейчас, а к следующему занятию, нужно, чтобы Николетта сильно-сильно утомилась. Не только физически.

«Пока бежим до заката, а там посмотрим», — вспомнился мне Андре, светлая ему память в этом мире и много патронов в том, где он сейчас.

Выслушав Николетту и примерно составив образ ее

жизнедеятельности, я нашел вариант решения вопроса утомляемости довольно быстро. В этом мире как обстоят дела не знаю, а вот в моем мире есть всего один человек, который обыграл в теннис стену — и это Чак Норрис. Так что вариант упороться до полного бессилия в одиночестве, не сильно при этом скучая, очевиден.

— Сквош.

Произнес это я после долгой паузы, взятой на раздумья, и Николетта смысла не поняла.

— Что? — переспросила она.

— Мне нужно, чтобы ты нашла площадку для сквоша, на которой тебя никто не потревожит.

— У меня дома есть площадка для сквоша.

— Отлично. Значит так, сейчас отправляешься домой, и до рассвета играешь в сквош. Когда чувствуешь, что уже нет сил, начинаешь учить наизусть текст. Пусть это будут… давай это будут рассказы Южных морей Джека Лондона. Начни с Неукротимого белого человека. После того, как силы появляются, снова играешь в сквош, концентрируясь на мяче, но в то же время повторяя заученный текст. Без стимуляторов, без допинга. Ты просто проверяешь способности своего организма. Когда чувствуешь, что сил больше нет, четверть часа можешь отдохнуть в позе трупа, подъем по будильнику, не забывай выставлять.

Николетта хатха-йогу практиковала, поэтому мое не очень изящное название упражнения шавасана поняла.

— Завтра, в это же время, у нас с тобой будет второй урок, и мне нужно, чтобы ты была сильно-сильно утомленной. Понимаю, что ты сильна и здорова, но в идеале сделать так, чтобы у тебя путались мысли и каждый шаг должен быть как испытание. Скажи сразу, готова ли ты самостоятельно…

Хотел было сказать «насиловать себя», но вовремя, учитывая приведшие Николетту к моему обучению обстоятельства, одумался.

— …выводить свой организм на границу физических и умственных возможностей. Если готова, это будет оптимальный вариант. Если нет, нужно приставить к тебе специального человека для контроля.

— Я готова.

— Это вопрос жизни и смерти. Не только твоей, но и моей. Посредственное отношение к задаче тут не пройдет.

— Не надо повторять по два-три раза, прошу тебя. Я неопытна в сфере магии, но не тупа природно. Я все понимаю. Я готова, — прямо посмотрела мне в глаза Николетта.

— У тебя есть личный терминал?

— У меня чистый организм, я использую только линзы с проекцией.

Ух ты, прямо как у невладеющих аристократов. Возможность так жить дорогого стоит. Впрочем, неудивительно — Доминика, видимо, на воспитание дочери средств не жалела. Средств не жалела, но готова списать их, фиксируя убытки — холодно подумал я, оценивая ситуацию и ее отношение к судьбе дочери.

— Мне нужны данные по твоим нагрузкам, как умственным, так и физическим. Подсказать как это сделать, или сама найдешь способ?

— Я знаю как, сделаю.

— Хорошо. Давай завтра здесь же, в это же время. Завтра у нас с тобой будет урок введения в элементарную магию, на котором я расскажу тебе об азах элементов и строения тела homo deus и о планах обучения на ближайшую неделю.

То, что Источник Николетты глушится не седативными препаратами, а блоком инклюза, меняло ситуацию. Поэтому завтра мы с ней еще будем упорно курить теорию, и локация не сильно важна. Здесь же, в кабинете, заниматься комфортней чем на мусорке Полигона.

— Так как время на подготовку касания стихии у нас ограниченно, мне нужно, чтобы к завтрашнему дню ты сильно-сильно утомилась и воспринимала информацию через не могу. Это будет часть сжатого процесса обучения. На сегодня все. Вопросы?

— А можно?

«Можно Машку за ляжку, а у нас разрешите» — подсказал внутренний голос.

— Можно, — это уже вслух.

— Тебе нужна от меня полная откровенность и доверие, — полуутвердительно произнесла Николетта.

— Именно так.

— Могу я рассчитывать на аналогичное с твоей стороны?

— Так… Я разве закрываюсь? — недоуменно развел я руками.

— Я не об этом. Если я задам интересующий меня вопрос, могу я рассчитывать на ответ?

— Хм… видишь ли… Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. По праву рождения, и по роду деятельности, я накопил немало скелетов в шкафу. Мне, в принципе, совсем не жалко откровенных ответов. Другое дело, что ответы на некоторые твои возможные вопросы могут повредить не только мне, но и другим людям. Да и тебе, собственно. Это раз, и два — ты эмпат, а я нет, и от тебя не закрываюсь. Ты гарантировано знаешь и чувствуешь, что я

восхищен твоим умом, статью и ослепительной красотой, а я о твоем отношении к себе не знаю. Может быть ты меня презираешь и думаешь, как бы поскорее мне в голову гвоздь забить? Поэтому у нас и так обмен неравнозначный. Так что, насчет вопросов… я не особо приветствую подобное начинание, но, если тебе так сложно не задать вопрос, задавай, не держи в себе. Но ответ я не гарантирую.

— У меня немного вопросов.

— Поджигай.

— Какой у тебя ранг?

— Высокий. Точно не знаю.

— Выше шестого золотого?

— Да.

— Как тебя зовут?

Глубокий вдох, и не менее глубокий выдох. Сошло вместо ответа.

— У тебя есть девушка?

— Невеста.

— Ты инициирован в Огненной стихии?

— Да.

— У нас все получится?

— Да.

— Хорошо, — сглотнула Николетта, которая определенно устроила экспресс-допрос, задавая первые попавшиеся вопросы лишь только ради этого, последнего. И в момент вопроса направив всю свою эмпатию в восприятие.

Едва Николетта получила такой желаемый ответ, как с нее вдруг моментально слетел внешний лоск. И я увидел перед собой совсем юную, растерянную и до смерти испуганную девушку.

— Прости, — дрогнувшим голосом произнесла она. — Я просто очень-очень сильно боюсь, мне важен был твой ответ, я пытаюсь справиться со страхом, но…

Она зачастила словами, а глаза повлажнели — только теперь я понял, каких сил ей стоило сохранять спокойный вид что сегодня, что вчера во время нашей первой общей беседы.

В два быстрых шага я оказался рядом, и взял Николетту за руки, заглядывая в глаза.

— У нас все получится. Верь мне, — спокойным голосом произнес я.

Я попытался сделать это как можно убедительнее, и при этом сконцентрировался на воспоминаниях после инициации — то чувство облегчения, и невероятное ощущение, что стал частью чего-то большего.

Тут то все и случилось — перед взором сверкнула красно-

оранжевая вспышка, и нас с Николеттой серьезно встряхнуло. Это было похоже на удар током, с такой же резкой обжигающей болью, ударившей мне в грудь через левую руку. Но оранжевую вспышку тут же перекрыла вспышка лазурная — ярко засиял амулет, блокируя путь стихии, которая едва не заполнила… наши энергетические каналы?

Меня ударило довольно серьезно, я даже согнулся от уже ушедшей боли. Но постепенно на левой руке, плече и по груди постепенно начинало усиливаться жжение, как от ожога. Николетта же, судя по виду, вообще никаких серьезных неудобств, кроме короткого мига удивления и страха, не испытала. Девушку, наоборот, от мимолетного касания силы огненной стихии накрыла легкая эйфория.

Выровняв дыхание, я встряхнулся.

— Ты в порядке?

— Да.

— Ничего не болит?

— Нет, все в порядке. Даже…

— Даже что?

— Это было… чудесно, — выдохнула девушка, порхая ресницами.

Конечно чудесно. Потому что откатом неслучившегося — заблокированного стопором инклюза, касания стихии долбануло меня. Я исполнил роль громоотвода, а всю мощь энергии прочувствовала Николетта.

Видимо, мне тоже придется перед разрушением блока тренироваться не менее усердно, чем ей. Просто прекрасно я вляпался.

— Так, ладно. Хорошо, что все хорошо. Наши цели ясны, задачи определены, за работу, камераден, — произнес я, и кивнул на прощание Николетте, подхватил чехол с очками и даже не открывая его, двинулся к выходу из кабинета.

Мне нужно срочно остаться наедине с собой.

— Драго! — окликнула она меня у самого выхода.

— Да?

— С тобой все в порядке?

— Со мной все просто отлично.

— Мы же договорились, что между нами полное доверие.

— И?

— Я чувствую твою боль. И я чувствую твой… не страх, но беспокойство.

Глубоко вздохнув, я прикрыл глаза, сосчитал до пяти и снова открыл. И встретился с ясным взглядом Николетты.

— Тебя уже отпустило?

— Отпустило что?

— Состояние эйфории, вызванное мощным эхом ощущения доступной силы.

Николетта собралась было ответить, но удержалась. Я в ней не ошибся, умная девушка.

— Еще нет, — проанализировала она свои ощущения. — Подожди немного, прошу тебя.

Чтобы вернутся в обычное состояние, ей потребовалось применить ингалятор стимулятора из дежурной аптечки, который моментально спустил ее с небес на землю, вернув трезвость мыслей.

— Я в порядке, — прислушиваясь к себе, произнесла она. — Ты скажешь мне, что с тобой произошло?

— Эта информация может стоить тебе жизни. Не сегодня, условно, но завтра, или послезавтра.

— Я уже на краю. И у меня есть предчувствие, что мне нужно это знать.

— Это любопытство.

— Вряд ли. Просто физически протягивает, приходится даже сдерживать желание догнать тебя и схватить за руку, не отпуская.

— Ты очень рискуешь.

— Но все равно прошу тебя сказать, что произошло.

— Что произошло, я пока сам не знаю, — покачал я головой.

— Но догадываешься.

— Но догадываюсь, — кивнул я.

— Прошу тебя.

Подумав немного, я расстегнул пиджак и бросил его на диван в зоне отдыха. После этого резким жестом снял белоснежную термофутболку с длинными рукавами.

Увидев в чем дело, подошедшая ближе Николетта ахнула. Я от комментариев сдержался. Удивления не было — из-за появившегося сразу после касания стихии жжения я уже представлял, что именно произошло.

Полгода назад, в Высоком Граде, я сам выполнил примерно то же, что случилось недавно с Николеттой. Только я не инициировал Источник, самостоятельно став аватаром, а самостоятельно использовал дар владения темными искусствами. Для которого инициации Источника не нужна.

Еще иной наша ситуация была в том, что Войцех, которых с самых малых лет еженощно занимался моими тренировками, проделал огромную работу. Так что даже без навигатора и без опыта я смог самостоятельно повелевать Тьмой, впервые ее коснувшись — для того, чтобы произвести впечатление на штабс-капитана Измайлова, когда нужно было убедить его спасти

Зоряну.

Но в тот день я не только повелевал Тьмой, контролируя ее, но оказался заражен ей — чистой Тьмой, проникшей в мое тело. И вернувшись в Высокий Град, избавился я от заражения с помощью тогда еще княгини Анны Николаевны, которой помогала Анастасия.

Княжна в тот заморозила мои энергетические каналы, а Анна Николаевна выжгла всю Тьму. Не очень приятная процедура, в ходе которой я потерял сознание. И когда очнулся, увидел на руке и груди нечто похожее на живую татуировку — вместо черной паутины, растекающегося поражения Тьмы, на коже осталась сетка заживающих ран, в которых жили искорки живого Огня.

Для кого-то подобное событие — заражение Тьмой, и его лечение в домашних условиях, может стать главным воспоминанием в жизни. Я же, из-за навалившихся проблем и галопирующих событий просто-напросто напрочь забыл об этой зажившей татуировке. И я о ней даже не вспомнил, когда избавлялся от силы во время недавнего ритуала с Самантой.

Раны на теле зажили. Но следы стихии, выжигавшей поражение Тьмой в том числе и в моей ауры биополя, она же аура азура, Эфира, остались. Свою роль еще сыграло и то, что я одержимый — и выжженные Огнем следы поражения Тьмой остались и на моей астральной проекции. Которая у стихийных одаренных отсутствует.

И вот сейчас, когда я ментально потянулся к Николетте, которая сама восприятием максимально (в состоянии невероятного психоэмоционального напряжения, что, наверное, и послужило триггером) тянулась ко мне, рисунок Огня, заживший на моем физическом теле, самопроизвольно активировался, синхронизировавшись с аурой Эфира. Огонь вернулся просто потому, что для использования стихии мне не нужен был Источник — я ведь, до того, как элиминировал его, оперировал Огнем также, как и Тьмой, забирая его не их этого мира.

— Как же так… — отвлек меня от раздумий голос Николетты.

Девушка была в самом настоящем ужасе — зная о даре владения только общую информацию. А общая информация говорила, что дар смертельно опасен для неподготовленных. Так что Николетта сейчас, похоже на грани паники, всерьез боялась за мою жизнь. Руки ее подрагивали, а глаза наполнили слезы. Мне даже приятно стало, что девушка так за меня переживает.

Хотя она может переживать и за себя — сгорю я сейчас, так ей, во-первых, нового учителя нужно будет искать, во-вторых в кабинете как-то убираться.

— Успокойся, все… — негромко сказал я.

Хотел сказать, что все нормально, но как-то не получилось. Не очень все нормально, но превращаться в головешку здесь и сейчас я точно не собирался.

Николетта моих слов даже не услышала, а завороженно смотрела на живой Огонь на моей коже. Губы ее задрожали, и первая крупная слеза покатилась по щеке — все, на грани истерики от испуга.

— Ника! Успокойся! — повысил я голос, заставив девушку вздрогнуть. И продолжил, уже не так громко: — Мы, русские, и не с таким справлялись. Печенегов победили, половцев тоже победили, и с этой проблемой справимся…

Говорил я себе под нос, не особо задумываясь над словами, озвучивая первое что в голову пришло. И под монотонную речь поймал взглядом самую яркую искорку. Сконцентрировался на ней, с радостью чувствуя обратную связь, начал собирать вокруг нее на глазах увеличивающейся потоки энергии, направляя их к кисти.

Николетта завороженно, и, по-моему, даже не дыша наблюдала за происходящем.

Я же легко собрал весь Огонь, живущей в проявившейся через ауру Эфира магической татуировке, и поднял руку — над ладонью сначала заколыхался жаром воздух, а после вспух шар живого Огня.

В прошлый раз, когда я исполнил подобное, выведение Огня из зоны поражения тела чувством было сходным с тем, которое испытывает человек, которому выдирают зуб. Сейчас же никакого дискомфорта не ощущалось — Огонь уже моя родная стихия. Элиминированная, но…

«Все просто замечательно, за исключением одной вещи: то, что ты только что продемонстрировал, считается невозможным» — как вживую прозвучали слова Анны Николаевны, сказанные ей после того, как я сделал подобное впервые.

Очень многое в этом мире, до того как сюда не пришел погостить Артур Волков, раньше считалось невозможным — подумал я, легко улыбнувшись.

Быстро одевшись, я звучно щелкнул пальцами, возвращая внимание Николетты, которая заворожено смотрела на повисший в воздухе шар живой энергии, постепенно истончавшийся.

— У нас с тобой много работы… — начал было я.

— Как это вообще возможно… — одновременно выдохнула она.

— Так. Разговорчики, боец! — повысил я голос. — Ты уже должна быть по пути к дому, и мысли у тебя должны быть только

о том, чтобы обыграть стену в сквош. А меня ждет целый район, где просто куча дел, в том числе откровенно криминальных. Наши желания иногда пасуют перед суровой действительностью, совсем не работая — вся эта ваша магия, шмагия — это конечно хорошо, но дела никто ни за меня, ни за тебя не сделает. Все, все вопросы завтра, работаем, работаем, мы уже теряем время! — даже похлопал я в ладоши для убедительности перед тем, как выйти из кабинета.

Глава 8

От небоскреба Некромикона я уезжал на обычном, городском желтом такси с автопилотом. Но сразу за КПП, когда пересек границы Делового Центра и Кигунгули, пересел в машину дядюшки Абрама. Где, на заднем сиденье, меня ждала моя уже привычная экипировка городского охотника.

Переодевался я спокойно, не беспокоясь о том, что старый еврей и Гек (он тоже был в машине) заметят следы от проявившейся живой стихийной татуировки. На мне комплект терморегулирующего белья и ничего под обтягивающей белой футболкой с длинными рукавами не видно.

Пока переодевался, краем уха (и краем разума) слушал Гека. Тот докладывал о возникших у него по ходу деятельности проблемах — по обустройству помещения и тестированию кандидатов. Причем говорил Гек и о проблемах, и о предполагаемых им способах решения. Недавно его научил — сообщая о проблеме, не молчаливо ждать моего резюме, а в первую очередь предлагать кажущийся самому себе оптимальный путь решения. Причем делая все это, тренируя талант краткости.

Серьезного у Гека ничего не было (ну не считать же серьезной поножовщину во время теоретического занятия и невозможность в течении ближайшей недели организовать работу канализации в одном из домов), поэтому хотя бы на этом фронте все спокойно.

И это хорошо, что спокойно — потому что меня сейчас более направленно занимают совершенно иные мысли. Но пока слушал монотонный доклад Гека, задумался вдруг еще и о том, что датчанин — он же Гекдениз Немец, находится рядом со мной как Гримо рядом с Атосом. Всегда сосредоточенный, полезный и практически никому незаметный. И такой же молчаливый — правда я Гека, как Атос своего слугу, и не бил смертным боем за каждое лишнее слово. Я не бил, но датчанина сама жизнь била, причем гораздо хуже, чем Атос колотил Гримо.

Обо всем этом, и еще о том, чтобы еще раз переговорить с Геком — попытавшись понять, о чем он думает и что вообще хочет от жизни, я думал краем разума. Тем же, каким и слушал доклад Гека. Потому что параллельно размышлял о последствиях возвращения дара к владению стихией.

Оба — и дядюшка Абрам, и Гек, видели мою сосредоточенность, но лишних вопросов не задавали. Я же рассказывать ничего не стремился. Незаметно сжимая и разжимая кулаки, я напряженно размышлял. Мне до тянущего нетерпения хотелось проверить, смогу ли я призвать стихию — действуя по

примеру того, как я работал с Тьмой, без участия Источника. Но в то же время я понимал, что делать этого не стоит — есть шанс вызвать стихийное возмущение, привлекая внимание одаренных. И если это случится, лавочку моего спокойного пребывания на Занзибаре стоит закрывать сразу.

Причем все это актуально, если недавнюю вспышку между мной и Николеттой и так не засекли. Маловероятно, там огонь активировался лишь на доли секунды, но… Но все же. Правда, в этом я уже не властен — если о проявлении стихийной силы уже узнали, я не смогу ничего сделать. Кроме, конечно, действий по обстоятельствам.

— Дядюшка Абрам, — прервал я доклад Гека на полуслове.

— Я, — глянул он на меня через зеркало заднего вида на лобовом стекле.

— Сейчас же начинайте готовить пути отхода и запасной аэродром. За нами в любой момент могут начать охоту — или одаренные, или корпораты.

— Отхода куда?

— Для всех вас — обратно в Россию. Если я даю команду, командировка заканчивается. С Войцехом согласуйте отдельно, может он сам себе катапульту уже подготовил. Для меня — новую личность, и билет на Мафию… или нет, лучше на материк, сразу в Танганьику.

Если стихия снова со мной, то в случае чего я справлюсь с задачей Астерота и в одиночку.

Если.

Если же нет, мне просто будет немного сложнее, чем сейчас.

Плохо, что узнать степень своего владения я смогу только тогда, когда будет оборудовано подходящее место для практического обучения Николетты — с глушащим стихийные выбросы куполом.

Это будет сделано уже совсем скоро, но не сегодня. И я сейчас как ребенок, который в преддверии празднования дня рождения сидит напротив вкусного торта, может его попробовать, но понимает, что нельзя — родители заметят, и наложат серьезные санкции.

— Что с фондом? Сворачиваем? — поинтересовался Гек.

— Нет, работаем по плану.

— По прежнему плану, несмотря на постройку запасного пути отхода? — тут же переспросил дядюшка Абрам.

— Да.

— Если мы готовим отход, то в работе по фонду нам придется гораздо больше тратить.

«Ребята… я в этом шарю», — тут же удовлетворенно

подсказал внутренний голос, чувствуя представившуюся возможность.

— Дядюшка Абрам.

— Таки да?

— Однажды император Адриан во время визита в Галилею увидел очень старого еврея, который сажал деревья. — Сколько тебе лет? — спросил Адриан. — Сто, — ответил старик. — И ты думаешь, что успеешь дожить и собрать с деревьев плоды? — Если я достоин, успею. Если нет, то как отец и мой дед работали для меня, так и я сейчас тружусь для своих детей и внуков.

Дядюшка Абрам, в ответ на рассказанную притчу, что-то пробормотал на идише себе под нос. Что, я конечно же не понял, но это интонацией было очень похоже на: «Ах ты ж хитрый сукин сын!».

Я довольно улыбнулся. Дело в том, что дядюшка Абрам в наших разговорах, когда учил меня жизни, часто применял идиомы, притчи или даже анекдоты — чтобы донести до меня свою мысль не просто так, а с претензией. Я же вчера, после очередного его поучения, когда выдалась свободная минутка купил в Сети книгу «Золотые правила еврейского бизнеса», мельком ее просмотрел и в результате приобрел для разговора с дядюшкой Абрамом необходимые аргументы.

«На каждую хитрую гайку всегда найдется свой болт с особой резьбой», — удовлетворенно прокомментировал ликующий внутренний голос. Ликующий оттого, что я поразил дядюшку Абрама его же оружием.

— Гек, продолжай, — похлопал я того по плечу. — Я прервал тебя, когда ты говорил о проблемах подключения капсул в третьем корпусе для новичков…

Когда такси дядюшки Абрама ехало по Полигону, пробираясь по тесным, заваленным мусором улочками, за машиной уже привычно увязалась стайка детей и подростков. Которые, едва такси подъехало к дому, остановились на почтительном расстоянии.

Взявшись за ручку, я немного задержался.

— Цели ясны, задачи определены, за работу камераден, — подытожил я обсуждение во время поездки и посмотрел на дядюшку Абрама: — Есть для меня что-нибудь?

— Нет, — только и сказал тот, но вдруг замер, а радужка его правого глаза едва заметно перемигнулась красным, а после синим цветом. Линзы у него принципиально не новые (не современные), и из-за этого я смог заметить, что дядюшке Абраму только что пришло помеченное статусом «важное» сообщение — о чем и появилось оповещение в его дополненной реальности.

— Таки есть, — произнес старый еврей. — Запрос на колеса получил визу одобрения.

— Да это просто праздник какой-то! — обрадовался я.

Не ожидал. Вот действительно настолько быстро не ожидал, так что сюрприз донельзя приятный.

Мне нужна машина. Без машины в криминальных районах желтых уровней «уважаемый человек» не очень уважаемый. Это в благополучных районах острова-мегаполиса подобное подтверждение статуса никому не нужно — сам факт пребывания там предполагает высокое положение в обществе.

Да и здесь, на Полигоне — на самом дне, без личной машины тоже можно обходиться. Здесь король уже тот, у кого просто пистолет есть. Но вот в том же Джанктауне, если прийти на важные переговоры с «уважаемыми людьми» пешком, то тебя просто серьезно никто не воспримет.

При этом обычную машину покупать мне смысла не было — автопилот даже в отключенном состоянии пишет маршруты и отслеживает передвижения. Сломанный же блок — это серьезное правонарушение, а как таковой крыши полиции у нас пока даже близко нет. «Старый друг» Войцеха Вальдуш — не счет. Пока это всего лишь деловой партнер, и то в узкой области общих интересов «ты мне — я тебе».

Так что покупка мною обычной, легальной машины, для цели приобретения свободы личных колес не подходила. Если ее использовать в постоянном режиме, любой, кто захочет подкинуть мне серьезных проблем, вплоть до депортации, может отправить ко мне патрульных с проверкой, и я уеду вместе с машиной по результатам мониторинга. А если машину не использовать в делах — то зачем она вообще нужна.

Решение проблемы статусного перемещения на личной самобеглой повозке я еще вчера придумал: через дядюшку Абрама отправил в муниципальную администрацию запрос на получение «сертификата конечного пользования» для покупки дизельного внедорожника — аналогичных машинам, на которых катается «Лесная охрана».

Продажи подобных машин не только физическим лицам, но и организациям в дистрикте Занзибар, да и во всем протекторате Танганьика строго ограничены. Но я обосновал свой запрос тем, что фонд «Рука помощи» обитает в неблагополучном районе, где машины с автопилотом просто не могут выполнять все заложенные функции, а дорожная сеть непригодна для машин общего пользования.

Конечно, в обычной ситуации подобный запрос эффективностью был бы схож эффектом с тем, что я вышел бы на

побережье звать золотую рыбку, чтобы она мне помогла. Но надеяться на чудо я и не собирался — дядюшка Абрам запрос официально зарегистрировал, переслал мне номер заявки, а я уже — через Войцеха, отправил его Доминике Романо, с просьбой посодействовать.

И вот результат — суток не прошло, и запрос уже одобрен. А я ведь даже не рассчитывал, что все произойдет так быстро.

Так что такси я покинул в приподнятом настроении. И когда машина уехала, прошелестев колесами по пыльному асфальту, осмотрелся. Работа вокруг буквально кипела; появившиеся деньги себя отрабатывали — и «наш» дом выглядел теперь островком благополучия в мусорной клоаке. Даже несмотря на то, что приличный вид строение еще не приобрело, но вокруг было чисто и царил порядок — даже стройматериалы разложены аккуратными стопками, а привлеченные рабочие все в чистой и типовой униформе.

Вот даже глаз радуется, особенно когда понимаешь, что ко всему руку приложил. Ну, не руку, в буквальном смысле, но идею и движущую ее волю.

Поодаль, в соседних домах, работа также кипела — три пустых коробки зданий приобретали законченный вид, и должны были стать клубом, куда предполагалось устанавливать все виртуальные капсулы. Три дома, три ступени — и если в первом доме должны были проходить обучение новички, и там планировалась установка пятидесяти капсул, то в третьем корпусе капсул по плану всего десять. Пять плюс пять — основной, и запасной состав команды. Соревновательный блок, доступ в который будут иметь лишь избранные.

У меня, кстати, еще вчера мелькнуло желание предложить название для всего комплекса — «Потная катка». Но озвучивать я эту мысль конечно же не стал. Оставил вопрос наименования Геку, который погрузился в проект с головой.

Прежде чем зайти в дом, выцепил взглядом Василия. Тот — так же, как Гек, курировал работу фонда, но получил от меня задание следить за порядком в районе. И быть проводником моей воли на улицах — я под это дело Васе даже оружие выдал, дав задание вливаться и руководить местными. И Василий за последние дни вполне освоился в роли «уважаемого человека», командуя и повелевая. Всеми теми людьми, которые собрались на первую нашу встречу, которую так трагически не пережил бвана Ибову.

Да, Василий освоился и теперь в общении выглядел вполне авторитетно — все же сказывалось его временное сосуществование в одном теле с тысячелетним демоном

Мархосиасом. Но я периодически замечал, что Васю до сих пор распирало радостью и гордостью. Он наслаждался каждым мгновением и буквально лучился счастьем — для него происходящее было нескончаемой сказкой.

Сейчас Василий одной рукой небрежно держался за необъемную, втянутую в золотые лосины, ягодицу своей подруги — знойной девушки, которая его пленила своим видом еще при встрече с бваной Ибову. Второй рукой Вася жестикулировал — втолковывая что-то сразу трем внимательно слушающим его «уважаемым людям» района, которые смотрели ему буквально в рот.

— Вася, — отвлек я его.

— А?! Оу, босс! — обернулся он, тут же небрежным жестом для своей мадам и слушателям показывая подождать.

«М-мать!» — в этот момент заорал мой внутренний голос, только благодаря выкрику которого я сейчас не вздрогнул.

— Доброе утро, босс! — приветствовал меня Василий, подходя. Быстро, но деловито и без ненужной суеты — провожаемый уважительными взглядами в спину от уважаемых людей.

— Василий, — устало вздохнул я.

— Босс?.. — напрягся Василий.

— Вася, уже день, — вздохнул я обреченно.

Ну вот что ему еще сказать? В принципе, я сам виноват — ведь лично дал ему задание вливаться в жизнь улицы, и стать полноценной десницей хозяина Полигона. Вот Вася и вливался — как умел. Внешне в том числе.

— А, день, — пожал плечами Вася, и улыбнулся: — Добрый день, босс!

Улыбнулся он широко и чернозубо: у него ведь еще со времен Архангельска была сточена зубная эмаль, а зубы выкрашены в черный цвет. Теперь это было заметно гораздо более контрастно — потому что на лбу, скулах и глазных впадинах кожа стала белоснежной — забитая татуировкой так, что на лице Васи теперь отображались контуры черепа. Причем специфического, угловатого черепа — так что рисунок был сильно похож на эмблему карателя из моего мира.

— Сам придумал? — дежурно спросил я. И коснулся пальцем его скулы, рассматривая необычную татуировку на лице.

— Да, — кивнул Вася.

Соврал, кстати. Потому что похожий череп я как-то на общем совещании рисовал еще в усадьбе Делашапель — предлагая как одну из возможных эмблем подразделений отправляющегося в Африку отряда.

— Я даже как-то боссу этот рисунок показывал, — гордо сообщил мне Вася.

Вот эту его фразу я вообще не понял.

— …предложил ему сделать как эмблему отряда, но он отказался. Босс сказал, что пусть это будет моей личной эмблемой, инсигнией моего личного отряда Вакандý, когда я его соберу.

Шестеренки в моей голове заскрипели, но потом я вдруг озарением понял — Вася сейчас нагло мне врет о том, что я якобы сам ему сказал, будучи Артуром Волковым. Про Ваканду действительно было — из разряда тех шуток, где я сам с собой в этом мире шучу, и сам с собой в одиночестве смеюсь. Но вот насчет эмблем карателя Василий сейчас нагло… так скажем, привирал.

— Я с боссом, вообще на короткой ноге, — вдруг ткнув пальцем в небо, доверительно сообщил мне Василий, намекая на «того» босса. И продолжил доверительным тоном: — Он ведь мой бро, сколько раз я его задницу спасал, не сосчитать.

Отвага и слабоумие — только и покачал я головой: Вася ведь до сих пор единственный из всех из моего близкого круга, кто не догадывается о том, что Артур Волков и Драго Младич — одно лицо.

Впрочем, от осознания приукрашиваемой Василием действительности сильно не расстроился — он в некоторых вопросах до сих пор как ребенок. Чем б дитя не тешилось, лишь бы головы никому зря не отрывало.

Так, ладно, к делу.

— Посмотри вон туда, — показал я Васе на стайки детей и подростков, которые не расходились после того, как пробежались сюда за машиной такси.

— Видишь?

— Вижу.

— Мне нужно приставить их всех к делу. Через Гека или дядюшку Абрама закупи, или достань очки, линзы, что хочешь — главное, чтобы это были девайсы с возможностью видеозаписи и регистрации времени и локации на серверах RODZ. Мне нужно, чтобы вся эта братия не бесцельно по району слонялась, а стала нашими глазами. Мне нужно, в идеале, протоколировать каждый факт сброса мусора, нужны номера машин, которые сюда катаются нелегально, нужны время и локация сбросов.

— Понял, босс.

— Не совсем. Я еще не закончил.

— Босс, это все доступно даже для…

— Вася.

— Босс?

— Мусор здесь — нелегальный, это большие деньги. А где нелегальная деятельность и большие деньги, там большой интерес больших людей. Поэтому информацию нужно собирать очень аккуратно — потому что это, в перспективе, рычаг влияния. Есть институт репутации, трещина в котором иногда в денежном эквиваленте неоценима. Вася! — окликнул я, и похлопал в ладоши.

— Босс?

— Слушай, и запоминай. Завтра спрошу, как понял.

— I'm on fire, boss! — моментально напрягся Василий, приготовившись внимательно слушать.

— Простой пример: есть корпорация, есть корпоративная политика — лицо организации. И есть, допустим, корпорат на средней управленческой должности, который решил делать себе гешефт, вывозя нелегально мусор, а разницу класть премией за экономию себе в карман. Все же так делают на острове, правильно, никого еще не ловили? Но. Если нелегальный вывоз мусора вскроется, репутация пострадает у всей корпорации — главное правильно подать информацию. Хоть руки ноги управленцу с липкими руками оторви, хоть казни его изощренно и прилюдно, брызнувшие на лицо пятна испорченной репутации так просто корпорация не смоет. Особенно если умело брызгать — если это делает одноранговый конкурент или политик перед выборами. Так что, если есть покупатель или интересант, подобная информация может быть рычагом воздействия как на отдельного корпората, который тихо-мирно делает свой гешефт, либо на филиал корпорации здесь, либо же это большие деньги или оказанная услуга конкурентам корпорации. Следишь за мыслью?

— Так точно, босс. Я не идиот, босс.

— Отлично, рад за тебя. Что? — отреагировал я на его взгляд.

— Что такое гешефт?

— Крайне выгодная для одного из участников торговая сделка. Не всегда… скажем так, отвечающая нормам морали.

— Ясно, босс.

— Повтори, что я тебе только что рассказал по первому варианту.

Вася, надо отдать ему должное, повторил — причем понимая суть, а не просто запомнив.

— Красавчик. Итак, второй вариант, с которым мы можем столкнуться — нелегальный вывоз мусора согласован руководством филиала корпорации. Это еще хуже в плане репутации, опять же если знать как разыгрывать эту карту…

потому что если не знать, эту карту с большой долей вероятности могут вбить в горло вместе с зубами. Это понятно?

— Да, босс.

— Так что действовать нужно предельно осторожно. Если кто-то узнает, что мы собираем статистику нелегального вывоза мусора, нас могут попробовать наказать.

— Понял, босс, — кивнул Василий, который становился все более серьезным по мере того, как я говорил.

— Так что каждого скаута, которого отправляешь на охоту за информацией, инструктируй самолично об осторожности, и о возможных путях отхода с позиции. И за каждого скаута отвечаешь. Если кого пристрелят, задавят или закопают в мусоре… а если ты недоработаешь с инструктажем и контролем кого-либо обязательно пристрелят, задавят или закопают в мусоре, то родителям погибшего пойдешь рассказывать о случившемся сам, и похороны будешь самолично организовывать. Ясно?

— Так точно, босс.

— Все, работай, я на тебя надеюсь.

Похлопав ставшего крайне серьезного Василия по плечу, я направился в дом. Дел было много, но особняком стояло одно. Вернее, сидело. За столом.

— Привет, — сказал я, обращаясь к хмурому ирландцу.

В ответ на мое приветствие Патрик только желваками поиграл, уставившись в одну, только ему видимую точку на столешнице. Или же просто выключив лишние мысли, уйдя в себя.

Помолчали несколько секунд, и я только сейчас заметил, что ирландец чуть покачивается. Как будто максимально сосредоточенный боец на ринге перед самым началом поединка. По идее, транс ему не был нужен — он уже прокапался два дня, и должен был сегодня максимально прийти в себя — вернув здоровый дух в тело.

Коротко я глянул на Войцеха — тот только глаза коротко прикрыл — мол все контролирую. За моей спиной привычно встал Чумба, так что я немного расслабился и присел напротив Патрика. Который в своей сосредоточенности сейчас казался… опасным, да.

— Ты хотел со мной поговорить, — ровным голосом произнес я, нарушая возникшую паузу.

— Возьми меня к себе, — поднял взгляд прозрачных голубых глаз Патрик, играя желваками.

— А зачем ты мне нужен? — удивленно поинтересовался я.

— Затем, что я кровожаден и готов убивать за деньги.

Что-то мне эта связка качеств напомнила, но вот что — быстро вспомнить не смог. Хотя догадка совсем рядом крутилась.

— За забором полно таких, кровожадных и готовых убивать за деньги, — вновь легко пожал я плечами.

— Таких как я ты не сыщешь во всей сраной Африке.

— Расизм по-прежнему часть ирландской культуры? — не удержался я от расхожей цитаты из моего прошлого мира.

— Мне плевать на расизм, мне плевать на ирландскую культуру. Ты мне помог, и я готов убивать для тебя и за тебя.

— Расскажи о себе.

— Я самый лучших убийца человеков на этом сраном острове.

— Подробнее. Родился, учился — не стесняйся, все свои.

— Я лучший убийца на этом острове. Этого достаточно.

— Я знаю место, где можно найти толпы тех, кто считал себя лучшим.

Патрик спрашивать об этом месте не стал. Он опустил взгляд и снова замолчал. Равномерно покачиваясь, он глядел в одному ему видимую точку на столе. И неожиданно своими движениями, которые его словно в транс загоняли, он напомнил мне Элимелеха.

— Место, где традиционно собираются самые лучшие убийцы человеков, это кладбище, — после паузы заговорил я. — Даже если ты вполовину так хорош, как говоришь, это ничего не меняет. Ты не хочешь говорить кто ты и что ты, а мне — чтобы я мог тебе доверять, нужно знать о тебе все, причем под протокол детектора или под контролем эмпата. Кроме того, ты не умеешь в контроль. Как, не зная о тебе ничего, я могу быть уверенным, что завтра ты нажрешься до зеленых соплей и снова не станешь невменяемым человеческим организмом?

Патрик на мои слова вообще никак не отреагировал. Ирландец сидел, все также покачиваясь словно в трансе.

— Если ты так хочешь прибиться к нашей теплой компании, лучший на этом острове убийца человеков, то у меня для тебя всего два условия — полная откровенность, и медикаментозное избавление от возможности принимать алкоголя и вещества. Иначе ты мне не нужен. Тем более, что без имплантов, которые у тебя наверняка удалили перед увольнением ты ничего не стоишь…

Во время этих моих слов Патрик вдруг неуловимо дернулся, а я почувствовал дуновение воздуха рядом. Позади меня раздался сдвоенный плотный звук удара, а рыжий ирландец вновь сидел за столом как ни в чем не бывало. Даже не обращая внимания на костяной клинок подскочившего Чумбы у собственной шеи.

— Kur-r-rwa… Ja pierdolę! — по-польски выразился Войцех, сообщив что он крайне удивлен произошедшем.

Сказал Войцех это, кстати, совершенно спокойно. Просто матерное выражения — которые я обычно от него практически никогда не слышал, он применил для эмоциональной убедительности демонстрации своего удивления.

Я между тем обернулся и увидел на стене покосившийся портрет Оламайда Джонсона, бывшего президента протектората Танганьика.

Ремонт в доме до этой комнаты еще не дошел, а до портрета, чтобы снять, не дошли руки. Но, конечно, самым интересным в увиденном было то, что в каждом глазу бывшего президента Танганьики торчало по метательному ножу.

— Эй, а ты вообще из какого места их достал? — поинтересовался Войцех.

Патрик отвечать не стал. Он снова пребывал в трансе, глядя в одному ему видимую точку на столешнице. Вновь погружаясь в раскачку равномерных движений, которые все больше и больше напоминали мне танец Элимелеха.

Чумба чуть надавил костяным клинком, так что на коже ирландца появилось несколько капель крови. Бурбон на меня смотрел вопросительно — одно движение, и не станет Патрика в этом мире.

Может быть, это было бы рациональным и правильным выбором. Но где я, и где рациональный, а тем более правильный выбор?

Сделав короткий жест, я показал Чумбе убрать меч. Бурбон, оскалившись — так что стал виден ровный ряд острых зубов, недовольно прорычал что-то, но меч спрятал и отошел. Я же обратился к Патрику.

— Сегодня еще остаешься здесь. Не хочу рисковать своим социальным рейтингом, а назначенный трехдневный срок моего контроля за тобой еще не вышел, — произнес я, как будто ничего не случилось. — Если попробуешь покинуть здание, восприму это как личное оскорбление. Завтра утром скажешь мне о своем решении. Все, свободен.

Патрик кивнул, и ни слова не говоря поднялся из-за стола и направился к выходу из комнаты.

— Эй! — остановил его Войцех, показывая на портрет президента Джонсона. — Ты кое-что забыл.

Патрик также молча подошел к стене, и один за другим вытащил оба ножа. После, обернувшись ко мне, поднял правую руку и отогнул кисть максимально назад — демонстрируя карман в коже, на запястье, куда один за другим и убрал ножи.

— Illegal? — поинтересовался Войцех.

Патрик все также кивнул и направился в отведенную ему комнату, где лежал под капельницей все два дня до этого момента. Приходя в себя из того состояния, в которое сам же себя и загнал.

Войцех между тем внимательно смотрел на меня.

— Что? — поинтересовался я.

— Он хорош.

— Раз за него.

— Он реально хорош. Я даже не видел момента броска.

— Чумба? — повернулся я к бурбону.

— Чумба видел, — хрипло произнес мутант, который человеческую речь уже вполне освоил. — Чумба видел, Чумба контроль.

Не скрою, услышал я это с облегчением.

— Да будь он хоть самый лучший воин на земле, мне по барабану, — повернулся я к Войцеху. — Мне нужны управляемые люди, а не таинственное чудилище, которое присев на бутылку превращается в слюнявое растение. Ты бы видел его в аэропорту — его любой ханыга легко бы запинал. Пусть он хоть четыреждылучший, но синьке проигрывает в одну калитку.

Войцех только плечами пожал — явно со мной не соглашаясь, но спорить не стал. На этом разговор об ирландце был закончен, и мы перешли к рутине района, живущего вне закона.

Но прежде Войцех достал ассистант, и показал мне сообщение. С почты, которая была частью списка адресов для связи с Доминикой. Письмо было неоткрыто — потому что информация исчезала через три секунды после открытия. И Войцех определенно ждал меня, чтобы я это прочитал.

Само сообщение оказалось весьма коротким: «La Terrazza, 21:45, Luciano».

Прочитав, я рассмеялся.

Да, Доминика сеньора серьезная. Такой руку протянешь, чтобы помогла подняться, так она дернет так, что руку вырвет вместе с позвоночником. И помощь с машиной от нее, как понимаю, прошла отнюдь не жестом доброй воли — за все надо платить. В данном случае за машину нужно заплатить сегодня в 21:45.

Я в этом просто уверен — потому что «La Terrazza» — это ресторан в Джанктауне, расположенной на крыше одной из высоток и знаменитый своей выдающейся над краем выносной террасой. Заведение, в котором соблюдается приватность частной жизни — на всем этаже нет ни одной следящей камеры.

— Так, ладно. Позже с этим, давай пока по плану, —

обернулся я к Войцеху. Который принялся за доклад о текущих делах.

Первой новостью шла хорошая. Войцех, пока я был в башне Некромикона, подтвердил своему «другу» Вальдушу согласие стать десницей Господа для воцарения справедливости в деле убийства патрульных. И подтвердив наше согласие, запросил данные, которые могли бы нам помочь. И — о чудо, тут же получил схему пневматических туннелей для сбора мусора, которые были прямо под нами.

Как оказалось, во время постройки завода сеть мусоросборных туннелей была по «Солнечному», который на тот момент еще не превратился в Полигон, проложена. Не на все сто процентов, но процесс завершения работы к этому значению приближался.

Предполагаю, что сделано это было в то время, пока шли переговоры с инвесторами о продаже земли. Ведь мусороперерабатывающий завод выглядит вполне благопристойно, и район радом с ним наверняка должен был выглядеть также. Но еще предполагаю, что когда сделка выходила на финишную прямую, потерявшие немалые деньги инвесторы ее заблокировали.

В результате район оказался в подвешенном состоянии, принадлежа частным владельцам, которые на острове авторитета больше не имели. Завод был построен, а вот район рядом с ним превратился в свалку.

Мне бы кстати узнать, кто именно владеет недостроенным Солнечным и землей, и кто потерял на этом проекте денег. Узнать, конечно, персоналии — наименование оффшорных контор, на которых все зарегистрировано, я уже давно знал и так от дядюшки Абрама.

Сделав в памяти об этом пометку, я переключился на сам план мусоросборных туннелей — из которых часть подходила для перемещения. И благодаря этому фронт работ по прокладке пути к возможности нелегального выхода в благополучные районы уменьшался намного. А это значит, что вопрос попадания в подземный гараж транспортного ангара может быть решен в ближайшие сутки. Другое дело, что в самом транспортном ангаре нужно обойти системы охраны. Подходящего специалиста — такого как Элимелех или Накамура у меня нет, так что действовать придется по старинке — банальным подкупом, находя подход к конкретным лицам из ответственного персонала.

Ошибаться, правда, в этом деле нельзя.

Подумав немного, я попросил Войцеха найти список нужных нам сотрудников. Или через Вальдуша, или с помощью дядюшки

Абрама. Мусороперерабатывающих завод — стратегическое предприятие, и личные дела сотрудников, тем более связанных с безопасностью, защищены. Но. На цистернах гнилых камер эмблема фиалки, а вот на ангарах, где стоит городской транспорт — эмблемы муниципального транспортного предприятия. Так что есть вариант, что его сотрудники даже в Джанктауне живут. И если так, это значительно упрощает дело — значит, ответственные лица совсем рядом с нами, только руку протяни. А если есть деньги, и возможность их предложить — нет такой защиты, которую нельзя обойти.

Золото открывает любые двери. Золото и доброе слово.

Следующим вопросом было положение дел в районе. По мере работы Васи с местными на карте Полигона уже вырисовывалась информация о дилерах, точках продаж и сбора мусора. Не думаю, что здесь все, но основное есть. Теперь только ждать понедельника, когда я анонсировал жизнь района по новым правилам, а после уже действовать по ситуации.

После того, как обсудили основные вопросы, вернулись к сообщению Доминики, предметно обсудив и его. После этого времени до вечера оставалось еще достаточно.

Рисковать с призывом стихии, хотя и очень хотелось, я не стал. И решил заняться покупкой машины. Но так как вопрос до этого плотно не прорабатывал, столкнулся с проблемой. Как оказалось, подобную машину дистанционно приобрести не было возможности — нужно самому ехать.

Ну хоть адреса салонов продаж в Сети были. В ближайший, расположенный в районе Мкокотони, я и собрался. Для чего пришлось вызывать дядюшку Абрама — мне ведь нужно было заехать получить разрешение на колеса на физическом носителе.

С собой взял еще Василия — предполагаю, что настанет вскоре момент, когда физически сам не смогу все делать. Прошло всего несколько дней, но я уже вынужден поручать и Васе, и Геку совсем не малозначимые дела, а довольно серьезные вопросы. И предчувствие у меня такое, что скоро во многих ключевых моментах мне придется полагаться на них обоих и вовсе без контроля. Так что сейчас стараюсь привлекать и Гека, и Васю по максимуму в своих делах.

Но прежде, чем ехать в Мкокотони в салон, заехали в местный муниципалитет — получить разрешение на колеса на физическом носителе. Мы с Василием оба были в куртках городских охотников, в коридорах на нас оглядывались. Но без страха и удивления — наоборот, меня даже на кофе приглашали, симпатичная дева из отдела регистрации автотранспорта.

Причем приглашала, прозрачно намекая не только

перспективу кофе. Приглашение проигнорировал, сделав вид что не понял, карточку физического носителя «сертификата конечного пользователя» получил, здание как можно быстрее покинул.

Формальности убили довольно много времени, да и сам салон нашли не сразу. Застройка района Мкокотони была совершенно непривычной; в соседнем Джанктауне, несмотря даже на африканский колорит, я чувствовал себя как дома. Потому что Джанктаун был типичным районом для любого протектората в любой части планеты.

Джанктаун был типичным районом для протектората, но не для города-острова Занзибара. Здесь, учитывая особый путь автономного дистрикта, средний класс граждан по большей части селился в «блоках» — монструозных комплексах на тысячи квартир и десятки тысяч индивидуальных сот-капсул. И существовал каждый такой блок практически автономно, вещью в себе.

Салон по продаже машин находился в подземном гараже одного из таких блоков — называющемся Мкокотони-3. Всего в районе было семь таких блоков, но с нумерацией почему-то до восьми — Мкокотони-4 на карте я не нашел.

И не только с этим были сложности — въезд в подземный гараж, где находился салон продаж автомобилей, мы даже с навигатором нашли не сразу. Пока нарезали круги поиска вокруг огромного овального здания, напоминающий знаменитый форт Байярд — только намного крупнее и монструознее, дядюшка Абрам бормотал себе под нос что-то на идише, и был весьма раздражен.

Наконец, разобравшись в хитросплетениях подъездных путей, мы оказались на втором уровне подземного гаража — попасть в который, как в сердцах сказал дядюшка Абрам, в здравом уме и без бутылки просто нереально.

Личных машин здесь стояло мало — в основном уровень был разделен на отсеки, в большинстве перегороженные либо железными решетками, либо глухими роллетами. Ни вывесок, ни витрин вокруг не было, только аляповатые и не всегда умелые граффити. И совсем простые рисунки — не отличающемся новизной и оригинальностью еще со времен пещерной живописи.

Навигатор вскоре все же привел нас к отсеку подземного гаража, часть которого была отделена металлической рифленой стеной. В которой угадывались контуры ворот, и красным поблескивала коробка домофона.

Звонить пришлось довольно долго. Никто не реагировал, после чего я постучал по рифленому железу ворот ногой и на

русском сообщил, что вежливость моя заканчивается, и я сейчас внутрь вместе с воротами заеду. Моментально сработало — мне наконец недовольно ответили. Я продемонстрировал оку камеры полученный в администрации пластиковый прямоугольник «сертификата конечного пользования», код с которого считали дистанционно, через око камеры.

И только после этого, опять после долгого — почти минутного ожидания, нещадно скрипя петлями и скрежетая по полу, калитка в воротах наконец открылась. Открывший дверь экспонат в промасленном комбинезоне даже не удостоил меня взглядом — развернувшись, он двинулся в сторону бокса, в распахнутых воротах которого виднелись частично занятые подъемники.

— Какие вы здесь все… невежливые, — проводил я взглядом механика, который даже и не подумал обернуться на мои слова.

Глянув над плечом уходящего механика, осмотрев ремонтный бокс, я вдруг догадался, в чем причина местной неприветливости. Машину ведь обслуживать нужно; а учитывая специфику машин, которые не попадают под око вездесущей системы наблюдения, явно что обслуживают их люди с законом находящиеся отнюдь не в прямых и доверительных отношениях. И просто так здесь точно с парнями не договоришься. Чтобы получить хоть чуть-чуть доверительное отношение, нужно через знакомых заходить — а я ведь даже не попытался никого предупредить о своей визите. И, самое главное — я ведь в активных очках от RODZ сейчас, что пишут всю мою деятельность.

В принципе, вопрос решаем. Даже прямо сейчас — можно снять очки и пойти к механикам, выводя их на «ровную» беседу. Но… после того, как я долбился в дверь, у меня внутри засело раздражение от такого отношения. Так что ровной беседы не получится, а конфликт мне не нужен.

К тому же вопрос, решаем в перспективе — найти ходы выходы к местным умельцам может или Войцех, который может запросить «репутационную визитку» у своей польской мафии, или дядюшка Абрам по своим каналам, или даже Доминика. Но к ней обращаться — довольно дорого стоит, так что лучше сначала через своих попробую.

Попробую, но не сегодня. Или даже вовсе можно будет у себя на Полигоне автосервис организовать — мелькнула у меня вдруг мысль. Сильно я все же расстроился от невежливости хозяев, которые так долго дверь мне не открывали.

Еще раз посмотрев в сторону ремонтного бокса, из которого словно невзначай вышло по неотложным делам — таким, как скамейку протереть, несколько мастеров, я даже подходить туда

не стал.

Думаю, сейчас вообще контакт с ними налаживать не буду. Успеется. И скользнув безучастным взглядом по выбравшимся из бокса на перекур мастерам, двинулся к площадкам с автомобилями. Их было две — одна, дальняя, с машинами премиум класса, среди которых я увидел узнаваемый и блестящий хромом Олдсмобиль 88-й серии (раритет, 1954 года), несколько гораздо более современных красных Феррари разных моделей и годов, Ламборгини, Форд Мустанг 68-го года, и внешне похожий на него «Inseguimento» от Альфа Ромео — точь-в-точь как у Валеры, кстати, только не серый металлик, а красный с белой крышей.

Вздохнув, взгляд от дальней стоянки я отвел. Мне нужны машины попроще — внедорожники, которые стояли на ближней стоянке. Туда и пошел, на маслкары и спорткары даже не заглядываясь. Что себя расстраивать, если все равно не куплю?

Продавца или консультанта на стоянке не было, но в нем не было и необходимости. В дополненной реальности информация о каждой машине мне и так была доступна, с указанием не только пробега, но и полной карточки технического состояния и ресурса. Да, эксперт с опытом и толщинометром тут определенно не нужен — хмыкнул я.

На площадке внедорожников машины были выставлены в два ряда — всего двадцать единиц техники. Десять слева — знакомые уже Дефендеры, все в стандартной для австралийской армии окраске, с приметным силуэтом кенгуру. Практически одинаковые, даже обвесом серьезно не отличающиеся — видимо, из одной части приехали.

Десять машин справа были сборной солянкой. Первыми стояли два близнеца — два Лэнд Ровер Перенти. Знаменитая «ящерица» — с тремя осями и колесной формулой 6х6. Оба песчаного цвета, оба без крыши — с дугами для тента.

Кому здесь такие звери — по проходимости, по размеру и по аппетиту нужны, я даже не знаю. Мимо шестиколесных монстров прошел, осмотрев их просто из интереса — впервые подобные вживую видел. Перенти за счет размеров выдавались вперед, так что дальше стоящие машины из-за них видно было плохо.

Зато сейчас, как прошел мимо, открылся весь ассортимент. Рядом со мной стояло сразу три компактных внедорожника — три старичка Сузуки Самурая. Старички потому, что еще до девяностого года выпущены — 1988, 1987, 1989 — посмотрел я года выпуска. Простые и неприхотливые машинки, с большими круглыми фарами. Два с крышей, оба красного цвета (пожарная охрана что ли?), один уже тронут рукой человека пляжного — у

машины окрас кислотно-яркий, да и сам вид стильный, модный, молодежный.

На японские внедорожники глянул мельком и без особых эмоций. Просто взглядом мазнул, потому что следующей стояла машина, мимо которой — учитывая жизнь в старой России в конце девяностых, спокойно пройти не смог. На остальные — а это была пара итальянских внедорожников, один лупоглазый рено, и широкая армейская Тойота без дверей, даже внимания обращать не стал. Потому что смотрел сейчас на короткобазный армейский гелендваген в кузове W461. Из той самой серии «квадратиш-практиш-гут». Еще и в черный цвет покрашенный — мне, для Полигона, самое то.

Даже в простой комплектации и на штампованных дисках армейский Гелик, всего лишь покрашенный в черный цвет, выглядел внушительно и авторитетно, но при этом довольно сдержанно. Что мне и нужно. Остальные машины — или аляповато яркие, либо же рабочие лошадки. А на этом агрегате хоть прямо сейчас можно и на разборки в Джанктаун кататься к уважаемым людям, и даже к пафосному клубу в центре острова подкатить.

Потянув с периферии зрения дополненной реальности информацию о машине, я присмотрелся. 1995 год, пробег 375 677, двигатель три с половиной литра, дальше шел список проведённых предпродажных работ технического обслуживания, с полным списком замененных расходников, и оставшийся пробег до следующего планового ТО — 9789 км.

Цена: ₭63 000

Шестьдесят три тысячи кредитов — охренеть не встать. Такому шушпанцеру, если в России, пятнадцать тысяч цена, а в Европе максимум, причем наглый максимум — это двенадцать. Но торга нет и не будет, машины продает администрация дистрикта Занзибар (механики тут на контракте обслуживания), так что возмущение могу свое только в ООН и спортлото отправить, в ответ получив лишь сочувствие, и то негарантированное.

Тем более что по другим машинам наценка такая же варварская. Но они и дешевле, правда, пусть и с наценкой. Тот же Самурай, который Васе понравился, почти вдвое меньше стоит.

— Нормальный агрегат, как тебе? — похлопал я по крылу Гелика, обернувшись к Васе.

Василия же чудо немецкого автопрома оставило совершенно равнодушным. Он, глядя как кот на сметану, не отрывал взгляда от яркого Сузуки. Небольшой угловатый внедорожник определенно привлек его внимание. Что неудивительно: ярко-

зеленая кислотная раскраска, блестящие литые диски, хромированные дуги, высокие зубастые колеса — в общем, машинка блеск, чтобы девчонок по пляжу возить. Хотя… Я вдруг подумал о том, что даму он себе выбрал необъятную, а вот машину хочет такую, что его дама сердца по ширине бедер и рядом лежащих окружностей в дверь не пройдет. Если только в заднюю грузить. Ну да ладно, о вкусах не спорят.

— Нравится? — поинтересовался я.

— Да, — только и кивнул Василий. Проследив его взгляд, я понял, что сейчас он смотрит конкретно на надпись «SAMURAI» на радиаторной решетке.

Тут я вспомнил, как впервые — в аэропорту, назвал Васю самураем. И как пару раз слышал, как самураем его местные на Полигоне называют. Понравился позывной, надо же.

— В следующий раз, Василий. Если будешь себя хорошо вести.

Ободрив таким образом Василия, я подошел к Гелендвагену, открыл дверь и залез на водительское место.

Отлично. Руль заменен — стоит современный мультируль от гражданской версии, сиденья из темно-зеленого кожзама, педали большие — не промахнешься даже в измазанных грязью армейских ботинках. Дополнительной электроники никакой — только проем под стандартный блок от RODZ, в который для поездки по идее, нужно свой АйДи вставлять. Но мне не нужно. У меня уже, благодаря Доминики, статус внештатного сотрудника Некромикона — и со своим чехлом для очков, который блокирует сигналы слежения, я могу блок в машину не ставить. А вот подстаканник, который стоит вместо блока RODZ (как насмешка) будет очень кстати.

Еще раз осмотрев приборную панель, я завел Гелендваген. Едва повернув ключ, решился, задавив жабу — беру. И пока двигатель мягко рокотал, провел оплату в муниципалитет с помощью своего АйДи.

— Эй… Самурай! — окликнул я все еще пускающего слюни на яркий Судзуки Василия. — Иди ворота открывай. Давай, давай! Таков путь, — негромко поторопил я Васю, показывая ему в сторону ворот.

Василий наконец отвлекся от понравившейся машины и быстрым шагом отправился к выходу с территории. Разобравшись с металлическими задвижками, с громким скрежетом он открыл чуть покосившиеся ворота из тонкого листового железа. При этом собравшиеся у бокса механики отсутствию моего к ним внимания явно удивились. Я в зеркало видел удивленные взгляды, когда подъехал к воротам подбирать Василия.

Пусть удивляются. Сегодня Гелик точно не сломается, ресурс зеленый, бак полный, пепельница пустая, по колесам ногой постучал. А вечером, я надеюсь, если в Террасе все будет хорошо, репутацию в обществе я немного прокачаю. И можно будет вновь заехать к столь неприветливым в общении господам, уже в ином статусе. Или вообще другой сервис найти — подсказало угнездившееся внутри раздражение. Не люблю, когда меня ставят в неловкое положение просто потому, что… просто потому, что ставят, даже не объяснить самому себе это показательное небрежение местных механиков. Просто потому, что могут.

— Э-эй, не холодильник закрываешь! — отвлекшись от раздраженных мыслей, машинально высказал я Василию, который залезая в машину громко хлопнул дверью.

Вася заметно смутился — причем с его белым черепом на лице смущенное выражение выглядело довольно колоритно. А я, проезжая ворота, открыл окно и махнул дядюшке Абраму ехать первым, показывая дорогу к выходу из этих катакомб.

До Полигона добрался уже сам, следуя стрелкам навигатора в дополненной реальности очков. Когда парковался, вокруг — на удалении, собралась целая толпа. Местные обитатели — и дети, и взрослые, ошарашенно глазели на прибывшее на Полигон чудо техники. Подобных тут отродясь не видели.

Оставив машину на всеобщее обозрение, я пошел к себе, вызывая Войцеха. Кратко посовещались насчет вечера — кратко потому, что вводных мало и действовать по обстановке придется, а потом я немного поспал.

Заснул быстро. Проснулся в 19:59 — за минуту до звонка будильника.

Пора было подготовиться и навестить Лучано «В-Порядке». Который сейчас сам вероятно собирается ехать в Террасу и…

«И не знает, что его глобальная проблема в это время принимает душ, чтобы выдвинуться к нему на черном Гелендвагене» — с гнусавыми интонациями знаменитого в 90-е детского сказочника Павла Яцыны подсказал мне внутренний голос.

Одевшись, взял с собой проверенный Глок, убрав его в скрытую кобуру куртки на спине. В ножнах на бедре устроился скаутский нож, формой напоминающий знаменитый НР-40, нож разведчика.

Не думаю, что смогу пройти в Террасу с оружием, но проблем не вижу — в крайнем случае попросят оставить в камере хранения. А попытка не пытка, тем более что место своеобразное, полицию там вызывать в таком случае точно никто не станет. Ла Терраса — ресторан, свободный от ока средств объективного

контроля личной деятельности, и находящийся на территории семьи Романо.

Как кратко рассказал мне Войцех, в Террасе собирается самая элитная публика не только Джанктауна и Кигунгули. Кроме местных уважаемых людей там можно встретить даже чиновников из более благополучных районов, а также восходящих звездочек и персонажей местной островной богемы. В ресторане царит демократия — за одним столом можно увидеть сотрудницу администрации и элитную проститутку, работника правоохранительных органов (невысокого, как правило среднего ранга) и члена уличной банды (наоборот из верхушки иерархии).

В общем, «La Terrazza» — это своеобразное место, где обеспеченные, но скованные рамками норм и правил социального рейтинга могут отдохнуть душой и телом. Наличие двух нижних этажей с зонами отдыха располагает. А присутствие в ресторане прослойки из откровенно криминальной тусовки только добавляет перчика времяпрепровождению. Такая по итогу «Яма», как в Высоком Граде, только для избранной и элитной публики — сделал я для себя вывод.

Еще днем мы с Войцехом решили, что дело определенно опасное, и со мной поедут сразу трое — сам Войцех, Василий и Чумба. Все трое уже ждали меня у машины. Вася и Войцех, как и я, в экипировке городских охотников с эмблемой белого демона на спине, Чумба в черном плаще. Куртка ему не подходила — костяные гребни цеплялись.

База, конечно, оставалась без присмотра — кроме системы охраны. Да и Патрик здесь, тоже черт знает, что от него ждать. Но мне сейчас как в покерном турнире — раз за разом нужно принимать рискованные решения, это не неторопливая игра за столом. И надеюсь, сегодня решение я принял правильное и риск в серьезные потери не выльется.

До Джанктауна, до высотки, где находился ресторан Терраса, доехали по серым, не просматриваемыми камерами переулкам. Улица же рядом со зданием камерами не просматривалась вполне официально — частная территория. К одной из стен, с внешней стороны, была пристроена шахта лифта, который поднимал только на двадцать пятый этаж — сразу в ресторан.

Парковка со стороны лифта полнилась машинами. Но серебряная сувенирная монета, щелчком выкинутая в окно, помогла решить вопрос. Одна из выносных клумб моментально была отодвинута расторопным парнишкой на тротуар, и я заехал на освободившееся место.

Выпрыгнул из машины, убирая ключ в карман, и поморщился от громкого хлопка.

— Вася… — протянул я угрожающе.

— Босс, я не специально, — не на шутку испугался Василий, который снова, забывшись, хлопнул дверью так, словно от силы удара его жизнь и благополучие зависели.

Я ожег Василия взглядом, и обойдя машину, направился ко входу. Войцех шел рядом, Чумба держался за правым плечом, а Василий замыкал процессию, не решаясь попадаться мне на глаза.

У площадки перед лифтом расположились парни из охраны. Серьезные ребята, с татуировками старой школы — обычные синие и черные партаки, а не яркие картинки, переливающиеся живым цветом. Выглядели охранники внушительно, но вряд ли кроме базовых «спортивных» усилений у обоих что-то есть. Но для случайной шпаны или буйных гостей определенно хватит.

— Бронь на имя Драго Младича, — шагнул вперед Войцех.

Со стороны главного на фейсконтроле последовал вежливый жест, и охранники разошлись, открывая нам дорогу к лифту. Надо же — даже обыскивать не стали.

Интересно вечер начинается. Кивнув охране, я первым направился в сторону лифта. Ехали довольно долго — двадцать пятый этаж, лифт не скоростной.

Наверху все выглядело так, как будто мы и не в желтом районе города, а в благополучной зоне: зелень растений, белоснежные скатерти на столах, живая музыка на сцене. Из антуража выбивались только некоторые гости — среди вполне обычных костюмов и вечерних платьев (иногда ну очень смелых) тот тут, то там виднелись куртки городских охотников с эмблемами разных группировок.

— Добрый день, у вас забронировано? — приятным голосом поинтересовалась девушка-администратор, появившаяся перед нами, едва мы покинули лифт.

— Бронь на имя Драго Младича, — повторил Войцех, который теперь держался чуть впереди меня.

Сверившись с планшетом, девушка увидела имя, коротко глянула на экран, потом на меня, потом снова на экран и лучезарно улыбнулась.

— Прошу за мной.

Невольно наблюдая за бедрами провожатой, обтянутыми тугой тканью блестящего зеленого платья, прошел через весь зал. Нас провожали взглядами — четверо незнакомцев, с эмблемами в виде белого демона на спине, внимание определенно привлекали. Нас еще никто не знал, но такие люди в таких местах просто не появляются случайно. Поэтому на нас смотрели, даже разговоры стихали, превращаясь в негромкие перешептывания.

Я же, настороженно и напряженно впитывающий ситуацию,

вдруг расслабился. Потому что за одним из столов — по правую руку от предназначенного для нас, я увидел уже знакомого бульдога — телохранителя Доминики. Бульдог восседал во главе стола, ломившегося от яств, и явно что-то отмечал. Как раз сейчас один из гостей произносил тост, и судя по мимике и жестикуляции — тост хвалебный, обращенный именно к телохранителю Доминики. Который сидел обманчиво расслабленно, с красным лицом и блестящими от жира губами — перед ним была тарелка с запеченной и частично съеденной птицей. Утка, надо же — обратил я внимание на характерную, более вытянутую от привычной куриной форму тушки.

Усаживаясь за наш стол, Лучано я так и не увидел. Но искать пока не собирался: 21:45 еще далеко не наступило, время есть перекусить, раз уж возможность появилась.

Когда Чумба после моего кивка опустил капюшон, внимание к нам возникло и вовсе нешуточное. Все же бурбон выглядел весьма внушительно — так, что вышколенный официант даже, я это видел, подходил к нашему столу с некоторой опаской.

Невозмутимо открыв предложенное меню (классическое, на бумаге), решил себя побаловать — живя на Полигоне, как-то учишься ценить прелести натуральных продуктов. Оценив предложение, принял решение сегодня приобщиться к морским гадам, и заказал десяток устриц, соте из мидий и монголе в белом вине, жареных на гриле креветок, севиче из тунца и домашний лимонад.

— Чумба, ты что будешь? — обратился я к мутанту.

Тот лишь неопределенно плечами пожал.

— Мясо, — обратился я к явно волнующемуся официанту. — Неси самый большой стейк… даже два. Минимальная степень прожарки.

— Blue rare?

— Да можете вообще не жарить, — махнул я рукой, переглянувшись с Чумбой. — Так даже будет лучше. Просто сырые куски несите, соль специи отдельно, и приборы не забудьте.

— Так, мне… — это Войцех вмешался, который чувствовал себя как дома. — Тар-тар из тунца с авокадо, суп с морепродуктами, утиную ногу с бататом, и салат вот этот, с кальмаром. И два мохито безалкогольных, один сразу, один после.

— Вам? — обернулся официант к Василию.

— Эм… эм, — замялся тот. — Мне это, это, и вот это, — показал он на картинки в меню.

Я же в этот момент словно взглядом споткнулся. Потому что

на пальце у Васи увидел массивное золотое кольцо, с белой эмблемой демона на черной печатке. Хм, Василий знает толк в выражении внешнего лоска — подумал я. И с успехом выполняет указание становиться моей правой рукой на улицах Полигона — я сам до такого просто выраженного символа власти даже не додумался.

— По родной кухне решил ударить? — негромко хмыкнул между тем Войцех, комментируя заказ Василия — потому что выбрал он сплошь блюда из раздела африканской кухни.

— Да, — коротко ответил Василий.

Эмоций я на его лице не увидел, но побелевшие костяшки заметил. Вопрос для Василия больной — прибыл он в Европу из Африки все же в несознательном возрасте, и не по хорошей дороге.

— Вася… — обратился к нему, и жестом остановил официанта. Который видом не показывал, но определенно торопился поскорее уйти подальше от Чумбы.

— Вась, видишь тут в описании написано, что акулу готовят в перце. Вернее, перец готовят с мясом акулы. Ты же не любишь острое, тебе не понравится.

Вася после моих слов замялся. Не знаю почему, но он очень хотел съесть акулу. Официант тоже замялся, не зная, что сказать — его и близкое присутствие Чумбы явно смущало, и мне поперек лезть с комментариями не хотел.

— Вась, мясо акулы имеет… мягко сказать, довольно специфический аромат. Если его не вымачивать в уксусе, или без большой дозы специй, его могут только исландцы или норвежцы есть, обычному человеку это удовольствие не удовольствие. Не нужна тебе такая рыба, поверь мне на слово, брат, — дал я ему дельный совет.

Вася, судя по взгляду, мне верил, но не верил. Или уж очень сильно хотел сожрать акулу.

— Вась, у акулы нет мочевыделительной системы. И если мясо не нагрузить специями, оно отчетливо пахнет ссаниной, — коротко и простыми словами разъяснил Василию Войцех. — Нужен тебе такой деликатес?

— Окей, босс, акула отменяется, — тут же отказался от идеи Василий.

— И суп уроджо я бы на твоем месте тоже заказывать не стал. Возьми лучше вон… хочешь акулы, возьми суп из плавников. Или карбонару возьми, вообще беспроигрышный вариант, неумирающая классика. Или вон даже лобстера… — пролистал я несколько страниц.

— Окей, босс, — покивал Вася. — Мне это, это, и это, —

вновь потыкал он в меню, уже выбрав более нейтральные блюда. В том числе и лобстера в «живом» исполнении.

Приняв заказ, официант удалился, по моей просьбе оставив меню для Василия — очень уж тому интересно было рассматривать такие непривычные яркие журнальные картинки.

На нас, кстати, смотрели с интересом не меньшим. Появление Чумбы вызвало молчаливый фурор — в том числе за такими эмоциями и зрелищами сюда приходила публика из близкого к высокому обществу. А это ведь еще Лучано не пришел — хмыкнул я, замечая многочисленные заинтересованные взгляды.

— А что с уроджо не так? — отвлекая, поинтересовался у меня Войцех.

— Это кокосовое молоко, куда по оригинальному рецепту кидают все что на кухне есть, а по факту, предполагаю, готовят из обрезков и умирающих по сроку остатков. Идея солянки, но реализовано по принципу, как делают «блюдо дня от шефа» в некоторых местах.

— А, понял, — сразу просек аналогию Войцех.

Наш заказ — несмотря на почти полный зал, начали носить без особой задержки. И мы, пока ожидали назначенного времени, вкусно поели. Креветки меня впечатлили, соте могло быть и не таким водянистым, севиче из тунца расстроило, а вот устрицы — новозеландские, порадовали.

Лучано я увидел, уже именно доедая устрицы — которые почему-то несли дольше всего. Не узнать его было сложно — невысокий жилистый крепыш, в черном пиджаке и белоснежной майке, поверх которой блестела золотом цепь. Пришел он в сопровождении двух длинноногих девиц (обе выше его на голову), внешность которых была скорректирована по последней моде. По самой последней — хорошо видно, потому что прозрачные, с перламутровым блеском платья никаких тайн в телосложении спутниц Лучано не оставляли. А именно такая форма груди только-только начала входить в моду в Европе, я уж в этом разбираюсь. Из круга самого высшего света, так сказать, сюда прибыл.

Отодвинув в сторону тарелку со льдом, где еще недавно обитали устрицы, а сейчас остались только раковины, я тщательно вытирал руки салфеткой. За Лучано наблюдал не таясь, прямым взглядом — но он не реагировал. Привык, наверное, что за ним тут пристально наблюдают, и опасности не чувствовал. Он сейчас оказался совсем рядом со мной — как раз приблизился к столу, за которым сидел телохранитель Доминики.

Лучано определенно пришел сюда по приглашению на

праздник — это было видно по мимике, уверенной жестикуляции, походке. Но «бульдог» Лучано за стол даже не пригласил. Наоборот, в ответ на его радушные приветствия телохранитель Доминики удивленно развел руками. Показывая, что Лучано видеть в общем-то рад, но мест за столом для него нет, а само появление — неожиданность.

Вот оно — понял я, наблюдая происходящее. Срежиссированное представление, в котором каждый из нас — если брать Бульдога, Лучано и меня, играет свою роль. Причем если Бульдог и Лучано играют роли заранее им отведенные, то для меня Доминикой уготована импровизация.

Ну, раз дама хочет импровизации, не буду ее расстраивать — подумал я с некоторым, оставшимся еще после визита в автосервис раздражением.

Беседа рядом между тем набирала обороты — с усиливающейся со стороны Лучано жестикуляцией. Его девушки-спутницы сохраняли бесстрастные мины, но я заметил, как они — через голову невысокого крепыша, коротко и с тенью беспокойства переглянулись. И кстати, как я понял, обе девушки предполагались подарком от Лучано для Бульдога.

Говорили они на итальянском, но происходящее я понимал без труда. Очень уж говорящая у обоих была мимика — тем более оба итальянцы, а итальянцы без активной жестикуляции на серьезные темы не разговаривают в принципе.

Пока Бульдог с Лучано общались, я понял, что именно сейчас буду делать. Мне, если честно, не очень понравилось то, как Доминика решила втемную использовать меня для устранения Лучано. Надеюсь, что после того, как я сейчас исполню свою импровизацию, впредь она хорошо подумает, прежде чем требовать от меня каких-либо действий. Тем более без уточнения задачи.

Приняв решение, я жестом заставив Васю замереть. После наклонился через стол и снял с его пальца перстень с черно-белой печаткой в виде демона. Бульдог между тем смотрел на Лучано с показательным недоумением, тот слегка растерялся, девушки явно напряглись, гости за столом Бульдога демонстрировали самый разный спектр чувств, и по итогу возникла молчаливая пауза.

— Работаем, — коротко произнес я, обращаясь ко своим. И убрав перстень в карман, скомкал все еще находящуюся в руках салфетку и отбросил ее резким движением. И обернувшись к столу Бульдога, коротко и громко свистнул, привлекая внимание.

Как раз выдался идеальный момент — певица на сцене только закончила петь, музыка смолкла; лишь лязгали приборы о

посуду, стоял негромкий гул голосов, только-только начинали наигрывать новую мелодию музыканты.

— Эй, Лучано, — резко произнес я, и когда неподалеку стоящий крепыш обернулся на мой свист: — Сюда иди!

В помещении моментально воцарилась полная тишина. Один из скрипачей даже вздрогнул от удивления, так что зарождающаяся мелодия оборвалась резким скрипом сорвавшегося со струны смычка. Две секунды тишины в воцарившейся атмосфере прочувствовал каждый. И нарушил безмолвие снова я.

— Какой же ты долгий, — разочарованно выдохнул я на русском, поднимаясь из-за стола и делая шаг к Лучано. Тот улыбался — воспринимал происходящее как смешную шутку. До того момента, как не узнал меня. Мгновение ему потребовалось, чтобы оттолкнуть спутниц, но время он безнадежно потерял — да, к кобуре даже потянулся, но не успел.

Стремительным рывком я оказался вплотную к нему, головой расплющив Лучано нос. И тут же выхватил из его руки пистолет, который он все же успел достать — и подбросил оружие высоко к потолку. Практически одновременно подсек дезориентированному крепышу ноги, и подправил его полет — так что он с чмокающим звуком приземлился лицом в пол. Как раз в этот момент сверху прилетел подброшенный мной пистолет, который я поймал и перехватил как топорик. Несколько ударов сверху вниз, прямо в руки Лучано, которыми он закрывал голову. Пистолет я почти сразу отбросил под наш стол, и выпрямившись, добавил каблуком уже бесчувственному крепышу по затылку.

Мои спутники тоже на месте не оставались. Чумба, сбросивший плащ, уже стоял на скамейке — из его рук демонстративно торчали иззубренные мечи, а костяной гребень опасно поднялся. Войцех держал в руках сразу два ТМГ Штейр, причем делал это своеобразно. Как при стрельбе по-сомалийски — развернув оружие боком, при этом подняв руки на уровень плеч, словно крылья. В обычной ситуации хват больше пафосный, чем полезный, но любому понимающему человеку было видно, что Войцех на стимуляторах и нагружен имплантами. И если начнет стрелять, это будет пальба отнюдь не в белый свет.

Причем ни в кого из присутствующих он не целился, чтобы не смущать. Но местную публику смутить было непросто — лишь несколько женщин и молодых людей невнятной ориентации сидели в общей позе «испуганная ладошка у рта», остальные же наблюдали за происходящим с неподдельным интересом.

Я же в это время наклонился и схватил Лучано за блестящие черные волосы. Рывком приподняв тело, поволок его на открытую

террасу. На пути оказалось одна из спутниц Стабене — которая замерла на месте, едва-едва дергаясь то в одну, то в другую сторону — стремясь уйти с моего пути, но впав в ступор и не понимая в какую сторону отскочить.

Приостановившись, я с ног до головы осмотрел девушку, и — свободной рукой, играя на публику, показал ей большой палец, а после обернулся к Бульдогу.

— Хороший подарок, — прокомментировал я.

Лучано было зашевелился, но я отпустил его, и еще раз вбил его голову в пол каблуком. После этого снова подхватил обмякшее тело за волосы, и потащил Лучано к открытой террасе. Оказавшись на свежем воздухе, даже не задерживался — не тратя времени на лишние разговоры, просто дотащил и перекинул Лучано через высокое ограждение, отправив в полет с высоты двадцать пятого этажа.

Оторопевшие посетители — здесь, на открытой террасе, немногочисленные, замерли, а я пошел обратно. Вернувшись в зал, я подошел к бульдогу — телохранителю Доминики. Вежливо склонив голову, продемонстрировав таким образом приветствие, и заговорил.

— Лучано Стабене думал, что он умнее и сильнее сеньоры Романо, потеряв к ней уважение. Но старался хранить свои мысли в тайне. А так как я недавно узнал о его настроениях, Лучано решил меня убить, причем чужими руками. Я хотел объяснить ему его ошибку, но, к сожалению, не успел — только что на террасе он поскользнулся и упал вниз, упокой, господь, его душу.

Сложив ладони, я еще раз склонил голову и помолчал две секунды, что выглядело как молчаливая молитва за спасение души. После этого показал Бульдогу снятый с Васи перстень с белым демоном, поцеловал печатку и положил перстень на край стола.

— Прошу вас, передайте сеньоре Романо это, как знак моего к ней почтения.

Развернувшись, я направился к выходу из кафе. Но проходя мимо ошарашенного официанта, приостановился. Наш официант, кстати, и несет последнее блюдо — лобстера для Васи, мельком отметил я.

— Там немного грязно, — показал я на кровавые кляксы там, где недавно воткнул Лучано лицом в пол.

Уже снова разворачиваясь к выходу, я вдруг замер. Потому что необычайно остро почувствовал на спине чужой взгляд. И не ошибся — обернувшись, увидел как Василий на меня смотрит. Причем смотрит со смешанными чувствами.

«Что?» — взглядом спросил я.

Вася грустно вздохнул, при этом демонстративно не глядя на лобстера на подносе, с которым замер официант в центре зала.

«Вася, ну вот что с тобой делать?» — подсказал внутренний голос.

— Мы это берем с собой, окей? — спросил я у официанта, и не дожидаясь ответа забрал у него тарелку с лобстером и вручил ее Василию.

В полнейшей тишине мы — Войцех с пистолетами, Чумба с костяными клинками, Василий с лобстером и плащом Чумбы и я, двинулись к выходу из ресторана. Оставив публику осознавать и смаковать то, чему они только что стали свидетелями.

— Драго! — раздался вдруг глухой оклик, остановивший меня у самой двери.

Обернувшись, я увидел, что бульдог — телохранитель Доминики, вытирает салфеткой жирные губы. После он поднялся из-за стола, неторопливо подходя ближе. Оказавшись совсем рядом, телохранитель Доминики протянул мне небольшую таблетку. Это был золотой чип пропуска, открывающий доступ — судя по эмблеме, в Западные сеттльменты с элитными виллами. Передав мне пропуск, Бульдог открыл ладонь, в которой я увидел свой перстень, который тут же, подброшенный, взлетел высоко в воздух.

— Передай свое почтение сам, — произнес Бульдог, когда я поймал подброшенный им перстень. — Сеньора Романо желает тебя видеть.

Глава 9

Покидая здание, плотной группой мы вышли из лифта и направились к машине через стоянку. На ходу я, краем глаза, посмотрел на отдаленную суету — несколько интересующихся ошивались рядом с местом падения Лучано. Который сейчас уже точно не «В-порядке».

Приземлился Лучано на раскатанный газон под высохшей пальмой, в дальнем конце стоянки. Специальных служб еще не было, ажиотажа вокруг тоже не наблюдалось — в таком районе с такими людьми любопытство просто бывает опасно и для здоровья, и для социального рейтинга.

У охраны вопросов к нам, кстати, тоже не возникло — попрощались вежливо только лишь.

Прежде чем садиться в машину, Войцех присел, вынул из-под порога небольшой блок (я даже и не заметил, как он его туда прикрепил) и, считав информацию, кивнул — к машине никто не приближался, никаких лишних манипуляций не производил.

Захлопали двери, коротко рыкнул двигатель, и я задом выехал с парковки. Развернувшись, топнул по педали, и Гелендваген, резво взбрыкнув, повез нас в сторону Полигона. Вновь наш маршрут пролегал по серым, не захваченным оком камер улочкам.

Высадив у дома остальных, я даже переодеваться не стал. Торопливо — все же такими приглашениями не пренебрегают, открыл чехол с очками от RODZ. Едва загрузился интерфейс дополненной реальности, сразу прислонил золотую таблетку чипа к дужке очков. Короткая вибрация, и информация прогрузилась в мой интерфейс. Сразу после этого таблетка моментально нагрелась — носитель одноразовый, и внутренности самоуничтожились, расплавившись.

Бросив использованную таблетку пропуска в пепельницу, я зацепил взглядом иконку на периферии зрения и активировал маршрут приглашения, выезжая с территории Полигона.

Пропуск, выданный мне бульдогом сеньоры Романо, был таким же, как и пропуск от Некромикона ранее, — такого уровня, который и не снился большинству гражданских категорий в протекторате. И через КПП на границе районов я проезжал по левым рядам — без проверки, без преграждающих шлагбаумов и лежачих полицейских и даже без сканирования.

После того как въехал в Деловой центр и несколько минут следовал по стрелке и указаниям навигатора, вдруг понял, что происходит что-то не то. Маршрут навигатора все уводил меня и

от небоскребов деловых кварталов, и от побережья, а двигался я все больше по тесным техническим проездам и пустынным улочкам. А вскоре маршрут и вовсе привел меня на пустырь между двумя промышленными зонами.

«Вы приехали», — сообщил внутренний голос с интонациями девушки из Яндекс. Навигатора. Навигатор в дополненной реальности голоса не имел — о том, что я приехал, я и так увидел по появившемуся перед взором сообщению.

Я оказался на небольшой площадке в коробке бетонных стен, сверху накрытой широкой эстакадой скоростной магистрали. Здесь было довольно грязно — но мусор застарелый. Кроме того, в углу из жести и пластика был сооружен шалаш-бомжатник, частично скрытый за бетонной опорой магистрали.

«Да это блудняк какой-то», — едва эхо фразы навигатора прошлой жизни стихло, тут же добавил внутренний голос.

Так. Ну приехал, и… ничего. Глок я, кстати, уже давно достал и положил на пассажирское сиденье.

Похоже, вечер перестает быть томным. Сеньора Романо решила меня списать?

Черт, что делать, что делать…

Несколько минут я стоял, ожидая, и понемногу начинал все больше нервничать. Дорога сюда ведет одна — по которой приехал я, закрыть меня здесь просто, и…

И… — попытался я поймать мысль.

«Идиот!» — вновь сообщил мне внутренний голос с интонациями Папанова.

Сказочный идиот — вновь согласился я, снимая очки RODZ и убирая в чехол.

Едва на дисплее мигнуло сообщение о том, что девайс заблокирован, одна из сидящих у бочки фигур, закутанная в груду тряпья, поднялась и направилась в мою сторону. Дверь открылась, на сиденье прилетели обычные очки, дверь хлопнула, закрываясь, а фигура направилась обратно к бомжатнику.

Проводив незнакомца взглядом, брошенные им на сиденье очки я надел. Это был довольно древний девайс — такие на экскурсиях туристам лет тридцать назад выдавали. Система и интерфейс здесь даже не прогружались, а в памяти был только один маршрут. И, развернувшись, выезжая из бетонной западни, я повернул по стрелке и поехал в указанную сторону.

Схлынувшее нервное напряжение даже настроение подняло. Настолько, что начал песенку под нос напевать — про то, что все идет по плану. Ну и кроме всего, напев помогал погасить расстройство от осознания собственной недогадливости.

Маршрут безликой болванки очков вел меня сначала по

промзоне и техническим проездам вдоль Делового центра. После — вильнув в сторону перед самым КПП проезда к югу города, увел к побережью. Так что я, получается, объехал Деловой центр и Кигунгули и сейчас нахожусь в окрестностях порта. Проехав между серыми коробками многочисленных складов, все так же следуя по стрелкам навигатора, я заехал в небольшой, спрятавшийся среди закрытых построек ангар. Тут меня уже ждала машина — неприметный автомобиль коммунальных служб.

Въехав в ангар задом — чтобы, если вдруг что, выезжать было проще, я притер гелик к стене. Забрал ключи и выпрыгнул на пыльный пол — оставляя отчетливые следы. Надо же, здесь, похоже, из разумных прямоходящих давно никто не появляется. И следы тут только от колес.

Подходя ближе к машине коммунальной службы, услышал характерный щелчок — вероятно, реагируя на метку моего безликого девайса очков, открылся замок и дверь без моего участия мягко отползла в сторону.

Ожидающая меня машина была на автопилоте, и возможности (легальной) для меня перехватить управление не было. Едва я сел на водительское место и закрыл дверь, как двигатель мягко и едва слышно загудел, и я почувствовал, что машина поехала. Видеть этого не мог — стекол в привычном понимании в машине не было, она была по умолчанию беспилотной. Да, при наличии внутри человека на боковые и лобовую панели выводилось изображение улицы с камер, но сейчас мое нахождение внутри не считывалось — я, получается, здесь в режиме инкогнито. А машина коммунальных служб — по факту такси сеньоры Романо для гостей, которые желают сохранить конфиденциальность.

Так что, куда сейчас меня везут, я совершенно не представлял. Возможности ориентироваться в пространстве не было, так что начал считать и угадывать повороты и ускорения. И по примерным прикидкам получалось, что, покинув промышленную зону, машина проехала вдоль побережья и выкатилась на объездную дорогу, которая вела на юг острова вдоль побережья. Несколько минут быстрой и плавной езды, объездная от побережья ушла в сторону, и почти сразу на одной из развязок машина съехала.

Еще несколько поворотов, ускорений, и вскоре двигатель замолк, замок щелкнул, дверь открылась. Без задержек покинув неуютный салон, я осмотрелся. Машина, что неудивительно, привезла меня в зеленый сеттльмент — здесь располагались виллы граждан с высоким социальным капиталом. Вернее, с очень высоким социальным капиталом — на карте острова от Войцеха

этот район не был даже обозначен. Частично он располагался на побережье, частично на намывных территориях и был накрыт куполом, защищающим от чужого внимания.

Понял я это потому, что автоматические ворота, в которые заехала машина, еще не до конца закрылись и я смог рассмотреть пейзаж за забором. Но пара секунд, и створки сомкнулись, категорично ограничивая обзор до высокой зелени парка, а также внутреннего периметра забора виллы. Ну и небольшой домик для технического персонала еще виден неподалеку, к которому уже ехало привезшее меня сюда «такси» в ливрее машины коммунальной службы.

Как путь из этого дальнего закутка мне предлагалась только узкая аллея, уходящая вверх под уклон. Туда я и направился, вскоре выйдя на небольшую площадку, где сходилось несколько гравийных дорожек. Отсюда, поднявшись от подножия высокого холма, можно было подробно осмотреть виллу, куда я попал.

На улице уже давно было темно — на Занзибар опустилась густая южная ночь. Но вилла, как и весь парк, была освещена. Не прямым светом, а мягким оранжево-красным сиянием скрытых светильников — словно заходящее солнце оставило здесь часть своего отблеска.

Хмыкнув удивленно, я еще раз, более внимательно, осмотрелся. Уже понимая, что не ошибся и знаю это место. Не в том смысле, что я здесь был, нет; это место я только видел, причем не раз. Вилла, куда меня привезла машина, была копией знаменитой виллы Балбьянелло на озере Комо в Италии. Только вот позади не было скалистых гор, а сама вилла здесь была построена на отдельном, выдающемся в море утесе. Который наверняка рукотворный — причем создан руками одаренных повелевать стихией Земли, будучи скопирован как часть побережья озера Комо.

Ко мне между тем навстречу уже спешил кто-то из обслуги. И я не удивился, когда при ближайшем рассмотрении узнал в нем неасапианта. Ограниченно разумный был в белой рубашке и черной жилетке, не скрывающей кобуру, и вежливо меня поприветствовал, глядя глазными имплантами с эмблемой Некромикона.

Следуя за провожатым по гравийной дорожке вдоль платанов, я поднялся еще выше и оказался на знаменитой зеленой террасе с деревом-зонтиком. Точь-в-точь в таком же месте, только в Италии на оригинальной вилле, в компании любимой девушки приходил в себя после пыток Джеймс Бонд в исполнении Дэниела Крейга. И здесь же — только «на планете Набу», начинался роман Падме Амидала и Энакина Скайуокера. А вот у этого самого парапета

они впервые поцеловались — окинул я взглядом площадку.

И в этот момент заметил Доминику Романо. Она ждала меня под единственным на террасе деревом, которое настоящим зонтиком раскинуло свою крону. Доминика расположилась у стола, накрытого белоснежной скатертью, где стояло несколько блюд с легкими закусками и бутылка белого вина.

— Сеньора Романо, — приветствовал Доминику, подходя.

— Массимо, — кивнула она мне, переиначив имя Максим на итальянский лад. Видимо, Максим ей нравится больше, чем Драго.

Хотя, может быть, это намек — я, конечно, все ловлю на лету, но в этот раз мог просто не заметить предпосылок. Но об этом сейчас серьезно не думал — все мысли занимало то, что я не очень верно оценил место сеньоры Романо в сословной иерархии протектората.

Где-то в моей оценке определенно закралась ошибка — обычные главы гангстерских кооперативов в подобных местах не живут. Право на такой дом никакими деньгами не купишь — здесь нужен подтвержденный и признанный высокими сословиями статус.

Между тем хозяйка такой прекрасной и недешевой даже в понимании сильных мира сего виллы приглашающим жестом показала мне на кресло. При этом я обратил внимание, какие у нее красивые руки — тонкие запястья, длинные изящные пальцы. Доминика вообще очень красива, но ее опасная аура власти отодвигала внешность женщины на второй план.

Сейчас же, в таком спокойном месте, эта аура чувствовалась гораздо слабее, чем в кабинете небоскреба. Да и атмосфера располагает — вокруг мягкое красно-золотое сияние, освещающее сказочную виллу, лица то и дело касается легкий ночной ветерок со стороны океана, а сама Доминика непринужденно и расслабленно расположилась в кресле-шезлонге. И я сейчас невольно посмотрел на нее не как на возможную покровительницу и делового партнера, а в первую очередь как на красивую женщину. Тем более было что осматривать — сегодня Доминика была в белоснежной (ох уж эта мода на античность) и тонкой тунике, что подчеркивала оттенок ее смуглой кожи.

Проведя взглядом по частично оголенному плечу и изящной руке, по длинным пальцам на ножке бокала, я невольно посмотрел на грудь женщины, которую вырез декольте почти не скрывал. Да и то, что туника скрывала, было прикрыто лишь тонкой, почти невесомой тканью, отчетливо выдающейся под крупными коричневыми сосками.

От Доминики мой оценивающий взгляд не укрылся. Я даже

было напрягся, встретившись с ней глазами — ожидая реакции. Реакция последовала, но неожиданная. Доминика поставила бокал на стол и в ответ вдруг внимательно, так же как и я только что, оценивающе посмотрела. Окинув уже меня взглядом с головы до ног.

Причем цепкой хватки опасности в ее взгляде я не почувствовал. Я вообще сейчас не чувствовал холодной ауры опасности, которая закрывала ее как женщину, просто размывая внешность, во время нашей предыдущей беседы.

Магия. Женская магия. Удивительное преображение — ведь буквально минуту назад, когда я появился на террасе, передо мной находилась настроенная на деловую беседу хозяйка положения; но буквально несколько движений, и разница нашего социального статуса просто размылась, а в ее неуловимых движениях и позе стало столько секса, что хоть руками собирай.

Воу-воу, здесь, похоже, становится горячо — подумал я, когда Доминика в недоуменном ожидании вздернула брови и показала на бутылку вина и свой пустой бокал.

Неправильно все это. Не бывает так.

Нет, вернее, бывает — когда знающая, чего хочет, женщина ищет приключений, жизнь иногда подкидывает такие сюжеты, что никакой литературе не угнаться. Да, подобное происходит спонтанно и по велению… так скажем, души, но точно не здесь и не в этот раз. Потому что сейчас на кону слишком высокие ставки для того, чтобы сеньора Романо решила устроить себе амурное приключение. Особенно после того, как я выкинул Лучано с двадцать пятого этажа.

Нет, вариант ее вспыхнувшего вдруг ко мне искреннего и плотского интереса, конечно, есть, но он настолько призрачен, что можно даже не принимать в расчет.

«Если ты играешь на деньги и не знаешь, кто за столом лох, значит лох — это ты», — озвучил внутренний голос сентенцию, которую для меня лишний раз озвучивать нет нужды.

Озвучивать столь элементарную истину нужды не было, но даже знание столь элементарных вещей мне не поможет — особого выбора, играть или не играть, у меня нет.

Доминика определенно со мной играет, а так как за столом двое, кому предложено быть лохом, сомнений нет. Вопрос только, что вообще нам предстоит за игра и какие в ней ставки.

Между тем, отреагировав на чуть удивленный (долго ты еще?) взгляд хозяйки виллы, я разлил вино. Доминика приняла это как должное, взяла со стола бокал и откинулась на спинку кресла, глядя в темноту — туда, где простирался океан. Шептание волн которого, накатывающих на скалы рукотворного

утеса, до нас доносилось даже сюда, на залитую красно-оранжевым отблеском сияния террасу.

Глотнув вина, Доминика оставила бокал в руке, баюкая его и по-прежнему глядя на закатную дорожку. В молчании прошло несколько минут. Мне говорить что-либо не было нужды, это не я девушку вино позвал пить, Доминика же задумчиво продолжала смотреть во тьму.

— Расскажи мне о своих планах, — нарушила она наконец долгое, но совсем не тягостное молчание.

Вопрос поставил меня в тупик. Сначала я подумал, что мои планы ей интересны в общем, на жизнь, и хотел было козырнуть лаконичностью, как настоящий сын Спарты. Но потом вдруг подумал, что Доминика может спрашивать о планах применительно к обучению Николетты. А после еще подумал и пришел к выводу, что козырять лаконичностью можно применительно и к этим планам.

— Ты можешь не волноваться. Над нами защитный купол, охрана виллы — двенадцать неасапиантов, ни единого разумного, кроме тебя и меня, здесь нет, — неправильно истолковала мое молчание Доминика. — Все сказанное здесь останется только здесь.

Двенадцать неасапиантов — краем отметил я. Это уже не просто высокий уровень гражданского статуса, это много выше — такое количество неасапиантов не дозволено быку, но дозволено лишь Юпитеру. Двенадцать неасапиантов — это показатель того, что хозяйка виллы вообще не думает о своем гражданском статусе, она выше всего этого.

— Вот даже как.

— Вот даже так, — обозначила улыбку Доминика, сделав небольшой глоток вина.

— У меня был и есть план, по которому я работаю: пришел, увидел, победил. Распространяется он на все аспекты деятельности. Готов отчитаться по конкретике.

Доминика улыбнулась еще раз и еще раз сделала небольшой глоток вина.

— Как дела с обучением?

— В процессе.

— То, что Николетта сейчас дома упорно колотит мячиком в стенку, это тоже часть процесса?

— Немаловажная часть.

— Как тебе вилла?

— Перфекто. Я очарован.

— Очарован виллой? — видимо устав ждать от меня инициативы, заказала комплимент Доминика.

— Вилла прекрасна, и я был бы ей очарован, если бы не затмевающее все на свете сияние красоты ее владелицы, — приподнял я бокал.

Приподнял, но так и не глотнул. Доминика же, спасибо ей за это, приняла мой корявенький, взятый с дальней полки памяти дежурный комплимент вполне благосклонно.

Хм, вроде пьет она маленькими глотками, а вино я ей уже подливаю во вновь опустевший бокал.

— Ты оборудовал площадку для занятий с Николеттой?

— В процессе, близко к завершению.

— Когда планируешь дать ей возможность коснуться стихии?

— Завтра к вечеру выведу ее на порог возможностей, дальше по ситуации. К понедельнику, думаю, все уже будет успешно завершено.

— Успешно завершено? — повторила за мной эхом Доминика с вопросительной интонацией.

— Да, — не очень понял я ее комментария.

— Ты так уверен в успехе?

— А чего бы мне не быть в нем уверенным? — усмехнулся я. — Если все будет неуспешно, мне уже будет абсолютно все равно и обсуждать сейчас что-либо смысла не имеет.

— Я подготовила вам место. Это остров. Хочу, чтобы ты уже завтра отвез туда Николетту, — неожиданно сменила тон Доминика.

— Остров? — переспросил я.

— Да, остров. Координаты у нее будут, катер возьмешь на пристани яхт-клуба Амбер, завтра получишь подтверждение членства. Остров мой личный, антураж вашей встречи — романтическое свидание. С завтрашнего дня ты начнешь, по всем внешним признакам, ухаживать за Николеттой.

Оу, вот это вообще было неожиданно.

— Каковы твои основные планы на предмет развития Полигона? — не давая времени мне обдумать услышанное, почти без паузы спросила Доминика.

— Хочу повысить статус района до зеленого.

— Хм. И каким образом?

Доминика, спросив, изменила позу. Она сейчас уже полулегла на кресле-шезлонге боком, почти повторяя позу Венеры Победительницы — знаменитой скульптуры из галереи Боргезе. И, держа в руке бокал вина, она не отрывала от меня взгляда черных глаз.

— Удалю точки фокуса, держащие его в красной зоне. Пока район криминальный, у меня есть прекрасные для этого инструменты — доброе слово и быстрое дело. Уже через пару

недель я полностью купирую наркоторговлю, устраню уличный криминал, и район станет как минимум желтым. Дальше уже дело пойдет не так быстро, но это будет хорошим трамплином в движении к зеленой зоне.

— Купируешь наркоторговлю? Интересно, как.

Кратко и тезисно я рассказал как. Доминика за это время поставила опустевший бокал на стол, и я снова его наполнил.

— Что я могу сказать, — протянула она, подытоживая. — Это имеет смысл…

— Определенно. Если ключевые исполнители и идеологи реформ не имеют в первую очередь цели личного обогащения, то любая задача сразу теряет более семидесяти процентов сложности. А если, как в моем случае, я могу без оглядки…

Я запнулся, потому что Доминика в этот момент нагнулась, потянувшись через стол к блюду с фруктами, и от этого движения ее тяжелая грудь выскользнула из туники. Доминика это почувствовала, но не обратила внимания — взяв веточку с крупным красным виноградом, она вернулась в прежнее положение. И, не отрывая от меня взгляда, легко повела плечами, так что ткань туники вернулась на место.

— …кхм, — кашлянул я, пытаясь поймать место, на котором остановился посреди фразы. — В моем случае… А если, как в моем случае, я могу без оглядки на нормы законов использовать инструмент насилия, то задачу, которую можно решить за год-два, реально решить за срок во много раз меньший, — договорил я, заканчивая мысль, едва не потерявшуюся от удивления от действий Доминики.

— А цели личного обогащения ты не имеешь? — поинтересовалась она, срывая с веточки пухлыми карминовыми губами виноградину.

— Опционально рассматриваю, — сморгнул я, отрывая взгляд от соблазнительно влажных губ. — У меня не настолько высокое положение в обществе, чтобы большие деньги были для меня первоочередной задачей.

— Почему?

— Потому что, когда денег у слабого становится много, приходит сильный и их забирает. Я здесь вообще не местный, мне в первую очередь нужны сила и влияние, а деньги приложатся.

— Это будет интересно, — задумчиво покивала Доминика.

— Не сомневаюсь, — кивнул я.

— Чтобы быть сильным, тебе нужно много вооруженных людей, которые знают, с какого конца браться за оружие.

Комментировать столь очевидную истину я не стал. Ясно же, что это подводка к чему-то большему.

— Своих людей я тебе не дам.

— Я и не собирался…

Доминика прервала меня коротким жестом.

— Но дам нужные рекомендации. Найми для охраны и патрулирования Полигона частников.

— Томми? — хмыкнул я.

Доминика не ответила, взглядом дала понять, что шутку прекрасно поняла, но она ей не очень понравилась.

— Еще не рассматривай карателей Легран и волков Волкова. Последние, впрочем, из Восточной Африки, насколько слышала, ушли, но на всякий случай.

— Я и не собирался.

Я действительно не собирался рассматривать ЧВК Легран и свой отряд варлорда для привлечения на остров. И потому, что их можно связать со мной, а теперь еще и потому, что сейчас мой благотворительный фонд оказался под крылом опеки Некромикона. А откровенно враждебные корпорации отряды нанимать — несусветная глупость.

— Это хорошо, — кивнула Доминика. — Частники должны начать охранять твой район как можно скорее. То, что ты задумал… даже на словах выглядит дерзко. А если ты с завтрашнего дня будешь выполнять роль кавалера Николетты, ты окажешься в фокусе пристального внимания. И тебе нужно быть защищенным. Рекомендации я дам, проблем с наймом не возникнет, — пресекла мой незаданный вопрос Доминика.

— Спасибо, — только и кивнул я.

Вариант с наймом частников действительно решал все проблемы. До этого момента я подобную возможность даже не рассматривал — просто так такому человеку с улицы, как я, заключить контракт нереально. Но если Доминика предоставит мне рекомендации, это все максимально упрощает. Теперь становится понятна и ее идея с тем, что я становлюсь кавалером Николетты, — сразу отсекается вопрос ее интереса в организации мне возможности привлечения частной охраны из наемников.

— Как ты относишься к титулу варлорда? — задала вдруг еще более неожиданный вопрос Доминика.

— Что? — пил бы в этот момент, поперхнулся бы.

— Ты знаешь, кто такие варлорды?

— Конечно.

Доминика внимательно на меня смотрела, ожидая продолжения. Видимо, неудачная шутка с Томми акции оценки моего ума и сообразительности если не обрушила, то заставила потерять в цене.

— Варлорд — это полевой командир, как правило

невысокородный аристо, возглавляющий отряд контрактных наемников или присягнувших ему лично воинов, — произнес я в ответ на ожидание Доминики.

— Так как ты относишься к тому, чтобы стать варлордом?

— Не могу сформулировать, потому что это довольно неожиданный вопрос, я его не рассматривал. Тем более что в двадцать первом веке объявить себя варлордом может лишь одаренный аристократ.

— Ты одаренный аристократ, — улыбнулась мне Доминика. — В положении о статусе варлордов не сказано ни слова об элиминированном Источнике.

— Мое объявление просто не будет зарегистрировано.

— Ты знаешь, кто такая Эмили Дамьен?

Еще бы я не знал, кто это такая. Как вживую помню взрыв ее головы, когда попросил госпожу Дамьен покинуть совещание Некромикона, на котором я заключил соглашение с многоликой Рыбкой. Впрочем, из всех людей и нелюдей, что становились у меня на пути, головы взрывались у многих, но Эмили Дамьен — единственная из них, что решила техническую проблему смерти, получив в свой организм блок сохранения сознания. Так что такую так просто не забудешь.

Естественно, о настолько близком знакомстве с госпожой Дамьен говорить не стал, обошелся озвучкой общеизвестного знания.

— Эмили Дамьен — бывшая глава Дома Лаллен, одна из самых умелых одаренных в мире, обладательница седьмого золотого ранга во владении стихией Воздуха. Предполагаю, после элиминирования своего Источника — факт чего, широко известный в узких кругах, стал мировой сенсацией, мадам Дамьен стала серым кардиналом корпорации Некромикон.

— Верно, — кивнула Доминика. — Эмили Дамьен на следующей неделе прибывает сюда для того, чтобы временно занять должность главы филиала корпорации Некромикон на Занзибаре.

— Это понижение в должности?

— Нет. Эмили как была, так и остается заместителем председателя Четвертого комитета ООН. Сюда она едет как кризисный менеджер корпорации.

Воу-воу — вечер уже со всех сторон перестает быть томным.

Потому что Четвертый комитет ООН, комитет по специальным политическим вопросам, скрываясь под таким размытым названием, непосредственно занимается организацией взаимодействия администрации протекторатов с одаренными, решая в роли последней инстанции спорные вопросы. И о том,

что Эмили Дамьен, которую я не смог убить, является заместителем председателя этого комитета, я до этого момента не знал.

— Кризис у Некромикона, ООН или у самой мадам Дамьен?

— У корпорации Некромикон сейчас по всей Африке большие, вернее, очень большие проблемы. Этих проблем, требующих безотлагательного решения, невероятно много. А, как ты сам недавно сформулировал, наличие инструмента насилия, который можно применять без оглядки на законы, весьма упрощает жизнь. У Некромикона в Танганьике в результате серьезной атаки на корпорацию серьезно выбита целая группа руководителей и, как следствие, в результате действий конкурентов, воспользовавшихся слабостью, уничтожен целый пласт исполнителей — из тех, которым можно доверять самые разные задачи. Ты со своим отрядом варлорда, и моей протекцией, сможешь стать тем, на кого Эмили сможет положиться здесь, на Занзибаре. И она легко решит вопрос с регистрацией твоего статуса варлорда — от тебя нужны лишь люди и… яркие акции, которые Эмили могут впечатлить. Как у тебя дела с каннибалами в Кигунгули? — улыбнулась Доминика.

Она и об этом знает.

Однако.

— Я должен сделать это эффектно и эффективно?

— Да.

— Вы с мадам Дамьен знакомы?

— Если бы не были, я бы не рассказывала это тебе сейчас так откровенно. Ее прибытие сюда — шанс. Мой и твой.

Если бы я был совсем глупым, или был бы Олегом, мог бы сейчас спросить у Доминики, почему она для опоры в этом деле использования шанса выбрала именно меня. Но я глупым не был. И почему именно я, и так понятно — прошел проверку эмпатии Николетты, одаренный (пусть и бывший) и, самое главное, я сейчас никто.

Во все времена все правители, все умные правители, в тот момент, когда только забирались на вершину власти, набирали себе близких людей и соратников с самого низа. Потому что в случае краха правителя вниз вместе с ним летят и все его люди.

И я был именно тем самым человеком. Став инструментом Эмили Дамьен, доверенным Доминики и близким к семье Романо, я связываю себя по рукам и ногам — мои успехи будут их успехами, а их неудачи будут моими неудачами. Но это удел всех, кто идет на службу к сильным мира сего.

Конечно, все это я мог бы услышать, если бы спросил. Но я не спросил, потому что не люблю без нужды лапшу с ушей снимать

— в моем случае это все не работает. У Доминики есть определенно ко мне интерес, но вот в чем он — пока даже близко не могу понять.

Пока я открывал принесенную неасапиантом бутылку и наливал вино в опустевший бокал, Доминика вдруг выпрямилась. Подняв руки на уровень груди, она двумя пальцами взяла обручальное кольцо и потянула его с пальца. Пара мгновений, и массивный золотой ободок с россыпью крупных бриллиантов со щелчком лег на стеклянную столешницу.

— Аляповатая безвкусица. Мне оно никогда не нравилось, — сообщила мне Доминика и поднялась, даже не глядя на свой, только что наполненный мною бокал. — Выход там, машина тебя ждет, — показала Доминика по направлению к гравийной дорожке, по которой я сюда пришел.

Поднявшись и не оглядываясь на меня, хозяйка виллы двинулась в сторону здания. Полы ее туники легко развевались, а тонкая ткань — просвечивающая на фоне мягкого сияния, давала возможность разглядеть силуэт фигуры.

Посидев несколько секунд — как раз пока Доминика зашла в дом, я в пару глотков опустошил свой бокал. В котором с того самого момента, как наполнил его в самом начале беседы, вина практически не убавилось. Поставив пустой бокал на стол, я налил его — до краев, и снова выпил в несколько глотков. После встал и пошел.

Только не по гравийной дорожке к выходу, где меня ожидала машина, а следом за Доминикой — в дом. Потому что ее намек не понять сложно. И ее бокал со стола я, кстати, тоже захватил.

В холле Доминики уже не было. Но, зайдя внутрь дома, услышал эхо закрывшейся двери наверху. Поднявшись по лестнице, прошел по галерее и подошел к комнате, в которой — как мне показалось, скрылась владелица виллы. Положив руку на ручку, я подумал несколько секунд, после чего открыл дверь.

Доминика стояла у трюмо с зеркалом. Волосы ее уже были распущены, густыми локонами спускаясь на плечи и ниже, почти до талии, а рука лежала на плече. Как раз в тот момент, когда я зашел, Доминика потянула лямку туники, оголяя плечо.

Наши взгляды — через отражение зеркала, встретились. Глаза Доминики расширились, и она очень натурально удивилась. При этом ее рука продолжала движение, и туника живым невесомым металлом соскользнула с плеч и осталась белоснежным пятном на полу. Нижнего белья на Доминике не было, и она сейчас оказалась передо мной полностью обнаженной.

Ахнув от деланого возмущения, Доминика свела колени

вместе, встав полубоком, и поднесла руки к лицу, словно бы прикрывая локтями — но при этом не сильно стараясь, свою высокую грудь.

— Вино, — отсалютовал я ей бокалом. — Ты забыла.

Закрыв за собой дверь, прошел через всю комнату, подходя к зеркалу. Вручив Доминике бокал, сбросил с себя куртку. Доминика не очень натурально сделала вид, что возмущена моим поведением и хочет что-то сказать, но я закрыл ей рот поцелуем.

Целовалась она умело, страстно и с наслаждением. Даже в поцелуе теряя голову и забывая обо всем — отставив в сторону бокал, она его уронила, но даже не обратила внимания.

— А знаешь, мне нравится твоя стратегия, — негромко и прерывисто произнесла Доминика, отстраняясь. — Пришел, увидел…

Договаривать она не стала, заменив последнее слово поцелуем. Причем, несмотря на не просто вспыхнувшую, а буквально превратившуюся в пламя искру страсти, развитие событий никто не форсировал. Мы целовались довольно долго, но поначалу обнимались аккуратно, словно привыкая друг к другу. А после продолжению уже мешала Доминика. Стоило мне убрать руки с ее талии, попытавшись переместиться на грудь или ягодицы, как она этому препятствовала. Также она стойко не давала мне увлечь ее за собой в сторону кровати. Но, не прекращая поцелуев, она и не отпускала меня от себя и при этом словно удерживала меня на самой последней границе, не дающей объятиям перейти на иной, более взрослый уровень.

Немного недоумевая, я уже не понимал, в чем вообще дело. Не первый раз за сегодня, надо сказать. Но догадался, к счастью. Несколько минут, и я понял, что это был намек, — я вообще все ловлю на лету. «Пришел, увидел» — Доминика не зря это сказала и не договорила. Со смыслом. Она вообще все со смыслом делает.

Никаких слов сказано так и не было, но вместо них прекрасно говорил язык тела. И когда я в очередной раз скользнул ладонями по талии, а Доминика попыталась воспротивиться, я надавил. И, преодолевая откровенное сопротивление, сжал ее ягодицы.

Доминика в ответ на мои действия сначала громко и возмущенно ахнула, но по ее телу почти сразу прошла крупная дрожь. И, как реакция на мой напор, она принялась целоваться с еще более сильной, хотя куда, казалось, больше, страстью.

Когда она отстранилась глотнуть воздуха, я вновь дал волю рукам и в ответ услышал протяжный выдох наслаждения, прозвучавший как «ах». И следом раздался короткий «ох» — когда я ее отпустил. Но отпустил буквально на секунду. Сметя все с туалетного столика, подхватил Доминику под ягодицы, усаживая

ее и заставляя широко раздвинуть ноги. Очередной короткий возмущенный возглас был тут же прерван поцелуем, а долгий протяжный стон буквально через несколько секунд должен был показать мне, что я все делаю правильно.

Все, понял: она, обычно такая строгая и властная в деловом образе, сейчас буквально кричала мне, что хочет быть побежденной. Это работало: едва мне стоило где-то надавить, чуть крепче сжать руку или сильнее прижать ее к себе, как за мигом сопротивления следовала покорная сдача; опять протяжный выдох, прерывистое дыхание, переходящее в негромкий и томительный стон ожидания моих действий… При всем при этом сопротивление Доминики раз за разом становилось все сильнее. Но сильнее и ярче была и ее реакция, когда она поддавалась, словно сложностью достижения цели увеличивая для меня ценность грядущего «приза».

Я все это прекрасно понимал, но лукавством было бы сказать, что разум мой оставался холодным. Понимая все это краем разума, на краю сознания я эти мысли и оставлял, поддавшись бешеной страсти, которая захватила нас обоих. По крайней мере, я все же думаю, что захватила обоих, ведь играть на таком уровне — это нечто нереальное.

После того как мы едва не разломали трюмо и стоящее рядом кресло, перебрались на застеленную красным атласным бельем кровать. Сюда я донес Доминику на руках, но она, поначалу покорно положившая мне голову на плечо, вдруг извернулась, освобождаясь. Это ей не составило никакого труда — тело гибкое и сильное, она выскользнула из моих рук словно женщина-кошка.

Разметав волосы, Доминика встала передо мной, широко расставив ноги и расправив плечи, и сильно толкнула меня в грудь, отправляя на кровать. Этим жестом будто бы показывая, что она и только она здесь главная. А то, что было только что, не считается.

От толчка Доминики я тут же упал, но успел увлечь ее за собой. И уже в падении перевернул так, что она приземлилась рядом, на живот. Вновь возмущенный возглас — я уже был сзади, перехватив ее за локти и заставляя встать на колени. Доминике это не понравилось.

«Я так не хочу и не буду» — по смыслу понял я возмущенную фразу на итальянском. Доминика говорила яростно и хрипло-прерывисто, при этом пытаясь вырваться. Гибкое тело, словно дикая кошка, изгибалось в моих руках — причем настолько яростно, что я уже засомневался, что это часть начатой ей игры «победи же меня». При этом Доминика еще громче кричала на итальянском — но слова становились все более бессвязными, и

уже через полминуты она почти беспрерывно стонала, пряча лицо в подушку, гася рвущиеся из горла крики.

Постепенно проваливаясь в совершенное безумие, я краем сознания думал о том, что в потере ментальных способностей есть и плюсы. Потому что игра в укрощение строптивой, которую затеяла Доминика, определенно удалась. И я не знаю, насколько ей самой нравился процесс, — если все сейчас происходит с холодным разумом с ее стороны, то я просто не смог бы действовать так, чтобы не вызвать подозрений. Даже учитывая безумное буйство гормонов, доставшееся мне от молодого тела Олега.

Через некоторое время, тяжело дыша, мы лежали на смятых простынях, постепенно приходя в себя. И, успокаивая дыхание, я словно учился заново осознавать действительность.

Доминика пришла в себя и начала действовать первая. Вновь перехватывая инициативу — она гибко выгнулась и перекатилась ближе ко мне. Сначала она целовала меня в губы, потом в шею, пару раз ее язык ввинтился мне в ухо, а после поцелуи уже спускались все ниже и ниже. Причем действовала она опять же в рамках выбранной тактики поведения — явно провоцируя меня на действия. Именно провоцируя — несколько раз, когда я пытался погладить ее по волосам, она мои руки небрежно, показательно небрежно, отбрасывала. В результате чего я уже перехватил ее голову двумя руками — чем вызвал очередное сопротивление, сменившееся поощряющими покорными стонами. Немного смазанными, из-за особенностей проходящего процесса.

Вновь двери в реальность оказались закрыты, и снова мы провалились в настоящее безумие. Всю ночь, раз за разом, на широкой кровати мы, словно два бойца на ринге, то сходились в борьбе, то раскатывались по краям, переводя дыхание и запивая усталость вином.

Доминика каждый раз проявляла активность первая, словно начиная схватку, и каждый раз она проигрывала. Каждый «раунд» начинался тем, что она показательно пыталась меня подчинить, а заканчивался так, что в итоге она свыкалась со своей ведомой, покорной ролью. Но с каждым разом сопротивление ее становилось все сильнее и даже яростнее — так, что к утру, после того как мы отстранялись друг от друга, мне требовалось все больше времени, чтобы понять, кто я, что я и где вообще нахожусь.

Происходящее было настолько горячо, что действительно начинало напоминать настоящую борьбу. Тем более учитывая темперамент Доминики. Если это не было частью игры, то она относилась к тому типу женщин, которым процесс приносит

удовольствия не меньше, чем сам, собственно, финал. И близость с ней, из-за ее темперамента и харизмы, и невероятной чувственности, просто отключала разум. Именно из-за подобного типа женщин верные мужья часто бросают жен и детей. Полностью теряя голову и уходя в никуда, легко и без раздумий разрушая не только свои семьи, но и налаженную жизнь — и себе и другим.

Когда темноту за окном посеребрил рассвет, я уже полностью обессилел. Я сейчас лежал на спине, на мокрых от пота простынях, и тяжело дышал, глядя в потолок. Постепенно приходило понимание, что еще одного раза просто не выдержу… хотя я не так давно, вот буквально перед прошлым разом, тоже так думал. А как оказалось — ошибся.

По мере того как приходил в себя, выныривая из неги беспамятства, спину начинало ощутимо саднить. Вернее, я просто начинал обращать на это внимание. От усталости болело все тело, саднили спина и плечи. И губа распухла — пощупал я языком. К утру Доминика совсем перестала себя контролировать и длинными ногтями разодрала мне спину и плечи, а также один раз укусила губу до крови.

Повернувшись на бок, я посмотрел на нее. Доминика лежала без движений, на животе. Ноги ее были согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль тела. Как я их отпустил — так и упали, а сама она так и осталась вдавлена в кровать. Лицо ее было закрыто блестящими черными волосами, разметавшими по подушке, в которую она уткнулась лицом.

Наверное, на сегодня все же хватит — решил я. Еще один раз я точно не выдержу.

Я привстал и потянулся, убирая волосы с лица Доминики. Глаза закрыты, на мое движение она не отреагировала. Господи, получилось — облегченно выдохнул я. Вроде бы она наконец устала и обессилена больше, чем я.

После того как облегченно вздохнул, помог принять более удобную позу, выпрямляя ноги. Доминика, не открывая глаз, перекатилась на бок, томно потягиваясь. И, все так же не открывая глаз, она на ощупь вдруг перехватила мою руку и несколько раз влажно поцеловала ладонь.

— Я больше не могу, пощади, — прошептала она и перекатилась на край кровати, отворачиваясь.

Пощади, как же. Как будто это я каждый раз был инициатором. Если б мог, уже пару часов назад третий сон видел. Доминика между тем задышала глубоко и ровно. Заснула, надо же — почти моментально.

Ну и отлично.

Где ванная комната, уже знал — джакузи мы сегодня ночью тоже навестили. И после контрастного душа, возвращающего к жизни, почувствовал себя даже почти сносно. В глаза только как песка насыпали, и мышцы ноют, но бодрости в движениях стало побольше, да и мысли прояснились.

Вернувшись в спальню и одевшись, набросил простыню на Доминику. Наблюдая, как тонкая атласная ткань накрыла такие манящие — из-за позы и изогнутой талии, ягодицы, я на несколько мгновений замер.

Если бы не тот факт, что я прибыл сюда, в этот мир, духовно уже в статусе познавшей жизнь, циничной, старой и больной тридцатипятилетней обезьяны, то… будь я Олегом, ради этой женщины, после сегодняшней ночи, я был бы без оглядки готов свернуть горы. Как юный и глупый д'Артаньян, который ради влечения к Констанции пошел на предательство интересов своей страны, причем неоднократное — не только в интересах Англии сорвал спецоперацию кардинала Ришелье, творца благополучия и грядущего могущества Франции, но еще и убил без суда и следствия особо ценного агента французской разведки.

Но я не такой молодой, глупый и беспринципный, как д'Артаньян. И ясность мыслей после одной — пусть волшебной, даже божественной ночи не потерял. Почти не потерял — все же не могу сказать, что произошедшее оставило меня равнодушным.

Наклонившись, я поцеловал Доминику в оголенное плечо и вышел из комнаты. Рассвет край неба уже позолотил — время почти семь, я опаздываю.

Машина коммунальных служб, на которой я сюда приехал, меня по-прежнему ожидала. Снова на автопилоте и без активации присутствия пассажира машина доставила меня в безликий ангар, где я пересел в ожидающий гелик.

«Начинается новый день, и машины туда-сюда», — напевал я, выезжая из пересадочного ангара.

Зевая так, что рисковал вывихнуть челюсть, я приехал на Полигон. Старался не думать о прошедшей ночи, но не думать не получалось. Слишком сильны эмоции — поэтому то и дело усилием приходилось убирать невольно лезущую на лицо улыбку. Понятно, что Доминика настоящей женской магией привязывала, даже подчиняла меня себе, но… покажите мне, кто после такого останется равнодушным, даже понимая подноготную процесса.

Когда подъезжал к дому, сопровождающая стайка детей и подростков в этот раз была небольшая: Вася включился в дело, разогнал своих скаутов по Полигону, наблюдать. Да и прогресс, достигнутый за ночь в работе над домом, порадовал. Рабочие бригады обустройство фасада и двора уже почти закончили,

наводя последние штрихи. Системы безопасности были смонтированы еще вчера, и сферы, под которыми прятались турели, больше не были обманными болванками.

Войцех и Вася мое появление встретили сдержанно, но с заметным облегчением. Было видно — волновались. Чумба меня тоже встретил, но на лице мутанта эмоции было прочитать сложно. На ходу я захватил со стола пару брикетов с сублиматами (sweet cherry) и, перебарывая отвращение, запихнул в себя тысячу калорий. Доедал уже усаживаясь за стол.

Первым делом обсудили дела легальные — как раз подъехали дядюшка Абрам с Геком. Сплошная текучка, которую я выслушал лишь кивая и подтверждая, что все правильно и верно. После этого, когда дядюшка Абрам собрался было уже откланяться, я его задержал.

— Нам нужно нанять частников для охраны Полигона. Это должны быть серьезные ребята, которые, если что, не будут перекуплены. Рекомендации будут, — предваряя вопрос, сообщил я. — Вопрос в цене и возможности, начинайте уже предварительные переговоры.

— Сколько?

— По возможному максимуму. Человек тридцать будет идеально, нас ждут великие дела.

Войцех между тем, ничего не говоря, активировал рабочую область стола. Зайдя в систему найма под левым аккаунтом, он прошел несколько верификаций, после чего вывел список свободных в данный момент наемников на континенте и с лицензией, охватывающей в том числе Танганьику.

Выведя в пару свайпов на экран интерактивный список, я сразу смахнул прочь эмблемы Томми из ТРТР и карателей Легран — приметный черный щит с красным косым крестом (герб Болтонов, который я посоветовал Маше однажды для своей ЧВК). Активный список остался небольшим, в нем было не более восьми эмблем. Среди которых меня привлек золотой лев на фиолетовом поле.

Барбариски. ЧВК Barbarians — памятная мне потому, что именно они охраняли посольство Ганзы в Высоком Граде. При этом ЧВК варваров-барбарисок де-факто была частью Свободной армии — бельгийских колониальных сил, что в некотором роде играло мне на руку при возникновении здесь, на Занзибаре, возможных конфликтов. И то, что они де-факто часть Свободной армии, некоторые конфликты — если удастся заключить контракт, поможет мне выиграть даже не начиная боевых действий.

— Готовьте предложение, договаривайтесь о встрече, —

вывел я на первый план желто-фиолетовую эмблему барбарисок, после чего смахнул все остальные с экрана.

— Когда?

— На следующей неделе, в любой день со вторника, — немного подумав, сориентировался я по срокам возможного получения статуса варлорда и взял небольшую фору по получению рекомендаций от Доминики.

После того как дядюшка Абрам и Гек закончили со своими вопросами, Войцех протянул мне небольшую фотографию. На ней крупным планом были запечатлены спящие мужчина и женщина, между которыми лежало два предмета: золотой фунт с профилем королевы Виктории и угрожающего вида зазубренный, чуть проржавевший тесак.

Намек, если в нужных обстоятельствах передать фотографию, совершенно прозрачный: или ты работаешь с нами — и у тебя есть золото, или ты с нами не работаешь.

— Томаш Дубравка, начальник охраны муниципального транспортного предприятия, — пояснил Войцех. — Я сегодня был ночью у него в гостях. Подождем до обеда, если он понесет фотографию в полицию, я, прежде чем ему передать, напишу на фото номер его дела. Если нет… значит, человек сговорчивый, можно сразу работать нормально. Мне поговорить, или сам? — спросил меня Войцех.

— Лучше ты, — после некоторого раздумья произнес я. — У меня есть вариант, что уже в ближайшие дни выйду в свет.

Впрямую о моем выходе в свет Занзибара мы с Домиником не разговаривали, но, если я — как она хочет, стану официальным кавалером Николетты, это подразумевалось.

В голове между тем начал формироваться небольшой план отдельно взятой тактической операции, являющейся при этом частью чего-то большего. Кирпичик в фундамент строящейся стратегии.

— Так, нет, отставить. Фото этому… как его, не расслышал?

— Томаш Дубравка.

— Фото Томашу передаст Василий. Вася, — повернулся я к раскрашенному оруженосцу, — работаешь без слов. Просто выцепить в толпе, улыбнуться, как ты умеешь, и сунуть в руку конверт с фото. И исчезнуть. Томаш пусть маринуется, а ты, — посмотрел я на Войцеха, — встреть его вечером рядом с домом. И уже после того, как Вася лицом своим красивым светанет, с ним поговори. Так, теперь, Василий. Давай по нашим баранам…

Я хотел чекнуть выполнение Васей моего указания по сбору информации насчет вывоза нелегального мусора, но не успел. Потому что в кармане куртки завибрировал ассистант.

Срочный вызов. И мог он быть только от одного адресанта — просто потому, что все, кроме Николетты, здесь и сейчас рядом со мной. Достав ассистант, я открыл сообщение.

«Пожалуйста, приезжай скорее, с камнем что-то не то».

К сообщению прилагалась карта с координатами и подтвержденным пропуском в ее виллу на побережье.

— Kur-r-rwa… — вырвалось у меня в сердцах. При этом почувствовал, как внутри появляется холодный ком плохого предчувствия. Очень плохого.

«Еду», — написал я в ответ, тут же закрывая мессенджер.

— Так, дальше без меня, — это уже поднимаясь и осматривая собравшихся. — В случае проблем действуйте по обстоятельствам. Войцех главный по нелегалу, дядюшка Абрам по легальному. Я надолго, когда буду, не знаю, если не вернусь, считайте свой дозор законченным, хватайте деньги и рвите когти, — скороговоркой произнес я, выскакивая из комнаты.

В холле меня ждал Патрик. Едва я появился, он цепко посмотрел на меня, намереваясь встать.

— Позже, — махнув рукой, крикнул я ирландцу, выбегая на улицу.

Запрыгнув в Гелендваген, я, не теряя времени, выехал со двора, открыв ворота задним бампером. Уже на широкой улице развернулся и топнул по педали — так, что Гелик выбросил фонтаны сухой земли из-под колес, ускоряясь.

Пролетев по мусорным улицам Полигона, объехал по набережной Джанктаун и выехал на Альбрук-авеню — крупную улицу, так же как и проспект Бенсона, ведущую с севера на юг по всему острову. Только пролегающую не через центр острова, а вдоль западного побережья.

Превышая на все возможные деньги — держа максимальную, на самом пороге конфискации машины скорость, я проехал около двадцати километров, двигаясь вдоль белой, в утренней дымке, глади Мозамбикского пролива.

«Как ты?» — отстучал по пути сообщение для Николетты.

«Очень плохо».

Она домашняя и впечатлительная девочка. Но в словах и выражениях Николетта всегда сдержанна — даже когда до смерти боится. И если она пишет «очень плохо», значит, дела у нее действительно очень плохи.

«Держись, я скоро буду».

Съехав на развязке, с визгом резины входя в пологие, но довольно крутые повороты спускающихся к земле рукавов магистрали, оказался в очередном зеленом сеттльменте. Только уже западного берега. Вилла, на которой обосновалась

Николетта, отличалась от виллы Доминики. Жилище Доминики — отдельный рукотворный утес, и на приличном удалении даже не видно соседей. Здесь же особняк был частью общего архитектурного ансамбля сеттльмента, созданного по лекалам древнеримских вилл. Конечно, с дороги особняки было предметно не рассмотреть — обзор закрывали зеленые изгороди, но общую картину района представить можно.

Именно здесь, в этом сеттльменте, находилась вилла Ричарда Уильямса, на которой корпораты из ТРТР расстреляли патрульных полицейских, когда пытались вынести ценные документы убитого главы филиала Некромикона на Занзибаре. Здесь же располагалась и вилла Николетты — практически по соседству с жилищем убитого Рыбкой Уильямса, кстати.

На территорию виллы Николетты едва не заехал вместе с воротами. Но это не Полигон, здесь так нельзя — не поймут. И, ожидая, пока передо мной раскроются автоматические створки, я нервно барабанил пальцами по рулю.

Ворота наконец открылись, и, высоко выбросив из-под колес гравий, гелик завез меня на частную закрытую территорию. Пролетев по аллее, я затормозил в самый последний момент — так, что заехал колесом на две ступени белого мрамора крыльца. Выскочив из машины, даже не закрывая дверь — понимая, что счет может идти на секунды, забежал внутрь.

Холл здесь был выполнен как атриум — с неглубоким бассейном посередине, окруженным белоснежными скульптурами. Сверху, в отверстие — предназначенное для стока дождевой воды, спускались лучи света, освещая плавающие в бассейне лепестки роз. Пробежав через атриум, открывая одну за другой все двери, я после некоторых блужданий нашел спальню.

Николетта была здесь. Когда ей стало плохо, она определенно собиралась ехать в башню Некромикона — на ней сейчас была полузастегнутая блузка от делового костюма. Юбка, пиджак, очки и аксессуары лежали у раскрытого гардероба. Сама Николетта лежала на полу и, похоже, уже в беспамятстве.

Аккуратно взяв девушку за плечо, я повернул ее и уложил на спину. Кожа у нее горячая, блузка мокрая от пота — хоть выжимай. Николетта уже постанывала в бреду, глаза ее закатились — веки чуть приоткрыты, так что видны только белки. Лоб и шею ее покрывали крупные бисеринки пота.

— Kurwa mać! — в сердцах выругался я, когда увидел, что произошло.

Инклюз в кулоне девушки разрушился — крупный сапфир покрывали мелкие трещинки, а капля — чистой, сконцентрированной энергии Воды, из камня исчезла.

Чувствуя, как подрагивают руки, я на польском языке высказался о том, как мы растеряли все полимеры.

Что произошло — причину, почему инклюз разрушился, я не понимал. Вариантов несколько — либо давление силы Николетты было так велико, что сапфир разрушился, не выдержав нагрузки из-за ее психоэмоционального и физического напряжения, либо же сапфир изначально был с дефектом и в нем была заложена вероятность искусственной поломки.

Но это неважно.

Потому что девушка умирает.

Вернее, она уже умерла — это сейчас финальная агония. И убивает Николетту не стихия; инклюз, который был встроен в ее энергетические каналы, стал неотъемлемой частью ее энергетического каркаса. И когда сапфир разрушился, ее энергетический каркас оказался критически поврежден, повредив ауру эфира. И сейчас с Николеттой происходило примерно то же, что происходит с человеком, когда у него отказывают почки.

Примерно так сейчас с ней все происходит. В Елисаветграде, в гимназии Витгефта, на лекциях по анатомии элементарной магии я слушал краем уха — очень уж другими делами был тогда озабочен. Но сейчас и моих знаний хватало, чтобы осознать происходящее: источника стихии рядом нет, нет рядом и Огня. Николетта умирала оттого, что нарушенная из-за самоуничтожения инклюза аура души, порванный Эфир, убивала ее физическое тело. Это повреждение не было бы критично, если бы Николетта умела работать со стихией и у нее был бы сильный, закаленный тренировками энергетический каркас. Но ничего этого у нее не было.

Мысли обо всем этом мелькнули и исчезли. Несмотря на растерянность и ошеломление от происходящего, я уже действовал — за это время уже сорвав с Николетты немногочисленную одежду. Свою куртку тоже сбросил, как и ботинки, — может помешать. После стремительно метнулся вокруг девушки, раскладывая в стороны ее ноги и руки — укладывая ее так, как изображен витрувианский человек Леонардо да Винчи.

Не веря в успех, я сейчас пытался ее спасти и действовал просто потому, что…

— Потому что не в этот раз, — сообщил я окружающему миру, добавив для убедительности еще пару непечатных, но сильных и агрессивных заклинаний из тайных шаманских ритуалов.

Закончив укладывать Николетту, достал из набедренных ножен скаутский нож, который взял вчера вечером перед визитом

в Террасу. И за краткий миг перевел дыхание, собирая мысли в кучу, как перед прыжком с большой высоты.

«Ну, погнали, помолясь Вотану и Ицпапалотль», — совершенно не в тему подсказал внутренний голос с интонациями знакомого мне по прошлой жизни сержанта запаса из Южно-Сахалинска.

На не в тему влезший с комментариями внутренний голос я даже внимания не обратил — уже перехватил нож левой рукой, крепко-накрепко сжав лезвие. И без малейшей задержки резко выдернул, оставляя на ладони глубокий порез.

Счет действительно идет на секунды — предчувствие, которое гнало меня с Полигона сюда, не обмануло.

Несильно сжав кулак, из которого уже щедро капала кровь, я обошел вокруг девушку, рисуя непрерывный круг. После этого накапал ей кровью на руки и ноги, через живот соединяя линии получившегося креста с основной окружностью. Отдельно, двумя пальцами, мазнул кровью по векам девушки, а после провел линию ото лба через нос, губы и вниз по шее, соединяя с перекрестком линий на животе.

К счастью, это не пентаграмма, не трикветр Симонова и не треугольник Рело — для начертания которых нужны способности в ритуалистике выше среднего. Той сущности, к которой я сейчас обращаюсь, совершенно неважна форма, главное — содержание.

Сев на Николетту, я положил ей взрезанную ладонь в центр груди и повел в сторону, уводя широкий и расплывающийся кровавый след к сердцу. Уже чувствуя, как вокруг концентрируется мглистая пелена, отсекающая звуки внешнего мира, и как на плечи начинает давить тяжестью близкой изнанки мира, с облегчением понял, что у меня получилось.

Не все получилось, конечно, но получилось достучаться до адресата. И, едва это осознав, я взял в левую руку нож — так, чтобы порез на ладони касался рукояти. Правая рука у меня ведь бионическая, и взять нож в правую — значит запороть все начинание.

С испугу, из-за боязни не успеть, я резанул очень хорошо — с ножа сразу обильно потекла кровь, стекая по лезвию и капая вниз. Обхватив рукоять обеими руками, накрыв левую ладонь правой, я глубоко вздохнул.

Ну, погнали.

— Jai Mahakali! — закричал я, втыкая нож Николетте в сердце.

Глава 10

Еще до того, как нож опустился, над нами возник глухой полог — настолько вокруг плотной оказалась концентрация силы. Звук окружающего мира словно выключили, в ушах зашумело, а на плечи навалилась ощутимая тяжесть.

Мы с Николеттой не переместились в Изнанку мира — где я оказывался вместе с Ирой во время ритуала ее жертвоприношения. Сейчас вокруг образовался купол силы, подобный тому, который возник во время жертвоприношения Ады. Купол концентрированной силы, который закрывал и скрывал нас с Николеттой от всего остального мира. Даже, наверное, от всей остальной реальности, спрятав нас обоих в пространственном кармане.

Нож больше не опускался. Время вокруг замерло — как бывает при скольжении на максимальной скорости. В максимально растянувшемся, даже остановившемся мгновенье я смотрел на распростертую передо мной Николетту и нож в собственной руке. Происходило все так, как будто воспроизведение окружающей реальности поставили на паузу — даже несколько капель крови, сорвавшиеся с лезвия ножа, зависли в воздухе.

Пространственный карман, пространственный карман — запульсировала в голове мысль. Очень важная мысль, пытающаяся пробиться на развилках ассоциаций разума, занятого сейчас чередой насущный проблем.

Пространственный карман, находящейся вникогде, вне времени и пространства.

Про-стран-стве-нный кар-ман — даже произнес я это слово про себя, по слогам.

Это важно. Это очень важно — лихорадочно билась в поисках логического вывода мысль. И важность этой мысли чувствовалась все сильнее, по мере того как я уже безотрывно смотрел на собственные руки, обхватившие мокрую от крови рукоять ножа.

Замершее почти до полной остановки время постепенно вновь набирало ход. Медленно, но ускорялось — вот уже нож опускается так, что я даже замечаю его движение. Остановившиеся в воздухе кровавые капли тоже вновь продолжили движение, медленно разлетаясь по сторонам.

И по мере ускорения времени, возвращавшемуся к возможности восприятия его течения, так и не разгаданный вопрос — почему мне сейчас так нужно осознать, чем для меня важен пространственный карман, отходил на второй план.

Потому что рядом со мной — вокруг, в пределах накрывшего нас с Николеттой купола, сила колебалась все сильнее. И окровавленный нож, едва коснувшись кончиком лезвия белой кожи Николетты, приобрел расплывчатые очертания. Физически клинок здесь больше не существовал, исчезнув из моей руки. Его заменила созданная чужой волей астральная копия. Созданная, если конкретно, силой богини, присутствие которой я уже ощутил.

Кали не появилась, не материализовалась, не пришла из Изнанки. Когда я почувствовал ее присутствие, это произошло осознанием постфактум. Словно богиня была рядом со мной здесь, в «никогде», с того самого момента, когда мы оказались под куполом вместе с Николеттой. И я сейчас воспринимал реальность так, как будто все это время Кали находилась прямо передо мной так, что я мог ее видеть. Моя память словно на потоки разделилась — часть сознания кричала, что богини тут не было буквально только что, а часть подкидывала картинку воспоминаний о том, что богиня находилась рядом с самого начала ритуала.

С нашей предыдущей встречи изменений в облике Кали не произошло. Выглядела она также, как и в прошлый раз: невероятно привлекательная черноволосая женщина с удивительно светлой, даже молочно-белой кожей. Почти как у Николетты — машинально подумал я.

Кали, как и в прошлый раз, была практически обнажена — только вместо шкуры черной пантеры на ее плечах в этот раз была шкура белого… леопарда, или даже тигра — не очень силен в классификации. Все же молодого тигра наверное — присмотрелся я к массивным лапам и широкой морде. Да, не повезло какому-то юному Шер Хану.

Тигриная шкура, как и в прошлый раз, висела на спине — пасть капюшоном накрывала голову богини, так что клыки находились на лбу, а передние лапы, с массивными черными когтями, лежали на плечах, завязанные как рукава перекинутой за спину кофты.

Также наготу Кали частично прикрывали длинные черные волосы, густой волной спускающиеся ниже талии. И, как и в прошлый раз, я снова не мог сфокусировать на богине взгляд. Она существовала словно в тысячах копий, обитая в реке времени, а не только в одном единственном мгновенье, который подвластен восприятию человека. Взгляд с нее словно соскользал, а размытые движения богини создавали впечатление, что у нее много конечностей.

Кали между тем оказалась совсем рядом со мной. Глядя глаза

в глаза — и от этого взгляда на меня дохнуло холодом преисподней. В прошлый раз я тоже прекрасно чувствовал это. Настоящее Дыхание смерти — но в прошлый раз Кали стояла за моей спиной, дыша могильным холодом в затылок. А сейчас я оказался с воплощением богини лицом к лицу. При этом не очень понял как, но я уже оказался на ногах — даже не заметил, как поднялся.

И если бы я сказал, что мне не стало страшно, я бы наврал. Это был особый страх — не каждому дано его ощутить. Теперь я понял, как воспринимается ощущение, которое приходит, когда долго вглядываешься в бездну, а после вдруг понимаешь, что бездна уже вглядывается в тебя.

Не было больше рядом ни едва прикрытой блестящими черными волосами высокой груди богини, ни ее размытых в тысячах копий рук, ни шкуры тигра на ее плечах. Осталась только темная бездна глаз, заполнившая собой все вокруг, и отчетливое ощущение Дыхания смерти.

«Казань брал… Астрахань брал…» — в кои-то веки помог мне прийти в себя внутренний голос.

Вот да. С Астеротом виски пил, с Люцифером запанибрата беседовал, Баалу вообще «бесстыжий средний палец» показывал и проблемы сулил, обещая будку развалить. Я ни перед людьми, ни перед архидемонами, какого бы положения они не были, робости никогда в жизни не испытывал, что мне перед богиней стесняться?

«Зачем?»

Вопрос в сознании возник постфактум. Как будто он не был задан сейчас, а слышал я его еще до начала ритуала. Словно этот заданный вопрос был со мной всегда.

Времени, как такового, больше не было. И очень сложно было поймать мысли и точки ориентации в остановившемся мгновенье. Голова, по ощущениям, уже готова была взорваться от запредельной нагрузки. А не так ли воспринимает время Астерот? — мелькнула мысль, от которой дохнуло холодом не меньше, чем от Дыхания смерти Кали.

«Она тоже будет убивать демонов»

Ответил богине я тоже не сейчас. По ощущению, ответил я ей еще до того, как вонзил Николетте нож в сердце. Времени по-прежнему не существовало, как его не существует в моменте «никогде».

А я ведь сейчас на одной волне с богиней — понял вдруг я. Как она существует во всей реке времени, в каждом мгновенье, так и я сейчас дважды захожу в одну и ту же реку. Хоть трижды могу в нее зайти.

— Она не готова, — произнесла Кали.

— Никто не готов, — эхом ответил я. — Но когда и кому это мешало?

Движения богини больше не были размытыми. Мы с ней оказались в полностью замершем мгновенье — ушел шум из ушей, пропала тяжесть с плеч, и я вернулся в обычное человеческое мироощущение. Чувствуя и воспринимая себя так, как чувствовал и воспринимал в замке Астерота. Обычное человеческое состояние.

И взгляд с богини больше не соскальзывал. Впервые посмотрев на нее и рассмотрев, я замер со сбившимся дыханием. Потому что Кали была по-настоящему прекрасна. Реагируя на мой взгляд, она чуть вздернула подбородок и улыбнулась, показав белоснежные зубы. И шагнула вперед.

Дыхание смерти стало ближе, холодом обожгло щеку — это Кали коснулась моего лица. Длинные тонкие пальцы скользнули по щеке, задержались на губах, опустились по шее на плечо. Рука богини сжалась, притягивая меня к себе; глаза ее оказались совсем рядом, подчиняя и приковывая взгляд. Но вдруг смертельный холод сменился жаром — неожиданно Кали обняла меня, как будто случайно мазнув губами по щеке. И надавила на плечо, заставляя опуститься на колени — в ту самую позу, в которой я сидел на Николетте во время удара ножом, начавшего ритуал.

На прощание, прежде чем исчезнуть, богиня наклонилась ко мне — так, что ее густые волосы пощекотали мне лицо, и что-то произнесла.

Я хорошо услышал и понял, что именно Кали сказала. Но не запомнил. Осталось только эхо памяти, которое невозможно поймать. Самих же слов богини со мной больше не было — потому что пришла боль, просто вымывая услышанное из памяти.

Николетта во время ритуала лежала неподвижно. Я же бил ее ножом в сердце — и во время удара, в то время как мои руки с ножом еще были занесены, нас накрыл купол безвременья. А сейчас меня из-под купола вышвырнуло в реальность; общение с богиней уместилось в исчезающе краткий миг времени, но вошел я в этот миг в одном положении, вышел в другом. Ощущения — как с мощного разбега, выполняя спринтерский норматив, врезался в невидимую стеклянную стену, буквально вплющившись в нее. Даже нет, не так. Как будто куча стен, со всех сторон, одновременно врезалось в меня.

Сама реальность, в которую я вернулся, изменила положение моего тела. Это произошло настолько жестко, что я беззвучно закричал от боли. Из носа моментально хлынула кровь, во рту

появился медный привкус, и я сипло выдохнул, пытаясь восстановить дыхание.

Теперь, без шуток, прекрасно знаю что и как чувствует рыба, когда ее с размаху бьют плашмя об лед.

Очень это больно, очень ошеломляюще и безжалостно жестко.

Если бы Кали перед уходом не заставила меня опуститься на колени, меня вообще бы в кровавые клочья разметало — подумал я. При этом чувствуя, как горячая кровь из носа, щекоча кожу, ручейками стекает по подбородку и дальше вниз, на шею.

«Рожденный ползать летать не может», — подсказал внутренний голос, явно намекая на то, что все эти игры богов пока не для меня.

Но в произошедшем, неожиданно, был плюс, перевешивающий все минусы. Потому что шок от исчезновения купола и жесткого приземления обратно, в естественное течение времени, помог мне с ответом на вопрос, который возник в самом начале ритуала.

Что я знаю о пространственных карманах?

В пространственном кармане лежат парные кровавые мечи, которые я отобрал на Арене Базаара у вождя племени Кровавой длани.

Догадка, элементарная в своей простоте, озарила разум буквально вспышкой сверхновой. Вот только я все еще пребывал в состоянии ушибленной об лед рыбы, и обрывки мыслей и воспоминаний, картинки мыслеобразов и чужие голоса словно наслаивались друг на друга, а мозг едва-едва успевал уложить все это в понятийную систему осознания.

Решение я уже видел и знал. Мне его только нужно было сложить в единую картину.

Вот шатер посреди африканской саванны, в котором на широком ложе мы с Самантой. Утомленные ночью.

Обнаженная принцесса лежит поперек кровати, сложив ладони у меня на груди. И, положив на них голову, как на подушку, смотрит на меня своими удивительными голубыми глазами. Которые невероятно ярко контрастируют с ее смуглой кожей, чей оттенок подчеркивают и смятые белоснежные простыни.

Словно вживую я сейчас почувствовал испытанные тогда ощущения — как будто в самой настоящей реальности вновь оказался в кровати посреди красной африканской саванны. Как будто прямо сейчас лежу на кровати вместе с Самантой, чувствуя на груди ее руки, а на лице легкий ветерок, предвестник рассвета.

— Мечи — это слишком сильный артефакт?

Мой голос сейчас прозвучал как вживую — одновременно

осознавая себя сидящим на вымазанной в крови Николетте, я как будто бы оказался там, в собственном прошлом. Словно вернулся во времени, в собственное тело в роли наблюдателя. Ощущения восприятия невероятные; я такие испытывал в тот момент, когда появился в этом мире, сторонним наблюдателем в теле Олега.

— Ключ, способный без запасов накопленной силы открывать двери в иные миры, думаю способен считаться ценным артефактом, — ответила на мой вопрос принцесса.

Я сейчас — насколько реально слышу ее голос, и ощущаю ее прикосновения, даже испугался. Это была все та же бездна, которая смотрит на меня. Ощущение, как будто я сейчас живу в двух моментах времени, и, если сделаю неверное движение, могу сломать вообще все.

Едва Саманта закончила говорить, тут же пугающе реальное восприятие воспоминаний скакнуло во времени. Я по-прежнему был в собственном прошлом, в собственном теле, но окружение изменилось: под босыми ногами ощущается мягкий холодный песок, вокруг полумрак чаши пустой арены, построенной в древнеримском антураже. Напротив меня Николаев. Полковник стоит рядом с небрежно брошенным на песок футляром от виолончели, в котором лежат парные мечи побежденного мною бурбона.

Сзади меня обнимает, крепко прижимаясь, Ольга. Мы с ней полностью обнажены, и нас скрывает только атласная ткань накидки, которой девушка укрыла нас обоих. Ольга обнимает меня, взяв за руки — так, что мы практически слились в единое целое, синхронизируя свои ауры Эфира. Или, если по-простому, почти готовы войти в состояние слияния душ.

— Полученные тобой мечи, — говорит такой живой и реальный в восприятии Николаев, — это даже не артефакт. Это… можно сказать, это иная — отличная от людей и иных гуманоидных рас, форма жизни.

Во время этих слов полковник откидывает крышку футляра и снимает последние защитные конструкты, отсекающие мечи от воздействия внешнего мира.

Снова картинка воспоминаний прыгает, и я вновь оказываюсь в африканской саванне. Саманта уже скатилась с меня и лежит рядом, прильнув сбоку. Она сейчас по-настоящему удивлена, хотя внешне этого не показывает. Да, Саманта только что узнала, что я принадлежу к Российской Императорской семье. Принцесса ошарашена, да и я удивлен — тем, что она этого до сего момента не знала.

Кроме того, помимо ошеломленного удивления, Саманта определенно сдерживает готовую взорваться холодную ярость.

Принцесса не понимает, почему я отказался даже от мысли, что один из мечей можно отдать ей на хранение и в пользование.

— Без достоверного знания истинной природы мечей я опасаюсь, и даже боюсь, что обладание ими может быть опасным для разума, — это я сказал тогда, это говорю и сейчас, вот в этот самый момент времени.

Саманта, такая горячая и импульсивная, все же не только слушает, но и слышит. Я буквально чувствую, как по мере осознания моих слов возвращается ее доверие.

— …по здравому размышлению, если начать разбираться, уверен: мы узнаем, что это не бурбон управлял мечами, а скорее уже больше они им…

Я все еще говорю, но это происходит уже далеко — разум, отвлекая от ломающей боли жесткого приземления в реальность, подкидывает очередную пугающе реальную картинку воспоминаний. Отвлекающую, и составляющую полную картину ответа на вопрос о пространственных карманах.

Я уже в кабинете, превращенном в больничную палату. Рядом, на кровати, бесчувственная Ольга, чью руку я держу в своей. Николаев устроился напротив, с другой стороны кровати. Он пьет коньяк и впервые на моей памяти выглядит подверженным эмоциям. Еще бы — мы ведь на пару — я своими действиями, пусть невольными, а полковник своим ошибочным решением, только что чуть не убили Ольгу.

— Я, конечно, предполагал, что ты и в состоянии покоя весьма опасен для окружающих, — произнес Николаев, и добавил после долгой паузы: — Но не предполагал, что настолько.

Вместе с этой фразой трансформация моего тела, вернувшегося в течение времени из соседнего потока, закончилась. Из ушей исчез ватный шум — подобный возникающему при резком снижении самолета, из тела ушла боль, а в мыслях появилась ясность.

И полное понимание.

Когда я, по решению Николаева, под контролем и со страховкой Ольги брал в руку один из мечей, все пошло не по плану сразу. Потому что я на тот момент владел сразу тремя стихиями: Тьмой, Огнем и Демоническим пламенем. Именно последнее, доставшееся мне в наследство от убитого лорда-повелителя, вырвалось навстречу кровавому мечу — эпическому артефакту, или даже отдельной форме жизни, которая для инферналов, и Демонического пламени, естественный враг.

Природа кровавых мечей людям чужда, а вот инферналам глубоко враждебна. И во время инициированной Николаевым демонстрации, на песке арены ученого полигона, Демоническое

пламя силой слепка души лорда-повелителя, часть разума которого я забрал себе, рванулось навстречу мечу, стремясь его уничтожить. И тогда я его не сумел удержать. Успел только, спасая жизнь Ольге, в последний момент разорвать наше с ней слияние душ. Чем, кстати, еще и сам меч спас.

Но.

Демоническое пламя больше не может помешать мне взять в руки меч. Просто потому, что его у меня больше нет. Как нет и темных искусств — ведь благодаря татуировке, проявившейся после того, как Анна Николаевна выжигала во мне Тьму, ко мне вернулся лишь Огонь.

И…

И еще у меня больше нет руки. Ведь вместо правой — бионический протез. И при этом я, теоретически, владею даром — у меня есть энергетический каркас, и я все еще homo deus, и мне по-прежнему подчиняется Огонь.

У меня нет больше дара владения Демоническим пламенем.

У меня нет больше живой руки, через которую меч может захватить мое тело под собственное управление.

Зато у меня есть… у меня есть я — ведь я по-прежнему Артур Волков.

А это значит, что у меня есть доступ к пространственному карману, в котором сейчас в моменте «никогде» находится футляр от виолончели, в котором спрятаны два парных меча. Которые могут легко открывать проходы между мирами.

Изначально доступ к пространственному карману должен был быть совместным. При условии открытия тайника парой из нас троих — либо меня и Ольги, меня и Николаева, или Ольги и Николаева. Но после того, как Ольга едва не погибла из-за конфликта меча и Демонического пламени, мечи пришлось убирать в пространственный карман нам вдвоем с полковником.

И сейчас открыть тайник я могу в одиночку.

«Могу?» — спросил я сам себя.

«Могу», — появилось знание.

«А теперь представьте, что ребенок этот сидит в пустом океанариуме, окруженный со все сторон стеклянными стенами аквариумов с тоннами воды и разными опасными морскими и земноводными гадами. В окружении аквариумов, стенки которых выстрел пули 12 калибра не выдержат. И рядом нет никого, кто бы подсказал ребенку об опасности дробовика у него в руках. Представили?» — подсказал мне внутренний голос голосом Николаева. Слова, которые говорил он перед тем, как дать мне взять в руки один из мечей.

А ведь есть еще Колесо Миров. Колесо Миров, которое

объединяет в себе многочисленные реальности, и по которому невозможно перемещаться, потому что сверху — Асгард и Светлые Альвы, они же ангелы, а снизу — Хельхейм и Альвы Темные.

Одержимый может пройти через Хельхейм, озаренный — через Асгард, но через Хельхейм и Асгард одновременно, чтобы попасть из одного истинного мира в другой, пройти не может никто.

Или никто не может, а я могу?

У меня есть контракт с Астеротом, недавно я мог выпить с Люцифером, а еще у меня есть возможность достать мечи из тайника, и безбоязненно ими воспользоваться.

«Массимо…» — тонким девичьим голосом вдруг произнес внутренний голос, явно на что-то намекая.

«Какой-такой Массимо?» — замерев, воткнулся я в тупик на развилке мыслей.

— Массимо, — снова послышалось вдруг более отчетливо и откуда-то снизу.

Вздрогнув, я посмотрел на звук голоса.

Николетта, с измазанным кровью грудью и лицом, так и лежала подо мной, раскинув крестом руки и ноги. Обратив на нее внимание, я словно заново воспринял часть произошедшего, в которой она участвовала. Николетта, также как и я, находилась в миге безвременья, и также как и я видела пришествие богини — в момент удара ножом придя в сознание. Только вот я знал, что происходит, а Николетта участвовала в событиях безмолвным статистом.

Наблюдая.

Не такой конечно шок, который испытал я, проведя ночь в теле мертвого Олега, но… тоже приятного мало. И ведь после всего пережитого Николетта еще держится в сознании — а если уж мне было по-настоящему страшно от Дыхания смерти Кали, то представляю, чего стоило и стоит Николетте сохранить ясность сознания сейчас.

Ясность сознания Николетта сохранила, но не сохранила возможность нормально дышать — я так и сидел на девушке, задумавшись, и под моей тяжестью ей явно не хватало воздуха.

Упс. Неудачно получилось.

На самом деле, я оказывается все хорошо помню — свои ощущения от того, что Николетта видит происходящее и пришла в себя, безмолвно взирая на наши с богиней переговоры. Просто от присутствия Кали и нахлынувших догадках о мечах, как-то проблему Николетты отставил далеко в сторону, просто не обращая девушку внимания. И забыв вообще, что она вообще-то

тонкая и хрупкая, и что мои задумчивые пятьдесят восемь килограмм сверху дышать ей совсем не помогают.

— Прости, задумался, — перенося вес тела на колени, прошептал я, осматривая Николетту. Невольно отметив, что там, где клинок вошел между ребер, осталась только красная полоска.

Осмотрелся вокруг словно новым взглядом, обращая внимания и на девушку, и на остальную пришедшую в норму реальность — о которой, с этими догадками о дороге между миров совсем забыл. И обращать внимание было на что — скаутский нож, так похожий на советский нож разведчика, сейчас находился в моей руке. В левой. В правой же на ладони лежала темная — как из красного золота, змейка — в которую превратился астральный двойник ножа.

И от меня, как оказалось, по воле Кали никаких действий не потребовалось. Едва я вышел из задумчивости, полностью вернувшись в реальность, как змейка соскользнула с моей ладони на грудь Николетты и обвила кулон-инклюз. Мертвый и треснутый камень, из которого ушла капля стихийной энергии, ожил. И стал огненно-красным, а внутри запульсировала — в такт ударам сердца Николетты, капелька истинного Огня.

Сам нож по-прежнему оставался в моих руках. И ощущая тяжесть рукояти, я вдруг осознал — жизнь девушки, как и нож, также теперь в моих руках.

Кали оставила нож мне — и я сейчас полностью чувствую и могу контролировать сердцебиение Николетты. Сама она, по ощущению боящаяся пошевелиться и даже дышать, также это хорошо почувствовала.

Неудивительно, Николетта ведь эмпат. А под силовым куполом безвременья, через меня и мои эмоции, она воспринимала происходящее не менее полно. И поняла, что я принес ее жизнь в жертву богине, совершив отложенное жертвоприношение. Пусть и спасая таким образом ее от надвигающейся неминуемой смерти.

Глаза девушки, которая постепенно осознавала новую для себя реальность, наполнились слезами, а нижняя губа задрожала. Да, все же слишком много испытаний выпало за последние дни на долю этой вчерашней домашней девочки.

— Не бойся, — ободряюще сжал я плечо Николетты. — Все будет хорошо.

Девушка по-прежнему лежала, боясь шевельнуться и даже моргнуть. Я ее понимаю — она сначала чувствовала, что умирает, после этого очнулась в центре жертвоприношения в присутствии божественной сущности, а еще чуть погодя осознала, что ее жизнь теперь у меня в руках.

Эхо накрывшего нас купола было настолько сильно, что я вдруг понял — сам ощущаю эмоции Николетты. Так ярко, как у меня получалось делать это раньше, когда обладал способностями эмпата.

— Твоя жизнь, — продемонстрировал я нож Николетте.

И, глядя в расширенные глаза, взял девушку за руку, нарушая положении в ритуальной конструкции круга. Для того, чтобы изменить положение руки, потребовалось некоторое усилие — Николетта, оказывается, находилась в состоянии оцепенения, которая сама снять не могла.

Поставленная богиней защита. От того, чтобы Николетту не перекрутило также, как и меня, когда я жестко приземлился в реальность — догадался я.

— Твоя жизнь, в твоих руках, — продолжая движение, я вложил рукоять ножа в ладонь девушки.

Мне ее жизнь точно не нужна. Со своей бы разобраться — не говоря уже о том, что у меня еще две судьбы есть, завязанные на мою душу — Иры, и Ады.

А мы, как говорится, в ответе за тех, кого приручили, так что я уж лучше как-нибудь без лишней ответственности.

— Твоя жизнь, в твоих руках, — еще раз успокаивающе повторил я, беря вторую руку Николетты и также положив ее на нож.

Николетта, с которой сошло оцепенение, громко и глубоко задышала. Когда я переместил ее руку, нарушая форму ритуала, она получила возможность владеть собственным телом. И тут же, прямо подо мной, повернулась на бок, скрывая от меня наготу и свернулась калачиком, прижимая к себе нож и подтянув колени к груди.

Я же поднялся и после недолгих поисков обнаружил ванную комнату. Включил и настроил воду, после вернулся к кровавому кругу. Николетта все также лежала в позе эмбриона, крупно дрожа и негромко всхлипывая — постепенно отходя от пережитого. Или, наоборот, постепенно полностью понимая, что именно произошло.

Я тронул девушку за плечо, но она только задрожала сильнее. Поэтому я поднял ее на руки, отнес в ванную и поставил под мягкие струи комфортно теплой воды.

Вымок сам, пока ее держал, смывая с тела девушки собственную кровь. Да и сам умылся.

Николетта поначалу, щурясь под струями воды, смотрела на меня непонимающим взглядом, сжимая обеими руками переданный мною нож. Я прекрасно чувствовал ее эмоции — она сейчас в шоке. На краю истерики ее держит оставшиеся крохи

самообладания, а также еще и то, что она теперь ощущает нож частью своего тела. И сжимая рукоять, не в силах поверить в произошедшее и осознать последствия. Да и вообще полностью осознать, что произошло.

Я теперь ощущал эмоции Николетты — невероятно четко, а она также ощущала мои. А я сейчас источал полнейшее спокойствие — все же не в первый раз в жертвоприношении участвую, и не в первый раз с богиней встречаюсь. И благодаря этому — благодаря моему абсолютному спокойствию, Николетта постепенно начала приходить в себя и успокаиваться.

Но я еще очень долго просто находился рядом и поддерживал девушку, пока она — все также обняв нож, стояла под потоками льющейся сверху воды. Шок от произошедшего у Николетты проходил, она приходила в себя; стала ровнее спина, расправились плечи, девушка уже подняла голову, с закрытыми глазами подставляя под тугие струи лицо, словно смывая с себя оцепление.

Когда ощутил, что девушка более-менее пришла в себя, и пробует даже, стесняясь, встать боком, закрываясь от меня, я выключил воду. Накинув на Николетту полотенце, вытер ее и помог выбраться из душевой кабины.

Оставив ее у гардероба одеваться, отправился подождать в гостиную. В мокром было не совсем комфортно, поэтому навелся на прет-а-порте, напечатать себе одежду. Из доступного для меня — из мужской одежды, в меню оказалась только униформа работника Некромикона. Темный полувоенный мундир, с белыми вставками-уплотнениями на поясе, плечах и бедрах, а также с зеленым трилистником на груди.

Переодевшись и развесив на спинки кресел сушиться свою экипировку городского охотника, я ждал Николетту на диване, попивая удивительно ароматный натуральный кофе. Не сильно я его жалую, предпочитаю больше чай. Но под настроение хороший кофе — истинное наслаждение. Особенно когда отстраненно наблюдаешь, как моющий робот-пылесос удаляет с пола следы проведенного кровавого ритуала.

Я все же сделал это. Хотя шанс на то, что Николетта выживет составлял, как иногда говорит Войцех, ноль целых, ноль десятых.

Вот уж действительно, не в этот раз.

Но несмотря на то, что я отдал ей нож, не забирая контроль над ее жизнью, я уже с огорчением понял, что в ответе за нее. Не было печали, еще одна судьба в копилке.

Это к тому, что мне теперь нужно разобраться с тем, кто хотел Николетту убить. Потому что в то, что все «произошло само» я просто не верил.

Не бывает так.

Николетта появилась, когда я сделал себе вторую кружку, заказав в кофемашине в этот раз мокачинно. Внешне девушка полностью пришла в себя, вновь всем видом источая уверенность и спокойствие. Она была в легком платье — простом, но в то же время выглядящим неуловимо дорого. Кулон на шее Николетты уже не сиял так ярко, как после восстановления его змейкой. Синий яхонт превратился в красный, а капелька Огня внутри по-прежнему билась в такт ударов сердца девушки. Неярко, на заметно. Ладно, с этим тоже сейчас разберемся.

Единственное, что выбивалось из элегантного образа — простой черный скаутский нож в руке Николетты. Который она, судя по всему, не знала куда деть, но при этом боялась отпустить. Так, наверное, и переодевалась, перекладывая его из руки в руку. Неудивительно — я, когда кукри соединил с собой, со своим телом, примерно такие же чувства испытывал.

Жестом показав Николетте присесть рядом, взял девушку за руку — накрывая ее ладонь на рукояти ножа своей. Николетта, когда я ее коснулся, вздрогнула. Она сейчас панически — до стиснутых зубов, боялась. В том числе оттого, что не понимала, что происходит. И вновь только мое абсолютное спокойствие помогло ей вновь начать контролировать мысли и чувства.

Слова пока были не нужны. Я держал девушку за руку и глубоко дышал.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох — словно говорил я ей, помогая восстановить дыхание.

Она эмпат, меня прекрасно чувствует, и безропотно повторяет. При этом полностью доверяя — надо же, почувствовал я ее эмоции.

Доверяет, потому что ей нужно хоть что-то, какая-то надежда, чтобы за нее зацепиться. А после того, как я отдал ей нож, который мог оставить себе, она теперь смотрит на меня широко открытыми глазами. Эмоционально, конечно же.

На одном из выдохов, когда почувствовал, что пора, я раскрыл свою руку. Николетта машинально сделала то же самое — и ножа в ней не оказалось. Девушка, осознав что произошло, ахнула, но я успокаивающе сжал ее ладонь.

Вновь я не сказал ни слова, глядя в глаза и показательным спокойствием помогая успокоиться и ей.

Вдох, выдох, вдох, выдох — и мы почти синхронно сжали кулаки.

Я, если честно, очень ждал (где-то неуловимо на краю разума) что в моей руке появится кукри. Но не удалось. Не получилось, не срослось, как говорят хирурги.

Зато скаутский нож у Николетты снова оказался в руке.

— Теперь сама, — произнес я, отстраняясь.

Пока пил остывший мокачинно, Николетта с удивлением первооткрывателя училась работать с ножом, который больше не подчинялся законам времени и пространства. После нам потребовалось немного времени, чтобы научиться скрывать ее кулон. Это оказалось много проще — действие по аналогии с ранговыми перстнями, которые меньше, чем нож, и гораздо легче синхронизируются с аурой эфира и физическим телом одаренного.

В ходе обучения я понял, что потенциал Николетты невероятно высок — она не просто схватывала все на лету, но у нее любое действие получалось невероятно легко.

Примерно через час, когда Николетта не только научилась управлять ножом и кулоном, скрывая его видимость, но и полностью пришла в себя, вернув душевное равновесие, я поднялся.

— Поздравляю. Время прощаться — моя миссия выполнена…

Николетта вздрогнула, едва осознавая слова. Вновь она стала испуганной девушкой, которая мало что понимает в происходящем.

— Не парься, я пошутил, — успокоил я ее. — Это было нужно, прости, мне необходима была твоя реакция.

— И как реакция?

— На троечку.

— Почему? — даже обиделась Николетта.

— Ты обладаешь невероятным потенциалом к освоению дара владения. Но любая нештатная ситуация превращает тебя в испуганную девочку. Мне это не нравится, потому что может тебе навредить.

— Ты мне поможешь это исправить? — внешне спокойно, но внутренне замирая (я это прекрасно чувствовал) спросила Николетта.

— Да, — просто от ответил я.

— Ты теперь тоже чувствуешь мои эмоции?

— Да.

— Ты и раньше их чувствовала?

— Нет. Похоже, это инициировалось во время ритуала.

— Ты расскажешь мне, что произошло?

— Мне бы кто рассказал, — усмехнулся я. — Давай для начала вернемся на пару часов назад. Расскажи, как, когда и почему ты написала мне сообщение.

— Я медитировала, как вдруг меня словно… я не знаю, что это было. Мне вдруг мгновенно стало плохо. Раздался звук… не

звон, но…

— Как будто рвется струна?

— Да.

Глядя в голубые глаза девушки, я кивнул. Ну да, треснул инклюз, все верно.

— И одновременно сверкнула вспышка, а меня внутри словно всю перекрутило. Я почувствовала, как из меня буквально уходят силы. Смогла лишь проговорить тебе сообщение, после чего провалилась в… наверное, полубеспамятство.

— Еще что-нибудь происходило? Мне нужно все, на что ты обращала внимание, это важно.

— Мне было плохо. Очень плохо — настолько, что я хотела умереть. Наверное, больше ничего важного. Ты объяснишь, что случилось?

— Конечно. Объясню, — задумчиво покивал я.

«Да что тут объяснять: все пошло через жопу!» — подсказал внутренний голос.

Говорить так Николетте я конечно же не стал. Правда, забыл о том, что она эмпат, а внутренний голос бывает слишком громким.

И судя по выражению лица девушки, она все прекрасно услышала.

— Сегодня у тебя возникла непредвиденная ситуация, — начал я мягко и издалека. — Инклюз разрушился. Произойти это могло по трем причинам. Первое: инклюз был неудовлетворительного качества. Второе: твой потенциал значительно выше умения того одаренного, который создавал инклюз.

Дав время Николетте осознать сказанное, я продолжил. Все тем же мягким голосом, но озвучивая уже острые вещи.

— Заниматься самоуспокоением, и сбрасывать со счетов первый вариант, мы не будем. Это просто опасно, поэтому это у нас сейчас рабочая версия. Впрочем, второй вариант также возможен: у тебя действительно нереально большой потенциал. Но. Чтобы узнать о том, что имело место — чужое преступление или моя ошибка, а также ошибка сеньоры Романо в оценке твоего потенциала, желательно бы знать кто именно создавал инклюз. Ты сможешь задать этот вопрос сама, или это сделать мне?

— Могу. А в чем дело, почему именно это так важно? — хорошо прочувствовала мои эмоции Николетта.

Похоже, она не совсем поняла смысл сказанного мной. Подумав немного, я мысленно рукой махнул. И так все через задницу идет, хуже точно не будет.

— Слушай пожалуйста меня сейчас не сердцем, а только

разумом. Готова?

— Да.

— Видишь ли, нельзя исключать вариант того, что сеньора Романо подстраховалась — и в случае неудачи, в случае если бы ты не справилась со стихией, ты бы умерла вместе с ее тайной. Ну, и вместе со мной, конечно. Потому что блокировка твоего стихийно инициировавшегося Источника с помощью инклюза — это довольно радикальный метод. Блокировать его можно было гораздо проще и безопасно, медикаментозно. Настолько проще, что я в любой аптеке без рецепта могу купить веществ и организовать блокировку. Вместо этого твои энергетические каналы оказались замкнуты на редкий и дорогой артефакт, причем это… это некий костыль, который теперь будет с тобой до конца всей твоей жизни. В некотором роде тебе даже повезло, что сейчас инклюз стал… — я задумался. — Стал отзвуком твоего сердца, только в ауре души. Потому что в теории, тот кто создавал инклюз, мог контролировать твою жизнь, и убить тебя, появись на то желание.

— Это третий вариант причины?

Ну вот, я с самого начала знал, что она умная девочка.

— Да.

— Как этот кто-то мог попытаться меня убить?

— Не попытаться. Если это так, то по факту он тебя убил. Если бы я не принес твою жизнь в жертву богине, и, если бы она твою жизнь не приняла, ты бы уже была мертва.

Николетта побледнела так, что лицо ее стало белее мела.

— Как этот кто-то меня убил, каким образом? — почти ровным, лишь едва подрагивающим голосом повторила она вопрос.

— Если объяснять просто, то… если инклюз был создан рукотворно, то вполне возможно, что создан его астральный двойник — точь-в-точь также как с ножом, который я воткнул тебе в сердце, но не сердце физического тела.

— Связь как… — Николетта не договорила, заставив теперь свой нож материализоваться в руке.

— Проще, не такая сильная. Но разрушение астрального двойника артефакта могло повлечь за собой разрушение твоего камня.

Николетта, когда до нее дошло, даже вздрогнула и закусила моментально побелевшую губу.

— Что? — увидел я что-то в расширенных глазах Николетты.

Она в ответ только покачала головой.

— Николетта.

— Массимо.

— Если ты не доверяешь мне, тогда кому ты доверяешь?

Николетта, как я почувствовал, по настоящему титаническим усилием удержалась оттого, чтобы не заплакать.

— Мне могло это показаться.

— Показаться что?

— Я сейчас вспоминаю, что звон… мне кажется, что звон был сдвоенным. Как будто порвалось две струны.

— Ты не уверена.

— Нет. Мне сейчас может казаться это от страха. Я панически боюсь и еще мне кажется, что вот-вот от страха я потеряю сознание.

— Откровенно.

— А с кем мне быть откровенной, кроме как не с тобой? Тем более что ты уже…

Николетта не договорила, но по ее смущению я понял, что именно она не договорила.

— Мы со всем разберемся, не волнуйся. Со всеми вариантами. Но даже если исключим возможность подобной закладки, есть опасность, что инклюз даже без двойника был создан некачественным намеренно. И сделано это было теми друзьями сеньоры Романо, которые по факту ей не друзья. И выполнив работу за вознаграждение, эти личности, или личность, специально передали сеньоре Романо инклюз, который должен был прийти в негодность, убивая тебя — как только ты самостоятельно приблизишься к границе силы…

Хотел было привести пример с надрезанным тормозным шлангом в машине, но подумал, что Николетта с устройством автомобиля не сильно дружит.

— …как будто у тебя кто-то ослабил крепления руля на яхте, зная, что тебе предстоит под шквалистым ветром проходить мимо скалистых берегов. И как только задуло сильнее, руль вырвало, ты осталась на неуправляемой яхте в штормовом море, и тебя несет на скалы. Что, собственно, и произошло в первый же день как ты приблизилась к порогу психоэмоциональной нагрузки, а значит и к порогу владения силой.

Сделав небольшую паузу, я продолжил.

— Возможность своей ошибки я не отрицаю. Но я ее… наверное, не признаю. Просто потому, что для того, чтобы инклюз разрушился из-за разницы потенциалов, его должен был создавать криворукий аколит, не взявший даже третий бронзовый ранг, а у тебя рабочая, вернее действительная планка развития должна быть уже на уровне как минимум магистра. Так что как основную версию я предполагаю, что имеет место некачественная работа при создании блокировки. И вот умысел это, или

банальная ошибка, мне хотелось бы знать. И когда ты сообщишь мне имя мастера, я могу попытаться выяснить истину. В том числе и по третьему варианту — возможности твоего намеренного убийства путем уничтожения астральной копии.

По мере того как я говорил, по взгляду Николетты видел, что ее мир — такой простой и благожелательный совсем недавно, окончательно рушится под натиском суровой реальности.

— Сочувствую, — еще раз ободряюще я сжал ее руку. — Но таковы правила игры. Пока пару часов отдыхай и приходи в себя, завтра занятия по плану, эфир и ранги. Я сейчас поеду домой, и когда закончу с делами, скину тебе домашнее задание, сегодня днем и ночью тебе неплохо бы снова поработать.

— Массимо! — окликнула меня Николетта, когда я уже двигался к выходу.

— Да?

— Так ты мне скажешь, что…

Николетта не выдержала, и я услышал виртуозную и дробную речь, состоящую из ярких итальянских идиом.

— … скажешь, только что произошло? — выговорившись, спокойно завершила фразу Николетта.

— А, да, — немного смутился я. Потому что вообще забыл, что Николетта прошла ритуал жертвоприношения в качестве безмолвного статиста. Мне подспудно казалось, что раз Николетта эмпат, она в процессе жертвоприношения поняла и всю подноготную произошедшего.

Пришлось задержаться и рассказать — про богиню Кали, про то, как я — со слов Николаева, представляю ее природу — про подпитку силы богини верой в нее людей. Рассказал и про отложенные жертвоприношения Иры и Ады, которым богиня помогала принести себя в жертву, отдавая собственные жизни в мои руки. Рассказывал без персоналий, конечно же, и в общих чертах, но Николетте для понимания вопроса хватило.

По мере того, как я говорил, чувствовал от Николетты поднимающийся интерес. Потому что одно дело, когда я «изгнанный из клана бывший одаренный», а совсем другое дело — владеющий даром, при этом общающийся с богами. А в том, что я владеющий даром, сомнений уже нет — она видела, как я создал шар настоящего Огня. И видела, как я обнимался с богиней.

Кроме опыта общения с Кали, рассказал девушке еще и о том, как понимаю механизм жертвоприношения, которое я принес сейчас — подарив жизнь Николетты самой Николетте. Включив только в цепочку богиню, которая стала гарантом сделки. Правда, понимал в произошедшем я сам мало — а если уж начистоту, то

скорее не понимал, чем понимал.

Жертвоприношение я совершил, чтобы призвать богиню — для того, чтобы она спасла Николетту. А что из всего этого получилось, а тем более еще получится… вообще не знаю. Но, как говорится, будем решать проблемы по мере их поступления. Поступила проблема с умирающей от разрушения инклюза подопечной? Я ее решил. Чек, несите следующую.

— Ты слышала, я сказал, что «ты будешь убивать демонов»?

— Да.

— Отнесись к этому серьезно. Теперь за тобой будет смотреть богиня, и именно ей ты заплатила за спасение своей жизни. Заплатила тем, что будешь убивать демонов.

— Каких демонов я должна убивать?

— А вот это мы с тобой обсудим на следующих уроках. Ладно, теперь все хорошо, а будет еще лучше. Не переживай, все уже под контролем. Прости, у меня много дел, твое сообщение вырвало меня из-за стола важного совещания.

— Но…

— Пока приходи в себя, я сейчас доберусь до дома и скину тебе пару материалов к изучению и программу тренировок. Наш урок переносится по плану на один день вперед.

— А как…

— За сохранность инклюза можешь не беспокоиться. Его починила богиня, и повредить его теперь не сможет вся королевская рать.

— А когда…

— Так. Разговорчики, боец! — повысил я голос. — У тебя будет много работы, как только я доеду до Полигона и придумаю чем тебе сегодня себя занять. Пока можешь немного отдохнуть.

Глава 11

Сбежав по крыльцу виллы Николетты, я завел машину и подумал, что можно немного расслабиться. Буквально минуту посидеть с закрытыми глазами и без мыслей.

Зря подумал — потому что едва откинулся на кресле, завибрировал ассистант.

— Да как это все меня… мне дорого-то, а! — в сердцах высказался я, доставая прозрачный прямоугольник.

«У нас проблемы. Приезжай как сможешь» — прочитал я сообщение от Войцеха.

— Да еш-матреш! — только и выдохнул я.

Развернулся, не слишком заботясь о сохранности гравийной дорожки — я ее и так раскатал торможением, когда на крыльцо заезжал. Выехав с территории виллы, в очередной раз — только уже в обратную сторону, на грани нарушений пролетел вдоль побережья по Альбрук-авеню, проскочил, не снижая скорости через КПП. На магистрали скорость еще контролировал, а на Полигоне уже себя не сдерживал — проезжая по мусорным улочкам, оставлял за собой шлейф пыли.

Ворота снова открыл бампером, напугав находящихся во дворе. Звучно хлопнула дверь Гелика, рабочие проводили меня синхронными взглядами, не обращая внимания на которые я забежал в дом.

Войцех ждал меня в совещательной комнате — в той самой, где на стене по-прежнему висел портрет Оламайда Джонсона, с двумя дырками от ножей Патрика в глазах.

— Я здесь, — сообщил я Войцеху очевидное.

Тот, в позе мыслителя сидевший над картой острова, на меня лишь глянул коротко, жестом приглашая присоединиться к мозговому штурму. Захватив от стены стул, я присел напротив поляка и окинул взглядом проекцию рабочей зоны.

Знакомый район — напряг я воспоминания и понял, что смотрю на округ Вилладж — тот самый, полицией которого руководит Джордж Линден. Человек, сдавший с потрохами своих патрульных и выбросивший на помойку их семьи, лишив положительного социального рейтинга. Сделав, кстати, примерно то же самое, что произошло со мной (с Олегом) когда сам Войцех «умер» в Высоком Граде от рук аристократа-мажора князя Андрея Юсупова.

— Что случилось? — пододвинув стул, удобно устраиваясь, спросил я.

— Джордж Линден, как стало известно, завтра покидает

остров, — сообщил мне Войцех.

Да что ж это такое происходит? Что-то все больше происходящее напоминает прогулку на городском пляже Анапы в сезон — куда ни глянь, везде сплошная жопа.

— Да как так-то? — вслух выразил я расстройство новостью.

— Томми купили ему билет с острова, причем уходит он с помощью золотой катапульты. Предполагаю, что до Линдена дошла информация о готовящейся каре Господа, которая готова достать его перед плановым отъездом, и ему на Занзибаре определенно стало неуютно. Линден покинет остров уже завтра, сегодня в роли начальника полиции района Вилладж он последний день. Причем все документы и перевод будут оформлены также завтра, когда на Занзибаре его уже не будет.

— Это же… ну, так не делается.

— Как видишь, делается.

— Если это такая тайна и прямо ювелирная работа парней из Томми, которые обеспечивают эвакуацию Линдена, почему мы об этом знаем?

«У польской мафии длинные руки», — Войцех ответил не сразу, и за время паузы внутренний голос мне подсказал ответ на вопрос.

— Джордж Линден уволился из полиции и получил назначение инспектором Колониального комитета ООН.

— Оу, — не удержался я от комментария, потому что корпораты оплатили предательство Линдена очень хорошо. Должность инспектора Комитета ООН для вчерашнего начальника полиции, пусть и в элитном сеттльменте протектората — это самый настоящий шаг в небо. Очень дорогие тридцать три сребреника. Действительно золотая катапульта.

— Линден отбывает завтра утром в Бразилию, а если конкретно — в Порту-Аллегри.

— А в Порту-Аллегри… — пощелкал я пальцами, вспоминая и понимая, — находится оперативная база…

— Tak, baza LigiMorskieji Kolonialnej, — на польском произнес Войцех.

База Морской колониальной лиги — экспедиционного корпуса колониальных вооруженных сил Речи Посполитой. Своих колоний у Польши в этом мире до сих пор не было, а вот колониальные войска были. Причем довольно серьезные войска.

Получается, что внутренний голос совсем не ошибся, когда предположил, что раскрытие тайны убытия Линдена — дело рук польской мафии, у которой длинные руки. Наверняка информация пришла «другу» Войцеха от кого то из военных, что узнали о переводе. Это на Занзибаре документы можно провести

задним числом, в структурах связанными с ООН так не сделаешь. И значит, информация все же просочилась.

— Твой друг Вальдуш дополнительно подкинул какой-нибудь информации?

— Нет.

— Kur-r-rwa, — расстроенно выругался я, понимая, что мне вместо отдыха вечером предстоит влезать в очередной блудняк.

— Не нервничай, мы можем отказаться, — пожал плечами Войцех. — Лезть без разведки к Линдену, это авантюра. Особенно с учетом того, что нам нужно инсценировать самоубийство, причем сделать это так, что всем стало понятно, что Линден откланялся не сам. Я вот смотрю на это, — показал взглядом Войцех на карту района Вилладж, — и у меня вообще ни одной идеи. Вернее, идей то россыпь, но реальных среди них ноль целых, ноль десятых.

— Если мы откажемся, нам не отдадут Кигунгули. Более того, мы останемся должны твоему другу Вальдушу, который уже оказал нам услугу с оружием. И превратимся из делового партнера в кредитора, а должок твой друг спросит. Особенно учитывая его симпатию к тебе со времен сломанного носа в школе.

Войцех только плечами пожал, показывая, что все прошло, и это пройдет. Он, судя по настроению, совершенно не был настроен на то, чтобы лезть сегодня вечером в авантюру с Линденом.

— Насчет этого не беспокойся, — спокойным тоном подтвердил он мою догадку. — Я могу ему еще раз нос сломать, и не только нос.

— Мне наплевать, хоть ты его всего сломаешь. Мне нужно Кигунгули, нужно буквально завтра, и мне нужна лояльность полиции, когда я буду его забирать.

— Зачем тебе вот прямо сейчас Кигунгули?

— Я покинул наше совещание срочно, и не все тебе рассказал. На следующей неделе я планирую объявить себя варлордом.

— Уо-ооу-оу, — не скрывая крайней степени удивления, протянул Войцех.

— От меня этого хочет сеньора Романо. Кроме того, на следующей неделе на Занзибар прибудет влиятельный человек, который может организовать легитимизацию регистрации моего объявления.

— Артур, — официальным тоном обратился ко мне Войцех, говоря явно не так, как хотел бы сказать.

— Да.

— Не сочти за оскорбление, но мне кажется, что тебя используют.

В ответ я только хмыкнул — надо же, открытие.

— Тебя старательно направляют на дорогу с флажками, неужели ты этого не видишь?

— Войцех.

— Да?

— Ты знаешь историю Российской Империи.

— В общих чертах.

— Петр I, он же Великий. Занял трон в десять лет. Слышал такое?

— Да.

— А ты слышал, что трон он занял в роли младшего царя-соправителя? А старшим царем был его брат, который по свидетельству современников умом и сообразительностью не отличался, зато отличался очень уж слабым здоровьем?

— Эм. Нет.

— Теперь слышал. Изначально Петр был фигурой, инструментом для делящих влияние кланов, которую просто посадили в бархатное кресло, причем в парное кресло — оно до сих пор в Оружейной палате стоит. Более того, Петр был картонной фигурой — ему даже образование не дали, он писать так нормально и не научился. Ему было позволено только играться в солдатиков на заднем дворе. И все его последующие рубки боярских бород в виде сказок для детей — это же история захвата власти тем, кого всерьез никто не воспринимал. А знаешь, что в этой истории самое главное?

— Что?

— Петр не сам занял трон, — я для убедительности даже пальцем в небо показал. — Его туда по-са-ди-ли. Сами его на трон посадили — сами потом и хлебнули полной ложкой. Кланы он приструнил так, что бороды часто вместе с шеей рубил, в Церковь вообще навсегда вычеркнул из числа подписантов, персонажи анекдотов теперь. И до сих пор обер-прокурор, а не патриарх Церковью управляет, очень уж по юности Петр этих ребят не взлюбил. Поэтому и столицу из Москвы переносил, потому что в златоглавой ему банально опасно по улицам было ходить.

— Это ты к чему? Я простой отставной вахмистр, мне бы попроще объяснение, — сделал вид, что не понял меня Войцех.

Только вот по глазам его я прекрасно видел, что все поляк понял.

— Это я к тому, что пусть передо мной и дорожка с флажками, но идет она сейчас наверх.

— Это все звучит умно и красиво, вот только я все равно

категорически не советовал бы тебе сегодня лезть к Линдену для того, чтобы получить карт-бланш на захват Кигунгули. На этом сраном острове, как говорит Патрик, весьма много группировок, достойных того, чтобы мы им хату разнесли, действуя по внятному плану, а не впрягаясь в опасную авантюру. Если уж тебе так нужен повод, чтобы показать состоятельность тебя как варлорда. Тем более я даже до сих пор не знаю, как мне в Вилладж попасть, не говоря уже о том, чтобы получить план дома Линдена.

Может быть, Войцех и правильно говорит — подумал я, вставая из-за стола и начиная мерить комнату шагами. При этом я, даже почти не замечая, щелкал пальцами. Эта привычка у меня появилась со времени прибытия на Занзибар. Несмотря на то, что физически замену руки я практически не чувствовал (в плане ощущений), но разумом все равно никак не мог с этим смириться.

И щелкал пальцами я последние дни, когда был без дела или в раздумьях, очень часто — словно раз за разом проверяя ощущения от ударов подушечек пальцев в ладонь. Раз за разом удостоверяясь, что правая рука чувствительностью никак не отличается от левой.

Вот и сейчас, пока я мерил шагами комнату, щелкал и щелкал пальцами, раздумывая о словах Войцеха. А чуть погодя вдруг споткнулся на том, что не могу понять, что за ритмичную мелодию я нащелкиваю. Разозлился на себя — нужно думать о деле, а я думаю о какой-то ерунде.

Прошел несколько шагов, повторил ритм, еще раз повторил. Вроде на что-то из Высоцкого похоже, но нет, нет он. Зато в памяти всплыли слова, и я, вновь начав мерить шагами комнату и слушая ритмичное перещелкивание пальцев, прошептал про себя:

— И любили меня, и сдавали… и старуха махала косой…

Слова в памяти всплыли, а что это за песня — нет. Вот почему эмпатия вернулась, Огонь вернулся, а ментальные способности — когда я был ходячей энциклопедией, с возможностью забрать с полок памяти все что угодно, не вернулись?

Выдохнув, пытаясь справиться с раздражением на привязавшуюся мелодию и на себя, я снова сосредоточился на песне.

— И любили меня, и сдавали… и старуха махала косой… Да блин, to Dublin, вспомнил! — громко воскликнул я, и глядя на удивленного Войцеха, закончил: — И взлетную мне не давали…

Теперь вспомнил. Песня «Дороги», исполняет вокально-инструментальный ансамбль Ленинград, автор композиции поэт-песенник Сергей Шнуров.

Войцех никак мои слова не прокомментировал, но взгляд у него был говорящий. О том, что он слабо понимает обрывки моих мыслей. Я же, наконец удалив сидящую в краю сознания занозу навязчивой мелодии, вдруг понял, что несколько минут просто маялся фигней вместо решения насущного вопроса.

— Так ты решил, что будем делать? — как раз в момент этого удивительного озарения спросил меня Войцех.

Проигнорировав его вопрос, я вдруг понял — да, я придумал, что мы, вернее я, буду делать сегодня вечером.

— И взлетную мне не давали… И взлетную мне не давали… — пробормотал я, вернувшись внимание к проекции карты, уменьшая масштаб. Так, что теперь в поле зрения был не только элитный район «Вилладж», но и деловой квартал, в котором одна из башен принадлежала Некромикону.

— Мне нужно крыло и расчеты полета, — показал я кратчайший путь сверху вниз, с крыши небоскреба на крышу особняка Линдена.

— Крыло засекут, — покачал головой Войцех.

— Поэтому мне нужно крыло пустое, без визора, ранца и блока управления, только с парашютом, — уточнил я.

— А ты сможешь?

— А почему нет? Не смогу долететь или не попаду в его особняк, так приземлюсь в другом месте, типа вот такой вот я дурак, так и задумано было, случайно получилось полетать просто хотел. Все равно шансов мало, и мы по умолчанию соглашаемся, что мы не смогли выполнить заказ на Линдена. Получится, будет приятным бонусом.

— Допустим, — кивнул Войцех. — Допустим, ты справишься с крылом, и незамеченным окажешься на вилле Линдена. А дальше?

— Разберусь по обстоятельствам, — только и пожал я плечами.

— Уходить как?

— У него вон пристань есть, морем уйду. Вы меня с воды подберете, и закинете обратно на башню.

— Я катера не вижу.

— Гараж есть у воды? Есть. Значит и катер скорее всего есть, или хотя бы гидроцикл.

— Скорее всего.

— Если нет, что-нибудь другое придумаю. Ты главное точку рандеву, чтобы меня забрать, поближе назначь. Если что, вплавь доберусь — ласты мне тоже достань вместе с вингсьютом.

— То есть будешь действовать по обстоятельствам?

— То есть да, буду действовать по обстоятельствам.

— Рисковый ты парень.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Войцех посидел немного, два раза тяжело вздохнул, но видя, что я принял решение, покачал головой и вышел из комнаты. Почти сразу вместо него зашел Патрик, сев на освободившееся место.

Жестом показав ему подождать, я достал ассистант и написал Николетте, назначив встречу сегодня на девять вечера в башне Некромикона, в ее кабинете — и запросил под это дело пропуск. И только после этого обратил внимание на ирландца. Который, глядя на меня своими прозрачными глазами, сразу заговорил.

— Шеф-сержант Патрик О'Брайан, третий пехотный. Уволен шестнадцатого августа двадцатого года по низким показаниям коммуникативного самоконтроля.

Третий пехотный… Как будто мне это что-то должно сказать. Хотя чего это я, действительно — как сразу не додумался?

— Легион? — спросил я.

— Так точно.

— Причина снижения показаний коммуникативного самоконтроля?

— Двенадцатого июля по время сражения сводного отряда Легиона со Свободной армией за контроль над аэропортом Энжанжель я возглавлял отделение, выполняя задачу патрулирование близ населенного пункта Йасьомбо. Первым обнаружил превосходящие силы противника — четыре бронемашины ЧВК Барбарианс, двигающиеся в сторону аэропорта. Для уничтожения противника применил неконвенционное оружие. В результате часть домов в Йасьомбо оказалась уничтожена, погибло сорок восемь гражданских лиц.

Тут я вдруг понял, о чем говорит Патрик. Столкновение Свободной армии и Иностранного легиона за аэропорт на реке Конго, в котором бельгийцы очень плотно отхватили. А знал я об этом, потому что когда меня эвакуировали из Высокого Града, бешеный взвод штабс-капитана Измайлова был в бронекостюмах Барбарисок, которые Легион захватил в аэропорту в числе трофеев, а Измайлов в свою очередь увел бронекостюмы со склада Легиона, организуя прикрытие своей операции.

Надо же, как тесен мир, и как различные события связаны во времени и пространстве, увязывая судьбы самых разных людей — подумал я, но почти сразу перестал обращать на эти мысли внимание. Потому что Патрик продолжал говорить вещи, которые говорить ему было определенно непросто.

— В Йасьомбо во время боестолкновения в числе прочих находилось три девушки, три сестры, которые уже два года были

моими временными женами.

Временные жены — весьма распространенная практика в свободной от контроля европейцев Африке. Старейшины или родители продают молодых девушек или мальчиков белым, которые приезжают на континент на время контракта. Стоит это довольно дорого, и даже с учетом того, что самим невольникам от суммы достается лишь малая доля, но все равно это помогает им после окончания срока пользования стать обеспеченными людьми. Обеспеченными для черной Африки, конечно же.

— …я планировал дождаться окончания контракта, забрать всех троих и переехать в Кайенну. Планировал ровно до того момента, как бронемашины Барбарианс оказались на окраине деревни. По оценке тактического анализатора мое бездействие повлекло бы критические последствия для обороны аэропорта. Выбирая между….

Патрик, который до этого момента говорил как робот, вдруг прервался на полуслове. Глубоко вздохнув, он справился с собой и продолжил все тем же ровным голосом.

— Я свой выбор сделал. После этого перестал быть человеком. В первую очередь для самого себя, у меня не получилось с этим жить. Ты видел, кем я стал, ты меня подобрал, я смотрю на то, что ты делаешь, и готов убивать для тебя. Больше ничего в этой жизни я не умею.

— Все трое погибли? — спросил я, чувствуя недоговоренность.

Мне, в общем-то, это знание — все три сестры погибли, или нет, не нужно. Но мне нужна была реакция на вопрос от Патрика.

— Погибла Аделайн, самая младшая. Самая…

Патрик не договорил, не смог.

— Ты сам сказал оставшимся в живых?

— Нет. Мне дали большую красивую медаль, вручал ее лично президент Республики, церемонию награждения транслировали в Сети, как и описание хода операции.

Посидели немного, помолчали. Потом я просто коротко кивнул, и Патрик вышел из комнаты. Я еще немного посидел, потом зевнул несколько раз так, что едва не вывихнул челюсть, и пошел спать.

Проснулся в 17:59, за минуту до звонка будильника. Выслушал Васю с докладом, выслушал Гека с докладом, прочитал и ответил на несколько писем, посмотрел хайлайты полуфинала Чемпионата Африки по городской охоте. Не досмотрел — и время к выходу близилось, и Войцех вингсьют принес, так что разбирался с матчастью.

Не было только вестей от дядюшки Абрама.

— Артур, — отвлек меня Войцех от возни с вингсьютом.

— А?

— Пока нет информации от дядюшки Абрама. Он еще не нашел машину, которая может забрать тебя из воды, не засветившись при этом.

— Найдет.

— Или не найдет.

— Или не найдет. Неважно — я выйду на точку рандеву, огляжусь там, и, если никого не будет, доберусь до Полигона сам.

— Мне нравится твоя безоговорочная уверенность в успехе, но я не верю, что все будет гладко.

— Все будет нормально, — только махнул я рукой. — У меня внутри какое-то предчувствие умиротворяющее. Я на рожон не полезу, буду осторожен. К тому же я могу вообще на башню не возвращаться, потом приду и Гелик заберу с парковки.

— Ну так это… — начал было Войцех.

— Ну так это докажет только то, что я два раза вошел в небоскреб Некромикона, пропустив необходимость из него выходить. Оставлять автографы на стенах в особняке Линдена я не буду.

Войцех только головой покачал и рукой махнул.

— Делай как знаешь, — только и произнес он в сердцах. — С ирландцем что?

— Да черт его знает. Я бы его пристрелил, если честно.

— Сделать?

— Нет. Если будет время, найди нам на всех бронекостюмы с оружейными комплексами. Планировать забирать Кигунгули с парой пистолетов — не лучшая идея.

— Чистые костюмы не найду.

— Свяжись с Доминикой.

— Она дорого запросит.

— А я дорого заплачу, не вопрос, — только и отмахнулся я. — Или даже скидку попрошу, у меня теперь с ней приятельские отношения.

Внутри действительно угнездилась какая-то спокойная уверенность. Или я просто устал и мне просто хочется отдохнуть? А чтобы отдохнуть, нужно на этом сраном острове, как говорит Патрик, всем будки разнести?

На элитной гостевой стоянке Некромикона припарковался без пяти девять. Закинув за плечо небольшую, но тяжелую сумку с плотно уложенным вингсьютом, я по зеленому гостевому пропуску прошел в башню, а после в кабинет Николетты.

Девушка в себя после утреннего жертвоприношения уже полностью пришла. Тем более что я забыл ей задание отправить

— просто из головы вылетело. Выглядела Николетта вполне бодро, осунулась, правда, немного — наверняка ведь даже не ела ничего. И синяки усталости под глазами, но, кроме этого, выглядела она безукоризненно.

Сегодня Николетта была в черном корпоративной повседневной униформе — похожем на армейский мундир, но с эмблемой Некромикона на груди. Такой же, как на мне сейчас, только женской — и подчеркивающий особенности фигуры.

— Прекрасно выглядишь, — не удержался и сообщил я Николетте.

— Спасибо, — чуть покраснела она. — Урок начинается сейчас?

— Нет. К делу нашего обучения эта встреча напрямую не относится, — сразу предупредил Николетту я. — Но. Если ты мне сейчас не поможешь, у меня могут возникнуть некоторые сложности, что скажется на всем процессе.

— А если помогу, то сложности могут возникнуть еще более серьезные, — произнесла вдруг Николетта.

— Хватит уже меня читать как книгу, — немного расстроился я. — Но таки да, шанс есть.

— Может не надо?

— Шанс того, что сложности серьезные у меня сегодня возникнут, есть. Он не околонулевой, и даже более того — весьма высок. Но если ты мне не поможешь, проблемы — не гарантированные, но мешающие жить, возникнут определенно, и со стопроцентной вероятностью.

— Я бы на твоем месте не рисковала, — задумчиво произнесла Николетта.

Глубоко вздохнув, сдержавшись от резковатого ответа, я медленно выдохнул.

— Во-первых, ты не на моем месте. Во-вторых, ты еще не до конца поняла значения той силы, которой обладаешь, и сопутствующий всему этому околофутбол.

— Околофутбол?

— К слову пришлось. Сопутствующие обстоятельства.

— Сопутствующие в плане?

— Если твоем потенциале узнают, это будет дорого стоить.

— Кому?

— Если победим мы — им. Если победят они — нам. И поэтому мне, и тебе, нужно, чтобы к моменту деанонимизации меня, как…

«Как Артура Волкова» — хотел сказать я. Но не сказал.

— …как одаренного, и тебя, как одаренной, мы с тобой обладали силой, с которой будут считаться.

— Что от меня требуется?

— Мне нужно попасть на один из верхних этажей башни, причем попасть так, чтобы я смог выйти оттуда на улицу.

— И это все?

— Нет. В идеале это должен быть… — я примерно сориентировался в пространстве. — Третий лепесток, который смотрит на побережье. И мне оттуда нужно спрыгнуть с вингсьютом так, чтобы меня никто не засек.

— Спрыгнуть с чем?

— Вингсьют, — повторил я. — Костюм-крыло с парашютом.

— Зачем это тебе, спрашивать думаю не стоит.

— Мне не жалко, я даже могу тебе рассказать. Но сейчас у меня не так много времени. Ты мне поможешь?

— Конечно. Но, третий лепесток… — покачала головой Николетта. — Это будет непросто.

— Давай во второй, не сильно принципиально.

— Я не обещаю. Но я попробую.

Около трех часов у Николетты ушло на решения задачи. Действовала она при этом через свои контакты, не привлекая Доминику. И на мой вопрос только покачала головой, показывая, что не желает об этом даже разговаривать. Похоже, сеньора Романо принцип взаимопомощи использует не только с такими как я, а это у нее стандартная тактика — только и подумал я. А еще подумал, как проще было жить, когда я состоял в высоком сословии. Потому что проблемы закрытых дверей меня просто не волновали — в Хургаде мы с Валерой просто зашли в небоскреб, и поднялись на самый верх. Просто потому, что были одаренными аристократами.

В этот же раз перемещались по этажам небоскреба мы с Николеттой словно ступеньками. Николетта раз за разом выполняла квест по получению пропуска и допуска, и с тридцать пятого этажа мы сначала проехали на сорок седьмой, после на сорок восьмой, потом на пятьдесят девятый, и оттуда сразу на сто семнадцатый.

Несмотря на поздний час, небоскреб жил полной жизнью — обеспечивать почти весь третий мир продовольствием дело непростое, и рабочий процесс не прерывался ни на минуту. Николетта посещала разные кабинеты, с кем-то разговаривала формально, с кем-то общалась по-дружески. Намекала, просила, требовала, уговаривала и даже однажды угрожала. Я все это время просто находился рядом, как оруженосец. Вернее, как личный помощник — именно так значилась моя должность в карточке сотрудника.

На сто семнадцатом этаже, уже почти в паре шагов от цели,

мы сидели в видовом ресторане — закрытом для обычных посетителей, только для работников корпорации. Николетта ждала свою знакомую, Жанетт — с которой вместе жила в пансионе благородных девиц. Со слов девушки, она ей тогда очень помогла, и теперь Жанетт ей должна — а значит, должна нам помочь попасть на крышу. Как Николетта сказала, раз до нее добрались, получив разрешение на посещение сто семнадцатого этажа, вопрос практически решен, остались только технические моменты. Потому что работает Жанетт в департаменте эксплуатации, допуск в нужные нам места у нее есть.

— Ники! — раздался вдруг громкий крик из другого конца ресторана.

Обернувшись, я увидел, как к нашему столу спешит молодой человек в деловом костюме корпоративного кроя — без галстука, с воротником стойкой, закрывающим горло, и более угловатыми чем в классических костюмах линиями пиджака.

— Ники, ты же говорила, религия запрещает тебе ходить по ресторанам!? — жизнерадостно произнес нежданный незнакомец, бесцеремонно присаживаясь рядом.

Сильное смущение передо мной. Неприязнь к неожиданному собеседнику — почувствовал я эмоции Николетты. Сильная неприязнь даже, мешающаяся с презрением.

Бесцеремонно приземлившийся корпорат окинул меня оценивающим взглядом — я увидел краткий отблеск в импланте — видимо, информация о моем статусе появилась.

— Друг, два мохито нам принеси, — щелкнул пальцами в мою сторону незнакомец.

Заказ можно было сделать и через официанта, и через интерактивное меню, но мне определенно предлагали погулять, оставив незнакомца с Николеттой наедине. И, наверное, если бы не сильная, на грани омерзения, неприязнь Николетты, я бы даже сходил погулять безропотно.

Но может быть, это было и оправданием перед самим собой. Очень не люблю такой тип людей — живущих по принципу курятника «клюй ближнего и гадь на нижнего». И, как правило, именно такие не упускают возможности самоутвердиться в собственной важности на всех, кто на социальной лестнице ниже. Конкретно сейчас на мне, как на внештатном сотруднике — личном помощнике Николетты, так как на сто семнадцатом этаже определенно я случайный гость.

В общем, сильно меня это товарищ разозлил. И вместо того, чтобы сходить за двумя мохито — что было бы умным решением, я хлопнул по кнопке вызова, и коктейли заказал в интерактивном меню.

— Теперь ты знаешь как это делается. Наслаждайся, друг, — вежливо улыбнулся я нежданному собеседнику.

— Ники, у тебя появилась говорящая мебель! — несказанно удивился незнакомец.

Я продолжал безмятежно улыбаться, глядя сквозь него. При этом уже собрался было перевести плоскость беседы на иной уровень. Настроение упало — почему-то на ровном месте умудряюсь находить себе проблем. Вернее, сами проблемы находят меня — вот откуда это старший аналитик взялся на мою голову? Причем отношение Николетты у нему настолько неприязненное, что надо бы узнать, отчего.

Последствий своего поведения, кстати, я не боялся — повадки и харизма у приземлившегося пассажира совершенно не те, что мне стоит опасаться за свою карьеру в корпорации. В общем, хотел я перевести беседу на новый уровень, но через мгновение забыл об этом.

— Jesus Christ! — выдохнул я с удивлением, потому что заметил, как в ресторан входит знакомая персона.

Загорелое лицо, черные глаза, белая блузка и такие же белые, белоснежные волосы. Настолько короткие, что кажется, что дама лысая.

Мэрилин. Та самая дама, которая нахлебавшись шотландского виски спала в кресле, когда я пробивая потолки приземлился в офисном пространстве небоскреба Некромикона в Хургаде. Та самая Мэрилин, которая чудом выжила под огнем штурмовых конвертопланов, и на чью машину я приземлился, упав с высоты. А потом она еще раз чудом выжила, когда рядом с ней, едва не погребя, рухнули обломки металлоконструкций.

— Ники! — закричала Мэрилин, увидев Николетту.

— Друг, — возвращая жест, щелкнул я пальцами, обращаясь к незнакомцу. — Ты бы проваливал отсюда, у сеньориты Агилар тут дела.

Если бы взглядом можно было убивать, меня бы испепелило на месте. Но у корпората к счастью, такой возможности не было. При этом Николетта показательно так и не обращала на него внимания, приветливо махая приближающейся к нам Мэрилин.

— Ты сегодня же вылетишь отсюда, понял? — сообщил мне не представившийся корпорат.

Ну вот, еще один признак того, что я не ошибся. Те, кто может, как правило делают, а не говорят, воздух сотрясая. И вот это вот «я тебя уволю» выглядит немного смешно.

— Ага. Маньяна, — еще раз улыбнулся я корпорату, на которого Николетта по-прежнему даже не обращала внимания. Резко поднявшись, он двинулся в сторону уборной.

— Он может? — все же поинтересовался я у Николетты.

— Вряд ли, — покачала она головой.

— Это кто? — поинтересовался я.

— Это кто? — одновременно спросила у Николетты подошедшая к столу Мэрилин, имея ввиду меня.

Хм, похоже, тут — на верхних этажах, личные помощники обладают авторитетом даже меньше, чем личные комнатные собачки.

— Рей Келли-Хьюз, старший аналитик с тридцать восьмого этажа, — кивнув Мэрилин, ответила сначала мне Николетта.

Чем Мэрилин явно удивила. Она даже внимательно на меня посмотрела, расплываясь в улыбке — явно намекающей, что она поняла, в чем именно я помогаю Николетте, и отчего она так внимательно к моим вопросам относится.

— Не топ? — не обращая внимания на Мэрилин-Жанетт, переспросил я.

— Нет.

— Хорошо, — кивнул я. — Я на минуту, добавил, поднимаясь и направляясь в сторону уборной, где скрылся Рей Келли-Хьюз.

— Ты куда? — спросила меня в спину Николетта.

Оборачиваясь, я вздохнул — надо будет потом оговорить с ней, что под руку задавать вопросы не стоит.

— Пойду помирюсь с парнем, а то он похоже обиделся сильно.

Помириться с Реем не удалось. Правда, зато удалось договориться — по итогу он обещал меня не увольнять. Для этого, правда, пришлось пару минут бить его аккуратно, но сильно, и даже пару раз макнуть головой в унитаз. Здесь как раз была установлена система, которую я по прошлой жизни знаю как американская — сифонный унитаз, постоянно наполненный водой. Которая еще смывается довольно громко, из-за специфики устройства слива — вакуумный звук уходящий воды такой, как будто портал в другое измерение открывают. Рей, кстати, этот звук прочувствовал, наверное, хорошо — потому что смыл воду я, когда его голова была еще воткнута в унитаз. С подобным способом ведения переговоров он похоже сталкивался впервые, и оказался чудо как сговорчив.

Оставив Рея Келли-Хьюза на полу ватерклозета приходить в себя, я вернулся за стол. Мэрилин, которую оказывается зовут Жанетт, уже убежала, оставив Николетте пропуск в двадцать четвертую переговорную с открытой террасой — для вип-персон, и два пустых мохито. Ну да, она может — только усмехнулся я, когда Николетта возмущенно махнула рукой, показывая, что она к коктейлям даже не притрагивалась.

В общем, по итогу у нас все получилось, и ближе к полуночи я стоял на зеленой террасе, экипированный в костюм-крыло, и давал последние указания Николетте. Подмигнув ей на прощанье, запрыгнул на парапет. И надев очки, дождался загрузки маршрута полета, рассчитанного Войцехом — проходящего так, чтобы избежать попадания в поле зрения систем слежения.

Оттолкнувшись как можно сильнее, я расправил руки и ноги и отправился в полет, обоснованно надеясь преодолеть разделяющие башню Некромикона и район Вилладж километры.

Глава 12

Пока стремительно летел к побережью, на периферии зрения моргали красным зоны, в которые мне нельзя попадать. И регулируя наклон крыла, я управлял полетом, вписываясь — иногда очень на тоненького, в воздушный коридор, рассчитанный для меня Войцехом.

К собственному удивлению, до района Вилладж долетел без проблем. Все получилось довольно легко, так что настроение улучшилось и появилась какая-то бесшабашная веселость. Даже песенку про «…потому, потому что мы пилоты» начал напевать. И в пологом вираже, обходя со стороны моря датчики защитной системы, оказался над той частью района, где находился особняк Линдена.

И когда был уже почти на особняком, вдруг понял, что про отсутствие проблем я погорячился. Сильно погорячился — потому что, судя по моему местоположению, получался хороший такой перелет. Я перепутал обозначения световой схемы и держался подальше не только от красных зон, но и от синего коридора, где мне нужно было открывать парашют.

Серая зона «непопадания» была все ближе, на раздумья времени не оставалось — еще немного, и я окажусь за переделами района. Пытаясь исправить ситуацию, я максимально раскрылся — широко расставив руки и ноги, и как будто встал на дыбы, тормозя полет — как выполняющий кобру Волкова-Пугачева истребитель.

Ощущения непередаваемые. И совсем как у истребителя у меня не получилось — не удержавшись под встречным напором воздуха, потерял контроль над крылом. Меня закрутило, и я полетел вниз — уже с грацией падающего кирпича. Замелькали темные небо и земля, белые точки особняков на зеленых лужайках и линии фонарей, освещающих район. В ушах противно, нарастая с каждым мгновением, загудело предупреждающим зуммером. Я попытался было сориентироваться, куда вообще и как я лечу, но зуммер уже предупреждающе вопил без остановки. Опомнившись, вспомнив что не бессмертный, я дернул кольцо — успев было испугаться, что не успел. Сверху раздался плотный хлопок, плечи рвануло вверх, и я почти сразу приземлился на крышу нужной виллы — ровная поверхность с силой ударила в ступни.

«Да ну нафиг» — примерно так выразился внутренний голос, когда стало понятно, что именно и как я совершил, с испуга и от растерянности попав именно туда, куда нужно.

От осознания того, что едва было не превратился в хорошую котлету, по спине повело холодом. Но рефлексировать было некогда. Погасив купол, торопливо собрал его и перебежал — двигаясь в вингсьюте довольно неуклюже, в тень от высокого парапета. После снял очки с дополненной реальностью, теперь они будут только мешать. Да и маршрут, загруженный в них — способ купить билет за решетку. Поэтому одна из дужек оказалась сломана в специально предназначенном месте — ой, как жалко, случайно получилось, я совсем этого не хотел.

Расстегнув вингсьют и убрав очки в карман куртки, осмотрелся.

На просторной крыше особняка Линдена была оборудована зеленая зона, место для барбекю и спортивная площадка. Вилладж — не суперэлитный район, здесь располагаются не роскошные латифундии, как жилища Доминики и Николетты, а бело-серо-зеркальные коробки из стекла и бетона в стиле хай-тек. И строились здесь дома компактнее и экономнее, максимально эффективно используя всю возможную площадь, в том числе и на крыше.

Никто пока не приходил и меня не спрашивал, зачем я здесь. Не было видно и охранных дронов управляющей компании. Замерев под тенью парапета, некоторое время сидел неподвижно, больше прислушиваясь. Вокруг все тихо и спокойно — как и подобает зеленому сеттльменту.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Минута. Две.

Для верности выждал целых три минуты.

Все, чисто. На удивление чисто, ведь маршрут, проложенный Войцехом, был предположительный. Зоны наблюдения он рисовал с помощью тактического анализатора и собственной интуиции, а не на основе точных данных. И у меня получилось. Вот так, на дурака — как говорится. Никто не верил, а я взял — и сделал. Вот сам себя даже уважаю и немного горжусь.

Ну и стоит сказать спасибо дьявольскому везению, конечно, которое всегда со мной.

Быстро сняв с себя вингсьют, я собрал купол парашюта и упаковал все в сумку — ту самую, с которой пришел в небоскреб Некромикона. Под костюмом у меня был контактный комбинезон от полицейской легкой брони — не знаю уж, где его Войцех нашел. Но сказал, что чистый. Темно-серые плотные штаны с черными утолщениями на внешней стороне бедер и коленях, облегающая приталенная куртка с утолщениями на плечах, локтях и по пояснице, а также тактические перчатки.

Подождал еще десяток секунд, ожидая неизвестно чего. Неизвестно чего не случилось, и я звучно выдохнул.

«Ну, погнали», — шепотом произнес я, доставая из кармана маску и надевая ее на лицо. Подождал немного, пока искусственная кожа прилипнет. После скорчил пару гримас, проверяя ощущения. Вроде нормально. Заканчивая маскировку, активировал на коленях и плечах системы размытия силуэта — теперь в поле зрения камер и глазных имплантов моя фигура будет размыта, словно часть костюма соткана из черной лоскутной мглы. Что делает невозможным мою идентификацию по антропометрическим данным.

И теперь уже, если мне придется встретиться с полицией или охраной, я уже не смогу сказать, что просто случайно не туда залетел. Теперь ни с полицией, ни с охраной мне лучше не встречаться — во избежание печальных для меня последствий.

Поэтому, максимально сосредоточенно воспринимая окружающую реальность, я, оглядываясь и проверяясь, перебежал к площадке барбекю. Здесь осмотрелся еще раз, поймав какую-то неправильность. И еще раз осмотрелся.

Все, понял, что цепляет взгляд неправильностью — соседний особняк. Он словно подернут едва заметной пеленой. Какая бывает, когда в пустыне смотришь через плавящийся от жара воздух. У соседей активен иллюзорный и глушащий звуки купол — догадался я.

Подобные купола раньше, когда я был частью общества одаренных, удивления у меня не вызывали. А сейчас, когда я к высшему сословию не принадлежу, уже смотрю на подобные вещи немного по-другому. Понимая, что подобный купол не только довольно дорогая, но еще и статусная штука.

Несколько минут понаблюдал за соседним особняком. Не слишком переживая за время — Линден покидает остров только утром, у меня впереди целая ночь. И сейчас даже лучше чуть подождать — время все же почти детское, может он еще не спит. А мне лучше бы, чтобы спал.

У соседей, чей особняк был накрыт куполом, ничего не происходило. Ничего в моем поле зрения. Но когда я уже собрался продолжать движение дальше, движение увидел. В дальнем конце улицы, аккуратно входя в поворот, в поле зрения выкатился длинный белый лимузин с золотой тонировкой, радиаторной решеткой и колесами. Не только диски в позолоте, но и сами шины.

Кто-то определенно знает толк в «дорого-богато».

Золотой лимузин между тем приблизился к открывающимся воротам особняка. Когда машина заезжала внутрь, пелена купола на короткое время в районе ворот раскрылась. И на пару мгновений я услышал звуки, которые мог бы характеризовать как

«разнузданная вечеринка»: громкий поставленный голос ведущего, слаженный женский визг, отголоски музыки, причем танцпол явно не один — народ отрывается по полной.

Если что, буду иметь ввиду — сказал я сам себе. А зачем мне? Ну, вдруг потанцевать захочется…

Разговаривая сам с собой подобным образом, я убрал сумку с парашютом и вингсьютом в темный угол, где лежали подготовленные дрова из настоящего дерева… надо же, сухие, прямо до звона, березовые поленья. Стоят столько, сколько весь Полигон за день на мусоре не заработает — машинально отметил я, оставляя сумку и двинулся к выходу с крыши. Дверь, к счастью, была не заперта — чуть приоткрыта, так что ветерок заставлял трепетать прозрачную занавеску.

Передвигаясь как тень, я скользнул по небольшой лестнице и оказался на частично опоясывающей просторный холл галерее. Опять мне повезло — системы умного дома или не были настроены, или не работали, так что мое перемещение не сопровождалось включаемым светом.

Странно. Очень странно — если Линден сидит на чемоданах и обоснованно опасается за свою жизнь, как можно настолько безалаберно относиться ко своей безопасности?

Ответ получил довольно быстро.

Джордж Линден безалаберно относится к своей безопасности, потому что он пьет. Хорошо так пьет, чтобы забыться — на полу гостиной раскатилась россыпь пивных бутылок, среди которых неожиданно увидел одну водочную, на огромном голо-экране яркими красками мелькала запись приватной вечеринки в стиле «Плоть и Кровь». Неподалеку, на криво стоящем столике, лежит шлем виртуального погружения и многочисленные, в большинстве в радужной раскраске, блистеры с таблетками.

Гостиная освещалась мерцающим (мечта эпилептика) миганием упавшего в углу торшера, а рядом с пультом управления умным домом лежали осколки и несколько бутылок. Хм, забавный способ все выключить — метать бутылки в пульт, не вставая с места, вновь хмыкнул я.

Сам Линден полулежал на диване. Он был одет только частично, на животе его стояла початая бутылка виски, и расположился он в такой позе, что напомнил мне героя телевизионного шоу «Наша Раша», который все повторял: «Давай, телевидение».

Линден, кстати, с голо-экраном сейчас тоже разговаривал, на пьяном английском. Судя по виду — вполне бодрому для количества бутылок, и лежащему на другом конце дивана массивному девайсу с красным крестом, Линден недавно

воспользовался домашним доктором. Зачем воспользовался, вполне понятно — упившись до чертиков, привел себя в порядок, и теперь напивается по новой.

Как говорится, все пьянки начинаются по-разному, а заканчиваются одинаково. А домашний доктор дает возможность за ночь пережить сразу несколько путей, достигая результата раз за разом самыми разными путями.

Отлично. В принципе, я могу подождать, пока Линден вновь уберется в сопли, а дальше уже есть разные варианты. Главное сделать так, чтобы я не попал в поле его зрения, вдруг у него импланты или линзы с записью в личный терминал.

Причем ждать мне нужно явно недолго — Линден ногой подтянул к себе столик, сгреб, не глядя, несколько блистеров. Выщелкнул, опять же не глядя сразу три-четыре таблетки, закинул их в рот и запил парой хороших глотков виски. Нормально он живет — поразился я. Рисковый парень, и путешественник во времени и пространстве по натуре.

Путешественник, потому что начав путь с такого количества таблеток, запивая их виски, можно в какой-то момент, моргая, закрыть глаза, а когда их откроешь — понять, что телепортировался во времени и пространстве куда-то в неизвестном направлении на неизвестную величину.

Приход Линден явно почувствовал почти моментально — звучно охнув, он отбросил бутылку с виски, в которой осталось не меньше половины. Бутылка с лязгом ударилась об угол массивного журнального столика, и медленно покатилась в мою сторону. Остановившись прямо подо мной, спрятавшимся на галерее.

Линден между тем, отойдя от первого, шибанувшего по сознания шока, явно не захотел просто так проводить на диване. Двигаясь… своеобразно двигаясь, как персонаж кат-сцены лагающей компьютерной игры, он добрался до пульта от голо-экрана и перемотал воспроизведение вечеринки на самую настоящую кровавую оргию, которая происходила вокруг восьмиугольника с гладиаторами. Ну да, ну да — все животные равны, но некоторые равнее: за такое видео, в отличие от трансляции шоу «Плоть и Кровь», которое пусть с ограничениями, но разрешено к просмотру, можно реальный срок получить. Вот и причина, почему у него «умный дом» отключен. Со включенными системами управления домом легально такую клубничку не посмотришь.

Когда Линден отбросил пульт от голо-экрана, он взял шлем виртуальной реальности и вновь потянулся к блистеру с нейрохимией, уже целенаправленно. Это я удачно зашел —

подумал я, когда Линден включил интеграцию шлема с трансляцией на голо-экране. Сейчас он еще уже нужными веществами закинется, и окунется в происходящее, воспринимая все от первого лица. Виски и неизвестные, расширяющие сознание таблетки, правда, в таком погружении противопоказаны, но когда и кого это останавливало?

Дьявольски мне везет сегодня — подумал я когда услышал, как Линден выщелкнул еще пару таблеток нейрохимии. Зря подумал — через открытые настежь окна раздался скрип тормозов. И расчертила резиной неизвестная пока машина определенно рядом с воротами особняка. И этот самый скрип не понравился не только мне. Линден, грязно выругавшись на английском, отбросил в сторону шлем. Сознание и осознание полностью его еще не покинуло; с трудом поднявшись, Линден двинулся к пульту умного дома, но вдруг грязно выругался — он наступил на битое стекло.

«Факин-факин-факин!» — вылился в многократное повторение одного слова его невнятный речетатив. Оставляя одной ногой кровавые следы, Линден все же дошел до пульта. Но не успел — это я понял по его разочарованного реву. И чуть переместившись по галерее, посмотрел в окно. Ну да, включить управление домом и закрыть доступ Линден не успел — я заметил закрывающиеся автоматические ворота, через которые уже проехал автомобиль. Это был белый БМВ кабриолет, который с ревом мотора ускорился, шелестя колесами по гравию и криво остановился на подъездной дорожке.

Распахнулась дверь, и из машины выбралась знойная дама, в черном обтягивающем с блестками платье. Дама очень примечательной внешности — не совсем в моем вкусе, но у ее ног явно не один штабель лежит. Похожа она была очень на… на Сельму Хайек, когда она на фото глянцевых журналов, вспомнил я имя актрисы из моего мира. Только здесь и сейчас никакого фотошопа рядом не стояло. Неожиданная гостья и без него выглядела безукоризненно — для этого ей хватало яркой внешности и молодости. Реальных, или достигнутых с помощью генной инженерии или косметической хирургии, не знаю.

С размаха хлопнув дверью машины, так невовремя прибывшая сюда ну оч-чень знойная дама целенаправленно, цокая каблуками по брусчатке, двинулась ко входной двери. Я же, снова переместившись на прежнее место, опять затаился. Линден в это время пшикнул себе в рот ингалятором, приняв стимулятор. И громко зашипел, когда вместе с нормальным ощущением реальности к нему пришла боль в порезанной ноге.

Привести себя в порядок по состоянию Линден успел, а вот

внешне нет. И когда так неожиданно прибывшая на огонек незваная гостья зашла в дом, Линден предстал перед ней во всей красе. Из одежды на нем была только залитая виски белая рубашка, расстегнутая почти до пояса, трусы и серые, почти до колен носки — под классический костюм. Сам костюм я, кстати, только сейчас заметил — валялся неподалеку от дивана.

Стоял Линден криво, стараясь не опираться на порезанную ногу, под которой уже натекла лужа крови. Очень видок, я бы сказал… стремный. Но вошедшая дама на внешний вид Линдена внимания практически не обратила. Мазнула лишь взглядом, но ни удивления, ни смущения не показала. Видимо, видела уже его в подобных ипостасях.

Отбросив сумочку-клатч на диван, гостья зачастила на незнакомом мне языке, высказывания Линдену претензии. При этом я даже на нее засмотрелся — потому что, особенно в ярости, выглядела мадам чудо как привлекательно. На вид ей лет тридцать, и была она… вот настоящей знойной женщиной, самый идеал этого понятия. Не толстая, но далеко худышка — платье из тонкой ткани обтягивает крутые и широкие бедра, а также почти не сдерживает колебания тяжелой груди. Которая, не стесненная бюстгальтером, вздрагивает из-за активной жестикуляции — платье хоть и обтягивающее, но ткань удивительно легкая. Кстати не удивлюсь, если россыпь блесток на нем — это не бижутерия, а самые настоящие драгоценные камни.

Гостья определенно не в моем вкусе, я люблю девушек худеньких, но даже меня равнодушным ее вид не оставил. Там и ягодицы с бедрами такие, что несмотря на объем, не ущипнешь — подумал я, глядя на гостью сзади, потому что она как раз прошлась через гостиную. Продолжая что-то говорить с откровенной злостью и, наверное, даже отчаянием, картинно заламывая руки. Говорить что-то, что явно было предметом выяснения личных отношений. Очень уж характерная реакция дамы, вернее ее отсутствие, на внешний вид хозяина особняка. Который, кстати, еще раз пшикнул себе из ингалятора стимулятор. Уже определенно приведя в порядок мысли, но даже не подумав одеться.

Я, наблюдая за обоими, пытался понять национальную принадлежность дамы. Смуглая, знойная, похожа на корсиканку или на сицилийку, но говорит не на французском и не на итальянском. И не на испанском, и не на португальском. Но язык определенно романской группы. Может она откуда-нибудь из Латинской Америки, из той же Французской Гвианы? Но там вроде нет никаких диалектов.

Ведут себя оба так, как будто давным-давно знают друг друга.

Но определенно, ни женой, ни любовницей Линдену столь привлекательная дама не была — я видел и его личное дело, и досье из собственной безопасности. И столь запоминающуюся яркую мадам в списке контактов просто не помню, а пропустить вниманием такую просто бы не смог.

В этот момент Линден, поймав паузу в монологе дамы, что-то ей ответил. Спокойно, сухо, отстраненно. И негромко — я, увлеченный осмотром выдающихся статей гостьи, не расслышал. За что моментально прописал себе мысленную оплеуху — опять гормоны заиграли, засмотрелся на обводы фигуры… Незнакомка же после ответа Линдена вздрогнула так, словно получила пыльным мешком по голове.

И кстати о языке. Дама ведь говорит быстро, как шилка очередями шьет. Или Линден в идеале знает язык, на котором она вещает, либо же у него интегрированный в личный терминал переводчик. К этой версии я склоняюсь больше — Линден любитель простых решений, что видно по попыткам выключить пульт умного дома бросками бутылок, не вставая с дивана. И ответил он ей сейчас не на ее языке, а на английском — я, если бы лицом в сторону чужой (пусть и очень привлекательной) задницы не торговал, услышал и понял бы что именно.

А все это значит что? Правильно, это значит, что личный терминал у Линдена сейчас работает в автономном режиме, давая ему возможность пользоваться функцией переводчика. Ну да, он в полиции Занзибара больше не появится, ему проверок больше не проходить, а личный терминал ему поставят новый во время трудоустройства в ООН.

Как-то об этом я не подумал, минус мне жирный. И все это в итоге значит, что мне не только в зону его прямого взгляда лучше не попадать, а и рот лишний раз нельзя открывать. Потому что участие в расследовании смерти Линдена некроманта — очень маловероятная возможность, а вот считать данные с его личного терминала — запросто. И если внешне я защищен, изменив внешность, то по голосу меня можно идентифицировать…

Линден между тем, не обращая особого внимания на оторопевшую после его короткой фразы гостью, задом плюхнулся на диван. Положив ногу на ногу — щиколоткой на колено, он сейчас пытался достать из раны осколки стекла.

Незнакомка явно находилась в замешательстве. Плечи ее поникли было, взгляд стал пустым, но постепенно она пришла в себя и лицо ее искривилось гримасой злости. Последовала длинная эмоциональная дробная фраза с жестикуляцией, и опять короткий и безразличный в интонации ответ Линдена. Его я опять не услышал — с голо-экрана, где оргия постепенно переходила к

кульминации, орут как потерпевшие. Еще одна фраза от гостьи, длиннее, и снова такой же лаконичный и даже усталый в интонации ответ. Опять настолько тихий, что я его не услышал.

Но в принципе, мне даже без перевода — по мимике и языку тел было понятно смысловое содержание обмена фраз.

«Ты обещал!» — словно говорила незнакомка, умещая все это в десятки слов и жестов.

«Ну… может быть и обещал», — словно бы отвечал ей Линден.

«Ты мне врал!» — вновь говорила она, заламывая руки.

«Бывает», — вновь пожимал плечами Линден, всем видом показывая, что тяготится ее обществом. На женщину он внимания обращал мало — достав стекло из раны, сейчас заматывал ступню своим снятым носком.

«Я тебе доверяла!»

«Ну… дерьмо случается»

Вот это я, кстати, хорошо услышал.

Вновь оторопев, гостья набрала воздух и зачастила очередной импульсивной фразой. Но Линден, видимо устав, вдруг громко рявкнул, призывая собеседницу заткнуться. Ее это лишь распалило, и она наоборот повысила голос. Линден, стараясь беречь порезанную ногу, поднялся с дивана и подняв пульт, наконец-то выключил голо-экран. Прихрамывая, после этого он подошел к незнакомке. Женщина говорила все громче, но вдруг ее голос оборвался звонкой пощечиной.

Удар, нанесенный ладонью, получился резким и хлестким. Линден, видимо, выплеснул свое раздражение в нем. Приложил он хорошо — голова незнакомки дернулась, и ее даже повело на ставших непослушных ногах. Пытаясь поймать опору, гостья сделала несколько неуверенных шагов, и уже падая, попыталась попасть на край дивана. Не получилось — бедро ее скользнуло по подлокотнику, она полностью потеряла равновесие и кувырнулась с боковой спинки назад, так что ноги в эффектных туфлях взлетели к потолку. Одна из них, кстати, со ступни сорвалась, и скользнула по голени, на петле из ремешка.

Кувырнувшаяся спиной вперед через спинку дивана гостья как упала, так лежать и осталась. Ноги, видимые мне, остались поднятыми. Да, женщина явно в нокауте — может еще и затылком при падении приложилась.

Линден на гостью, которую вырубил одной пощечиной, внимания даже не обращал. Морщась и прихрамывая, по-прежнему оставляя за собой кровавые следы, он прошел к столику. Взял оттуда непочатую бутылку виски и с громким — для меня громким, щелчком, свернул пробку. Вместе с бутылкой

Линден дошел до барного холодильника, бросил в стакан несколько крупных кубиков льда, и после уже налил себе.

Смотри какой, а — только и подумал я, вспоминая как буквально несколько минут назад он такими условностями не заморачивался, хлебал с горла. Видимо, эстетствует он только пока трезвый.

С другой стороны комнаты в этот момент послышался глухой стук — ноги незнакомки наконец упали в бок. Пара минут в комнате стояла относительная тишина. Линден прихлебывал виски, понемногу приходящая в себя гостья барахталась за диваном, как перевернувшийся на спину жук.

Тишина была томительной — для Линдена. Я видел, как его рука то и дело тянется к пульту, но он постоянно себя сдерживал, чтобы не включить трансляцию прерванного шоу. Он ждал, пока гостья придет в себя — понял я. И когда она поднялась на ноги, он, даже не глядя на нее, заговорил.

— Потрахаемся напоследок, или сразу исчезнешь нахер?

Сказанное подействовало на даму не менее ошеломительно, чем недавний удар. Только сейчас вестибулярный аппарат ее остался в порядке, и ноги не подвели. Но лицо перекосило гримасой, с усилием сдерживаемой, а из глаз покатились слезы.

Вновь зазвучала дробная речь, уже через всхлипывания. Прислушиваясь, я угадывал смысл. И это были не просьбы брошенной женщины — не те интонации и эмоции. Гостья была сломлена. Подтверждая мою догадку, она вдруг упала на колени, складывая руки на груди и о чем-то Линдена умоляя. Тот некоторое время молчал, ожидая пока закончился монолог.

— Или ты сейчас выходишь, или я сам вышвырну тебя вон, — тем же бесцветным тоном произнес он. И, предваряя новую плаксивую мольбу, вдруг значительно повысил голос: — Я не стану! Спасать тебя и помогать тебе. Ты знала, на что шла, и знала цену. Разговор окончен, выметывайся. Сейчас же!

От последнего слова — а Линден говорил по-английски, и прозвучало это довольно сильно, незнакомка вздрогнула, как от очередной оплеухи. Лицо ее вновь исказило гримасой, и в этот раз она уже не смогла сдержать себя — стала некрасивой, а слезы из глаз покатились уже градом. Все, на что ее хватило, это закрыть лицо руками. Поникшие плечи ее вздрагивали, и сама она готова была упасть на пол, по ощущениям.

Ругаясь себе под нос, Линден отставил стакан и двинулся к незнакомке. Подойдя ближе, он без лишней деликатности схватил ее за волосы и рванул вверх. Она пронзительно закричала — и от боли, и от злости. Линден же, поднимая ее на ноги, рванул уже в сторону — так, что гостья развернулась и пробежала

пару шагов в сторону выхода. Ноги ее подвели — каблук оставшейся на ноге туфли подломился, и женщина упала на четвереньки.

Вновь выругавшись, Линден без затей пнул ее ногой, в туго обтянутый платьем зад. Гостья от удара упала на живот, Линден шагнул, вновь хватая ее за волосы и потянув вверх. В этот момент гостя яростно закричала и с исказившимся от злости лицом вцепилась ему ногтями в лицо. Линден успел отпрянуть лишь в последний момент — ногти чудом не попали в глаз, оставив на щеке несколько красных линий.

Гостья, получив столь обидную отповедь и унижающий пинок, просто потеряла голову от ярости. Забыв об инстинкте самосохранения, она с ногтями — как кошка, бросилась на Линдена. Но тот легко ушел от ее вытянутых рук и врезал ей кулаком в живот. Женщину от удара сложило, но тут же отбросило прочь, распрямляя — это последовал второй удар, третий. И следом серия ударов ногами. Линден, напрочь потеряв голову, начал ее жестко избивать — с каждым ударом он что-то бессвязно, как только пьяные англичане умеют, кричал.

Видимо, это у него выплеснулось все то раздражение, которое он копил во время беседы, отвечая односложно. Женщина под градом ударов закрылась руками и ногами, свернувшись калачиком. Она почувствовала и поняла, что ее сейчас будут просто вбивать ногами в пол. Ей повезло — Линден был без обуви, да и порезанная нога его немного тормозила, так что бил он в основном левой, попадая плохо.

Тонко повизгивая, гостья, движимая проснувшимся инстинктом самосохранения, откатилась и попыталась убежать. У нее даже получилось встать на четвереньки и почти подняться на ноги — но Линден, с замахом как выбивающий футбольный мяч вратарь, нанес удар ногой.

Не получилось у обоих. У женщины не получилось уклониться, а у Линдена качественно ударить: его окровавленная ступня поехала по полу, и он промазал. Не попал точно в голову — его нога попала ей по плечу и дальше, вскользь по виску. Повезло, что вскользь — а попал бы Линден, как и куда целился, вышиб бы из женщины дух напрочь, если б еще и шею не сломал.

Да, своеобразные у них отношения, однако.

Сам я, кстати, уже давно наблюдал за происходящим через экран портативного — размером с небольшой мобильный телефон, ассистанта. Снимая все происходящее на видео. Пустой ассистант у меня был с собой в кармане — для видеофиксации доказательств «кары божьей», которая должна настигнуть Линдена. И пока снято достаточно — решил я, убирая ассистант в

карман и берясь руками за перила галереи, мягко через них перепрыгивая.

Гостья между тем, от полученного удара упала на живот и больше не шевелилась. Рухнувший Линден же барахтался на спине, несвязно рыча и ругаясь от ярости. Он, кстати, поднялся все-таки довольно быстро, намереваясь продолжать избиение — крышу ему рвануло качественно, нормального человеческого там больше не было, только звериная злость. Но едва он замахнулся, в этот момент ему в затылок прилетела бутылка с виски. Та самая, которая недавно закатилось под галерею. Споткнувшись, Линден на прямых ногах, как оловянный солдатик, упал ничком, со звучным шлепком ударившись лицом в пол.

Вот так пусть и полежит пока.

Бутылка, кстати, не разбилась — воткнувшись массивным донышком в голову Линдена, она упала на пол и снова покатилась в мою сторону. Ну да так примерно и задумывалось — бросал я правой рукой, и бросок контролировал. Если бы не контролировал, голову могло от тела оторвать, бросай в полную силу.

Потерявший сознание Линден больше не двигался. Не шевелилась и незнакомка — последний удар ее вырубил.

В принципе, я уже знал, что нужно бы сделать. Убит Линдена… да хоть вот этой бутылкой, розочку вставить в руку даме и по тихому и быстро отсюда свалить. Четко, модно, молодежно. И это было бы рационально, тихо, спокойно и безопасно для меня.

Но это было бы неправильно. Ни по законам божьим, ни по законам человеческим. Поэтому я и не буду действовать рационально.

«А мы летим колеса сдутые, а нам все…» — начал было внутренний голос, удивляющейся моей непредсказуемой глупости, но я его оборвал мысленно.

Прошел через гостиную, осматриваясь и краем взгляд держа Линдена — вдруг очнется. Подобрав уже раз так пришедшуюся кстати бутылку виски, подошел к женщине. Карманов у нее нет, поэтому бутылку сунул в V-образное глубокое декольте. Саму даму подхватил под руки и потащил в темный угол, под галерею.

…! — беззвучно в сердцах позвал я падшую женщину. Потому что Линден зашевелился, поднимаясь. Ну точно у него личный терминал в аварийном режиме, видимо стимуляторы впрыснул.

…! — еще раз беззвучно и в сердцах позвал я падшую женщину. Потому что бутылка виски, торчащая горлышком из декольте бесчувственной дамы, съехала ей на уровень живота, полностью скрывшись под такой удивительной тканью. Кинуть в

Линдена больше из предметов рядом было нечего, а добежать до него — пока он не обернется, я могу просто не успеть.

Не могла, прекрасная незнакомка, нормальное платье надеть? — примерно с таким смыслом ругался я, пытаясь достать бутылку из-под платья. Невероятно дорогого платья: слишком уж ткань своеобразная — полностью облегает тело, но при этом легко тянется и практически невесома.

Линден между тем уже поднялся на четвереньки, мотая головой как раненый медведь. Толкнувшись руками, он принял вертикальное положение, сев на колени. И теряя равновесие начал заваливаться назад, махая руками и падая на задницу. Еще миг, и он, завалившись на спину, может меня увидеть. А ему нельзя меня видеть, по моему новому плану тут третьего быть вообще не должно.

Я успел — сменив тактику, все же вытянул бутылку из-под платья гости, просто задрав его до груди. Бутылка, кстати, попав в затылок Линдену, снова не разбилась. Хотя в этот раз в удар силы я вложил побольше. И отдохнет Линден определенно дольше.

…! — в очередной раз позвал я падшую женщину, потому что гостья уже пришла в себя и смотрела на меня расширившимися глазами.

Прислонив палец к губам, я продемонстрировал незнакомке взглядом, что лучше бы ей молчать и не двигаться. И потянув ее за собой, заставил подняться на ноги и отвел к проему близкой открытой двери, ведущий в кабинет. После этого заставил ее сесть, двумя пальцами показал себе на глаза, и этими же двумя пальцами ткнул в незнакомку.

«I'm watching you», — произнес я одними губами, и еще раз ткнув в нее двумя пальцами, после повторил жест уже одним, потом продемонстрировал ей бегущего человечка и демонстративно чиркнул большим пальцем себе по горлу.

«Я за тобой наблюдаю, если ты побежишь, тебе конец» — язык жестов интернационален, прост и понятен.

Вернувшись к Линдену, надел ему на голову шлем виртуальной реальности. После взял его за левую руку и сильно надавил в определенном месте. Когда на коже появился карман с разъемом, воткнул туда провод от шлема и включил синхронизацию с голо-экраном, на котором также вновь запустил воспроизведение гладиаторского шоу. Все, теперь он полностью на виртуальной вечеринке, а я могу хоть орать, мой голос его личным терминалом услышан не будет. Но на глаза все равно лучше не попадаться.

Периодически я поглядывал на женщину у двери в кабинет,

но она — впечатленная моим жестом, убегать не собиралась. Или не могла — Линден, пока ее бил, пару раз втащил ей очень качественно. Именно поэтому я подхватил с дивана блок домашнего доктора и надел ей браслеты на запястье.

Когда крепил браслеты, понял, что у неожиданной гостьи Линдена — как и у Николетты, нет личного терминала. Действительно непростая дамочка. Которая невесть как попала в ближний круг общения к начальнику районной полиции. Пусть и район его начальствования — зеленый сеттльмент. Все же дама и Линден обитатели разных сословных уровней, не говоря уже о внешности — в их паре определенно есть кому играть красавицу, а кому чудовище. Что это — любовь зла и козлы этим пользуются? Или у них не только взаимный амурный интерес?

Судя по тому, как столь удивительной красоты женщина в отчаянии падала на колени перед бегущим с острова полицейским, интерес действительно не только амурный, а вполне себе деловой. Теперь нужно узнать только, что это за дела.

Десяток секунд, и экран домашнего доктора раскрасился многочисленными зелеными линиями. Ну точно не просто непростая дамочка, а очень непростая: здорова как космонавт перед вылетом, такой уровень не всякая премиальная страховка обеспечит.

Желтыми были только несколько полосок — указывающие на многочисленные повреждения мягких тканей и неудовлетворительное психоэмоциональное состояние. Предложенный впрыск обезболивающего я подтвердил, а вот успокоительному сказал твердое нет — будет она сейчас на меня смотреть глазами олененка Бэмби, а также согласная на все только улыбаться в ответ, и весь мой план пойдет по бороде.

— Русский, английский? — поинтересовался я у незнакомки. С некоторым волнением, потому что если она не разговаривает ни на русском, ни на английском, придется думать с переводчиком. Но на английском она скорее всего разговаривает, поэтому волновался не так что бы сильно…

— Русский, английский, — на русском повторила за мной дама.

— Ты кто?

Незнакомка сразу не ответила, глядела на меня и хлопала черными глазами с удивительно длинными, причем натуральными, ресницами.

Услышав в ответ только молчание, я устало вздохнул и говорящим взглядом посмотрел на знойную даму. Выражение моих глаз ей все сказало, и она — судя по ответному взгляду, прекрасно поняла, что опасность ей сейчас грозит ничуть не

меньше, чем совсем недавно, когда ее до кровавых соплей пытался запинать ногой Линден. Не факт, что она умная женщина, но не идиотка точно. Глупость же в общении с Линденом спишем на стресс — явно сегодня случилось что-то, что полностью выбило ее из колеи.

Когда женщина открыла рот для ответа, я положил ей палей на губы. Нужно еще немного ее подготовить к беседе.

— Тссс… тсс… Внимательно послушай, пожалуйста. Я убийца, самый настоящий. Беспринципный и настолько страшный человек, что просто ужас. Для меня вышибить тебе мозги — проще простого. Твоя жизнь сейчас не стоит ничего. Вжух, и все…

Для убедительности, не убирая пальца от ее губ, я правой рукой достал нож и коснулся лезвием ее шеи.

— Чуть сильнее надавлю и твоя жизнь все, закончится. Понимаешь?

Незнакомка, не отрывая от меня взгляда, кивнула. Очень осторожно. Убрав палец от ее губ, я показал ей его так, чтобы она могла сфокусировать на нем взгляд. А после ткнул указующе в сторону Линдена.

— Я пришел его убить. Убить навсегда и насовсем, по-настоящему. И я это сделаю, совсем уже скоро. Но ты пришла сюда в очень неудачный момент. Тебя убивать я не хочу, не люблю убивать женщин. Но скорее всего придется. Поэтому прошу тебя, пожалуйста, помоги мне этого не делать. Но для того, чтобы тебя не убивать, мне нужна причина. А для того, чтобы я получил причину тебя не убивать, ты должна ответить на все мои вопросы. Понимаешь?

Судя по нескольким мелким кивкам, дама понимала.

— Я рад, что понимаешь. Итак. Если мне не понравится скорость твоего ответа, ты умрешь. Если я почувствую малейшую неискренность, ты умрешь. А неискренность я почувствую, уж поверь. Если ты будешь специально громко говорить, ты умрешь. Если ты будешь долго думать над ответом — ты умрешь. Все, единственный шанс на то, чтобы помолчать ты использовала, давай заново. Ты кто?

— Жаклин Петреску, — ответила незнакомка, переставшая быть незнакомкой.

Ну точно, на румынском она говорила! В РФПЛ тренер одно время был, Дан Петреску, так что я точно знаю, что это румынская фамилия.

— Сфера деятельности?

— Советник комитета по денежно-кредитной политике Банка Французской Африки в филиале Танганьика.

— Что конкретно советуешь?

— Моя работа связана с таргетированием инфляции на развивающихся рынках и макроэкономическому влиянию демографических изменений в протекторатах.

— Что тебя связывает с… тем телом? — взглядом я показал на Линдена.

— Мы деловые партнеры и любовники. Сегодня ровно три года как, — чуть шмыгнула носом Жаклин.

— В его личном деле, и в досье собственной безопасности, я видел жену и семерых, так скажем, любовниц…

Замялся я в слове «любовницы», потому что в списке личного дела Линдена, который предоставил Войцеху «друг Вальдуш», были не только девушки и женщины, но и юноши и мужчины.

— …за последние два года пять персоналий — это одноразовые встречи, две персоналии числятся в статусе постоянно-периодических. Тебя в личном деле я не видел.

Судя по выражению глаз Жаклин, услышанная информация о связях Линдена оказалась для нее сюрпризом.

— Мы хорошо скрывались, — собой она владела тоже хорошо, ответила спокойно.

— В чем причина твоего отчаянного поведения, о чем ты только что просила его на коленях?

— Мы с Джорджем занимались не очень легальными денежными операциями. Час назад я узнала, что он переходит на работу в ООН и покидает остров, оставляя меня наедине с проблемами. И я теперь не знаю, что делать.

— Какими именно операциями вы занимались, и какие у тебя возникли проблемы?

— Я за вознаграждение выводила деньги на легальные счета для людей, не дружащих с законом.

— Подробнее.

— До недавнего времени нас было трое. Я, Джордж и Павел Константинеску. Павел — специалист Красного Креста, известный во многих протекторатах человек. Он обладает многочисленными знакомствами в самых разных сферах. Я его знаю с давних времен, мы вместе занимались теннисом, в юности доходили даже до полуфинала в парном разряде Отрытого Чемпионата Франции. Павел занимается деятельностью Красного Креста в красных, самых опасных районах протекторатов по всему миру. Это очень своеобразная деятельность…

Жаклин начала забивать секунды ненужными словами. Она сейчас говорила интересные для меня вещи, растягивая время беседы, не особо думая над сказанным — наверняка размышляя и анализируя ситуацию, в которой оказалась. Впрочем, в ее ситуации анализируй не анализируй, все равно хозяином

положения не станешь, так что жестко отсекать подобное ее поведение не хочется. Тем более, что мне нравится находчивость этой дамы, которая — в отличие от ссоры с Линденом, сейчас смогла взять себя в руки.

— Ц-ц-ц, — поцокал я, прерывая Жаклин на полуслове и показывая, что все вижу и понимаю. Женщина вздрогнула и вновь перешла к озвучке конструктива.

— У Павла очень много контактов, в том числе среди группировок и синдикатов в преступном мире. Четыре года назад, когда мы случайно встретились на благотворительном ужине, он предложил мне помогать ему выводить криминальные деньги на легальные счетах.

— И стоит оно того? — довольно скептически спросил я.

— Он предлагал лично мне десять процентов. Нет, оно того не стоит, и я тогда отказалась. Но через два года он вновь вышел на меня, уже вместе с Линденом — с которым я тогда периодически встречалась. Их идея была такова: мы проводим несколько операций по выводу в белую криминальных денег от клиентов Павла, зарабатывая репутацию, а в череде клиентов находим того, кто может исчезнуть и по нему не будут задавать лишних вопросов. И забираем все.

— И это уже того стоило?

— Да, в планах звучали очень хорошие деньги. Павел как посредник организовывал передачу денег и ценностей, Линден занимался устранением клиентов, и мы все делили на троих. Два месяца назад я, в очередной раз, вывела на счета крупную сумму. Линден сказал, что это деньги Гамамбилу. Их должны были полностью уничтожить, но они…

— Они это кто?

— Гамамбилу — это племя каннибалов, община которого обитает в Кигунгули.

Вида я не показал, но вот ощутимо почувствовал, что спираль вокруг меня закручивается все сильнее. Как воронка водоворота, в который меня закинул Астерот.

Ой не просто так я встретил здесь и сейчас эту Жаклин, ой не просто так. Вот только почему Жаклин сказала Гамамбилу? Каннибалы да каннибалы — по-другому их никто и не называл. Название племени я тоже нигде не видел.

— Три недели назад Павел исчез, — продолжала между тем Жаклин, — его похитили в Джанктауне. Затолкали в машину и увезли от крыльца «Белой Розы». И я думаю, что те, кто это сделал, теперь обладают информацией о нашей деятельности. Линден об этом вероятно знает — потому что он организовал свой перевод сразу после того, как Павел исчез…

Значит, это не Томми Линдена купили — сделал я мысленно отметку. Он им сам продался, причем не за деньги, которых у него явно более чем хватает, а в поисках вариантов как побыстрее покинуть остров. И пьет он сейчас, пил вернее, с такой обреченностью, потому что понимал — ему теперь со всем этим жить. Он ведь не только сразу три семьи под монастырь подвел, он и свою любовницу бросал на смерть. Хотя… пил он может быть из-за того, что просто любит пить, а к Жаклин у него даже влечения нет, учитывая мальчиков в его списке утех. Так, рабочий интерес, а убиваться подобным образом — это его обычное времяпрепровождение. Тем более учитывая, реакцию Жаклин, вернее ее отсутствие, на его сегодняшний внешний вид и состояние.

Чуть погодя вспомнив о том, с каким остервенением сорвавшийся Линден втаптывал женщину в пол, я утвердился в своей догадке. Нет у него к ней никаких чувство, и не было. Да и встреча Павла с Жаклин на благотворительном ужине наверняка случайной не была — он искал выходы на более уровни заработка и влияния. И Линден в этой цепочке наверняка как любовник выступал больше по расчету. Вот только как он купил внимание Жаклин? Уж действительно любовь зла — посмотрел я на скрючившееся у голо-экрана полуголое тело в одном носке, с несуразно большим шлемом на голове.

От синьки все проблемы. Вот не пил бы Линден, и с Жаклин бы нормально объяснился, и я бы так легко сюда не проник. Нет, я, конечно, все равно бы скорее всего его завалил, но мне это было бы сделать определенно труднее. Или, если бы он не пил, просто спрятался бы где-то в свою последнюю ночь на острове, а не заливался бы дома, отрываясь напоследок и реализуя свои тайные желания.

— …я боюсь, что меня просто убьют, — севшим голосом закончила Жаклин, которая пока я думал, все продолжала рассказывать.

— И съедят, — задумчиво, погруженный в свои мысли, кивнул я.

— И съедят, — предательски задрожали губы женщины.

Н-ну… Вообще правильно боится, так-то. Выводить криминальные деньги в белые счета, а потом валить хозяев кэша — игра интересная и прибыльная, но опасная. Знала на что шла. Но… советник комитета Банка Африки, неужели у нее там нехватка в зарплате ощущалась?

— Цена вопроса? Сколько буратин вы закопали, и какую сумму поделили?

— Всего шесть клиентов. Окончательно закрыли, как это

называл Джордж, вопрос двоих, и еще недавно забрали деньги каннибалов. Это седьмые. Общая цена вопроса для меня — пятнадцать миллионов фунтов.

«Сколько?!»

— Это каждому? — в отличие от завопившего внутреннего голоса, вслух я спросил совершенно спокойно.

— У Франка и Линдена чуть меньше, — немного замялась и потупилась Жаклин. — У меня да, пятнадцать.

— Чуть меньше это сколько?

— У них по девять.

Жаклин, кстати, большая молодец — себя совсем не обидела. Все в дом, все в дом. И не думаю, что Франк и Линден знают, что у нее пятнадцать на счету.

Пятнадцать миллионов фунтов. Это очень большие деньги, и игра действительно стоит свеч. С другой стороны, обчистить двоих буратин, а потом еще и каннибалов кидать? Понятно, что аппетит приходит во время еды, но… Им эти деньги, если бы все было хорошо, задницей что ли есть?

Вот куда? Не понимаю. Просто не понимаю.

Хотя… Если Линден любовник, а деньги легкие и «безо всякого риска», то почему бы и нет? Более умные люди на более глупые удочки попадались, теряя в жажде легкого заработка все собственные накопления и даже жизни.

— У тебя пятнадцать миллионов. Фунтов, не кредитов. Ты можешь купить себе билет куда угодно, скрывшись с Занзибара и никогда в жизни больше не увидеть каннибалов.

Жаклин только головой обреченно покачала.

— Почему? — вкрадчиво спросил я.

— Во вторник, на сессии Колониального комитета ООН племя Гамамбилу будет официально признано как полноправный член международного сообщества. Члены племени отказываются от практики убийств для поедания человека, в их традиции останется только ритуальная трапеза умершим своей смертью членом племени, на его поминках, как дань уважения предкам.

— Звучит как-то… варварски, — подумал было я.

— Ритуальная трапеза. В утвержденном своде законов племени человеческое мясо теперь заменяется свининой. Там прописано положение, что… в общем, неважно. На поминках будут есть свинину, но договорившись считать, что едят умершего, обогащаясь мудростью поколений.

Все равно звучит как-то по-варварски — хотел было сказать я. Но потом одернул себя, вспомнив, что христиане при крещении тоже образно вкушают «…и Плоть и Кровь его». А еще вспомнил, что в этом колониальном мире на большинстве территория

Африки местные аборигены по-прежнему считаются частью окружающего мира, всего лишь одним из экологических факторов.

И если звезды зажигают, значит это кому-то нужно. В том смысле, что Колониальный комитет ООН не просто так признает племя вдруг исправившихся каннибалов частью мирового сообщества. И новый свод законов явно не вождь племени писал и согласовывал.

Так иногда бывает. Кто-то в одном кабинете решил зачистить каннибалов, чтобы о них даже памяти не осталось, а кто-то решил наоборот, сделать их частью мирового сообщества. И это кто-то успел раньше. А троица дельцов — Павел, Линден и примкнувшая к ним Жаклин, случайно перешли дорогу серьезным людям.

«Мда, неудачно подучилось», — с сочувствием и интонациями Андуина Ринна подсказал мне внутренний голос.

А вот теперь самый главный вопрос.

— Ты знаешь, кто лоббировал признание Гамамбилу в ООН?

— Нет, — покачала головой Жаклин.

Плохо что нет. Но даже не зная, кто именно — не нужно обладать большим умом, чтобы понять: все сейчас услышанное — это очередной для меня блудняк. Особенно в свете того, что «друг Вальдуш» предлагает нам забрать Кигунгули. В котором живут почти члены мирового сообщества, а не какие-то там каннибалы.

— У Линдена не получилось решить вопрос с каннибалами, но у него получилось решить вопрос сохранения своей жизни. Он купил себе перевод в ООН, его там никакие каннибалы и их покровители не достанут, — подытожил я.

— Да.

— Он не мог взять тебя с собой? Если у тебя есть такие деньги, должность в банке не…

— У меня здесь муж, и двое детей в Европе учатся, я не могу их бросить.

Воу. Однако — я как-то даже не подумал, что Жаклин может быть замужней дамой.

Так, ладно, пора закругляться. Все что нужно, я узнал.

Глава 13

— У меня для тебя есть два варианта. Первый — я тебя убиваю быстро и безболезненно, в благодарность за откровенность. Второй — ты сейчас берешь вон ту колотуху, — показал я на массивную, и даже на вид тяжелую мраморную вазу, — и убиваешь Линдена. Мне нужно, чтобы ты вколотила ему вазу в голову со словами: «Это тебе за твои грехи».

Я замолчал совсем ненадолго, давая время Жаклин обдумать предложение. Убивать она не очень хотела — по глазам видел. Но умирать она не хотела еще больше.

И это хорошо. Потому что я сейчас с этими угрозами ее убить откровенно блефовал.

— Отлично, — прокомментировал я молчаливое согласие Жаклин. — Сейчас ты приземлишь вазу ему на голову, только не промахнись, потом мы с тобой отсюда уйдем. Вдвоем. И вместо Линдена гарантом твоей безопасности буду выступать я, а видео — как ты его убиваешь, будет гарантом твоей лояльности в вопросе оплаты моих услуг.

— Но если я его убью, — обреченно посмотрела Жаклин на Линдена, — мне же выдвинут обвинение.

Этот вопрос вовсе не вопрос — потому что я знал, памятью Олега, как делаются дела в протекторатах. Тем более что цена вопроса — миллионы фунтов. Фунтов, не кредитов. Я же, если объявлю себя варлордом, смогу участвовать в переговорах и легко смогу договориться с теми, у кого шайка Павла-Джорджа-Жаклин увела деньги.

— Не волнуйся, мы твой недуг в подвиг обратим, — пожал я плечами. — Сто процентов, что в новостях будет версия о том, что Линден погиб из-за несчастного случая. Закуской подавился, когда виски запивал. А вот тех людей, которые придут тебя шантажировать и требовать свои деньги, мы сами возьмем за… мягкое и уязвимое место. Либо, по ситуации, договоримся, вернув им деньги каннибалов и оплатив издержки.

Несмотря на серьезность ситуации, Жаклин очень странно на меня посмотрела. Ну надо же — ей явно не нравится перспектива расставаться с деньгами, которые она уже считает своими. Интересная женщина, но вот делать дела и близко общаться с такой, конечно, себе дороже.

Так. Понимая, что делать с такой дела себе дороже, тут же собрался заключать с ней деловое соглашение. Да я просто король логических решений.

— Отдать деньги, возможно даже оплатить издержки, будет

для тебя лучше, чем быть… возможно, даже, съеденной. Чтобы, пока не вступили в силу новые правила, племя Гамамбилу не смогло напитаться твоей финансовой мудростью.

От этих моих слов Жаклин чуть вздрогнула.

— Я спрячу тебя буквально на пару дней, а после ты просто забудешь все случившееся как страшный сон, вернешься к прежней спокойной жизни, советам по таргетированию инфляции и к мужу. Только будет у тебя в секретной кубышке не пятнадцать миллионов, а пять, ничего страшного.

— От операции с Гамамбилу я получила только семь, — зачем-то уточнила Жаклин.

— Так это мы еще мое вознаграждение за спасение тебя из котла племени не обговорили, — широко улыбнулся я. — Это еще и гарантия того, что я тебя не убью — ты же мне очень хорошо заплатишь. Я, если что, варлорд с официальным статусом, контракт на твою охрану и представление интересов мы заключим с тобой по всем правилам. Так ты в деле, или нет?

На самом деле миллионы Жаклин мне не нужны, но ей этого знать не обязательно. Тем более что и убивать я ее не хочу.

— В деле, — кивнула Жаклин.

Решение она приняла, причем далось оно ей довольно легко. Жаклин уже развернулась было, но я придержал ее за локоть.

— Только бей наверняка, и кричи погромче — ты в состоянии аффекта.

Кивнув, Жаклин двинулась вперед, подхватила вазу — с трудом, очень уж та тяжелая, и подошла к Линдену. Поставив вазу рядом, она сорвала с него шлем, выдернув провод из личного терминала. После этого Линден сразу начал понемногу приходил в себя, зашевелился. Тело его не слушалось, и подняться у Линдена не получалось. Впрочем, вполне достойную попытку он совершил, когда Жаклин начала говорить. С ненавистью, она явно высказала ему все что о нем думает. Я, правда, вновь ни слова не понял, но надеюсь, что примерный посыл «это тебе за твои грехи» там было.

Смотрел я на происходящее вновь через экран записи ассистанта. Где как раз в этот момент вскинутая ваза упала сверху на Линдена. Я только поморщился — Жаклин промахнулась. Попала не в голову, а в шею и плечо. Линден же от удара даже больше пришел в себя — почувствовал, что его сейчас будут убивать. Забарахтавшись на животе, пытаясь собрать силы в непослушных руках, он приподнялся на локтях, изрыгая проклятия. Жаклин сделала шаг вперед, пытаясь поднять вазу, но Линден перехватил ее за щиколотку. С ревом усилия он дернул женщину на себя, одновременно откатываясь в сторону, и она

упала. Неловко, взмахнув руками и рухнув на спину.

«Сука-сука-сука-грязная сука», — повторял Линден, вставая на четвереньки. У него наверняка чертовски болела голова, от моих бросков бутылкой, да и падение вазы бесследно не прошло — может или рука, или ключица сломаны, штука то тяжелая. Но он сейчас боролся за жизнь, и уже почти взгромоздился на Жаклин, схватив ее за шею.

Я, готовый в любой момент вмешаться, так и наблюдал за происходящим на экране ассистанта, записывая видео. И видел, что Жаклин — а падая, она раскинула руки, сейчас нащупала бутылку с виски. Линден этого не замечал, но женщина, рукой на отлете перехватив бутылку за горлышко, с криком ударила.

«Артур бил-бил, не разбил. Жаклин полежала, бутылкой махнула и все в клочья» — переиначил внутренний голос присказку. Потому что бутылка от удара разбилась, и виски вперемежку с кровью хлынул в лицо женщины. Линден же, заревев, начал ее душить. Жаклин, захрипев, ударила оставшейся в руке розочкой ему в щеку. Линден, захрипев и теряя кровь заревел еще громче, Жаклин застонала глуше, а я подавил желание сделать фейспалм.

Может быть Жаклин и спец в финансовых операциях — столько миллионов выводить незаметно для регуляторов, но вот убить человека, находясь в идеальной для этого позиции у нее как-то не удалось.

Надо бы, конечно, было сразу ей помочь, но… она холодный и беспринципный делец. Как хирург, который без эмоций отрезает руки-ноги у пациентов с гангреной. Разница только в том, что Жаклин, да и вообще большая часть финансистов, это такие люди, которые походя и без эмоций словно отрезают здоровые руки-ноги у случайных людей. И то, что она сейчас вдвоем с Линденом там барахтается — так ей и надо. Я словно видел в происходящем некую вселенскую справедливость.

Выключив запись видео — и так наснимал достаточно, я быстро и бесшумно подошел к Линдену и ударом ноги снял его с Жаклин. Подобрав вазу, швырнул ее с размаху вниз, в голову высокопоставленному стражу порядка. Поморщился от характерного звука столкновения черепа и массивной мраморной вазы, после протянул руку Жаклин.

Она этого даже не заметила — взгляд безумный, сипло дышит и вообще не понимает, где она и что происходит. Несильной, лечебно-гомеопатической пощечиной, даже легким похлопыванием, привел Жаклин в чувство, пощелкал пальцами, заставляя сфокусировать взгляд. Помог подняться и отвел ее в ванную комнату, не снимая платья начал мыть ее из душа,

смывая виски и кровь Линдена с ее лица, волос и плеч.

Смывая с Жаклин кровь сильным напором воды, постепенно делал температуру меньше и меньше. И когда вода стала по-настоящему холодной, Жаклин даже начала повизгивать. Но уйти от струи холодного душа не пыталась — она меня определенно боялась.

— Ориентируешься в доме? Была здесь? — спросил я, выключая воду.

Жаклин мелко покивала.

Ткань платья, кстати, под тугими струями воды сначала намокла, но высохла практически моментально. И только мокрые волосы напоминали о том, что Жаклин только что стояла под душем. Но мокрые волосы ее не сильно беспокоили — она сейчас находилась в прострации, от шока пережитого.

В принципе, я ее понимал — не каждый даже подготовленный жизнью человек спокойно выдержит произошедшее. А уж обычный советник по финансовой политике… это, конечно, та еще акула, но эта акула атакует на расстоянии. Одно дело решать судьбы нажатием кнопок, а совсем другое убивать конкретного человека в полном контакте.

Жаклин между тем, выходя из оцепенения, задрожала — крупно, всем телом. Так, что зубы начали выбивать громкую дробь. Женщина сейчас стояла, вжавшись спиной в кафель ванной, обхватив себя руками и с испугом глядя на меня.

Все же не совсем верит, что я оставлю ее в живых. Видно, что боится все сильнее — Линдена она не убила, но понимает, что характерная запись у меня есть. И понимает, что если я ее намерен убить, то делать это буду здесь и сейчас. Личного терминала у нее нет, запись с линз не ведется, и вопрос только в направленном падении головой на мраморный бортик душевой кабины.

— Да не волнуйся ты, — успокаивающе поднял я руки с обращенными к Жаклин открытыми ладонями. — Немного неудобств, пара дней, и скоро ты будешь жить как раньше, хорошо и счастливо. Даже лучше и счастливее чем раньше. Если, конечно, в очередные авантюры влезать не будешь.

Жаклин очень-очень хотела мне верить. И, глядя в глаза, часто-часто закивала. Зубы ее застучали при этом еще громче.

— Найти что-нибудь переодеться, — произнес я, разворачиваясь и уходя.

Нет, мне конечно платье Жаклин нравится, но уж очень оно для Полигона дорого выглядит. Да и туфли у нее в негодность пришли, не босиком же ей ходить.

Выходя из ванной, я подумал о том, что пока все идет пусть

не по плану, но идет. И даже хорошо идет — так бы дальше и шло. Мы сейчас вместе с Жаклин уедем отсюда на ее машине, дальше я спрячу ее на Полигоне — и Жаклин, и машину. И уже с Полигона на каком-нибудь катере дойду до точки рандеву, где меня подберет нанятый дядюшкой Абрамом летательный аппарат, с которого я вернусь на крышу. Или не подберет, и тогда я вернусь к гелику на стоянке и просто поднимусь в башню к Николетте второй раз. Потом объявлю себя варлордом, заключу с Жаклин контракт, и… в общем, это все череда решаемых технических вопросов.

Тем более что за Жаклин, за ее обвинение в убийстве, я вообще не переживал. Таких людей в тюрьму просто так не сажают. К тому же у нее наверняка есть доступ не только к своим деньгам, но скорее всего и к счетам Константинеску и Линдена. Это тридцать три миллиона фунтов.

Жаклин банально стоит слишком много денег, чтобы сажать ее в тюрьму как обычного человека. Денег у нее, правда, скорее всего станет поменьше, когда я пообщаюсь с покровителем каннибалов из племени Гамамбилу. Придется отдать, но тут уж ничего не поделаешь — трезво размышляя, идти на конфликт с тем, кто может лоббировать свои интересы в Колониальном комитете ООН, мне пока не по рангу.

Поднявшись на крышу, я забрал сумку с крылом и парашютом, собираясь спускаться вниз. Но смутное предчувствие меня остановило. Перебежав к высокому парапету крыши с другой стороны здания, я аккуратно высунулся и посмотрел вдоль улицы.

Дом Линдена стоял на склоне холма, и дорога по сеттльменту поднималась от перекрестка с широким проспектом. И предчувствие мое сработало как раз вовремя. Потому что увидел, как на главную улицу Вилладжа с проспекта поворачивает массивный темный микроавтобус. Проехав через КПП не останавливаясь, фургон уже поднимался под небольшой уклон, приближаясь.

Черный микроавтобус, без стекол — изображение в салон выводится на панели. И это точно не полиция, частники. Но при этом… как-то показательно, и, наверное, даже не очень непрофессионально все выглядит. Приехать в зеленый сеттльмент на такой машине — этот как расписаться в том, что приехал по важному делу. А какое сегодня может быть важное дело на этом конце улицы?

«Это сюда» — понял я, даже не пытаясь самоуспокоением предположить, что может быть это просто фургон, который оказался здесь случайно и едет без света в эту сторону, но не

сюда.

Стремительно спустившись по лестнице, я выскочил в холл. В открытой двери увидел Жаклин, стоящую у прет-а-порте принтера и думающую что печатать из одежды. Она по-прежнему была босиком, и по-прежнему на ней было черное обтягивающее платье.

Черт. Черт-черт-черт.

Долго она думала, а теперь времени больше нет. Прервав размышления, я схватил Жаклин за руку и потащил за собой. Примерно ориентируясь в сторонах света, забежал на кухню и выскочил вместе с ней на задний двор через черный выход.

Я даже не собирался наблюдать, заедет на территорию микроавтобус, или нет. Слишком несопоставимы возможности — я смотрю обычным взглядом, а те, кто внутри, наверняка глядят на мир через визоры, находясь в тактической сети. И если я окажусь в зоне прямой видимости, хоть через окно, хоть как, меня заметят не глазами, а системой слежения. Если меня еще на крыше не срисовали.

Именно поэтому я уже протащил Жаклин за собой через задний двор к забору, отделяющую особняк Линдена от соседнего. Через изгородь, и через подернутую едва заметной парящей дымкой пелену купола перекинул Жаклин первой, после полетела сумка с вингсьютом и парашютом, и только после следом сиганул через забор сам.

Надеюсь, купол просто иллюзорный и звуконепроницаемый, а не настроен на активацию в случае чужого вторжения. Приземлился, осмотрелся. Хотя смотреть особо некуда — вокруг живая изгородь, в просветы которой виден небольшой парк, изрезанный дорожками. Но того, чтобы смог увидеть, хватило понять — вечеринка здесь проходит как бы и не категории «ННН». Поставленного голоса ведущего больше не слышно, но звук пьяной толпы, купающейся в бассейне, пробивается даже сквозь громкую музыку.

— Johnny, la gente esta my loca! Whatthe fuck? — невольно процитировал я к месту пришедшуюся строку песни от девушки, удивляющейся круглосуточной тусовке в Испании.

Контраст с недавней тишиной разительный. Здесь, под куполом, веселье действительно в самом разгаре — крики, вопли, по ушам ритмично бьют громкие басы из немалого размера колонок. Даже земля, казалось, подрагивает.

На относительно небольшой территории особняка кучковалось несколько сотен людей, концентрировавшихся плотной толпой у бассейна и стоявшего там же диджейского пульта и оборудованных танцполов. В самом бассейне плескались

десятки людей в одежде, купальниках и без. Были и традиционные большие надувные желтые уточки, белые единороги и розовые пони. Были и плавающие на них люди в весьма экстравагантных нарядах. Похожих друг на друга.

Это, как понимаю, необязательный дресс-код вечеринки: «черное и голое, и немного ремней». Но дресс-код этот для тех, кто или отвязно развлекается сам, и кто развлекает собравшуюся здесь респектабельную публику. Далеко не у всех наряды были откровенно вызывающие, здесь присутствовали люди разных категорий. Кто-то тут присутствует гостем, отдыхая и развлекаясь или просто глазея с бокалом в руке, а кто-то работает, развлекая собравшихся.

Вот в пару отдыхающих мы сейчас и перекинемся, чтобы не выделяться из толпы — решил я. Только сориентироваться нужно для начала. Приняв решение, я оттащил Жаклин немного в сторону, в сторону густых зарослей кустов, чтобы за ними спрятаться.

Как оказалось, за этими густыми кустами место приглянулось не только мне. Но, трое лежащих на траве были немного не в этом мире. Судя по закатившимся глазам и движениям — как у ленивых и усталых гусениц, все трое сейчас определенно не здесь. С одного из улетевших в облака блаженства я снял с шеи шипастый ошейник с цепью, с другой — это была девушка в кожаном трико, стянул высокие сапоги.

Судя по тому, что ни первый ни вторая на мои манипуляции даже не реагировали, убрались они качественно, обдолбавшись нейрохимией по самые надбровные дуги и улетев в неведомые дали.

— К Линдену приехали гости, для нас опасные, — только сейчас сообщил я Жаклин, передавая ей сапоги. Она, кстати, лишних вопросов задавать не стала. Видимо, о чем-то подобном по моим действия догадалась, и удивления не выказала.

— Что будем делать? — спросила Жаклин, обувая первый сапог. Благо, проблемы с размером не возникло — сапоги массивные, с толстой и широкой подошвой и многочисленными ремнями. Ну и подстраивающиеся под размер. Я в это время надевал ей на шею шипастый ошейник.

— Поищем машину или попутчика, не привлекая внимания. Слушайся меня, и все будет хорошо. Окей?

— Хорошо.

Так, ладно, я сам в маске, мне показываться другим на глаза не страшно, а вот как скрыть лицо Жаклин? Да легко — достал я нож, и в пару движений отмахнул от подола ее платья широкую полосу. Скрывать лицо ей нужно не от камер, а от чужих взглядов

— остров маленький, ее могут банально узнать.

Жаклин кстати, когда я укоротил ее платье, только глаза расширила, но никак мои действия не прокомментировала. Я же замотал отрезанной полосой ей лицо на манер бандитского платка, и взъерошил еще мокрые волосы.

— Сейчас найдем приватную комнату, они наверняка есть еще пустые, ты там закроешься, а когда я найду машину или попутчика, отсюда уедем. Пока план такой, — произнес я, расстегивая куртку и закатывая рукава. Вот так, всего один штрих, и я, в компании с Жаклин, композицией превратился в мачо-рабовладельца.

Говорил и действовал я уверенно, вот только особой уверенности не испытывал. К Линдену приехали, и наверняка гости уже в его доме. А этот купол вечеринки, который скрывает нас сейчас, помог не только скрыться — в моменте, но теперь он словно мышеловка. Любая выехавшая отсюда машина сразу будет замечена и взята на контроль.

Постепенно внутри зрел ком пустой и холодной обреченности. Потому что задним умом понимаю, что все будет хорошо только в двух вариантах. Первый, почти нереальный — это если гости на фургоне вообще не к Линдену ехали. Второй, реальный чуть более — если гости на фургоне ехали к Линдену, но сочтут задачу выполненной, если найдут его тело. Ну а если гости на фургоне едут не за Линденом, а за Жаклин, тогда у меня очень серьезные проблемы.

Потому что украденные предприимчивой шайкой у каннибалов миллионы — это немалые деньги. И вполне вероятно, что приехавший фургон только средство перемещения оперативной группы, а на границе района сейчас висят беспилотники или даже конвертоплан, отслеживая всех, кто входит и выходит. А я еще не варлорд официально, так что со мной никто даже разговаривать не будет. Обратят внимания на мои попытки диалога не больше, чем на писк комара.

Так что сейчас я действовал — маскировался сам, переодевал Жаклин, но при этом понимал, что коготок увяз. И как я буду выбираться из этой всей порнухи — и в прямом и переносном смысле слова, просто не представляю.

Как я невовремя к Линдену то приземлился, а? Успев перед всеми гостями — и перед Жаклин, и перед этими неизвестными.

Прилетел бы на час раньше, или на час позже — и все было бы отлично. Нет, мне нужно в самое… око бури, так скажем, сунуться.

Еще и сумку с вингсьютом и раскрытым парашютом через вечеринку тащить с собой не вариант. На меня будут обращать

внимание и охрана — а на таких мероприятиях обязательно есть охрана, не выделяющаяся из толпы и внешне также веселящаяся, как и все. И охрана на такой выбивающийся из образа баул явно внимание обратит. Поэтому забросив сумку в глубину кустов, я решил забрать ее позже. Если получится, конечно.

После похлопал Жаклин по плечам, заставляя ссутулиться и изображать покорную рабыню. И намотав цепь на руку, двинулся по парку, в сторону бассейна, у которого сейчас толпа народа веселилась, пила, танцевала и принимала вещества.

Когда у большого количества людей есть много времени и денег, и нет ни идеи, ни пути, ни необходимости работать чтобы обеспечивать себя, постепенно наступает пресыщение и развлечения иногда принимают самые разные и неожиданные формы. Куда там императору Гелиогабалу, который еще в Древнем Риме голым на колеснице гонял блудниц и устраивал экстравагантные гей-парады. Сейчас, по прошествии веков, у скучающей публики возможностей поболее, и развлечения принимают такие формы, что со стороны смотреть на это неприятно. Особенно трезвым.

Не привлекая особого внимания, я — с Жаклин на цепи, прошел мимо веселящейся и галдящей толпы. Которая, если не брать концентрацию людей в бассейне и у пульта диджея, веселилась без особого надрыва — вечеринка была не полностью молодежная. Здесь в немалом количестве присутствовали в качестве активных зрителей люди взрослые и даже пожилые. И респектабельные, так скажем.

«Компания была невелика, но зело респектабельна — пан аптекарь, пан директор, пьяный золотарь, две курвы и я», — услужливо подсказал внутренний голос комментарий к ситуации.

На нас с Жаклин обращали внимание, провожая взглядами. Не потому, что мы как-то выделялись, а потому что мы были просто красивыми. Мне даже пару раз хмельные дамы кричали что-то вроде «Эй, красавчик» и «Офицер, а может вы и меня арестуете?». В общем, нас заметили и оценили, но внимания я ни на кого не обращал, и целенаправленно вел Жаклин в сторону дома.

Миновав тусовку у бассейна, зашли в особняк через распахнутые двери. Здесь я уже предметно осматривался — мне, в идеале, нужна одежда и мотоцикл. И пока осматривался, потерял ситуацию ненадолго. И этого хватило: сзади раздался звучный шлепок, и Жаклин взвизгнула.

— Какая женщина! — утробным басом воскликнул массивный и не совсем трезвый мужчина. Его розовый от загара живот выпирал из расстегнутой рубашки, в ширинке брюк, также

расстёгнутый, виднелось нижнее белье.

— Так, мальчик, тут нужна крепкая мужская рука, — оттолкнул меня от Жаклин седовласый Дон Жуан. Даже не ожидая возражений, он перехватил у меня цепь и повел мою спутницу за собой. Спорить я даже не стал — а когда поймал панический взгляд обернувшейся Жаклин, едва заметно кивнул, показывая, что все под контролем.

Все действительно было под контролем. Потому что седой ловелас, едва зашел в приватную комнату, не успел закрыть дверь. Я скользнул следом, и несостоявшийся Дон Жуан получил от меня плотный удар, отправившись немного поспать. С помощью Жаклин я привязал его к кровати — инвентарь здесь был, причем более чем в достаточном количестве. И когда седовласый дон лежал, раскинув в стороны руки и ноги, я из его же рубашки соорудил хороший и плотный кляп.

— Антуражненько, — только и прокомментировал я, обозревая результат наших действий, а после обернулся к Жаклин. — Сиди здесь, я ненадолго. Постучу вот так: раз-два-три, раз-два, — пять раз ритмично стукнул я кулаком в дверь.

— Хорошо, — почти беззвучно произнесла Жаклин. Судя по виду, запас самообладания у нее еще есть, но его уже критически мало.

— Ты сильная, ты сможешь, — ободряюще подмигнул я ей и выскользнул из комнаты. Прикрыв дверь, и услышав щелчок замка, я прошел по галерее здания. Замедлив шаг, словно невзначай выглянул в проем двери, ведущий на балкон. Здесь пока и остался, подпирая косяк.

Людей вокруг было много, все хаотично перемещались, пили, орали, смеялись. Мне что-то кричали издалека, с балкона, а по обеим сторонам уже встали сразу две дамы, которые что-то ворковали и явно желали общения со мной прямо сейчас. Внимания, на них, впрочем, я даже не обращал. Потому что, с замиранием сердца, заметил у ворот двух человек в легких бронекостюмах с опущенными забралами и красными огоньками активных визоров. И у каждого за спиной по компактной винтовке со сложенном прикладом, на бедрах видны пистолеты.

Вот это я попал. Реально так попал.

Не знаю конкретно, что здесь за вечеринка, и кто ее организатор, но вот оперативность действий неизвестных, что приехали в особняк Линдена, поражает. Поражает то, как они быстро договорились и зашли внутрь периметра приватного мероприятия. Не через забор перебрались, как я, а банально идут через парадный вход. С оружием идут.

Идут с оружием и в бронекостюмах, с опущенными

забралами. На приватную вечеринку. Под иллюзорный купол. На приватную вечеринку по иллюзорный купол в зеленом сеттльменте.

Что это за черти такие, откуда они вообще взялись на мою голову?

Ладно, черти явно непростые, а это значит, что у меня практически не осталось времени — нужно уходить. Потому что у охраны вечеринки теперь есть информация, что на территории левые гости в количестве двух штук.

На подобных мероприятиях охраны, готовой действовать быстро и четко, всегда много, но глаза при этом она никогда не мозолит. И сейчас в толпе веером расходятся по сторонам не только живые охранники, сканируя посетителей, но и дроны наверняка уже летят осматривать территорию, выискивая не прошедших фейс-контроль гостей.

— …! — в очередной раз за сегодня позвал я падшую женщину.

Обе кстати хозяйственно обнимающие меня дамы приняли возглас на свой счет, но судя по реакции им даже понравилось. Их руки все более требовательнее лезли под куртку, а одна даже полезла слюняво целоваться. Не очень удачно — промахнувшись и клюнув в оголенное плечо дамы с другой стороны. Потому что я выскользнул из парных объятий и не обращая внимание на обиженные возгласы двинулся обратно в коридор.

Главное я увидел — у одного из новых гостей на территории особняка заметил на правом плече узнаваемую эмблему: черный щит с косым красным крестом, центр которого смещен вниз. Та самая эмблема, которую я однажды, почти в шутку, предложил Маше Легран как герб для ее ЧВК, с которой она собралась покорять Африку.

Вот и встретился с крестничками. Причем так, что добром мы сегодня явно не разойдемся.

Скорее даже наоборот.

И увиденный черный щит с косым красным крестом дал четкий ответ на вопрос, почему у Линдена не получилось решить вопрос с каннибалами. Почему он даже не пытался его решить, а оставив Жаклин на острове, даже не предупредив ее, организовал себе билет в другую жизнью.

Потому что, представляя как делаются дела в этом мире, я теперь зуб даю, может быть даже свой: племя каннибалов Гамамбилу — это уже инструмент корпорации «СМТ». А если конкретнее — это инструмент или даже будущее подразделение Карателей, ЧВК Легран, которые вместе с Томми тоже намереваются зайти на Занзибар, чтобы попробовать еще больше

потеснить Некромикон.

Профит в этой истории имеют абсолютно все. И большие, и маленькие: друг Вальдуш, который нашими с Войцехом руками пытался и устранить Линдена, и подставить нас на пути корпоративного монстра; корпорация «СМТ», которая заходит на Занзибар своей частной военной компанией; британская администрация протектората, которая в управляемом хаосе чувствует себя как рыба в воде и сейчас получает на острове третьего серьезного игрока — и у Томми из корпорации ТРТР теперь просто не получится быстро сожрать Некромикон, потому что они могут получить удар в спину от «СМТ»; в плюсе и каннибалы племени Гамамбилу, которые перестали быть чучелом и пугалом, а стали не экологическим фактором окружающей среды, а полноправным членом мирового сообщества. Даже Колониальный комитет ООН в плюсе, потому что собравшись на сессию, комитет работает и дает результаты, отрабатывая высокое жалованье своих членов.

Всем, получается, в этой истории хорошо. Всем, кто не я. Наступивший — по указке Астерота, не глядя во всю эту кучу, причем сделав это в режиме «бежим, некогда объяснять».

Вот только собравшиеся на острове ребята просто еще не знают, с кем связались: за краткое мгновенье у меня сейчас, вместе с осознанием той задницы, куда я влез, появился и удивительно четкий план к действию. Но сначала нужно покинуть особняк и увезти отсюда Жаклин. Желательно сделав это тихо, незаметно и без эксцессов.

С этого, собственно, и начнем.

Глава 14

Свернув за угол, я перестал слышать разочарованные возгласы оставленных мною дам. И интуитивно выбирая направление, двинулся в сторону выхода из здания с другой стороны.

С каждым шагом понимая, что ситуация — хуже не придумаешь.

Сейчас мне совершенно, даже категорично нежелательно устраивать здесь силовое решение вопроса. Потому что я тут один. Нет ни Элимелеха, который может удаленно решить все проблемы, ни бешеного взвода Измайлова, который может решить все проблемы на расстоянии прямого контакта, нет ни моей силы, которая может решить вообще все проблемы. У меня даже кукри нет.

Устраивать силовое решение вопроса — усмехнулся я. Что-то слишком высокого о себе мнения; против меня не только местные охранники, но и облаченные в бронекостюмы вооруженные специалисты. И их много. А я один.

Я, конечно, смелый, ловкий и умелый, но ждать удачи, как по время памятного смертельного матча, когда рядом стоял корпорат с расстегнутой кобурой, точно не стоит… а в ином случае, если мне россыпь возможностей не подарят, я просто не вижу как можно, если дойдет до драки, вырулить все происходящее в свою пользу.

Поэтому до драки дело лучше не доводить.

Но все равно, удача определенно нужна. Потому что это единственное, что может сейчас мне помочь. Пусть мое лицо изменено, пусть я даже смогу покинуть территорию особняка, но и в этом случае мне на хвост гарантированно присядет погодя, и куда и как скрываться, я просто не знаю.

Внутри появилось чувство, близкое к отчаянию — я просто не знал, что делать. Так бы и дальше не знал, но завернув за угол, столкнулся с охранником. Нос к носу.

То, что это охранник, по одежде заметно не было. Респектабельный господин с залысинами, в классических брюках и мокасинах на босу ногу, в белой расстегнутой рубашке, с разноцветным гавайским ожерельем на шее и коктейлем в руке. Только вот лед в его коктейле давно растаял, а взгляд цепко рыскал по сторонам. И едва мы с ним столкнулись, его глаза моментально зацепились за меня.

Загоняемым зверем здесь был я, а он просто на работе. И я успел раньше, начав действовать, опережая его на мгновения.

Скользнув вперед, воткнул охраннику кулак под ребра, и тут же подхватил, не давая упасть лицом вниз. Одновременно с ударом я повернул грузное тело и вместе с ним зашел в закрытую дверь. Которая, когда мы в нее влетели, с хрустом распахнулась — замок довольно хлипкий, просто сорвался. И уже падая на мягкий палас погруженной в полумрак комнаты, я толкнул дверь ногой, закрывая ее за нами.

Вообще опасно исполняю — охранник, если нагружен имплантами, может сейчас активировать стимуляторы и превратиться в машину для убийств. И то, что я его держу в захвате, равносильно тому, как обычный человек держит просыпающегося медведя за холку и кричит: «Я его поймал!»

Но на риск шел сознательно — я здесь случайно, и убивать просто так никого не хочу.

Вскакивая на ноги, осмотрелся. Комната пуста… нет, не пуста. В дальнем конце затемненный и завешенный балдахином будуар с королевским ложем, на котором заметно мельтешение тел. Наше неожиданное появление в затемненном будуаре заметили, но внимания особо не обратили. Те шесть… или даже семь, да семь, человек, что наслаждались совместным обществом на кровати, были под веществами, и такая мелочь от действа их не отвлекла.

Охранник между тем сипло шипел и лежал лицом вниз, пытаясь вдохнуть воздух как рыба на льду. Так я его и оставил, мысленно перекрестившись от того, что он оказался вполне обычным человеком, а не усиленной имплантами машиной.

Уже забыв об этом, подскочил к окну, распахивая его настежь. Времени на раздумья больше не оставалось, меня уже обнаружили. И вариант теперь только один — двигаться отсюда куда-нибудь вперед и как можно быстрее. И двигаться, как мне подсказала одна из мыслей в лихорадочной суете, в сторону гаража. Так приглянувшийся мне золотой лимузин где-то ведь припарковался, верно?

Вот только ничего похожего на гараж пока не видел. Так, небольшой ландшафтный парк, дорожки с декоративно подстриженными кустами, небольшие группки людей. Самая большая сгрудилась вокруг высокого, метра два ростом, чернокожего парня в золотом пиджаке. Вот и владелец золотого лимузина — мельком подумал я.

Спрыгнув с окна на козырек, сразу с него сиганул вниз, на дорожку. Устланную тротуарной плиткой — по которой перекатился, гася инерцию удара. И, повинуясь вдруг возникшему чувству опасности, еще одним перекатом ушел в сторону. Вовремя — рядом со мной оказался один из карателей Легран. Он

двигался быстро, очень быстро — усилен имплантами. Меня спасло только то, что за серьезного противника они меня не принимали.

Пока не принимали.

И бронекостюм у карателя был не в глухом боевом режиме. Охотились ведь всего лишь за юношей и финансовым советником, которые судя по следам в холле виллы на двоих и с трудом размолотили в кровавую кашу пьяного Линдена. И сопротивления, согласно данным тактического анализатора, от нас наверняка не ожидалось.

Очередная хвала эффективным менеджерам, которые составляют инструкции и рисуют нормы расхода ресурса. Потому что стимулятор и заряд энергобатарей — ресурс, за которых в крупных организациях отчитываются.

Если бы здесь вместо этих двух служивых людей был кто-то, кто работал за свой интерес, они бы брали меня в боевом, энергозатратном режиме, и под стимуляторами, и колени бы мне сначала прострелили, а только потом попросили бы не убегать. Но передо мной были люди или бойцы неопытные, или затюканные отчетностью за восполняемые ресурсы, так что происходило все почти наоборот.

И сначала стрелять начал я — успел первым. Оказавшийся совсем рядом каратель словил очередью весь магазин в колено, и тут же как подломился, падая. Я уже был сверху, приземлив кулак ему на затылок. Бил правой рукой и совершенно не сдерживаясь — шлем остался цел, но забралом каратель ударился в брусчатку, хорошо так ее покрошив. Несколько секунд, пока он от впрыснутых стимуляторов не придет в себя, у меня есть.

Прижав коленом шею бойца к земле, правой рукой я отодрал у него со спины пистолет-пулемет. С трудом — преодолевая сопротивление магнитного крепления, и тут же откинул приклад. Стрелять начал почти сразу же: второй каратель, выбежавший из-за угла дома, уже ускорился, переведя броню в боевой режим. Он теперь двигался словно чередой быстрых стоп-кадров, проявляясь в поле зрения только вспышками. Шел противник на меня, качая маятник — петляя из стороны в сторону, и я, без возможности войти в состояние скольжения, начал стрелять почти наудачу.

С удачей у меня отношения интересные — иногда загнав в полную задницу, она мне начинает понемногу помогать. Вот и сейчас, череда стоп-кадров второго карателя прервалась, и он рухнул на землю. Я тут же выпустил в него остатки магазина, потом — одной очередью, еще один — доставая их с пояса лежачего подо мной бесчувственного первого карателя. Второму, который до меня не добежал, целился в правую ногу, чтобы

повредить сервоприводы экзоскелета.

По-прежнему не желая никого убивать.

Просто потому, что я просто устал оставлять за собой след из трупов. Пусть даже они и возникают не из-за моей кровожадности, а по своему собственному желанию.

«А давай убьемся об Артура Волкова, что-то жить надоело? А давай!»

Эти двое хотя бы без оружия, и стрелять сразу не стали.

Впрочем, мое человеколюбие похоже начало подводить меня под монастырь. Выбить экзоскелет у дальнего бронекостюма не получилось, он уже тянулся за оружием, а каратель подо мной начал шевелиться, приходя в себя.

В условиях цейтнота разум иногда придумывает удивительные идеи. Третий и предпоследний доступный мне магазин я выпустил карателю в голову, заставив взвыть его энергоблок, удерживающий энергию щитов. И торопливо отложив пистолет-пулемет, сорвал с пояса лежащего подо мной оглушенного тела две толкушки — нелетальные гранаты с отталкивающим импульсом, после чего засунул обе под него же, под кирасу с обоих сторон. Оставшихся двух секунд мне хватило, чтобы подхватить и перезарядить лежащий рядом пистолет-пулемет и успеть вцепиться в выемку доспеха на спине лежащего подо мной уже активно зашевелившегося бойца.

В глазах потемнело от перегрузки, когда мы вместе с почти пришедшим в себя карателем взлетели вверх. Перевернувшись в воздухе, я осмотрелся и увидел, что летим мы неожиданно туда, куда надо. Вновь удача повернулась ко мне лицом: потому что, взлетев вверх и в сторону, мы с оглушенным бойцом пролетели над зеленой лужайкой и приземлялись сейчас на прозрачные квадратные секции, спрятанные среди кустов.

А что значат эти стеклянные секции на склоне искусственного холма? Правильно, это значит, что лечу я прямо на подземный гараж — догадался я. И уже в полете перехватил пистолет-пулемет, выпуская короткую очередь как раз в ту секцию, в которую мы летели.

Каленое стекло рассыпалось мириадами осколков, превратившись в мелкую крошку. Еще одна удача — остались бы там острые осколки, я бы мог несколькими частями вниз приземлиться.

Каратель, кстати, по-прежнему был подо мной. Я его словно летающего дракона оседлал. И бесчувственный (вновь) каратель, оглушенный взрывом сразу двух толкушек в стыках своего доспеха, причинил немалый вред длинному красному лимузину, на который мы приземлились — оставив на крыше машины

немалых размеров вмятину.

И судя по отсутствию движений, моя «воздушная лошадка», после того как у него в стыках бронекостюма взорвались две колотушки, наконец-то снова вырубился. Но оставался еще тот, кто сверху — а это значит, что у меня по-прежнему в распоряжении считанные секунды.

Отбросив бесполезный пистолет-пулемет (патроны кончились), я спрыгнул с поврежденного красного лимузина и осмотрелся. Машин вокруг полно, причем не только транспорт понаехавших на вечеринку гостей. Гараж внушительных размеров, и большая часть здесь машины явно коллекционные. Самые разные модели, от забавного кургузого и лупоглазого Пинцгауэра, похожего на УАЗ-буханку, только квадратную, до Роллс-Ройса Серебряный призрак. Отдельным рядом стояли мотоциклы, квадроциклы и…

— Бинго! — даже закричал я. Причем уже на бегу, потому что увидел именно то, что мне нужно. И вновь подумав о том, что поставив меня в неудобную позу, Фортуна наконец решила разрешить мне сменить позиции, даже поворачиваясь более удобно.

Потому что я уже подбежал к ряду из трех однотипных, но разноцветных аэроскутеров — зеленого, белого и красного. И было самое чудесное, что могло меня здесь ждать. Если не брать, конечно, конвертоплан с командой эвакуации из бешеного взвода штабс-капитана Измайлова. Но такой вариант сегодня точно не предусмотрен.

У ряда аэроскутеров замялся на долю мгновения — думая, на который садиться.

Все три — одинаковая модель. По виду напоминают нечто среднее между мотоциклом, квадроциклом и гидроциклом. Шире мотоцикла, но уже квадроцикла; колеса четыре, но они не широко расставлены, как у квадроцикла, так как сдвоенные. И каждая пара просто кажется одним большим и широким колесом. Такой мотоцикл переросток, или поджавший внутрь под себя колеса квадроцикл. Корпуса аэроскутеров шире, чем у мотоцикла, и чуть-чуть уже, чем у стандартного квадроцикла. Еще и обтекаемые, по форме напоминая корпус гидроцикла, только с воздухозаборниками.

Все потому, что задача этой штуки — летать. По сути, это упакованный в большую обертку реактивный ранец-переросток. Жутко дорогая штука — не в вопросе стоимости, а в вопросе приобретения на нее лицензии. А здесь таких, кстати, целых три, выставленные причем в виде итальянского флага. Забавно.

Запрыгнув на ближайший, красный аэроскутер, я одним

движением вскрыл панель, избавился от блока навигации, трех предохранителей, утвердил ноги на подножках и нажал кнопку пуска. Работает, надо же — мельком удивился я. Нет, я знал, конечно, что заработает — но я знал это памятью Олега, а не собственным опытом.

Сдвоенные колеса, которые могли крутиться и двигать аэроскутер по земле как мотоцикл, разошлись в стороны и приняли горизонтальное положение, раскрываясь. Загудел двигатель, и аэроскутер поднялся на метр над землей. Вообще, в помещение машина по идее не могла так сделать, на подобное стоит программный запрет. Стоял — до того, как я вырвал все нужные предохранители.

Едва раздался переливчатый сигнал готовности машины к полету, а замки ножных зажимов щелкнули, в гараж забежало сразу несколько человек. Местные охранники, с оружием наготове. С парализаторами, не с боевым оружием — мельком отметил я.

— Wypierdalaj! — крикнул я охранникам в этот на польском очень некультурно и нецензурно.

Ничего особого этим выкриком сказать не хотел, как не хотел и никого обидеть. Смысл крика был в самом крике — заорал первое, что пришло в голову. Потому что на меня смотрели несколько парализаторов, и возможности пролететь по гаражу к выбитому стеклу у меня просто уже не было.

Одновременно с криком дернул руль на себя — он здесь чуть плавал в пространстве, как и у гидроцикла. Нос аэроскутера резко поднялся вертикально вверх, и я выкрутил до упора ручку газа. Потолок прыжком приблизился, и я откинулся назад, всем телом потянув на себя руль, а после — почти сразу, закричал от усилия и вернулся в прежнее положение, вдавливая руль в обратно корпус, отжимая обратно штурвал.

Это описывать долго, а так действо уместилось в считанные доли секунды. И аэроскутер, повинуясь движениям, взвыл двигателем и моментально словно подпрыгнул, переворачиваясь вверх ногами. Взлетая к квадратным секциям стеклянной крыши, которую я и собрался пробить. И для этого я стартанул с места и разогнал машину так, что выбил стеклянную панель потолка днищем машины, перевернув и себя и прыгнувший вверх аэроскутер вниз головой.

Прозрачная потолочная секция, кстати, не разбилась — квадрат закаленного стекла просто отлетел в сторону, выбитый из металлической рамки. Оказавшись на свежем воздухе, я с трудом вернул аэроскутер в вертикальное положение — ручка газа так и откручена до упора, потому что по мне уже стреляли. Так что

двигался я сейчас быстро и хаотично, как воздушный шарик, который надули и отпустили, не завязывая.

Пролетев между накрытых столов, эхом услышал удаляющиеся крики. Буквально кожей чувствуя направленные в меня стволы парализаторов, вновь вложился в руль. И, помогая себе корпусом, заставил аэроскутер стремительным штопором ввинтиться в небо. Уходя, таким образом, из зоны поражения, поднимаясь метров на пятьдесят.

В глазах вновь потемнело от перегрузки, но зато разряд в спину или силовая сеть мне больше не грозили.

-..а-ать! — только и сказал я, когда краем глаза увидел сбоку приближающуюся тень. Набрав высоту, совсем забыл о том, что уходя из зоны поражения охраны, я вышел и из бесполетной зоны на Вилладжем. У меня просто оперативной памяти не хватало, в условиях быстроты происходящего, просчитывать свои действия хотя бы на следующий шаг вперед. Пусть этот шаг и умещается даже не в минуты, в секунды. Или даже в доли секунды.

Так что сейчас я, взлетев ввысь над вечеринкой и покинув купол безмолвия, оказался как на ладони у наблюдателей ЧВК Легран — и сейчас ко мне приближался конвертоплан без горящих бортовых огней, зато с явно заметным черным щитом с красным крестом.

Вновь понимая, что счет идет на доли секунды, я потянул руль вперед. Аэроскутер, перевернувшись через себя, развернулся носом к земле, но некоторое время все еще летел задом и вверх, по инерции разгона. Ровно до того момента, как я снова не выжал газ на максимум.

Приборная панель подсветилась красным — сообщая мне как рулевому, что я совершаю очень опасные маневры. Но аэроскутер послушно рванулся вниз, возвращаясь к земле. В животе ухнул комок невесомости, из горла вырвался крик, но я не успел. Меня как котенка, которого человек взял за холку, встряхнуло — уже набрав скорость, аэроскутер резко затормозил и зависая в воздухе, остановился.

Я при этом с размаха влетел в руль, хорошо если ребра не сломал. И если бы не ножные крепления, вылетел бы по направлению к земле, как камень из пращи — очень уж жестко меня остановили.

Сильный удар грудью в приборную панель неожиданно словно вбил в сознание понимание произошедшего: аэроскутером я управлял без авторизации, так что перехватить контроль дистанционно — дело пары секунд. Что и сделали только что те, кто находятся на приблизившемся конвертоплане, массивная туша которого уже была рядом. Машина подлетала медленно,

развернувшись боком — для того, чтобы можно было забрать и меня и аэроскутер через боковую десантную дверь.

Часть приборной панели у меня уже была оторвана, поэтому чтобы вырвать один предохранитель и два нужных провода из разъемов, мне потребовались доли секунды. Этим действием я просто отключил аварийно режим «полет» у аэроскутера, так что системы автоматически перевели его в режим «земля» — когда программно машина не может взлететь над поверхностью земли выше двух с половиной метров, держа рабочую высоту в полтора метра.

Контроль на конвертоплане надо мной сразу после этого потеряли. И ускоряясь, в свободном падении я полетел обратно вниз. Только уже не на территорию особняка, а на дорогу улицы. И как только оказался в зоне «вот сейчас воткнусь в асфальт», вырвал вообще все провода и добавил газу. Под перемигивание и вой красных аварийных сигналов, только у самой земли потянул руль на себя — так, что в глазах в очередной раз уже потемнело от перегрузки. Задрав нос аэроскутера, мягко спружинившего на высоте пары метров от земли — это вшитый и неотключаемый режим предупреждения столкновений помог, — я снова выругался. Потому что из-за поворота, с визгом резины, выкатился фургон.

По мне пока не стреляли — ни из конвертоплана, ни из фургона. Возможно, этого не делали из-за того, что я нужен живой, а может быть оттого, что в этом районе стрелять не рекомендуется из-за возможного ущерба от подобных неуважительных к местным жителям действий.

Стрелять по мне пока не стреляли, но стоит мне снова оказаться в радиусе полусотни метров от конвертоплана, или десятка метров от фургона, и оставаться в зоне прямой видимости несколько секунд, как управление аэроскутером будет опять перехвачено. А вырывать, снимая контроль, в приборной панели уже нечего, аэроскутер сейчас просто болванка, на котором работают только датчики предупреждения столкновений.

Именно поэтому я, развернувшись, уже несколько секунд как несся по улочкам Вилладжа. Летел на высоте нескольких метров от дороги, стараясь уйти подальше от приближающегося фургона.

Управлять аэроскутером без помощи подруливающего компьютера — мягко говоря, нетривиальная задача. Мыслей в голове особо не было — одни рефлексы; Жаклин в комнате с привязанным Дон Жуаном, эвакуация в точке рандеву, возможное прибытие полиции — все это отошло на второй план. Здесь и сейчас было только раз за разом возникающие препятствия, которые нужно облететь, и нависшая дамокловым мечом

неиллюзорная возможность моего пленения, которую нужно избежать всеми силами. Не снижая для этого скорость.

Олег умел управлять аэроскутером. Спасибо Войцеху за это — за то, что он всесторонне подготовил своего подопечного ко взрослой жизни. Но умение это, управлять аэроскутером, было… скажем так, неидеальным. Все же приоритет подготовки Олега заключался в других аспектах — метко стрелять, быстро бегать, в сжатые сроки принимать жизненно важные решения.

Это все к чему — выполнив лесенку из трех поворотов и удачно перелетев через фонтан на перекрестке, в четвертый крутой поворот я не вошел — и снес декоративный забор вместе с зеленой изгородью, влетая на частную территорию. На лужайке перед домом никого не было, и это хорошо — потому что я снес деревянную беседку, оставив за собой на лужайке полосу раскиданной садовой утвари, перевернутые скамейки и ошметки тонких деревянных реек. Глаза мне заслонил зеленый плющ, который густо облипал беседку, и который частично остался на мне и на аэроскутере.

Выругавшись, не видя почти ничего, я потянул руль на себя — заставляя аэроскутер скозлить — так, что нос задрался. И как раз в этот момент получил чем-то по ноге и по плечу. Очень сильно, аж до крика и ярких звездочек в глазах.

Крича от боли, по инерции проскочив несколько метров, двигаясь словно на мотоцикле на заднем колесе, я брюхом, на излете, воткнулся в стену дома. Аварийная система предупреждения столкновений сработала, но только в усеченном режиме — работая, прямо скажем, аварийно: приборная панель висит под рулем, и куча разных проводов просто вырвана, кастрируя работу системы. Так что мозг бортового компьютера видимо не знал, где небо, а где земля, и ориентировался только на датчики предупреждений столкновений. И за землю бортовой компьютер принял сейчас стену дома.

Я же, согнувшись от сильной боли и себя не контролируя, непроизвольно выкрутил ручку газа опять на полную. Именно поэтому взлетел свечкой вертикально вверх, прямо по стене здания.

Оказавшись высоко в небе от неожиданности даже забыл про боль. И под верещание аварийных предупреждений воткнул нужные провода как было, возвращая возможность перевода аэроскутера в разные режимы полета, чтобы автоматика понимала хотя бы, где сейчас земля. И сразу же, даже не оглядываясь — чтобы не попасть в поле зрения конвертоплана и фургона, опустился на уровень крыш и заложил над Вилладжем несколько виражей, двигаясь к границе района.

Стрелой пролетев по улицам, перед самым КПП я ушел в сторону, чтобы не попасть в поле зрения полиции. Которой, кстати, до сих пор поблизости не видно. А это значит, что преследующие меня ребята не хотят делиться добычей ни с кем другим. И еще это подтверждало мои догадки — что корпорация «СМТ», а для начала Каратели Легран, вполне серьезно заходят на Занзибар третьим игроком.

Пересекая границу, я несколько раз обернулся — пытаясь найти взглядом конвертоплан. Не увидел. И от этого, и от общей несообразительности, видимо потерял осторожность. Привыкнув к мягкой игре — почему-то считая, что если по мне не стреляли над Вилладжем, меня решили брать живьем. И слишком расслабился.

Понял это тогда, когда спину похолодило поганым предчувствием — как ледяной стужей повеяло. Бросив конвертоплан в сторону, я увидел трассеры пуль и одновременно услышал звук выстрелов шестиствольных пушек сверху.

Очередь была короткая — конвертоплан стрелял в появившееся «окно», зайдя сверху-сбоку. Так, чтобы не зацепить постройки, стрелок дал очередь, когда я пролетал рядом с незастроенным пустырем.

И я сейчас продолжаю лететь, а не валяюсь внизу грудой смятого мяса и металла только потому, что вовремя ощутил касание предчувствия. Ледяное касание, напоминающее… Дыхание смерти? Опять богиня помогает?

Промелькнули подо мной крыши производственных и административных зданий. Впереди был промышленный район, и крупная развязка магистрали — под нее я и нырнул, прячась от конвертоплана под эстакадой. Здесь скорость не снижал, хотя это было и опасно. Пролетая под разветвленной магистралью со свистом, я серьезно рисковал — и два раза чуть было не впечатался в бетонные опоры. Потому что система предупреждения столкновений на такой скорости просто не справлялась — о чем мне сообщало аварийное перемигивание на приборной панели, висящей где-то под рулем.

Но мне была нужна скорость, и нужен был риск: конвертоплан продолжал стрелять короткими очередями.

Вновь внутри появилась неприятная пустота. Лучше бы я остался в Вилладже — там хоть живьем брали. А сейчас? Убегать мне осталось совсем недолго, просто потому что я против машины не вытяну. Замедлюсь — перехватят контроль над аэроскутером. Не остановлюсь — так меня подстрелят. Или вообще меня так и так подстрелят.

Снова это поганое чувство обреченности.

Ничего не получается. И ничего у меня не получится — появилась холодная мысль. Я могу и дальше убегать и убегать, но запас удачливости не бесконечен, да и в аэроскутере не вечный двигатель.

Сколько прошло с того момента, как я вырубил охранника и выпрыгнул из окна? Меньше минуты, а я уже десяток раз чуть не умер — и запас удачливости конечен, а второй жизни и даже попытки мне сегодня не положено.

Если нечего терять, то что можно сделать? Правильно, поставить все на красное.

Чудом избежав столкновения еще с двумя бетонными опорами и едва не оставив скальп на идущей понизу виадука колючей проволоке, я выскочил в зону прямой видимости побережья. И поймав момент, бросил аэроскутер в штопор, а после потянул руль на себя в сторону, заставляя взмывший как с трамплина аэроскутер развернуться на месте.

Вылетел из-под магистрали я спиной вперед и вверх — развернутый мною на скорости аэроскутер летел задом. И дальше все было делом техники.

Я чувствовал примерное нахождение конвертоплана — ледяное касание просто не уходило, подсказывая направление опасности. И приняв решение, действовал я сейчас, не задумываясь и на рефлексах. Как человек переключает передачи на ручной коробке передач, бежит спускаясь по эскалатору, как в динамике боя выполняет быструю смену магазина — на автомате. Не контролируя каждое отдельное действие. Стоит попытаться это сделать, и можно сбиться с отточенной упорядоченности движений.

Засверкали вспышки шестиствольный пушек и я почувствовал уплотнение воздуха рядом с собой от пролетающих мимо крупнокалиберных пуль. Успел даже выругаться в обреченной панике, но файербол уже сорвался с руки и устремился в черную тушу конвертоплана.

Плотный огненный шар стремительно мелькнул, и залетел в воздухозаборник конвертоплана. Краткое мгновение ничего не происходило — я уже успел испугаться как в последний раз. Но левый борт конвертоплана вдруг вспух, вскрываемый взрывом, отлетело в сторону крыло со спрятанным внутри винтом, а конвертоплан, закрутившись, начал падать, оставляя за собой черный дымный шлейф.

Машина моментально превратилась в живой фейерверк — летели в ночное небо трассеры пытающихся поймать меня в прицел автоматических пушек, полетели десятки тепловых ловушек, отмечая спиралеобразный путь падения конвертоплана.

— …а-ать! — только и сказал я, когда увидел, что из тяжелой туши машины, с левой — неповрежденной стороны, вылетело сразу три ракеты. И сразу после дымно выстрелил из корпуса плексигласовый кокпит кабины, и со шлейфом ускорителей прочь от машины полетели катапультирующиеся пилоты. Успели — конвертоплан вторым крылом врезался в бетонную опору магистрали и превратился в огромный огненный шар.

Это я все мельком увидел, разворачиваясь — выкрутив газ до упора, навалившись на руль, раскрутил аэроскутер на месте, снова уходя под прикрытие магистрали.

Позади раздался еще один взрыв. Один взрыв — машинально отметил я. Минус одна ракета, которая видимо навелась на свою же тепловую ловушку.

Осталось еще две, каждой из которых мне за глаза хватит.

Чувствуя спиной все усиливающееся холодное дыхание смерти — от бесстрастного взора систем наведения ракет, я помчался под магистралью обратно. Здесь опять не было места осторожности — это была самая настоящая игра со смертью наперегонки.

И я в ней проигрывал.

Ракеты летят быстрее, а шанс попадания у них стопроцентрый, из серии «выстрелил-забыл». Я же сейчас на пустой и голой — незащищенной, машине. Спрыгнуть с которой тоже не вариант — ракеты могут быть «умные», и наведены не только на аэроскутер, но и на меня конкретно, как на живого человека.

И летят они уже, разгоняясь с каждым мгновением, много быстрее аэроскутера. На раздумья у меня оставалось не больше пары секунд, и я вновь задрал руль, заставляя аэроскутер поднять нос и встать на дыбы. В этот раз максимум мощности направил не в маршевые двигатели, а в посадочные и маневровые — находящиеся в колесах. Что-то переборщил — подумал я, когда аэроскутер, резко сбросив скорость, полетел назад — и я вместе с ним, спиной вперед. Хотел как в детских догонялках резко затормозить и поменять направление движения, пропуская ракеты вперед.

«Что-то не удалось» — подсказал внутренний голос.

Не удалось, потому что затормозить я не успел, врезавшись в бетонную колонну магистрали. Переборщил с мощностью маневровых двигателей. За краткий миг до удара в бетонную опору я успел аэроскутер чуть развернуть — так что меня не превратило в лепешку, а машина ударилась в опору боком. Причем я еще коленом и ключицей приложился — так, что перед глазами не просто звездочки замелькали, а Йеллоустоун бахнул,

заполняя все красной пеленой боли.

Ощущая хруст собственных костей, я даже о ракетах почти забыл — одна из которых пролетела мимо, оставляя за собой белый дымный след и резко сменив направление, устремилась в небеса. А вот вторая взорвалась. Совсем рядом.

Аэроскутер, неожиданно, выжил — просто стал не красным, а частично черным от копоти. Ну и назойливый плющ, так мне мешающийся, стал не зеленым, а черным дымящимся.

Я, неожиданно, тоже выжил — потому что в момент взрыва стал аватаром стихии. Сам я это сделал, за мгновение до неминуемой смерти, или богиня помогла — даже и не понял, но пока и не важно. Тем более что превращение в аватар стихии убрало всю боль и вернуло тело к нормальному состоянию. Правда, частично. Потому что и аватаром стихии я стал лишь частично — правая бионическая рука в этом не участвовала. И выглядела она теперь не очень приятно.

«Я — терминатор!» — подсказал внутренний голос, после взгляда на почерневшую искусственную кожу, через которую местами проглядывали жгуты искусственных мышц.

Выглядело все не очень, зато потери функциональности я не почувствовал.

И это хорошо.

Времени осматривать и оценивать последствия не было, и я заставил аэроскутер кувырнуться. Выполнив мертвую петлю, причем без широкого разлета и очень компактно, практически на месте. И когда, перевернувшись через голову, вместе с носом аэроскутера смотрел в землю, полностью выжал газ, разгоняясь.

Ничего еще не закончилось, рядом еще одна ракета. Краем памяти я видел и помнил, как она ушла вверх — запомнил вспышки блоков управления, отложившиеся в памяти изменением траектории полета. Ушла вверх, но могла ведь уже и вернуться.

Летел я сейчас над самой землей в обратную сторону, и до границы Вилладжа мне уже оставались считанные метры.

— А мы летим колеса сдутые! А нам все по…

«…а нам все равно, у нас не все в порядке с разумом» — так закончился мой непечатный выкрик, которым я сопроводил обратное пересечение границы района Вилладжа.

Кричал потому, что вторая ракета, приближение которой я почувствовал, не успела. И обернувшись, я увидел, как она свечкой ушла — перед самой границей района. Ей, чтобы догнать меня, не хватило совсем чуть-чуть.

Умная ракета на то и умная, чтобы не беспокоить сон уважаемых людей — и над зелеными сеттльментами ракеты не летают и не взрываются. Кому бомбежки, а кому утренний кофе с

молоком — закон жизни, который всегда работает.

И умная ракета сейчас будет ждать меня, наворачивая круги над куполом Вилладжа. Топлива там не так много, а это значит, что мне нужно или просто подождать, или же, если наведение настроено не на меня, а на…

-..а-ать! — закричал я, потому что засмотревшись на ракету, не смотрел вперед и чуть не врезался в сверкающий золотом лимузин. Тот самый, который совсем недавно заезжал ворота особняка, где проходила вечеринка. И сейчас, видимо, золотой хозяин лимузина вечеринку и район Вилладж покидал.

Сам я ничего сделать не успел, но, к счастью, сработали маневровые двигатели, и я через лимузин перескочил. Помяв, правда, ему крышу. Совсем немного.

-..а-ать! — опускаясь ближе к асфальту вновь закричал я. Потому что на меня, на высокой скорости вывернул фургон, о котором я совсем забыл. Вернее, я вспомнил, когда увидел золотой лимузин, но вспомнил слишком поздно.

Вновь все произошло без серьезного вмешательства разума, на рефлексах. Дернув руль на себя, я задрал нос аэроскутера, и одновременно хлопнул по рычагу аварийного освобождения ножных зажимов.

Толкнувшись освободившимися ногами, я выпрыгнул из сиденья. По отношению к аэроскутеру я летел вверх, по отношению к земле — в сторону, параллельно поверхности. И еще до того, как я упал на асфальт, разогнавшийся и вставший на дыбы аэроскутер встретился с фургоном. Врезавшись ему прямо в центр кабины.

Еще зависнув в воздухе, я словно в замедлившемся моменте времени наблюдал как идет трещинами лобовое стекло, как разлетаются ошметки лобовой решетки, как гнется металл стоек кузова и короткий капот — фургон деформировавшейся кабиной будто обнимал скутер. Который просто в сопли смял переднюю половину микроавтобуса. Общая скорость скутера и фургона была огромной, и сила столкновения оказалась столь велика, что корму микроавтобуса подбросило, и он перевернулся через себя, кувырнувшись и приземлившись на крышу.

Аэроскутер же, на удивление, выжил. Когда фургон кувырнулся, его вырвало из смятого металла. Нет, выглядел аэроскутер, конечно, полностью разбитым — черный от копоти, искореженный, криво висящий, с черным шлейфом плюща; одного колеса нет, и из шлангов на его месте идет сизый дым.

Но аэроскутер был не мертв, а жив. Пусть и в конвульсиях — кастрированная мною автоматика пыталась выровнять его в рабочий режим «метр над землей», но из-за отсутствия одного

маневрового колеса аэроскутер дергался и болтался, не в силах принять нужное положение.

«Эту песню не задушишь не убьешь», — это я уже был рядом.

Запрыгнув на живучий аэроскутер боком — как барышни раньше на лошадях катались, я совершил несколько манипуляций, выставив круиз контроль на максималку и направил скутер в небо. Чуть переборщил со скоростью — ускорением потянуло вверх так бодро, что спрыгнул я с седла на высоте примерно второго этажа рядом стоящих особняков.

Приземлившись, и перекатившись по асфальту, бросил короткий взгляд вверх. Где как раз в этот момент вспух яркий шар взрыва — караулящая ракета прилетела в аэроскутер.

От избытка чувств и адреналина я не удержался. Выставил из сжатого кулака «бесстыжий средний палец» и смачно, с чмоканьем, поцеловав его подушечку, я показал неприличный жест в сторону взрыва. После переадресовал тот же жест разбитому перевернутому фургону и осмотрелся.

— Оп-па. Ну-ка сюда иди! — уже на бегу сообщил я золотому лимузину. Водитель которого почувствовал неладное и осознав степень надвигающейся в моем лице опасности, попробовал уехать от меня задом.

Не успел — на секунду буквально не успел. Я уже был рядом, и водитель (в золотой ливрее, кто бы сомневался) вышел из машины — не совсем своей волей. Я же запрыгнул за его место и выругался — здесь вместо руля джойстик. С таким я, в реальности, раньше не сталкивался. Но я и с управлением аэроскутером в реальности не сталкивался — подумал я, когда подпрыгнув на поребрике и заскрежетав днищем по тротуару, объехал на лимузине смятый фургон.

Сзади что-то кричали — в салоне были пассажиры. Но судя по крикам, пассажиры из богемы, неопасные. Поэтому я выхватил пистолет и направил его назад, даже не оглядываясь.

— Сидеть! — на английской убедительно крикнул я.

Крики утихли, но краем уха слышал, как что-то возбужденно бубнит монотонный голос. Как будто кто-то трансляцию ведет в социальной сети.

Кричать заткнуться не стал — все равно все уже случилось, и я в телевизоре. Тем более ехать мне недалеко — буквально пару сотню метров. Их я даже пешком бы быстрее пробежал, но было у меня одно опасение, ради которого машину и взял.

Въехав в открытые ворота особняка, где закруглялась вечеринка, я по парковой дорожке подъехал к уже знакомому гаражу. Все же не зря, не зря я лимузин взял. Как чувствовал — ворота в гараж закрыты, а на крыше, около выбитых мною стекол,

полно охранников. Так что пешком я сюда точно бы не зашел. А так легко, по золотому пропуску, так сказать.

Ворота гаража лимузин, разогнавшись на коротком отрезке парковой дорожке, сминая свой золотой капот, открыл. И под крики испуганных и невидимых мне пассажиров я снова оказался внутри подземного гаража.

Покинув остановившийся лимузин — со смятой мордой и паром из-под капота, побежал к ряду мотоциклов и квадроциклов. Два оставшиеся в гараже аэроскутера стояли на прежнем месте. В этот раз я взял белый — надеюсь окажется удачливее, чем красный. Снова пара секунд потребовалась мне на то, чтобы вскрыть приборную панель и вырубить ограничения. И вновь я вылетел через потолок, только уже без трюков с пробитием стекла.

— Wypierdalaj! — снова крикнул я охранникам на польском, когда вылетал в ранее проделанную дыру.

И раскрутив в вираже аэроскутер, полетел к тому окну, из которого совсем недавно — пары минут еще не прошло, выпрыгнул. В окно приватной комнаты, где находилась Жаклин.

Мне пришлось торопиться — по мне уже стреляли, охранники. Не боевыми, парализаторами и силовыми сетями, как и предполагал.

Поэтому времени на раздумья особого не было, и уже привычно поставив на дыбы аэроскутер, выбил им оконную раму. И залетел в комнату, причем развернувшаяся махина аэроскутера ударила по кровати. Так, что ее снесло в сторону и ударило о стену. Послышался хруст костей и седовласый Дон Жуан пронзительно закричал от боли. Завыл даже.

А вот не жалко. Совсем. Нечего на чужих женщин заглядываться, и не будет очень больно из-за того, что оказался не в то время не в том месте — только и подумал я с неожиданным злорадством.

«Раз-два-три, раз-два» — прочитал я по губам Жаклин.

Сначала не очень понял, о чем она, а потом догадался: я ведь сказал ей, что постучусь. Именно так, шифром — раз-два-три, раз-два.

Ну, постучаться не удалось.

Жаклин между тем, судя по взгляду похоже уже поняла, что со мной не скучно. А еще, судя по взгляду, она хорошо так накидалась, воспользовавшись маленькими бутылочками из бара — я таких бутылочек не меньше десятка увидел пустых.

Впрочем, упрекать в этом финансового советника у меня язык бы не повернулся — слишком уж у нее насыщенный вечер выдался.

Запрыгнув на аэроскутер, Жаклин уселась сзади, обхватив меня рукой за талию и дыхнув крепким ароматом виски.

— Ноги! — крикнул я. — В крепления!

Опустив взгляд, Жаклин поставила ноги в специальные выемки, после чего я хлопнул по кнопке, и из корпуса выдвинулись мягкие зажимы, зафиксировав ее бедра и голени. Одновременно я выкрутил ручку газа, вылетая из комнаты. Жаклин сзади меня завизжала — похоже, она поняла, что со мной не просто весело, а очень весело.

Вновь по спине мазнуло холодом. И обернувшись, я увидел летящую к нам с неба смерть.

«Идиот».

Ракеты было три, а я почему-то поверил, что услышанный после крушения конвертоплана взрыв — это первая ракета, напоровшаяся на тепловую ловушку.

Ракеты — умные. А я — нет.

Видимо, две ракеты полетели прямо за мной, так как их ума хватило чтобы догадаться, что две ракеты — для меня достаточно. А третья ракета, скорее всего, взмыла вверх и караулила меня для страховки.

Первые две умные ракеты пасовали перед моей непредсказуемой находчивостью, а вот третья прилетела прямо сюда, в Вилладж. Почему? Наверное, потому что топливо заканчивается, а приоритет моего уничтожения выше, чем нарушение границы зеленого сеттльмента.

Или приоритет не моего уничтожения, а уничтожения Жаклин? Ведь в первый раз, когда я на красном аэроскутере был один, в Вилладж преследующая меня ракета залетать не стала.

И может быть третья ракета как раз и не гонялась за мной, потому что была не страховочной, а персональной для мадам Петреску?

Все эти мысли промелькнули у меня перед лицом смерти. Которая состоялась бы, если бы в особняке не было своих систем ПВО. Навстречу летящей умной ракете вылетел сразу с десяток противоракет. Не таких умных, наверное, как наша преследовательница, но зато их было больше.

И умная ракета, к счастью, до нас не долетела. Я же успел, в очередной раз, выполнить элемент воздушной акробатики и подставить аэроскутер брюхом ко взрыву. Поэтому и стена огня нас с Жаклин не убила, а толкнула к земле взрывной волной.

Завизжала система предотвращения столкновений, разворачивая стремительно летящий вниз аэроскутер брюхом к земле. Взвыли двигатели, тормозя падение, но мы все равно врезались в землю. Хорошо, что в мягкий изумрудный газон —

приземлились бы на брусчатку, все бы переломались. Но все равно столкновение было такой силы, что показалось от удара сиденьем под зад у меня сейчас штырь позвоночника из шеи выскочит. И ударились криво, так что обоих вышвырнуло из сидений — крепления открылись автоматически, сохраняя нам ноги.

Вокруг что-то горело, даже земля, разбегались по сторонам люди, раздавались испуганные крики. До того момента, как наш аэроскутер взорвался, я успел оттащить Жаклин подальше. Советник комитета по денежно-кредитной политике Банка Французской Африки в филиале Танганьика выглядела, надо сказать, неважнецки — взгляд отсутствующий, платье порвано в некоторых местах и залито кровью. Даже на темной ткани видно.

Беглый осмотр серьезных ран не выявил, все по мелочи. Кроме того, на голых ногах, руках и плечах Жаклин сплошь красные кровоподтеки — это я падать умею, а она кеглей по земле прокатилась. Ну и контузия, не без этого. Жаклин, кстати, была в сознании и пыталась что-то сказать, глядя на меня пьяно блестящими глазами.

— Не уходи никуда, сейчас вернусь, — прерывая, похлопал я ее по щеке. И, не обращая больше на финансового советника внимания, очень быстро побежал. Так быстро побежал, как мог — и пока охрана не видит, и вообще спешить надо.

Меня кстати заметили, и вновь заскрежетали электрическими разрядами выстрелы парализаторов. Уходя с линии прицеливания я выполнил, наверное, олимпийский рекорд по прыжкам в длину, когда с разгона запрыгнул в видимое уже выбитое окно подземного гаража.

Прокатившись по полу, тормозя подошвами как хоккеист коньками, я поменял направление движения и подбежал к оставшемуся аэроскутеру.

— Ну зеленый, не подведи, — произнес я, седлая зеленую машину.

Ставки на красное и на белое не зашли, надеюсь хоть теперь с зеленым повезет. Тем более что это последняя попытка — думал я, в третий раз покидая подземный гараж через дыру в потолке.

Несколько секунд, и я оказался рядом с Жаклин. Советник комитета по банковской политике меня послушалась, и никуда не уходила. Впрочем, неудивительно — вряд ли она сейчас на это способна. Я без лишней деликатности закинул ее на сиденье — не теряя времени, просто положил поперек перед собой и взлетел, уходя над особняками Вилладжа.

Преследующего конвертоплана на хвосте больше нет, так что я летел в сторону моря. Все также быстро — потому что счет,

возможно, по-прежнему шел на секунды. Пусть карателя Легран в зоне видимости кончились, но особняк Вилладжа подвергся ракетному обстрелу и думаю, в самое ближайшее время здесь появится полиция. Я, конечно, могу и от полиции побегать, но… сбивать файерболами полицейские дроны — занятие веселое, азартное, но весьма проигрышное в перспективе.

Полиция, кстати, все не появлялась. Я даже до побережья уже долетел, и не вижу синих отблесков — ни машин, ни конвертопланов, ни даже дронов нет.

А все почему? А все потому, что марина, бухта и даже десятимильная зона по линии района Вилладж — частная территория.

Прошло уже полминуты, но вокруг все тихо и по-прежнему не видно синих отблесков. Видимо пока не нашелся тот, кто возьмет на себя ответственность за объявление плана Перехват, со вторжением на частную территорию, мне нужно срочно удалиться как можно дальше. А план Перехват в районе Вилладж — это ведь вторжение в частную жизнь. И ведь не каждый из гостей праздника, проходящем в особняке, где я позаимствовал аэроскутер, захочет чтобы в базе полиции была информация о его там нахождении.

Так что далеко не факт, что Перехват будет объявлен, и полиция начнет меня искать. Все скорее всего закончится тем, что корпорация «СМТ» просто заплатит всем очень внушительную компенсацию, а меня будут искать не по горячим следам.

По холодным будут искать. И найдут ведь, я даже не сомневаюсь.

Ладно, это уже будет потом.

Но вообще, зря они со мной связались.

Так, ладно, хоть полиции вокруг и нет, все равно валить нужно отсюда как можно быстрее — никто не гарантирует, что в небе вот-вот не появится еще один или два конвертоплана Карателей Легран. Что-то я распетушился слишком, мне уже корпорация не противник — оборвал я сам себя.

Обо всем этом я лихорадочно думал, пока покидал территорию Вилладжа. Береговую линию уже пересек и сейчас оказался над морем. Двигаясь над самой водой, направил аэроскутер к одной из больших яхт — палубы которой освещало сияние цветомузыки, а на носу виднелись танцующие фигуры.

Подлетел к яхте с кормы, над самой водой. Остался незамеченным — хорошо, никто не купался. Спрыгнув на площадку для купания, расположенную вровень с уровнем моря, забрал два страховочных жилета. Один, предварительно сбросив куртку, накинул на себя, второй положил под живот Жаклин.

Задумавшись на миг, свою крутку бросил в воду. Через мгновенье туда же полетели мои ботинки и массивные сапоги, снятые с Жаклин. После этого запрыгнул в седло и на месте развернул аэроскутер. Поставив круиз-контроль на небольшую скорость, направил его в открытое море.

Для тех, кто будет (если будет) отслеживать мой трек, не в последнюю очередь я предположительно буду на этой яхте. И преследователи будут думать, проверять ее или нет. Но на яхте я оставаться не собирался — так и сидел на аэроскутере. Только больше не держась за руль, а устроившись как на заборе, боком. И спрыгнул с аэроскутера вместе с Жаклин только когда удалились от большой яхты на полкилометра. Аэроскутер так и полетел дальше, а я уже в воде помог финансовому советнику надеть страховочный жилет, и поплыл к небольшой парусной яхте, которую заприметил.

Жаклин, кстати, в себя более-менее пришла. Ей было не очень хорошо, но она мне хотя бы не мешала — лежала на спине и изредка помогала, гребя руками.

Когда примеченная мною небольшая парусная яхта оказалась совсем рядом, я остановился.

— Никуда не уходи, — попросил я Жаклин, и увидев вопросительный взгляд, подмигнул.

Жаклин что-то ответила, но я уже не слушал — обратившись вниманием к замершей на тихой воде яхте. Никогда не думал, что буду заниматься пиратской деятельностью, а вот пришлось.

Правда, с актом пиратского захвата корабля испытал некоторые, причем довольно серьезные проблемы. Яхта, как оказалось, стояла не на якоре — ее на месте, предполагаю, удерживал автопилот. Площадки для купания предусмотрено не было, и мне пришлось обплыть яхту в поисках чего-либо, за что можно зацепиться.

Конечно, был вариант подняться на борт изображая выпрыгивающего из воды дельфина — в попытке дотянуться до леера, но это было бы шумно. Но похоже придется ведь так делать — подумал я, отгоняя пораженческие мысли о собственной непредусмотрительности. Но повезло — увидел свисающую в воду веревку. Повезло, потому что вообще с бортов яхты никакие веревки не должны свисать, неправильно это.

Веревка оказалась брасом от спинакера — забравшись на борт, понял я, осматриваясь. А еще, осматриваясь, увидел что вообще с такелажем происходило какая-то… порнуха, иначе и не сказать. Вглядевшись и пытаясь понять, что здесь произошло, оценил страшное зрелище. И осмотревшись, вычленил первопричину: вышла из строя автоматическая система

постановки спинакера — большого паруса, который сейчас лежал скомканный на баке. Но капитан яхты видимо приводить в порядок ничего не стал, оставив как было. Даже более того, похоже запутав все еще больше.

Вообще, судя по общему беспорядку, и даже срачу на палубе, не просто так капитан все это дело оставил. Были у него причины. Целый литр причин. Хм, а вон еще ноль семь литра причин…

После того, как поднял на борт Жаклин, оставил ее на баке и более вдумчиво осмотрел яхту. Нашел и капитана. Он был в каюте, и не один — судя по всему, вечер у дядьки удался. Ну, по крайней мере когда на кровати видишь трех спящих человек, из которых один бородатый (и сильно датый, судя по стойкому амбре) морской волк, а двое других — молоденькие и не обремененные одеждой чернокожие девушки, особого разнообразия идей не появляется.

Я вдруг почувствовал приступ глухой тоски. Понимая, что мне вот это все безмятежное вообще не грозит. Потому что даже если я смогу разобраться со всеми архидемонами, корпорациями и прочими королями-императорами, у меня впереди свадьба и вообще…

С другой стороны, Саманта из тех девушек, с которыми точно скучать не придется. Интересно, что насчет медового месяца, обсуждаемый вопрос? Спрятаться где-нибудь на островах южных морей, и исчезнуть из жизни этого мира на месяц… а еще лучше на три. А еще лучше уговорить Саманту переехать в Байи, гнать самогон и танцевать с енотами — прервал я сам себя. Хватит, размечтался. Дел полно, их делать надо.

Автоматика на яхте была, причем невероятно дорогущая система. Автопилот, как я и предположил, работал — в спящем режиме. Один раз с кормы раздался негромкий гул — ненадолго включались двигатели, возвращая яхту на место стоянки.

Подойдя к штурвалу, я осмотрелся и через некоторое время разобрался в управлении. Автопилот отправил в гибернацию, чтобы не мешал и не включил двигатель, а сам отправился на кокпит. Предварительно сняв стопор со штурвала, показал Жаклин как его следует взять и как держать.

Довольно быстро, с помощью сильных шаманских заклинаний, негромко проговариваемых себе под нос, разобрался с пианино — блоком стопоров, через которые проведены веревки управления парусами. Которое вообще здесь может происходить автоматически — но мне это не подходит, черт его знает, что случится, если я автопилот активирую. Поэтому ручками пришлось все делать.

После того, как разобрался с веревками, первым делом

раскрутил передний косой парус, стаксель — он здесь был накручен вокруг форштага, стального троса, соединяющего нос яхты и верхушку мачты. Ветра почти не было, так что парус едва-едва лениво заполоскало. После этого нашел грота-фал, и вытянул закрученный вокруг мачты грот — основной и второй парус, размером значительно больше стакселя. Ветра было так мало, что гик — предварительно вытравив гика-шкот, заводил в сторону, разворачивая парус под ветер, толкая руками.

В ходе разборок с парусами я периодически оборачивался пару раз в сторону Вилладжа и белой точки — яхты, где позаимствовал страховочные жилеты, но так и не видел никакой суеты.

И это хорошо. Хорошо тем, что разобрался, хорошо еще тем, что сейчас меня никто не преследует. Но, впрочем, это дело времени. Не сегодня, так завтра. С другой стороны, завтра — в отличие от сегодня, я могу быть готов. А не так вот, как сегодня.

Ветра было мало, но он все же был. Стаксель висел вялой тряпкой, а вот грот лениво забирал ветер. Отчего яхта медленно и почти незаметно, но поехала. На руле моего присутствия не требовалось, Жаклин сидела там нахохлившись и укрывшись пледом, а я полез разбираться со спинакером.

Распутал все довольно быстро, и возможно даже причину возникшей проблемы нашел: может быть дело было в том, что из мешанины веревок вытащил черный бюстгальтер с металлическими кольцами, застрявшей в гидравлической оттяжке спинакер-гика. Хотя это вроде бы не должно было мешаться, и может быть пьяный капитан так натыкал в кнопки, что просто сломал систему. Но не суть, я все починил, я большой молодец — сказал я сам себе, когда над яхтой распустилось большое полотно спинакера.

Дело сразу пошло (вернее поехало) гораздо быстрее.

Как только яхта стабильно пошла в нужном направлении, я вернулся мыслям к делам насущным. Думая о том, что слишком сильно засветился, когда устраивал в Вилладже чудеса на виражах. Как бы еще след использования Огня не нашли, это вообще будет печальная история.

Кроме того, я оставил за забором особняка вингсьют. Хорошо хоть лицом пусть я и не светанул, я в маске, но фигуру мою срисовали определенно. Даже несмотря на размытие фигуры. Тем более что черную «руку терминатора» никаких систем размытия фигуры не скроют.

И если в конвертоплане мою руку увидеть не успели, да и в нем все уничтожено, очень уж он хорошо горит, до сих пор черный столб дыма поднимается на фоне неба, то в фургоне

скорее всего запись велась и меня идентифицируют уже скоро.

Так что скорее всего вопрос с персонализацией меня как Драго Младича, фестивалившего дома у Линдена и в соседнем особняке на вечеринке — дело пары дней, если даже не часов. С Жаклин вообще все понятно — у нее и машина на лужайке у дома Линдена осталась, и наследила она там хорошо.

Но. Опять же, я не думаю, что эти данные будут пускать для доступа широкой общественности. Разборка наверняка планируется в узком кругу. А это значит что? Правильно, это значит нужно думать, что делать.

Этим я и занимался те четверть часа, пока яхта шла в сторону открытого моря к точке рандеву.

Долго думал, но ничего особенного кроме того, чтобы объявить себя варлордом, взять Жаклин под защиту и выплеснув агрессию насовать всем, вернее вообще всем, по щщам, не придумал. И так как новых идей не появлялось, вернулся к насущным делам.

Прошел в каюту и вглядываясь в темноту, бесшумно подошел к кровати. Хотел разбудить одну из девушек, лежащую с ближнего края. Но будить не потребовалось — как раз та, что лежала на краю кровати, не спала. Широко раскрыв глаза — в темноте очень хорошо заметил белые белки, девушка смотрела на меня.

Достав из кармана пару золотых монет (вообще полезно с собой золото носить) я поманил ее за собой. Мягко соскочив с кровати, юная девушка бесшумно вышла следом за мной из каюты.

— Держи, — когда она оказалась на палубе, сунул я ей монеты в руки. — Сюда смотри, — подвел я ее к штурвалу, где находился блок управления автопилотом.

— Знаешь, что это?

Девушка, не говоря ни слова, покивала.

— Это автопилот. Через двадцать минут, не раньше, воткнешь вот этот штекер на место, и закроешь крышку. Понятно?

Девушка снова покивала, причем активнее — так, что затряслись ее многочисленные разноцветные косички.

— Когда ты это сделаешь, автопилот включится и яхта вернется на прежнее место.

Я все настроил, так что яхте действительно вернется — паруса уберутся автоматически, и на двигателе яхта встанет на прежнее место.

— А теперь самое главное. Слушаешь, внимательно?

Снова активный кивок, так что опять косички взметнулись.

— Если ты кому-нибудь расскажешь о том, что видела меня

здесь, ты умрешь. Не я тебя убью, — покачал я пальцем, — тебя убьют те, кто меня ищет. Они вскроют тебе череп и сожрут твой мозг, чтобы получить информацию, — нашел я нужные слова.

Это все эхо того, что я с Васей пообщался. Как известно, чем менее образован человек, тем более он верит в потусторонние силы. Вот и население бедных районов протектората верило, что для получения информации одаренные могут сожрать мозг. Буквально сожрать — ходили такие городские страшилки. А девушка сильно образованной не выглядит. Обычная молодая девчонка, скорее всего даже не проститутка, и скорее всего с бородатым морским волком по мимолетному велению души и сердца.

— Все, время пошло. Десять минут, и вставляешь этот провод обратно, — сказал я напоследок. Оставив так и не произнесшую ни одного слова девушку у штурвала, помог подняться Жаклин, и вместе с ней покинул яхту, спустившись в воду за борт. Покинул яхту, потому что по примерным расчетам на точку рандеву мы уже вышли.

Вода приятно захолодила тело, даже неожиданная свежесть в мыслях появилась. Но по мере того, как удалялась яхта, я постепенно начал нервничал все сильнее — вдруг показалось, что перепутал место, и меня ждут сейчас совершенно в другом месте. Но все сделал правильно — просто команда эвакуации дожидалась, пока яхта отойдет подальше.

И когда яркий спинакер стал меньше, сверху мягко опустился не менее яркий конвертоплан — красный с желтым. На тросах подвесной системы в воду, практически без всплеска, вошли Войцех и Гек. Войцех подхватил меня, Гек Жаклин, и я почувствовал, как притяжение тянет меня вверх.

Когда мы оказались в тамбуре пассажирского отсека конвертоплана, хлюпая водой, пол под ногами чуть наклонился — машина поменяла курс. Войцех показал взглядом на Жаклин, и Гек занялся ей, доставая аптечку.

Сама Жаклин уже, сохраняя сознание внешне, как будто отключилась от восприятия мира. Рот чуть приоткрыт, дыхание неглубокое. расширившиеся глаза шальные — спасая психику, у нее видимо просто отключилось эмоциональная реакция на события. И она сейчас воспринимала все в безопасном, энергосберегающем режиме.

Распахнулись двери салона — богато обставленного. После чего я увидел, что в конвертоплане, кроме Войцеха и Гека, находятся дядюшка Абрам, Василий и девушка Василия — в обтягивающем, как змеиная кожа, золотом чешуйчатом платье. Сам Василий, как и дядюшка Абрам, оба щеголяли в смокингах.

Ясно — романтическая прогулка, и теперь понятно почему конвертоплан в такой раскраске. Элитный оператор, устраивающий приватный досуг для богатых и очень богатых.

— Знакомьтесь, — нарушая тишину, произнес я, показывая на спутницу. — Жаклин Петреску. Советник комитета по денежно-кредитной политике Банка Французской Африки в филиале Танганьика.

Гек, кстати, уже успел уколоть ей успокоительное, так что глаза Жаклин закатились, и она обмякла. Датчанин укутал ее в плед и отнес на сиденье, опуская спинку.

— На почве внезапно возникших неприязненных отношений господа Петреску совсем недавно убила Джорджа Линдена, — произнес я, доставая ассистант. Когда нажал воспроизведение, отсек заполнили громкие крики женщины, которая бросила массивную вазу на лежащего Линдена.

— Она должна кричать: «Это тебе за твои грехи», — пояснил я, отдавая ассистант Войцеху.

— С собой ты ее зачем взял?

— Не хочу никого убивать зря, кроме того, она может быть полезной.

— Чем?

— Тридцать три миллиона фунтов.

— Понял.

— Да, кстати, — сменил я тему. — Я потерял вингсьют, да и вообще немало засветился. Нужно примерно понять, когда выйдут на меня, минимальный срок, и быть к этому готовыми. Дядюшка Абрам, — повернулся я, не дожидаясь комментариев Войцеха. — Я тут подумал… если я объявлю себя варлордом, это определенно привлечет немало внимания. Как думаете, сколько времени понадобится на то, чтобы узнать, что Драго Младич и Артур Волков — одно и то же лицо?

После этих моих слов послышался звук — сиплый выдох, какой бывает если человек неожиданно получает удар в живот. Даже оборачиваться не стал — ясно, что это Вася удивился услышанному.

— Две недели минимум. Если проверка начнется сразу после того, как объявление Драго Младичем себя варлордом будет зарегистрировано.

Две недели. Но это без учета «флорентийского друга», который подкинул информацию обо мне Доминике Романо. Но я почему-то уверен, что флорентийский друг — это герцог Алессандро Медичи, и не Доминика на него вышла, а он на нее. Вот уверен, что даже денег поставить готов. И еще готов денег поставить, что от него информация точно на сторону точно не

уйдет.

— Значит, у нас есть две недели, — повернулся я к Войцеху. — Времени мало, и общий план, стратегия и тактика, да и сама миссия меняется.

— Меняется на что?

— Я засветился со всех сторон, так что если…

Я сделал паузу, и вздохнул. А после заговорил, сознательно цитируя кое-кого из прошлой жизни:

— Давным-давно, высокоградские улицы научили меня одному правилу: если драка неизбежна, нужно бить первым. Так что нам сейчас остается только бить первым, и разнести все будки, не то что попадающиеся на нашем пути, а только собирающиеся это сделать. Будем играть на опережение. Оправляй своему сообщение что все выполнено, пусть делает что обещал — отдает нам каннибалов. Начнем с них.

— Отличный план, — кивнул Войцех задумчиво. И даже большой палец продемонстрировал, показывая, что оценил. — И как мы это сделаем?

— С чувством, с толком, с расстановкой. Все, парни, собрались, нам предстоит много работы, — даже похлопал я в ладоши. — Этому городу нужны новые герои! Давайте, давайте, takeit to the next level! Чтобы убить дракона, надо самому стать драконом!

Глава 15

— Войцех.

— Артур.

— Войцех, да это блудняк какой-то.

— Если что, сегодня вечером, я тебя предупреждал, — ровным голосом ответил Войцех.

— В смысле мне так прыгать? — еще раз переспросил я.

— Ну ты же потерял вингсьют.

— А запасного нет?

— Это штучный товар, я и так совершил…

Воцеха прервал сухой и возмущенный кашель.

— …дядюшка Абрам и так совершил чудо, когда смог найти тебе чистый вингсьют, который ты так красиво похерил.

— А с обычным парашютом? Я попаду на крышу, проблем не будет.

— Артур.

— Я.

— Мы на коммерческом конвертоплане, который пусть и обеспечивает нам приватность прогулки, но у нас есть всего три согласованных маршрута полета, которые Василий, — Войцех кивнул Васе и его прекрасной даме, — подарил своей избраннице.

— Первый вариант наших действий заключался в том, что мы поднимается высоко — очень высоко, и оттуда ты летишь обратно в башню Некромикона на крыле. Этот вариант предполагает, что даже если тебя засекут, а тебя скорее всего засекут, то с конвертопланом его не смогут связать. Если же ты покинешь борт на парашюте, конвертоплан с твоей эвакуацией свяжут сразу же, учитывая, что мы кружили на границе частной территории и опускались к самой воде. Свяжут потому, — перебил меня Войцех, что парашюта лишнего у нас нет. У нас даже нелишнего парашюта нет, а взять отсюда — ну это как расписаться под твоим фестивалем в Вилладже.

— Я и так там расписался.

— Косвенно. Все поймут, что это был ты, но прямых доказательств нет. Все все понимают, но сказать не могут. А с парашютом это доказательства будут уже не косвенные, и если ты…

— Понял я, понял. С какой высоты мне прыгать?

— Артур, если ты не хочешь, мы можем вернуться обратно к морю, там ты вместе с Геком спустишься в воду, комфортно доплывешь до берега и просто по второму разу поднимешься в

башню Некромикона…

— С какой высоты прыгать? — повторил я вопрос.

— У Василия забронирован стол в ресторане «Небо 111», и подлетая к нему, мы пройдем на малой высоте над башней Некромикона. Не очень высоко, но… — чуть поморщился Войцех. — В общем, высота не очень большая.

— Метров сколько?

— Ну как этажа с третьего-четвертого прыгнуть.

— С третьего, или с четвертого?

— Если момент поймаем, то получится как почти с третьего.

— Так метров-то сколько?

— Да зачем тебе эти метры, успокойся. Тебя ждет Николетта Агилар, она девушка смышленая и сможет сделать так, что если вдруг что, ты без задержек попадешь в медицинскую капсулу.

— Потрясающая перспектива.

— Других подходящих сегодня не завезли, извини. Ну, если не считать повторного входа в башню Некромикона…

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— Да ладно, Артур, где наша не пропадала. Давай, давай, take it to the next level! — ободряюще похлопал меня по плечу Войцех. — Чтобы убить дракона, надо самому стать драконом!

Глава 16

Николетта вот уже третий час ждала Массимо. Расположившись на широком диване приватной переговорной, она пыталась собраться с мыслями и осознать все произошедшее с ней за последние несколько дней. Несколько дней, за которые ее жизнь совершила настолько крутой поворот, что в это просто не верилось.

Она теперь — владеющая одаренная. Разум просто отказывался понимать и принимать это как данность. И наивно-смешными казались ей сейчас мысли и чувства, испытанные примерно год назад. Когда ее жизнь совершила первый крутой поворот, и как тогда она думала, что ничего более экстраординарного с ней случиться не может.

С малых лет Николетта, сколько себя помнила, находилась в центре событий. Менялись калейдоскопом люди и окружение — учителя, знакомые, страны, увлечения и хобби. Она постоянно меняла сферы деятельности, постоянно чему-то училась и достигала новых высот. Практически никогда не останавливаясь: за этим пристально следили ее наставники.

И, как Николетта поняла совсем недавно, с самых малых лет ее провоцировали на применение дара владения. Который у нее никак не проявлялся. Практически никак: потому что с малых лет она была эмпатом. Николетте — то, что она чувствует чужие эмоции, а иногда даже читает мысли других людей, казалось естественным. И далеко не сразу она — годам лишь к шести, поняла, что остальные вокруг подобными способностями не обладают.

Из-за способностей к эмпатии друзей у Николетты не было. Никогда. Все же чувствовать истинные эмоции других людей — не то условие, когда можешь рассчитывать найти человека для близких дружественных отношений. Тем более в ее ситуации: в любой сфере деятельности Николетту настраивали всегда на безоговорочную победу.

И Николетта, как прилежная ученица, всегда привыкла если не побеждать, то стремиться к победе — будь то спорт, учеба или отношения в коллективе. Побеждать, добиваясь целей упорным трудом, причем очень часто в экстремальных условиях.

Сейчас, с высоты всех своих девятнадцати лет Николетта понимала, что ко многим своим победам она шла по старательно выставленным флажкам на подготовленных дорожках. На дорожках, которые должны были привести ее дар к пробуждению. И, тщательно анализируя некоторые события, Николетта теперь

понимала и вспоминала, где и когда кого-то из ее соперников искусственно двигали, или даже убирали с дистанции.

Но несмотря на общую загруженность и часто крайне экстремальные особенности собственной юности, Николетта сейчас как никогда понимала: несмотря на насыщенную событиями жизнь, росла она все же в благожелательной обстановке.

В тепличных условиях. И большинство конфликтов и щекочущих нервов событий — таких как прыжки из стратосферы, или гонки Формулы-3, в одной из конюшен которой она некоторое время была пилотом, являлись управляемыми. Сейчас она даже склонялась к тому, что проблемы с кислородом во время подледного дайвинга за полярным кругом также возникли искусственно. И то, как ей тогда оперативно помогли у самой черты, говорило в пользу версии об искусственно возникающих критических, провоцирующих ее ситуациях.

Провоцирующих безрезультатно — дар у Николетты так и не активировался.

И весь искусственный экстрим закончился после семнадцати лет, после второго совершеннолетия. Как отрезало. Целый год у Николетты выдался просто чудесной, свободной и беззаботной жизни. За весь год она даже с Доминикой не общалась ни разу, за исключением дежурных поздравлений на праздники.

Хрустальная оболочка этого мира начала рушиться в восемнадцать лет, когда Николетта пришла на работу в корпорацию Некромикон. Пришла, конечно же, по проекции Доминики Романо.

Чуть больше года Николетта уже работала в корпорации, и за этот год у нее выдался буквально взрывной карьерный рост — ее даже не тянуло по ступенькам карьерной лестницы, ее поднимало вверх словно на лифте. В первые три месяца Николетта даже увлеклась, еще не понимая происходящее. Свой карьерный рост, как и осознание собственных успехов, доставляли ей истинное наслаждение.

Опять же, как теперь Николетта осознавала, достигала всего она не только из-за своих личных данных. Сейчас она прекрасно видела и понимала, что вокруг нее всегда были и есть такие же умные, деятельные, образованные специалисты. Вот только ни у кого из них не возвышалась за спиной тень Доминики Романо.

Матерью у девушки ее не получалось называть даже в мыслях — она не воспринимала сеньору Романо в этой ипостаси. Тень Доминики — холодная, до слабости в теле пугающая, постоянно чувствовалась рядом. Как в детстве, так и в юности. И ее присутствие рядом — самое страшное, что случалось с

Николеттой за всю ее уложившуюся в девятнадцать лет жизнь.

До семнадцати лет Доминика почти все время, незримо, присутствовала рядом. Год свободы, до восемнадцати — совершеннолетия по меркам гражданского кодекса для людей, не владеющих даром, промелькнул ярко и быстро. И после ее восемнадцатилетия Доминика приблизила Николетту к себе. Теперь уже полностью войдя и оставшись в ее жизни.

Доминика Романо последние семь лет занимала в корпорации Некромикон должность оперативного советника руководителя службы внутренней безопасности африканского направления. Перебравшись в город-остров Занзибар из Флоренции, когда на африканском континенте развернулась война корпораций.

Несмотря на то, что Доминика была «советником», Николетта за время работы поняла, что ее мать — самый настоящий серый кардинал в башне корпорации, и ей открыты любые двери. Причем открывать она могла их, условно, даже ногами — потому что в кабинет главы филиала «Занзибар» Доминика заходила для того, чтобы Ричард Уильямс ей докладывал о положении дел, а совсем не наоборот.

Докладывал Доминике Ричард Уильямс до самой своей недавней трагической гибели в башне Некромикона в Хургаде. В тот день от возможной смерти — из высшего руководства, как знала Николетта, никто не уцелел, Доминику спасла чистая случайность. Важный вызов из Лондона, как итог долгого расследования — в результате чего Доминика опаздывала на доклад к Бланке Рыбке.

По плану Доминика должна была прибыть в Хургаду с эвакуационной группой, для того чтобы арестовать предателя интересов корпорации, Стивена Робинсона. По факту прибыла Доминика в Хургаду как раз к тому моменту, когда горящий небоскреб начал складываться, обрушаясь.

Кроме тайной должности советника в службе внутренней безопасности корпорации, Доминика Романо являлась главой итальянской группировки, контролирующей немалую часть улиц Занзибара. В этой группировке, контролирующей более трети криминальных районов мегаполиса, кроме уличных банд состояло более двадцати штампов, пятидесяти неасапиантов и около сотни подготовленных и хорошо экипированных бойцов.

Контроль улиц являлся всего лишь ширмой, а по факту почти две сотни профессиональных элитных бойцов были одним из нелегальных отрядов корпорации. Одно из серых подразделений, с помощью которых Некромикон решал «оперативные вопросы» в Африке и на ближневосточном направлении. Решал вопросы там,

где официально и легально решить их было нельзя.

Конечно, корпоративная деятельность Доминики была хорошо замаскирована. Замаскирована так хорошо, что даже бандит средней руки Лучано Стабене решил, что может подвинуть Доминику в городской криминальной иерархии. Подвинуть в тот момент, когда Доминика из-за обрушения башни Некромикона в Хургаде оказалась по горло в делах. Настолько закопавшись в решении возникающих лавиной проблем, что на некоторое время просто исчезла из поля зрения криминальных авторитетов мегаполиса.

Почему обо всем этом Николетта была так хорошо осведомлена? Потому что после стажировки и двух месяцев практики, продолжая подниматься по карьерной лестнице корпорации, она начала периодически выполнять обязанности личного секретаря Доминики. Непостоянно, а в основном на важных встречах. Важных, и специфических встречах.

Это были не только важные переговоры, когда Николетта должна была сообщать Доминике о предполагаемых намерениях собеседников. Сопровождая Доминику в самые разные места, Николетта сполна увидела изнанку мира.

Страх и понимание пришли в первый же день выполнения обязанностей личного секретаря Доминики. Когда, сразу после назначения на должность, Доминика и Николетта отправились инкогнито, сопровождаемые всего двумя телохранителями, в нижние районы мегаполиса. На, как оказалось, допрос одного из двойных агентов корпорации. Который — по подозрению аналитической службы, решил вести не двойную, а уже тройную игру.

Из досье Николетта узнала, что подозреваемый являлся работником корпорации Некромикон, на которого пару лет назад вышли вербовщики из «СМТ». Ему хватило ума обратиться в службу внутренней безопасности, и через него долгое время управляемо и дозированно сливали конкурентам нужную информацию. Но в какой-то момент появилось подозрение, что агент сливает не только «нужную» информацию, ведя уже не двойную, а тройную игру.

Допрос вела сама Доминика, а Николетта, используя свои способности эмпата, должна была подтвердить ее предположения. И когда она почувствовала и сообщила, что агент врет, его прямо на месте казнил Гуидо «Бульдог» Роджери — грузный и краснолицый телохранитель Доминики, который фактически управлял уличной частью группировки Романо. Управлял той ее частью, которая контролировала нижние улицы мегаполиса, а не являлась инструментом корпорации в необъявленных войнах.

И в тот момент, когда казненный агент, хватаясь за перерезанное горло упал со стула, сама Николетта упала в обморок. А придя в себя поняла, что до этого момента смотрела на окружающий мир словно через узконаправленные розовые очки.

Выполняя обязанности личного секретаря Доминики, Николетта все сильнее погружалась в изнанку жизни — видя настоящее положение дел и в красных и желтых, криминальных районах протекторатов, и без прикрас наблюдая методы работы корпорации.

Прекрасно понимая, сколько жизней стоит то или иное решение Доминики, Николетта не спала ночами, осознавая, насколько окружающий мир — за границами привычного благополучия, жесток и несправедлив.

Подобные допросы, с казнью на месте, после случались очень редко. И Николетта догадывалась, что не случайно Доминика выбрала именно такой повод, чтобы приобщить ее к своей работе. Но даже без прямого наблюдения, все равно она — пусть и на расстоянии сухих докладов, видела убийства и предательства интересов, сломанные человеческие судьбы и жизни, даже самый настоящий геноцид. Не только в интересах корпорации, но и не в последнюю очередь в личных интересах самой Доминики.

Кроме того, в роли сопровождающей Доминики Николетта побывала на нескольких закрытых мероприятиях. Особенно ее впечатлили (в плохом смысле) вечеринки в стиле «Плоть и кровь», популярные в узких кругах высшего света протекторатов Африки и Азии. протекторатов, как их называли, «…к Востоку от Суэца». Это были мероприятия, где Николетта увидела буквально реки крови — смертельные гладиаторские бои и самые настоящие пытки в антураже сексуальных оргий.

От происходящего девушка испытывала серьезные проблемы с психикой, и только страх удерживал Николетту от того, чтобы не сбежать от всего этого. Страх перед Доминикой. Николетта боялась ее, боялась до дрожи в коленях.

Это был страх, который получалось подавить, но этот страх жил с ней и никуда не уходил вот уже почти год. Но сегодня, почти умерев, Николетта неожиданно для себя почувствовала, что страх перед пугающей, постоянно присутствующей за плечом фигурой матери ушел. Николетта словно задышала полной грудью, избавившись от постоянно живущего с ней страха.

Ощущение было настолько невероятным, что сейчас Николетта то и дело улыбалась, глядя в пространство. Во время одной из такой улыбок, когда она невидящим взглядом смотрела вдаль, просто наслаждаясь безмятежным спокойствием, ее отвлек

негромкий писк зуммера, заставив обернуться. Как раз в тот момент, когда дверь переговорной распахнулась, и в помещении зашла Доминика.

Выглядела Доминика совершенно спокойно и бесстрастно. Но Николетта по неуловимым признакам, успев изучить ее, видела — женщина в ярости. Что и подтвердила хлесткая пощечина, которой Доминика наградила Николетту, едва лишь дверь в переговорную захлопнулась.

Удар был настолько сильный, что Николетта упала на диван, на бок, закрывая лицо руками. Но при этом она, несмотря на ожегшую щеку боль, испытала просто невероятные чувства. Это было нечто сродни ощущению полета — чувство, что даже боль больше не страшна.

«Я не боюсь» — сама себе, чувствуя самое настоящее счастье, сказала Николетта.

Полежав немного, Николетта выпрямилась, отняла руки от лица и посмотрела на Доминику.

— За что?

— Сама не догадываешься?

— Нет.

— Я тебе что сказала? Сообщать мне о любом важном событии связанным с Драго. Почему я узнаю о том, что он избил Рея как-его-там Хьюза не от тебя, а от Итона Харди-Боулза?

— Так Рей получается Итону сосет? — удивленно протянула Николетта.

Отсутствие страха опьяняло, и позволяло допускать прежде немыслимые вольности в общении с Доминикой. Но тут же за вольность наступила расплата — Николетта получила еще одну обжигающую, и более сильную пощечину, уже по другой щеке.

Коротко взвизгнув, и вновь упав на диван, Николетта некоторое время лежала, закрыв лицо руками. И по-прежнему даже наслаждаясь происходящим. Хотя щека в этот раз горела жжением гораздо сильнее.

Она не боялась. И испытываемое ей сейчас чувство было похоже на эйфорию — ощущение свободы от страха буквально окрыляло. Доминика Романо теперь перестала быть для нее чем-то ужасным.

Ощущение подвластной стихийной силы, и касание богини, которое испытала Николетта стоя на пороге смерти, просто перевернули ее мировоззрение. Гораздо сильнее чем тогда, когда агент с перерезанным горло хрипел на полу, а Николетта — падая в обморок, понимала, что ее предыдущая благополучная жизнь закончилась.

Сейчас же Николетта видела и понимала, что Доминика —

обычная женщина. Пусть невероятно влиятельная и донельзя опасная. Но она больше не внушала ей леденящего душу ужаса, который сковывал и подчинял волю.

— Ты выпила что-то?

— Да. Два мартини, так получилось, — произнесла Николетта, выпрямляясь и убирая локоны с лица.

Она была умной девушкой. И теперь, позволив себе лишь один раз некоторую развязность, решила вести себя в присутствии Доминики Романо как и прежде — подчеркнуто вежливо. А вот Доминика сегодня определенно не слишком контролировала эмоции. Николетта почувствовала, как обожгло кожу на затылке — это Доминика, шагнув вперед, схватила ее за хвост волос и потянула вниз, заставляя поднять голову.

— Я задала вопрос, — отчеканила Доминика, нависая сверху и глядя Николетте глаза в глаза.

— Массимо попросил меня организовать ему проход на самый верхний этаж с возможностью покинуть здание на вингсьюте. Я подумала, что не стоит тебя отвлекать и…

Кожа головы вспыхнула болью, когда Доминика еще раз рванула Николетту за волосы, и очередная пощечина ожгла щеку.

Вот это уже лишнее — мелькнула у Николетты мысль, вместе с волной злого раздражения. Всему есть предел. И даже понимая, что лучше промолчать, Николетта понимала и то, что удержаться уж не может. Она даже приоткрыла рот собираясь сказать, что все, хватит. Довольно небрежения, которое она терпеть больше не будет.

Хотела сказать, но не сказала. Потому что вместе с перехлестывающим здравый смысл раздражением, перед взором упала красная, даже оранжевая пелена, выкрасив весь мир в теплые тона. Доминика, собирающаяся что-то сказать — что-то наверняка обидное и хлесткое, вдруг отшатнулась и на несколько мгновений потеряла самообладание.

Николетта это не чувствовала — Доминика была одной из немногих людей, обладающим ментальным щитом. Обладающим действенным ментальным щитом — потому что эмпатия Николетты, как она уже давно поняла, была настолько сильна, что обычные уровни защиты обычных корпоратов среднего звена Николетта преодолевала легко.

Эмоции у Доминики, как и у большинства высоких руководителей корпорации, у Николетты считывать не получалось. Но сейчас испуг Доминики оказался виден невооруженным взглядом — потому что женщина на миг утратила над собой контроль. Она отшатнулась, а лицо ее исказило гримасой удивления и страха.

Мир для Николетты в этот момент еще более сильно окрасился в красно-оранжевые оттенки. Ей показалось, что даже вспышка сверкнула; пару мгновений она вообще видела все так, как будто зрение перешло в инфракрасный режим. Но замеченная реакция Доминики помогла справиться с раздражением, и зрение у Николетты вернулось в обычное состояние.

Доминика замерла, почти сразу вернув себе самообладание. Несколько долгих, очень долгих секунд прошли в тишине.

— Ты уже коснулась стихии и набрала силу в Источник? — спросила Доминика.

Заданный вопрос помог Николетте понять, что произошло: она, получается, только что сверкнула глазами, показывая наличие силы. Вот только все знания Николетты говорили о том, что без сбора энергии этого происходить не должно.

— Да, — практически без запинки и задержки соврала Николетта.

Николетта была умной девушкой. Она решила соврать, а спросить Массимо о произошедшем чуть позже.

Поскорей бы он только пришел.

— Вопрос, почему ты мне об этом не доложила, я даже задавать не буду, — опасно тихим и спокойным голосом протянула Доминика. Она вдруг вытянула руку вперед, и на ее раскрытой ладони материализовался голубой кулон-инклюз.

Точь-в-точь как тот синий яхонт, который до недавнего времени висел на шее Николетты. Синий яхонт, который превратился в яхонт красный. И Николетта сейчас порадовалась, что на ней глухой, под горло, корпоративный костюм. Который не открывает шею и не дает возможности Доминике увидеть отсутствие амулета.

— Это астральная копия твоего защитного кулона, — все тем же ровным, опасно-спокойным голосом произнесла Доминика. — Истинный инклюз. Именно он был создан сначала, а уже после, на его основе, в реальность перенесли тот кулон, который сейчас защищает тебя. И если ты еще раз вздумаешь сверкнуть так на меня глазами…

Доминика сделала паузу, и сжала рукой кулон.

Николетта широко открытыми глазами смотрела на мать, совершенно не понимая, что именно сейчас должно случиться.

Но по спине у нее вдруг провело ледяным холодом — это было самое настоящее дыхание смерти. Перед внутренним взором появилась череда мыслеобразов — чужих мыслеобразов, а холодом смерти в спину дохнуло ощутимее. Теперь понимание пришло мгновенно.

Повинуясь чужой воле, Николетта схватилась за горло, и со

сдавленным криком сползла с дивана. Она рухнула на колени и почти сразу уткнулась лицом в пол, захрипев словно в попытке вздохнуть. При этом Николетта практически не испытывала никаких сильных неудобств — но умело делала вид, что ей очень плохо.

И делала все это Николетта по воле богини. Богини, как будто вставшей за ее спиной и показавшей, как сейчас нужно себя вести.

— Поднимайся, — холодно произнесла Доминика.

Николетта, сипло задышав, полежала еще немного, демонстрируя раздавленную беспомощность. После чего она с трудом, неуверенно поднялась на ноги. На мать Николетта больше не смотрела, прятала глаза в пол.

— Если ты еще раз пожелаешь сверкнуть на меня глазами подобным образом, ты просто умрешь. Твоя жизнь — в моих руках. Это понятно?

— Да.

— А теперь повтори еще раз, чем ты руководствовалась, когда решила выполнить просьбу Драго, не сообщив об этом мне.

— Я подумала, что не стоит тебя отвлекать.

— Ты подумала.

— Да, — подавленным шепотом ответила Николетта.

— Дорогая моя дочь. Думать тебе еще рано. Все то, что выходит за рамки простейших человеческих потребностей в твоей жизни должно быть согласовано со мной. Это понятно?

— Да, — тихо прошептала Николетта.

— Я не слышу.

— Да! — громче, и неожиданно для себя резко, ответила Николетта.

Глаза Доминики расширились, а на лице появилось опасное выражение.

— Прости меня, пожалуйста, — заговорила Николетта. — За последние дни произошло слишком много всего, у меня банально плавиться голова, я не… я не управляю своей жизнью, и своими мыслями, но…

Николетта, сохраняя полную ясность мыслей, внешне выглядела потерянной и абсолютно растерянной. И с благодарностью, продолжая лепетать оправдания, вспомнила театральный кружок, где она — по собственной личной традиции, считалась лучшей актрисой.

Доминика, жестом прервав сбивчивые объяснения Николетты, прошла через помещение переговорной и села за стол. Некоторое время она посидела, внимательно наблюдая за дочерью, которая осталась стоять, не смея сесть и даже поднять глаза.

— Когда-то давно, когда мне было шесть лет, отец меня учил плавать. Это было на Капри. Он тогда просто взял, и скинул меня со скалы в волны. Как оказалось, подобным образом его учил плавать дед. Плавать я тогда, конечно, не научилась, но на берег по скалам выбраться смогла.

Николетта рискнула посмотреть на Доминику исподлобья, но та, увидев ее взгляд, не выказала никакого раздражения.

— Присядь, — мягко сказала Доминика, показывая Николетте место напротив себя.

На деревянных ногах Николетта прошла ко столу и села в кресло. С прямой спиной, руки сложены на коленях, взгляд передо собой.

— Я, если честно, не надеялась, что у тебя проснется дар. Но… человек предполагает, Бог располагает. И сейчас я жалею, что не воспитывала тебя с самого детства так, как воспитывали меня. Знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что сейчас, когда у тебя проснулся дар, тебе открыт путь на самую вершину мира. Но если ты окажешься к этому неготовой, тебя просто сожрут. Твой друг Драго, которого ты называешь Массимо, и который оказался выброшен на обочину этой жизни, показательный для тебя пример. Он мог стать великим, а стал пылью под чужими ногами. Глядя на него, всегда помни об этом.

Некоторое время Доминика молчала.

Николетта тоже молчала. Внешне она сохраняла покорную невозмутимость. Но удавалось ей это с трудом. Потому что Николетта чувствовала — она, понемногу, начинает ощущать пробивающиеся сквозь щит эмоции Доминики.

Очередное касание богини, которая только что подсказала Николетте что делать и как себя вести, словно добавили девушке сил, выведя ее возможности на иной, более высокий уровень.

— Я твоя мать, — продолжила между тем Доминика. — И я не дам никому возможности тебя сожрать. Сейчас, когда ты еще слабая, я могу тебя защитить. И я сделаю так, что когда ты поднимешься еще выше — туда, куда моя протекция не будет распространяться, ты сможешь защитить себя сама. Это понятно?

— Да.

— И еще. Самое главное. Когда ты окажешься наверху, когда перед тобой откроются все пути и невероятные возможности обладания властью, ты мне обязательно скажешь: «Мама, спасибо тебе, за то, что была такой сукой».

Отвечать Николетта не стала, так и сидела, глядя на сложенные на коленях руки.

Всеми силами она сдерживалась, чтобы сохранить бесстрастный вид и не показать объявший ее ужас. От которого у нее перехватила горло — потому что она уже в полной мере ощутила эмоции Доминики.

Доминика Николетту в своем будущем просто не видела. Она сейчас озвучивала откровенную ложь, и Николетта была для нее не более чем пустым местом. Но при этом… очень важным пустым местом. Приговоренным к… чему?

— С завтрашнего дня ты начинаешь встречаться с Драго, — произнесла между тем Доминика. И именно эти слова, осознаваемый их смысл, помог Николетте справиться с собственными эмоциями.

— В статусе твоего кавалера он должен быть вместе с тобой завтра на благотворительном вечере Творческого центра Илоны Маевской, который будет проходить в особняке сэра Джона Холдена. Ваше присутствие там обязательно.

— Поняла.

— С сегодняшнего дня Драго зачислен старшим оперативным специалистом в службу внутренней безопасности корпорации. В его должностных обязанностях есть пункт о необходимости обеспечения твоей личной безопасности. Кроме того, Драго, по моему приказу, в ближайшее время объявит себя варлордом и получит контракт на твою личную охрану.

— Поняла.

— Он теперь должен будет почти постоянно находиться рядом с тобой. Не размусоливай пожалуйста слишком долго, и затащи его в постель как можно быстрее. Это очень важно. Ясно?

— Да.

— Отнесись пожалуйста ко всем моим словам и пожеланиям серьезно, — на прощание произнесла Доминика. После чего поднялась и покинула переговорную.

Николетта еще долго и сидела в прежней позе, даже не шевелясь.

Ей снова было страшно. Но сейчас она боялась уже не Доминики, а будущего. Потому что эмоции Доминики, которая относилась к ней как… как…

Как к ценному, но одноразовому инструменту — вдруг поняла Николетта.

Это осознание совсем не добавило хорошего настроения, лишь очертив самые разные и мрачные перспективы. И из-за общего напряжения глухой удар, а после треск кустов, раздавшиеся с террасы, заставили ее вздрогнуть всем телом.

Выбежав на открытую площадку, Николетта никого не увидела. Но при этом она ощутила знакомую ауру, и самый

разный спектр эмоций. Замерев, она осматривалась по сторонам, как вдруг из кустов раздался сдавленный смех.

Продравшись через заросли, Николетта увидела лежащего на земле Массимо, который своим падением смял фигурную композицию куста.

— Вот это прикол, — сдавленно и на русском языке проговорил Массимо, сдерживая смех. — Помоги подняться, пожалуйста, — посмотрел он снизу вверх на Николетту.

Девушка опустилась на колени, и взяв Массимо за руку, помогла ему подняться.

— Ох-о-хох… — протянул тот снова русском, — что ж я маленький не сдох… Как у тебя тут, все под контролем?

Николетта попыталась было ответить, но горло у нее перехватило. На глаза навернулись слезы и она, перестав себя контролировать, обняла Массимо и разрыдалась. Понимая, что это — неожиданно, первый и единственный ее близкий человек на всем белом свете. Тот, кому можно рассказать все без утайки, и тот, кому можно довериться.

Доверить свою жизнь.

Потому что Массимо — тот единственный, кто может спасти ее от неминуемой…

Смерти?

Забвения?

Или спасти от чего-то другого, что много хуже смерти и забвения?

Да — появилось страшное понимание.

Спасти от чего-то, что страшнее и смерти, и забвения. Потому что от направленных на Николетту эмоций Доминики, которые полно и четко остались в памяти девушки, веяло могильным холодом бездны гораздо страшнее, чем от дыхания богини смерти.

Послесловие

Эту книгу вы прочли бесплатно благодаря Телеграм каналу *Red Polar Fox*.

Если вам понравилось произведение, вы можете поддержать автора подпиской, наградой или лайком.